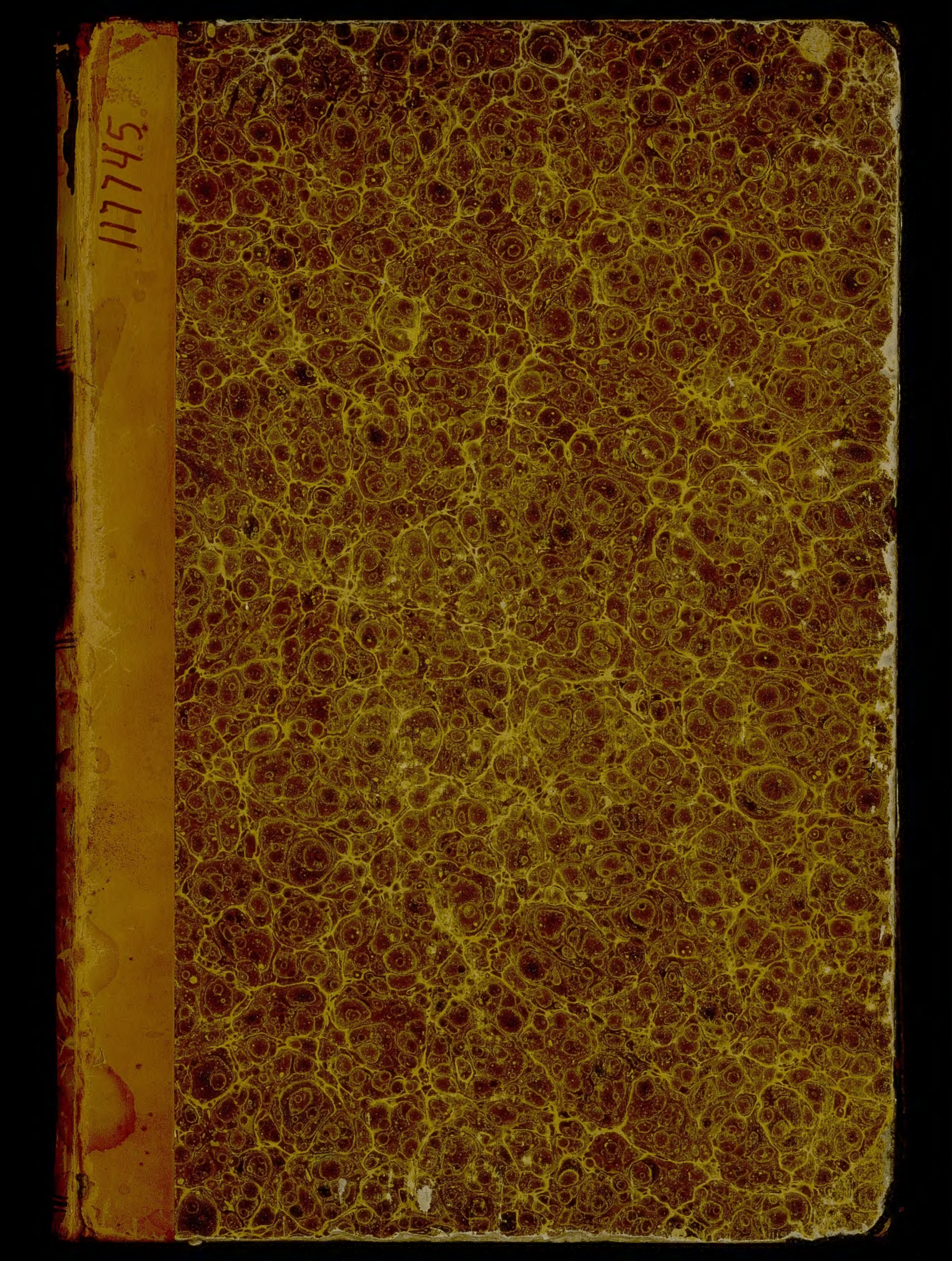

117745.

Loccb Lichtenstaedt, J. R. Die asiatische Cholera in Russla
Locke, 1830. 11105.-- Idem, in d. Jahren 1830 – 31. 18011. –
7486.—Id Gebiete d. Lebens-Magnetismus. 12917. – Platon's
Traité du g te d. Naturforschung u. d. Heilkunde. 1520
7418. Freih. von. Gesänge d. Oper Gustav. 18
Locré, le B-n. La légi Manuale bibliografico del viaggiato
la France. 2359.
Loderus, J. 1) Examen solen rjy). 7715.
Das öffentliche Examen auf a cordis. Dissert. 17474.
insignia imperii suscepit imperat Trauerspiel. 17105.—Re
men Lycei imperatorii 5—7 Julii 18 ders I. 17236.
von Schulen... 6) Invitatio ad examen ... 12650.
9 – 11 Julii 1739...—7) Arndts Gedanken über Körper.
nen Wissenschaften in Liefland.)—8) Des Ko chung üb
z. Nachdenken angewiesen. 15595. égétale
Lodoik, ou leçons de morale. 11152. ph
Loeffler, A. Fr. Handbuch d. wissenwürdigsten... neueste
kungen u. Entdeckungen. 18222.
Loeffler, E. R. Hartmann's Hypothese üb. d. assimilativ-b
tende Function d. Leber. 18187.
Loehe, W. Von d. Kirche. 14988. –Haus-, Schul- u. Kirche
Christen. 16483.
Loehneys, G. E. von. Hof-Staats- u. Regier-Kunst. 6482.
Loeillot. Nouveaux éléments de grammaire russe. 7385.
Loescher, V. E. Theologische Annales, 1701 –1710. 12325
Loeschke, K. J. Erzählungen. 16227.
Loeseke, J. L. Materia medica. 18010.
Loetschert, P. Anleitung z. zweckdienlichen Gebrauche d.
cher Mineralwassers. 18161.
Loève Veimars, A. Le Népenthès. Contes. 10686. – Résumé
toire de la littérature allemande. 14197.
Loevy, E. Ein Beitrag z. Casuistik d. Endocarditis ulcera
sert. 17686.

ГЛАВНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Р.С.Ф.С.Р.

А. Потанина

1.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

ПО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ, МОНГОЛІИ, ТИБЕТУ И КИТАЮ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

А. В. ПОТАНИНОЙ.

Съ біографіей, портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и 34 политипажами въ текстѣ.

Изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

МОСКВА.
Типографія Елизаветы Гербекъ, 2-я Мѣщанская, домъ № 26.
1895.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Александра Викторовна Потанина, скончавшаяся въ 1893 году, въ Китаѣ, оставила [illegible] неизгладимую память въ исторіи [illegible]. Неутомимая путешественница, [illegible] по Сибири, Монголіи, Тибету, Китаю [illegible] своего супруга, Григорія Николаевича Потанина, [illegible].

[illegible]

[illegible]

[illegible] служить Отдѣленію [illegible]. [illegible] 700 р., а именно были получены отъ И. М. Сибирякова — 200 р., отъ В. А. [illegible] — 25 р., отъ [illegible] — 11 р., [illegible] П. И. [illegible] — 11 р. и отъ Г. Н. Потанина — 150 р. [illegible]. Отдѣленіе [illegible] [illegible] [illegible].

Въ заключеніе, Отдѣленіе считаетъ пріятнымъ долгомъ [illegible] Д. Н. Анучину(?), [illegible] Г. Н. Потанину, [illegible] Е. А. [illegible].

Предсѣдатель Географическаго Отдѣленія
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи
Д. Анучинъ.

Александра Викторовна Потанина.

Біографическій очеркъ.

Покойная Александра Викторовна Потанина, супруга извѣстнаго путешественника Григорія Николаевича Потанина, принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ женщинъ, которыя были дѣятельными помощницами и сотрудницами мужей, посвятившихъ себя беззавѣтному служенію наукѣ, и которыя дѣлили съ служителями науки всѣ ихъ труды, лишенія и славу, — каковы О. А. Федченко, супруга извѣстнаго путешественника въ Туркестанѣ, и г-жа Черская, сопровождавшая своего мужа въ его экспедиціи на сѣверо-востокъ Сибири, въ Якутскую область. Эти женщины не только содѣйствовали своимъ мужьямъ въ ихъ трудахъ и помогали имъ переносить лишенія, но и служили для нихъ огромной, нерѣдко ничѣмъ незамѣнимой, нравственной поддержкой, удваивая такимъ образомъ силы и энергію дѣятелей, отдавшихъ обществу свою жизнь. По справедливому замѣчанію покойнаго Н. М. Ядринцева, если чѣмъ можетъ отличаться дѣятельность женщины въ исторіи человѣчества, то, конечно, не тѣмъ, сколько драмъ и трагедій было изъ-за ея обаятельныхъ чаръ, сколько жертвъ было принесено ей, какъ идеалу красоты и женственности, — а тѣмъ, сколько внесла она мира, любви и довольства, насколько она участвовала въ достиженіи общаго человѣческаго счастья, сколько жертвъ принесла она сама на пользу и благо человѣчества.

Въ этомъ отношеніи жизнь Александры Викторовны заслуживаетъ особеннаго вниманія: она даетъ намъ лучшее свидѣтельство того, какъ строго понимала покойница свое назначеніе и какъ вѣрно шла она по разъ избранному пути, перенося всѣ трудности, нужду и лишенія, — рука-объ-руку съ человѣкомъ, всю свою жизнь отдавшимъ безкорыстному служенію наукѣ и обогатившему послѣднюю столь цѣнными изслѣдованіями.

II

О родныхъ и дѣтствѣ Александры Викторовны мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, благодаря оставленнымъ ею рукописнымъ автобиографическимъ запискамъ, которыя она начала во время своего послѣдняго путешествія.

Мы приводимъ здѣсь полностью эти записки, носящія въ рукописи названіе: «Записки о моихъ родныхъ и о моемъ дѣтствѣ», и имѣющія помѣтки: «Урга. 1892 г. 23 октября» и «Пекинъ, ноябрь»...

„Отецъ мой былъ священникомъ Знаменской или Муромской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, Викторъ Николаевичъ Лаврскій. Родомъ онъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Прадѣдушка нашъ былъ изъ монастырскихъ крестьянъ, въ духовное званіе поступилъ чтецомъ въ Перевозѣ съ селѣ Кочковѣ (нынѣ Философовыхъ). Дѣдушка Николай Васильевичъ былъ священникомъ въ очень бѣдномъ селѣ. Фамиліи онъ не имѣлъ*), писался по церкви Никольскимъ. Семья у него была большая, жили бѣдно. Бабушка Татьяна Григорьевна умерла 72 лѣтъ. Я уже хорошо ее помню. Она была человѣкъ энергичный и веселый, даже несмотря на старость, смотрѣла на жизнь легко и говорила, что ей умирать не хочется и что «чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше жить хочется»; но когда пришла смертная болѣзнь, она перенесла ее съ терпѣніемъ, не жалуясь, и радуясь тому, что заболѣла, бывши у дочери своей, моей тетки, Капитолины Николаевны, а не у сына, — радовалась потому, что не наемныя руки, не чужія за ней ухаживаютъ въ болѣзни. Несмотря на то, что семья у дѣдушки была большая, бабушка, повидимому, легко справлялась съ ней и умѣла устроить такъ, что старшіе сыновья помогали ей въ ея домашнихъ хлопотахъ и въ нянченьи маленькихъ. Одѣвалась бабушка въ сарафанъ и носила волосы подъ повойникомъ по-бабьи, покрываясь бумажнымъ платкомъ.

Старшій ихъ сынъ былъ Александръ, по фамиліи Флавіовскій; говорятъ, онъ былъ большой щеголь, любилъ богатство и, оставивши духовное званіе, поступилъ на гражданскую службу. Образованіе онъ получилъ въ Нижегородской семинаріи и Московской академіи, потомъ служилъ, если не ошибаюсь, нѣкоторое время профессоромъ въ той же семинаріи; въ это время давалъ уроки въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семействахъ; знаю, что давалъ уроки Бѣлокрылицовымъ; говорятъ, былъ очень красивъ и собой; умеръ въ Тулѣ во время чумы. Другой мой дядя, Андрей Десницкій, тоже ушелъ изъ духовнаго званія, служилъ чиновникомъ горнаго вѣдомства въ Екатеринбургѣ и умеръ тоже мо-

---

*) Какъ не имѣло ея большинство ... въ духовенствѣ, не проходившихъ чрезъ духовную школу, гдѣ самымъ первымъ [illegible] было нарѣченіе новопоступившему фамиліи.

III

[illegible] и не женатымъ. Бабушка очень горевала о немъ и нерѣдко вспоминала о томъ, какъ его провожали на службу на «Панскіе бугры», откуда была видна Волга, — такъ въ Нижнемъ называлась та часть, гдѣ послѣ развели Александровскій садъ. Раньше тамъ жили, говорятъ, плѣнные поляки.

У насъ же [illegible] былъ [illegible] изъ Екатеринбурга — камней, печатей и [illegible]; но [illegible] о жизни Андрея Николаевича не помню. За Андреемъ слѣдовалъ мой отецъ, а за нимъ было еще два брата — Неофитъ и Василій. Они носили фамилію Фалковскихъ. Василій Николаевичъ и донынѣ живъ. Онъ былъ священникомъ сначала въ селѣ Матвѣевѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ Нижній на Гребешокъ, а потомъ — въ Кудьмино, въ Владимірскую церковь, гдѣ теперь священствуетъ сынъ его, Иванъ Васильевичъ, а дядя живетъ у него, теперь почти совсѣмъ уже слѣпой. Неофитъ Васильевичъ учился тоже въ Нижегородской семинаріи, но такъ какъ [illegible] былъ [illegible], но и не могъ поступить въ духовное званіе, былъ чиновникомъ въ гражданской службѣ, впослѣдствіи служилъ въ строительной коммиссіи; затѣмъ переѣхалъ жить въ Одессу и въ послѣдніе годы былъ тамъ мировымъ судьей [illegible] участка. Въ молодости [illegible] очень [illegible], и [illegible] доставлялъ очень много горя бабушкѣ. [illegible] разъ [illegible] его [illegible] былой горячкой; впослѣдствіи отъ пьянства или отъ запоя его лѣчилъ какой-то [illegible], и здоровье его всегда было нѣсколько разстроено. Бабушка послѣ смерти [illegible] жила до самой смерти съ Неофитомъ Николаевичемъ, но часто содержаніе [illegible] падало на отца. Иногда даже Неоф. Ник. и жилъ у насъ, въ то время, когда я была еще совсѣмъ мала. Онъ впослѣдствіи женился, и его женитьба была, пожалуй, самымъ [illegible]. У Неоф. Ник. было двое дѣтей, но сынъ былъ [illegible] и умеръ молодымъ, дочь — Елена Неофитовна — вышла замужъ за учителя одесской гимназіи, Тищенко. Было еще у насъ двѣ тетки: одна — Марья Николаевна — была выдана замужъ за священника въ село Селитьбу, Нижегородской губ., умерла рано; послѣ нея остался сынъ, по фамиліи Медвѣдевъ, но онъ умеръ рано и въ жизни не былъ съ нами близокъ, имѣлъ очень много непріятнаго и нехорошаго. Было подозрѣніе, что онъ былъ шулеромъ. Другая тетка — [illegible] Николаевна — жива до сихъ поръ; она очень рано овдовѣла, была замужемъ за священникомъ въ селѣ [illegible], Горбатовскаго уѣзда. Сколько себя помню, она всегда жила въ Нижнемъ, имѣла троихъ дѣтей; они учились въ семинаріи, а она жила рукодѣліемъ, вязала изъ шерсти валенки и, главнымъ образомъ, жила тѣмъ, что пускала на квартиру семинаристовъ и готовила на нихъ. Старшій ея сынъ, Василій Петровичъ, былъ впослѣдствіи писцомъ

въ [illegible] семинаріи; [illegible] и что уже не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Черезъ годъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] губ., теперь [illegible] [illegible] Соболевы. Съ ними мы теперь не бываемъ.

Отецъ мой очень мало разсказывалъ о своей прошлой семинарской жизни. Разъ только помню, когда мнѣ было лѣтъ 10, я, съ кѣмъ-то изъ другихъ дѣтей играя или разговаривая, выказалъ гордость и превосходство своимъ положеніемъ; вечеромъ, за ужиномъ, отецъ подозвалъ меня къ себѣ и разсказалъ о себѣ маленькую исторію. «Разъ, когда я еще маленькимъ былъ, — говорилъ онъ, — умеръ въ [illegible] семь [illegible]. Въ этотъ день случилась гроза. Я боялся грозы, и потому забился на печку, чтобы не видать, и оттуда услыхалъ, какъ отецъ, думая, что въ комнатѣ никого нѣтъ, говорилъ бабушкѣ: „Мать, знаешь, я думаю опредѣлить Виктора пѣвчимъ въ нашей церкви, въ семинаріи у насъ и безъ него довольно, пусть его хлѣбъ добываетъ, а читать онъ умѣетъ“». Отецъ говорилъ, что онъ просто похолодѣлъ при мысли, что ему всю жизнь придется проводить въ роли деревенскаго дьячка и ничего не видѣть, кромѣ Семиговъ; но бабушка заступилась за него и сказала, что лучше уже и его учить въ семинаріи. «Вотъ, — прибавилъ отецъ, — и былъ бы ты теперь деревенскимъ дьяченкомъ, а не докторомъ сына протоіерея: чѣмъ же тебѣ гордиться передъ другими дѣвочками?» И такъ это на меня сильно подѣйствовало, что я и до сихъ поръ часто вспоминаю и думаю о томъ, какъ мало собственно зависитъ въ нашей жизни наше положеніе отъ насъ самихъ, и какъ много отъ стеченія обстоятельствъ, складывающихся различнымъ образомъ, иногда въ пользу, иногда во вредъ.

Кончивши семинарію, гдѣ отецъ отъ ректора получилъ фамилію «Лаврскій»*), онъ поступилъ въ Московскую академію. Въ это время Московская

---

*) Ректоръ, сказывалъ отецъ, предсказывалъ ему поступленіе въ академію [illegible] и будешь ты [illegible] Лаврскимъ.

академія, кажется, переживала свои лучшіе дни. Только что устроенная въ [illegible] отношеніи митрополитомъ Платономъ, она въ это время процвѣтала въ научномъ отношеніи; философія въ ней была въ почетѣ, и Голубинскій, если не ошибаюсь, былъ любимымъ профессоромъ студентовъ.

Читали въ это время студенты Марлинскаго и Жуковскаго; о Пушкинѣ нечего и говорить: должно быть, это уже само собою разумѣлось. Жуковскаго молодежь академическая встрѣчала съ восторгомъ. Въ академіи отецъ былъ особенно друженъ съ Матвѣемъ Орѣховскимъ, землякомъ, съ которымъ они, возвращаясь на каникулы, уходили изъ академіи пѣшкомъ до Ярославля, гдѣ садились въ лодку и плыли до Нижняго. Отецъ разсказывалъ объ этомъ между прочимъ при случаѣ въ подтвержденіе того, какъ много значитъ, если человѣкъ по внутреннему чувству и такъ сказать безусловно слѣдуетъ своему убѣжденію. Онъ разсказывалъ, что разъ лодка уже была нанята, и хозяинъ [illegible] еще пассажировъ, а когда студенты пришли къ лодкѣ, чтобы ѣхать, то въ ней было множество арестантовъ, которыхъ [illegible] отправлялъ на ярмарку. Молодые люди возмутились такимъ обществомъ и не захотѣли ѣхать, несмотря на убѣжденія хозяина и на его увѣренія, что въ такомъ обществѣ еще веселѣе будетъ. Это отверженіе [illegible] веселаго общества подѣйствовало такъ, что одна изъ двухъ лодокъ, [illegible] разбилась [illegible], и отецъ съ Орѣховскимъ [illegible] горячую благодарность за свое спасеніе, хотя съ ихъ стороны не преднамѣренное.

Отецъ окончилъ академію въ 1834 г.; сперва его послали на службу въ [illegible] семинарію. Что онъ преподавалъ, — не знаю, скорѣе не философію. Тамъ онъ не прослужилъ и года и перешелъ въ Нижегородскую семинарію.

Когда отцу было 27 лѣтъ (въ 1834 г.), онъ женился на моей матери, которой было всего 16 лѣтъ. Она была дочь Василія Григорьевича Владимірова, священника Архангельскаго собора въ Нижнемъ. Домъ ихъ находился въ Кремлѣ, и [illegible] церкви, которыми съ внутренней стороны кремлевскія стѣны были богаты. Изъ переднихъ оконъ дома видъ былъ прямо на Волгу, видно было очень далеко, и мать моя къ этому приписывала свое хорошее зрѣніе и любовь къ красивымъ видамъ.

У дѣдушки только и было, что сынъ и дочь. Сынъ, Флегонтъ Васильевичъ, кончилъ жизнь рано. Послѣ него остался только одинъ сынъ, Анатолій, отъ первой жены, Марьи Степ. Воиновой. Анатолій считается теперь по Сибири жителемъ ночлежныхъ домовъ. Мать моя, Екатерина Васильевна, и теперь еще жива, и отъ нея-то въ дѣтствѣ нашемъ мы и слышали много раз-

сказовъ объ ея ранней жизни и днишихъ родныхъ. Дѣдушка учился въ семинаріи въ то время, когда преподаваніе велось еще на латинскомъ языкѣ. Матеріальная обстановка, должно быть, была въ то время ужасна; голодные семинаристы иногда загоняли обывательскихъ свиней и закалывали ихъ гдѣ-нибудь на задворкахъ, какъ разсказывалъ одинъ изъ братьевъ дѣдушки.

Самъ дѣдушка тоже жаловался на бѣдность, которую онъ испытывалъ въ первые годы въ училищѣ и въ семинаріи. Онъ былъ сынъ дьячка и потому денегъ у него совсѣмъ не водилось, а между тѣмъ, кромѣ ѣды надо было денегъ и на бумагу, и на книги, и на перья. Дѣдушка очень рано сталъ зарабатывать эти необходимые себѣ гроши, дѣлая перочиннымъ ножемъ птичьи клѣтки. Затѣмъ онъ сталъ переписывать учебники и словари, печатныхъ книгъ было мало и семинаристы пробавлялись больше списанными тетрадками. Этими ранними своими занятіями дѣдушка объяснялъ и свое искусство рѣзчика и красивый почеркъ.

Рѣзалъ изъ дерева онъ довольно искусно: у насъ долго сохранялась вырѣзанная имъ деревянная чернильница въ видѣ льва и много палокъ съ изображеніемъ головъ вмѣсто набалдашника: было также его работы рѣзанное изъ кости распятіе. Вообще онъ былъ любитель техническихъ работъ: впослѣдствіи у него былъ токарный станокъ. Былъ онъ также большой латинистъ, иногда даже говорилъ со своими сверстниками — стариками на этомъ языкѣ и любилъ читать латинскихъ классиковъ. Впослѣдствіи у него былъ шкафъ съ книгами, гдѣ можно было найти и Виргилія, и Горація, и др. Онъ и внука своего Валеріана научилъ любить латинскихъ классиковъ. Кромѣ книжекъ, дѣдушка собиралъ также всѣ рукописи и письма, и у него было множество переплетенныхъ тетрадей изъ синей бумаги, гдѣ вписаны были разныя оды и разсужденія, читанныя въ его время на семинарскихъ актахъ. Впослѣдствіи онъ имѣлъ у себя учениковъ, которыхъ обучалъ грамотѣ. Женатъ онъ былъ на Марьѣ Матвѣевнѣ Филипповой, дочери каѳедральнаго протоіерея въ Нижнемъ, Матвѣя Филипповича. Бабушкинъ портретъ сохранился отъ ея молодыхъ лѣтъ, снятый, должно быть, вскорѣ послѣ свадьбы.

Бабушка была хорошенькая, кругленькая, съ очень добрымъ и скромнымъ выраженіемъ; снята она была въ желтой атласной *головкѣ*, или косынкѣ, повязанной напереди бантикомъ, изъ-подъ головки, на лобъ выпущены три маленькія букольки; платье темнозеленое, какъ во времена директоріи, открытое на груди до кушака, подвязаннаго подъ мышками; грудь и отчасти шея прикрыты большимъ тюлевымъ воротникомъ, сверху красная турецкая шаль.

Матвѣй Филипповичъ былъ женатъ на крестьянкѣ Демидова, но, должно

слыла богатой, потому что у нихъ въ домѣ много было крѣпостныхъ людей, а за бабушкой, Марьей Матвѣевной, ей въ приданое была дана дѣвка Пенила. Бабушка была не бойкая, ея двѣ другія сестры, Александра Матвѣевна и Настасья Матвѣевна, были болѣе свѣтскія и костюмомъ своимъ отличались отъ нея, не носили «головокъ», а волосы чесали съ высокими черепаховыми гребнями и въ парадныхъ случаяхъ носили чепцы. Бабушка же разсказывала, что, во время ея дѣвичества, у нихъ была нянька, которая требовала, чтобы дѣвушки прятались отъ мущинъ. — «Хоть корзину на голову надѣть, коли ужъ прикрыться нечѣмъ — все лучше, чѣмъ такъ показаться», — говорила она. Но дочери Матвѣя Филипповича, повидимому, этому правилу уже не слѣдовали; только еще Марья Матвѣевна, по старой памяти, или просто по характеру своему, — избѣгала постороннихъ и, должно быть, ни съ кѣмъ не вела знакомства; по крайней мѣрѣ, мать моя въ дѣтствѣ никого не помнитъ, кто у нихъ бывалъ. Чаю еще въ домѣ Матвѣя Филипповича не пили. Въ кухнѣ сидѣли съ лучиной точно такъ-же, какъ и у нашего дѣдушки, и женщины, т. е. бабушка Марья Матвѣевна и Пенила, всю зиму пряли. Холстовъ тогда уже не ткали, отдавали на сторону. Мать моя тоже любила, чтобы ее рано поутру будили, когда старшіе вставали прясть. У Пенилы каждый годъ рождался ребенокъ, и всякій разъ дѣдушка считалъ своимъ долгомъ бить ее за это; ребенка куда-то отправляли, а Пенила, отлежавши нѣсколько дней въ банѣ, опять принималась за хозяйство. Дѣдушка вообще, должно быть, былъ суровъ и неласковъ съ дѣтьми и съ домашними; впослѣдствіи онъ и сына своего Флегонта часто билъ. Въ кухнѣ у дѣдушки жили иногда семинаристы, товарищи, должно быть, Флегонта, но мать моя росла около матери, и у нея что-то не сохранилось никакихъ воспоминаній о своемъ братѣ и его товарищахъ. Какъ развлеченіе, для нея было, когда ее посылала мать къ сосѣдкѣ ихъ, Евфаліи Дмитревнѣ, у которой жилъ Норманъ, полупомѣшанный Казанскій нѣмецикъ. Мать его очень боялась и всегда выбирала время, когда онъ спалъ. Евфалія Дмитревна и сама нѣсколько разъ въ году сходила съ ума; и вотъ въ это-то время или послѣ, когда она поправлялась, бабушка и посылала дочь, чтобы отнести что-нибудь состряпанное повкуснѣе. Повидимому, веселаго тутъ было не много, но такъ какъ другихъ развлеченій не было, то и это нравилось моей матери. Другими праздниками были для нея пріѣзды бабушкиной тетки изъ деревни; она была замужемъ за управляющимъ Демидовскимъ, жила очень богато и разъ въ годъ пріѣзжала на ярмарку, посѣщала съ мужемъ родныхъ и дѣлала всѣмъ подарки деревенскими гостинцами. Бабушка получила горловую чахотку и затѣмъ скоро умерла, когда маменькѣ

ло только 14 лѣтъ. Потеря эта была очень тяжела для матери. Она была очень одинока. Плача и горюя, она научилась вызывать въ своемъ воображеніи появленіе галлюцинацій. Для этого она брала [illegible] покойною матерью на голову платокъ и, нюхая его, уходила въ сумерки въ садъ. Здѣсь, ходя по дорожкамъ, она вызывала къ себѣ мать, и ей казалось, что бабушка выходила изъ бесѣдки и шла къ ней по дорожкѣ.

Дѣдушка послѣ смерти бабушки ужасно тосковалъ, но не сдѣлался ближе къ дѣтямъ, должно быть, не умѣлъ; напротивъ, скоро начались непріятности съ сыномъ, который началъ кутить. Въ это время дѣдушка всѣ поля своихъ любимыхъ книжекъ исписалъ коротенькими надписями, въ родѣ такой: «не стало моей Маріи! — Въ этотъ часъ отлетѣлъ отъ насъ нашъ ангелъ» и т. д.

Училась мать моя около тѣхъ учениковъ, съ которыми занимался дѣдушка; а чтобъ, чтобы съ ней спеціально занимались, — она не помнитъ. Обученіе, главнымъ образомъ, состояло въ списываніи прописей. Впослѣдствіи она научилась цѣнить поэзію и исписывала тетрадки стихами Козлова, Жуковскаго, Рылѣева. — Войнаровскій произвелъ на нее очень сильное впечатлѣніе. Сильное тоже впечатлѣніе произвелъ на нее какой-то романъ во вкусѣ Руссо подъ названіемъ *Золотина и Фанфанъ*, если не ошибаюсь. Читала она также «Нума Помпилій» — тоже, повидимому, романъ. Въ эту пору ей случайно начиналось было обученіе ея французскому языку. Дѣдушка давалъ частные уроки дѣвицамъ богатаго купеческаго рода Комаровымъ, и, послѣ нихъ, должно быть, пригласили и мою мать; но это продолжалось недолго и большого слѣда въ жизни матери не оставило. Правда, что это были почти единственныя [illegible] другого сословія, которыхъ она видала. Впрочемъ, еще раньше съ бабушкой Марьей Матвѣевной раза два въ годъ онѣ ходили въ домъ какой-то барыни помѣщицы, у которой былъ сынъ. Кажется, у дѣдушки отъ него были [illegible] сочиненія. Знакомство это продолжалось и потомъ. Когда [illegible] она уже замужемъ, и у нея былъ сынъ Валеріанъ, она была у этого [illegible] (по фамиліи [illegible]) [illegible] [illegible] мой, кажется, совсѣмъ не смотрѣли на себя. [illegible] когда она стала формироваться, у нея начала [illegible] на рукахъ, и иногда руки ея разбаливались окончательно, и она ходила съ обвязанными пальцами. Когда ей минуло 15 лѣтъ, дѣдушка сообщилъ, что за нее сватается женихъ, но, по молодости невѣсты, онъ ему отказалъ. Впослѣдствіи мы немного знали этого человѣка, — онъ былъ священникомъ П[illegible]

[illegible] деревн. Казанскій, съ очень [illegible] характеромъ, и я всегда радовалась за мать, что ее Богъ спасъ отъ него.

Въ томъ же году посватался отецъ; согласія ея не спрашивали, да ей не приходило и въ голову заявлять свою волю. Отецъ былъ стройный и красивый, онъ могъ нравиться какъ женихъ. Онъ сталъ бывать у матери по вечерамъ и приводилъ съ собой своего шафера Андрея Абрамовича Аонова. Это былъ человѣкъ веселый и по возрасту болѣе подходилъ къ невѣстѣ; съ нимъ она была болтлива и много смѣялась, за что, къ великому своему огорченію, получила однажды выговоръ отъ своего жениха. Вообще между отцомъ и матерью была тогда сильная разница не только въ лѣтахъ, но и въ развитіи, и я полагаю, что матери такъ потомъ и всю жизнь не удалось сдѣлаться равнымъ товарищемъ и другомъ своего мужа, хотя любила она его сердечно, но это какъ-то сказалось [illegible] уже послѣ смерти отца. Время, когда она была невѣстой, тоже для нея было тяжелымъ, — отецъ не любилъ заниматься хозяйственными хлопотами; тетки хотя и принимали участіе, но все это былъ болѣе или менѣе чужой для нея народъ, а приходилось дѣлать приданое. Выйдя замужъ, она не скоро потеряла привязанность къ родному дому, и долго всѣ ея интересы были тамъ, тѣмъ болѣе, что братъ все сильнѣе пилъ и ссорился съ отцомъ, часто даже совсѣмъ пропадалъ изъ дому. Отъ этихъ огорченій дѣдушка привыкъ искать утѣшенія у дочери, и она [illegible] своей [illegible] къ отцу, а моему отцу это не нравилось. Дома была еще исторія съ Порфиріемъ Николаевичемъ, который тоже сильно пилъ. [illegible] къ сектѣ Ирины Лазаревны, которую обвиняли въ томъ, что она свое ученіе о тайной милостынѣ проводила въ томъ смыслѣ, что можно брать и чужое, только-бы оно было подано. Мать [illegible], безпрестанно [illegible] ссоры брата съ отцомъ, безпрестанно боявшаяся, чтобы братъ не кончилъ насильственной смертью, обратилась къ религіознымъ вопросамъ.

Черезъ годъ послѣ замужества у нея родился сынъ Валеріанъ, потомъ — сынъ Владиміръ, потомъ дочь Марія, и еще дочь тоже Марія. [illegible] дѣти умерли, живя не подолгу. [illegible] семинаріи [illegible] должность профессора, [illegible] бывшаго въ то время членомъ семинарскаго правленія, вмѣстѣ съ ректоромъ и инспекторомъ. Ректоръ любилъ пожить весело, и въ семинаріи было заведено проводить вечера то у того, то у другого профессора за картами, причемъ, конечно, не обходилось и безъ выпивки, тѣмъ болѣе, что [illegible] складывали свое вино въ семинарскіе погреба и готовы были отсуждать

вино въ кредитъ. Хозяйничанье хлѣбосольнаго ректора сказалось тѣмъ, что у семинаріи получился дефицитъ, который пришлось пополнять. Не помню теперь, сколько выпало на долю отца, но знаю, что въ это время онъ занялъ 600 рубл. и притомъ жемчугъ, кольца и другія вещи матери были заложены. Одинокіе вечера съ ребятами, дефицитъ въ хозяйствѣ вслѣдствіе долга, посѣщенія братьевъ, ссоры Флегонта Васильевича съ женою — все это угнетало мрачно настраивало мать и доводило ее почти до ипохондрическаго состоянія. Разъ, когда Флегонтъ Васильевичъ пропадалъ безъ вѣсти нѣсколько сутокъ, ей вообразилось, что она должна его искать, и она ночью отправилась бродить — стала осматривать по мосту и по дорогѣ къ семинаріи всѣ канавы и канавки, гдѣ обыкновенно находились забравшіеся въ день пьяные рабочіе. Послѣ, одумавшись, она и сама удивлялась своей храбрости и благодарила Бога, что такое путешествіе не кончилось для нея чѣмъ-нибудь дурнымъ. Послѣ женитьбы на Маріи Степановнѣ Войновой Флегонтъ Васильевичъ сталъ меньше пить, и маменька стала менѣе безпокоиться о немъ. Къ этому времени, кажется, слѣдуетъ отнести другую тяжелую полосу въ ея жизни. Вслѣдствіе ли чтенія, или, можетъ быть, просто живя, натолкнулась на разные вопросы, только маменька стала мучиться религіозными сомнѣніями. При страстномъ, но крайне замкнутомъ характерѣ, который былъ у маменьки, эти сомнѣнія приняли очень мучительный характеръ. Я знаю ее и всегда знавала какъ человѣка очень религіознаго и даже очень набожнаго, но только и до сихъ поръ она почти никогда не читаетъ книгъ религіознаго содержанія, чтобы „не смущаться мыслями“, какъ она сама говоритъ.

Со временемъ отцу надоѣла необезпеченная жизнь и, можетъ быть, самое профессорство, и онъ задумалъ поступить въ священники. Не знаю, къ какому году отнести его занятія съ графомъ Толстымъ и съ другими подобными знатными учениками, но съ Толстымъ, кажется, занимался онъ уже женатымъ. Въ священники онъ поступилъ въ городъ Горбатовъ прямо на мѣсто протоіерея. Приходъ считался богатымъ, и говорили, что предшественникъ его нажилъ большія деньги, но это былъ въ сущности очень бѣдный городъ, гдѣ православное населеніе состояло почти изъ однихъ чиновниковъ и т. п., слѣдовательно, доходы безгрѣшные и опредѣленные были очень скудны. Священниковъ же было всего три, изъ которыхъ старшимъ былъ, какъ я уже сказала, мой отецъ. Сколько мнѣ помнится, другіе священники не любили отца: это, вѣроятно, было слѣдствіемъ того, что онъ былъ человѣкомъ совсѣмъ другихъ взглядовъ. Все купеческое и мѣщанское населеніе придерживалось раскола. Въ это время царствовала Николаевская строгость, и раскольниковъ пре-

стѣснялись. При прежнемъ архіереѣ раскольники чувствовали себя очень покойно, откупались деньгами; теперь же строгости, откупиться у него нельзя было, надо было прямо являться отщепенцемъ и нести всѣ тяготы такого положенія.

Мамаша разсказывала, что въ первое время по пріѣздѣ въ Горбатовъ, ее сильно тяготила враждебность окружавшихъ людей. Хозяева дома, гдѣ они наняли квартиру, постоянно брезговали православными, безпрестанно слѣдили, чтобы гость или кухарка ея не опоганили ихъ посуды, не почерпнули-бы своимъ „православнымъ“ ковшемъ воды изъ ихъ бочки, или не положили бы въ хозяйскую чашку какое-нибудь свое кушанье и т. д. Семья была большая, нѣсколько снохъ, и всѣ онѣ были разныхъ толковъ; у каждой снохи были свои иконы, завернутыя занавѣской, и каждая не имѣла права молиться къ иконѣ другой. Старики, свекоръ и свекровь, уже не ѣли изъ одной посуды съ другими членами своей семьи. Въ такомъ положеніи находилось почти все населеніе Горбатова. Мать мою ужасно непріятно поражала эта узкая приверженность къ буквѣ, къ обряду, нѣкоторая черствость въ отношеніяхъ, нелюбезность къ иновѣрцамъ. Впослѣдствіи она разсмотрѣла въ этомъ суровомъ населеніи и въ этой по преимуществу религіозно-обрядовой жизни и хорошія черты. Во первыхъ, къ воспитанію дѣтей относились строже, отъ матери требовалось, чтобы она не только питала, но также и воспитывала въ извѣстномъ направленіи своихъ дѣтей. Матери каждое утро, особенно каждый праздникъ ставили своихъ дѣтей на молитву, и хотя это было, большею частью, безсмысленное отбиваніе поклоновъ по четкамъ, но иногда давало и хорошіе результаты, направляя мысль на религіозные вопросы. Затѣмъ въ *общинахъ* невольнымъ образомъ выработалось нѣкоторое уваженіе къ свободѣ совѣсти — люди привыкли видѣть, что одинъ вѣритъ такъ, а другой — иначе. Къ отцу впослѣдствіи стали ходить не только простые люди изъ раскольниковъ, а также и начетчики и начетчицы; нѣкоторые даже почувствовали привязанность къ нему; разсказываютъ, что, услыхавъ о болѣзни и даже смерти отца, двѣ начетчицы прибѣжали къ намъ на дворъ даже въ поздній часъ и, узнавши, что правда, стали оплакивать отца, тогда ещё не сознавая, что онъ не думалъ еще умирать. Почти все время своей жизни въ Горбатовѣ отецъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, вслѣдствіе излишняго досуга, какъ онъ говорилъ. Чиновное населеніе города тоже подобрано было. Особенно хороши были отецъ и мать съ семействомъ городничаго П. П. Алексѣева. Жена его, Елизавета Дмитріевна, была чахоточной, постоянно прихварывала; у нихъ были двѣ дочери, старшая — почти взрослая дѣвица, а вторая — ровесница съ

[illegible] Валерьяномъ. [illegible] Сережечка [illegible] и Машенька Петрова обыкновенно играли [illegible] куклы и [illegible]. Впоследствии Валерьянъ [illegible] ходить въ [illegible] училище, [illegible] былъ [illegible] мальчиками. [illegible] увлеченъ [illegible] въ [illegible] забавахъ и играхъ. [illegible] Городецъ, его отвезли въ Нижній и оставили у [illegible] Васильича [illegible] учиться въ училищѣ, [illegible] окончательно [illegible] игры [illegible] у дядюшки [illegible], [illegible] учителемъ [illegible] дядюшки [illegible] пошли [illegible].

Въ Горбатовъ [illegible] моей семьи [illegible] воспоминанія. [illegible] въ 18[illegible] г. [illegible] января. [illegible] въ семинаріи, а бабушка, [illegible] Григорьевна [illegible] къ [illegible] Николаевичѣ [illegible] Ивановна [illegible] Николаевна [illegible] Марья Ивановна [illegible] бабушка [illegible]; бабушка [illegible]. [illegible] въ Городецъ [illegible], [illegible] у Турчаниновыхъ. [illegible] Митрія [illegible]. Помню, какъ строился [illegible] домъ въ Городцѣ [illegible] Троицу. [illegible] березки. Такъ какъ въ Городцѣ [illegible] въ Нижній [illegible] въ Городецъ.

Помню, что у насъ жилъ одно время Анатолій, сынъ [illegible] Васильевича; должно быть, его [illegible] послѣ смерти Марьи Степановны. Затѣмъ я вспоминаю [illegible] Нижегородскую [illegible]. Отецъ перешелъ на службу въ Нижній и [illegible] [illegible]скую или [illegible]скую церковь, [illegible].

---

*) [illegible]

[illegible] Первая наша квартира была въ Покровкѣ, близь [illegible] Хозяинъ былъ [illegible] съ своей сестрой, имѣлъ чайную и бакалейную лавку. [illegible] Акулина [illegible]

[illegible] что [illegible] Особенно любила, чтобы [illegible] Помню, когда мы [illegible]

Помню также, [illegible] въ Горбатовъ [illegible] Помню, что у Свѣшниковыхъ [illegible] очень рано, [illegible] Андреевна [illegible] Въ это время меня кормили сырою [illegible] на черный хлѣбъ, [illegible] потому, что у меня была золотуха. Въ Горбатовѣ [illegible] Акулина [illegible] чтобы потомъ [illegible] поступилъ въ ея пользу. Акулина была старая крѣпостная; у нея, кажется, ничего не было своего, [illegible] изъ красной набойки, и [illegible] не видала [illegible] Горбатова. Въ Нижнемъ [illegible] Скоро она почему-то [illegible], и у насъ осталась [illegible] Это былъ человѣкъ самостоятельный. Сначала она служила въ кухаркахъ.

потомъ—въ нянькахъ и жила у насъ 17 лѣтъ и сыграла довольно большую роль въ образованіи нашихъ характеровъ. Я ее не любила, ссорилась съ ней, во первыхъ, за то, что, умывая, она царапала мнѣ лицо кольцомъ Варвары Великомученицы (какія пріобрѣтаются въ Кіевѣ), вовторыхъ, за то, что, нянчась съ Леней и Ниной, она заставляла меня прислуживать имъ, т. е. подавать, а я считала это за униженіе. Въ тоже время она была для меня человѣкъ интересный: до жизни у насъ она ходила два раза на богомолье въ Кіевъ и очень хорошо разсказывала о пещерахъ, о службѣ въ Лаврѣ, а, главное, о томъ, какъ онѣ останавливались въ лѣсочкѣ, гдѣ-нибудь у рѣки, какъ [illegible] въ самую раннюю пору, когда у насъ однѣ вербы распускаются, какъ стирали бѣлье на остановкахъ, какъ просились ночевать гдѣ-нибудь у мельника; однимъ словомъ, она передавала всю поэзію путешествія, и я начала также мечтать сходить пѣшкомъ въ Кіевъ. Кромѣ разсказовъ о путешествіи, у няньки много также было разсказовъ историческаго и сказочно-этнографическаго характера. Жизнь въ родномъ селѣ имѣла въ себѣ слишкомъ много оригинальнаго, чтобы мы, [illegible], не заинтересовались этими разсказами, хотя, конечно, у [illegible] былъ и иной личный интересъ. Впослѣдствіи братъ Валеріанъ прямо таки заставлялъ ее разсказывать, интересуясь тѣмъ этнографическимъ матеріаломъ, какой находилъ въ ея разсказахъ. Умѣла нянька также разсказывать и сказки. Въ ея устахъ всѣ эти Иванушки-дурачки получали различные оттѣнки индивидуальности, и каждой сказкѣ она умѣла придать свою своеобразную окраску,—одинъ былъ совсѣмъ наивный дуракъ, другой—съ хитрецой, третій—съ упрямствомъ [illegible] дуракъ. Были также и трогательные разсказы. Больше всего я любила сказку о царевнѣ-лягушкѣ, о томъ, какъ она, въ качествѣ жены младшаго Ивана Царевича, завоевала себѣ всѣ симпатіи, и какъ мужъ сжегъ ея шкуру и за это долженъ былъ искать ее по бѣлу свѣту. Мастерица была разсказывать нянька. Потомъ она много наслушалась книжныхъ разсказовъ, и потому у нея многое перепуталось. Часть разсказовъ разсказывала намъ также иногда тетка [illegible] Николаевна. Въ зимніе вечера придетъ она къ намъ, сядетъ работать что-нибудь и разсказываетъ; то у нея [illegible]—то легенда о Николаѣ Чудотворцѣ, то о другихъ святыхъ. Многие изъ этихъ разсказовъ запомнила она еще въ то время, когда жила [illegible] и когда осенью къ нимъ приходили *швецы* шить свиты, шубы и пр., [illegible] вели свои спеціальные разсказы.

Кромѣ того, въ Горбатовѣ у насъ очень часто бывали и вообще были

бывала къ нашему дому жена церковнаго старосты, прядильщика канатовъ, Анна Яковлевна Брагина. Очень она большое влiянiе имѣла въ дѣтствѣ на меня, потому что она меня особенно любила, и я помню, что чувствовала себя очень уютно, забравшись къ ней на колѣни и прижавшись къ ея бѣлой ситцевой рубашкѣ, завязанной красной ленточкой, тогда какъ полы ея бараньей шубы окутывали меня сверху. Эта Анна Яковлевна [illegible] тоже не разъ [illegible] въ [illegible]. [illegible] разсказами,—у нея опять были разсказы особаго характера, все больше [illegible]; въ ея разсказахъ все это были веселые приключенiя, которые [illegible] наивность. Разсказывала она и случаи [illegible] какого-нибудь непо- слушанiя. Анна Яковлевна непремѣнно накажетъ непослушницу чѣмъ-нибудь, хотя [illegible] и [illegible] приходило [illegible].

Когда я выросла, она разсказывала мнѣ о крѣпостныхъ временахъ, что въ молодости она была крѣпостной очень злой и раздражительной барыни. Въ разсказахъ Анны Яковлевны было очень много [illegible] —[illegible]. Мужъ ея былъ [illegible] человѣкъ [illegible], главой дома была Анна Яковлевна. У нея было два сына, оба женатые. [illegible] и [illegible]. [illegible] у Анны Яковлевны, и [illegible] въ дѣлахъ ея семьи я всегда принимала [illegible] участiе. [illegible] Анну Яковлевну и [illegible] и другихъ, которые [illegible] и [illegible]. Иногда случалось, что [illegible] у насъ нѣсколько дней, а [illegible] къ намъ. Иногда [illegible] домъ [illegible]. [illegible] свадьбы, гдѣ [illegible] время. Въ прежнее время это [illegible] душу. [illegible] и [illegible]; о томъ, какъ много [illegible] въ [illegible], какъ его оплакива- ютъ родные, какъ причитаютъ; съ большимъ сочувствiемъ относились, когда крикнутъ: „затылокъ!“—какъ рекрута, получившаго „затылокъ“, [illegible] въ присутствiи семьи и [illegible] его рубаху, шубу, шапку и т. д. Нечего и говорить, что мы, дѣти, жадно выслушивали

[illegible]

[illegible] вмѣстѣ, и всегда [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] и т. д. [illegible] [illegible], она уходила [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]."

[illegible] Александра Викторовна не [illegible] [illegible] ей предметы.

Въ дѣтствѣ она была ребенкомъ очень болѣзненнымъ, нервнымъ, [illegible] Семейная обстановка была [illegible] [illegible] [illegible] старшій братъ былъ значительно старше, [illegible] что Александра Викторовна росла одинокою, не имѣя подругъ [illegible] [illegible] Александра Викторовна рано начала помогать матери въ ея домашнемъ хозяйствѣ, и только свободные промежутки оставляла чтенію. [illegible] учителей [illegible] средствъ. [illegible] старшаго брата Валеріана [illegible] [illegible] въ Сибирь, [illegible] семинаріи и школьнаго друга Добролюбова. Какъ старшій, онъ [illegible] Александру Викторовну [illegible] къ естественнымъ наукамъ, увлекалъ ими самъ; она вмѣстѣ [illegible] ботаническими опытами, собираніемъ коллекцій и гербаризированіемъ. Другимъ лицомъ, имѣвшимъ вліяніе на умственное и нравственное развитіе Александры Викторовны, была [illegible] Е. П. Юрьева, вдова извѣстнаго нашего беллетриста И. Д. [illegible]. [illegible] она любила Александру Викторовну, часто увозила ее къ себѣ [illegible], и занималась съ нею французскимъ языкомъ. Ея библіотека была единственнымъ источникомъ, откуда Александра Викторовна могла получать книги. Несомнѣнно также, что значительное участіе въ развитіи Александры Викторовны принималъ и младшій ея братъ Константинъ Викторовичъ, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «Камско-Волжской газеты» и постояннымъ сотрудникомъ-публицистомъ «Недѣли». Между ними было только 2 года разницы, и Александра Викторовна вспоминала его,

какъ товарища своихъ дѣтскихъ игръ. Когда же въ [illegible]-мъ году К. В. уѣхалъ поступить въ университетъ, онъ въ длинныхъ письмахъ дѣлился съ Александрой Викторовной впечатлѣніями новой среды и новыхъ интересовъ, тревожныхъ и страстныхъ, которыми жила тогда студенческая молодежь.

Уже молоденькой дѣвушкой Александра Викторовна нашла себѣ друга въ лицѣ только что кончившей институтъ дочери бывшаго нижегородскаго вице-губернатора Н-ва. Это была глубокая, страстная, мистически настроенная натура; неудовлетворенная замкнутой однообразной жизнью семьи, она страдала отъ одиночества и искала утѣшенія въ книгахъ. [illegible] и любовь къ чтенію сблизили обѣихъ дѣвушекъ; [illegible] цѣлые дни, запираясь отъ всѣхъ въ комнатѣ, вмѣстѣ читая и разговаривая. Въ это время онѣ переживали полосу религіознаго увлеченія, усердно ходили въ церковь, часто бывали въ женскомъ монастырѣ и сблизились съ монахинями. Наконецъ увлекающаяся А. М. Н-ва такъ отдалась идеѣ религіознаго подвижничества, что рѣшила идти въ монастырь. Сопротивленіе родныхъ [illegible] и черезъ 2 года она умерла отъ чахотки. Съ глубокой грустью Александра Викторовна всю жизнь вспоминала свѣтлый образъ [illegible] съ ея [illegible]. [illegible] и у Александры Викторовны осталось ея религіозное чувство, доставлявшее ей только душевную борьбу и не утратившее [illegible] до конца жизни.

Въ 1861 г. умеръ отецъ Александры Викторовны. [illegible] потерю, по существовавшему тогда обычаю среди духовенства, [illegible] т. е. послѣднее могло быть занято только такимъ лицомъ, которое согласится жениться на Александрѣ Викторовнѣ. Такое [illegible] такое грубое принудительное [illegible] судьбой двухъ лицъ до глубины души возмутило и оскорбило Александру Викторовну, и она наотрѣзъ отказалась отъ представлявшейся ей [illegible], упросила занять его своего брата Валеріана, а сама осталась жить у него, [illegible].

Въ 186[illegible] г. въ Нижнемъ-Новгородѣ открылось женское епархіальное училище и Александра Викторовна поступила въ него воспитательницей и не оставляла этой должности до замужества. Въ училищѣ жизнь ея шла однообразно и тихо, по большей части за рукодѣліемъ и чтеніемъ книгъ. По воспоминаніямъ лицъ, знавшихъ въ это время Александру Викторовну, она была чрезвычайно застѣнчивой и замкнутой натурой; но въ ней постоянно жила безпокойная мысль, постоянное стремленіе къ новой жизни и горячая жажда знаній.

При неудовлетворенности окружающимъ, она, тѣмъ не менѣе, съ искреннею любовью относилась къ дѣлу воспитанія учениць и была общей ихъ любимицей. Не меньшимъ довѣріемъ и уваженіемъ пользовалась она и у своихъ сослуживицъ по училищу. „У насъ,—пишетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ нихъ,—навсегда сохранится память объ Александрѣ Викторовнѣ, какъ о человѣкѣ удивительно прямомъ, честномъ и глубоко отзывчивомъ на все доброе и хорошее".

Въ епархіальномъ училищѣ Александра Викторовна прослужила до 1871 года,—слѣдовательно, 8 лѣтъ,—и начала было уже утрачивать всякую надежду на перемѣну своей жизни, какъ судьба въ это время свела ее съ Григоріемъ Николаевичемъ Потанинымъ, и вскорѣ она стала его женою. Жизнь ея [illegible] совершенно измѣнилась,—[illegible] учителя и вѣрнаго спутника, энергія возрастала съ каждымъ шагомъ впередъ, и ея душевныя и умственныя силы развились въ ней [illegible]. Она съ неимовѣрными усиліями и рвеніемъ старалась пополнить пробѣлы своего образованія, изучила французскій и англійскій языки, [illegible] переводами, и впослѣдствіи каждый, встрѣчавшійся съ нею, поражался ея [illegible] [illegible] литературныхъ [illegible], не совсѣмъ обыкновенныхъ для [illegible], получившей только домашнее образованіе.

Встрѣча ея съ Г. Н. Потанинымъ произошла при совершенно исключительныхъ условіяхъ. [illegible] Н. М. Ядринцевъ: „Г. Н. Потанинъ жилъ въ ссылкѣ въ г. Никольскѣ Вологодской губ., [illegible] изъ Сибири [illegible] [1]. [illegible] К. В. Лаврскій, братъ Александры Викторовны, съ которымъ Гр. Ник. [illegible] [illegible] Александра Викторовна [illegible] въ Никольскъ [illegible] брака. Въ это время Гр. Ник. вель [illegible] жизнь, обрабатывая научные матеріалы по этнографіи Сибири, [illegible] общиннаго крестьянскаго [illegible] на сѣверѣ Россіи. [illegible] и онъ никогда не думалъ о семейномъ счастьѣ. [illegible] Я знаю, что Гр. Ник. [illegible]

[1] Г. Н. Потанинъ [illegible] Сибири [illegible] *Ред.*

готовил об[ѣдъ]. [illegible] человѣка [illegible] Александры Викторовны.

Послѣ перваго знакомства съ Александрой Викторовной въ Никольскѣ, откуда она уѣхала [illegible], Гр. Ник. [illegible] Александра Викторовна пріѣхала и обвѣнчалась съ Григоріемъ Николаевичемъ въ скромной мѣстной церкви, безъ всякой торжественности.

Я уже зналъ, — продолжаетъ Н. М. Ядринцевъ, — [illegible] этой женщины, [illegible] съ будущимъ. [illegible] обстоятельства Григорія Николаевича [illegible] возвратился въ Петербургъ. [illegible] путешествіе.

Александру Викторовну, — говоритъ далѣе Н. М. Ядринцевъ, — я встрѣтилъ въ Петербургѣ. Это была скромная, застѣнчивая женщина, высокая, сухощавая блондинка, съ некрасивымъ лицомъ и тонкимъ [illegible] голосомъ. Она одѣвалась очень скромно и просто, [illegible] для путешественницы. Ея знанія и сужденія были скромные, [illegible] характеристики [illegible] проницательности [illegible] Григорія Николаевича, погрузившагося въ науку [illegible] дѣятельность. Тѣмъ не менѣе, Александра Викторовна не стѣсняла его интересы, не погружала его въ мелочи семейной жизни, она раздѣляла всѣ планы и стремленія Григорія Николаевича и участвовала во всѣхъ его путешествіяхъ.

Вся дальнѣйшая жизнь Александры Викторовны со времени замужества проходитъ почти въ непрерывныхъ путешествіяхъ. Первое свое путешествіе она совершила съ мужемъ въ 1876—77 г.г. въ сѣверо-западную Монголію, посѣтивъ Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголъ, монастырь Улангомъ и такимъ образомъ охвативъ какъ-бы кольцомъ сѣверо-западную Монголію. Въ 1879 г. она снова предпринимаетъ съ мужемъ путешествіе въ центральную часть сѣверо-западной Монголіи съ цѣлью пополненія и изученія [illegible]

ной, которая мнѣ ее удалось увидѣть во время предшествовавшаго путешествія. Выступивъ изъ Кош-агача на южной границѣ Томской губерніи, экспедиція направилась къ монастырю Улангомъ, далѣе — къ озеру Киргизъ-норъ, посѣтила городъ Кобдо, откуда вернулась въ Улангомъ, а затѣмъ направилась на востокъ, къ озеру Теркинъ-норъ и далѣе черезъ Дархатскій куренъ къ озеру Косоголъ и [illegible] въ долинѣ р. Иркута. Въ 1884—1886 гг. Потанины совершили третье путешествіе на китайскую восточную окраину нагорной Центральной Азіи, въ долины и пространства обширной сѣверо-западной Ганьсуйской провинціи Срединной имперіи. Выйдя изъ Пекина весною 1884 г. и [illegible] экспедиція употребила [illegible] сентября 1885 г. экспедиція [illegible] — [illegible] Голубое озеро (Куку-норъ), а затѣмъ [illegible] въ самую внутренность Монголіи, [illegible] въ долинѣ озера Кукуноръ [illegible] по р. Орхону къ русской границѣ, поздно осенью 1886 г. прибыла въ Кяхту. [illegible] въ 1892 г. Потанины отправились въ четвертую экспедицію въ Сычуань, именно съ цѣлью изслѣдованія восточной окраины Тибета; но этой экспедиціи не суждено было окончиться такъ-же счастливо, какъ тремъ предыдущимъ,— Александра Викторовна [illegible] скончалась, и Григорій Николаевичъ, лишившись своей незамѣнимой помощницы, осенью 1893 г., не окончивъ экспедиціи, возвратился обратно въ Россію.

О научныхъ результатахъ всѣхъ этихъ экспедицій супруговъ Потаниныхъ [illegible] которые [illegible] Центральной Азіи, мы не будемъ здѣсь говорить,— они хорошо извѣстны всему образованному міру и давно [illegible].

Александра Викторовна во время всѣхъ этихъ продолжительныхъ странствій обнаружила замѣчательную неутомимость и выносливость. Передъ отъѣздомъ ея въ первую экспедицію можно было опасаться, выдержитъ-ли она всѣ лишенія и неудобства пути, такъ какъ силы ея были не велики, — она казалась слабой и малокровной. Но судя по тому, что ей приходилось выносить въ путешествіяхъ, въ слабомъ тѣлѣ ея имѣлся большой запасъ нервной энергіи, воли и способности преодолѣвать трудности. Переносить-же приходилось не мало. Тѣ лица, которыя увлекаются романтическою стороною пут-

шествіи и судятъ о нихъ по Майнъ-Риду и Жюль-Верну, не имѣютъ понятія о томъ, что ожидаетъ путешественниковъ въ пустыняхъ и негостепріимныхъ странахъ. За славою путешественника они не замѣчаютъ оборотной стороны медали. Прежде всего, путешествуя по Монголіи и Центральной Азіи, нужно примириться съ походною повозкой или съ грязной юртой, гдѣ [illegible]-гому съ людьми ночуетъ мелкій скотъ; нужно примириться съ жесткимъ ложемъ изъ войлока, съ немытымъ котломъ и чашкой, запахомъ [illegible] мол-ока, съ нечистоплотностью кочевниковъ. Но такимъ образомъ наши путешественники проводили цѣлые мѣсяцы, и эти юрты въ пустынѣ были еще желаннымъ пріютомъ. Далѣе, путешественникъ долженъ проводить иногда цѣлые дни на верблюдѣ или ѣхать медленно верхомъ на лошади подъ палящимъ солнцемъ. Нужно быть стойкимъ до конца, переносить лишенія. Усталые и измученные, путешественники послѣ цѣлаго дня ѣзды, вечеромъ, когда прислуга [illegible], отдыхаетъ, должны еще долго работать, вести дневники, классифицируя собранныя коллекціи и т. д.

Все это испытала и перенесла покойная путешественница вмѣстѣ съ супругомъ, дѣятельно помогая ему. Надо замѣтить при этомъ, что съ дикимъ народомъ такая женщина, сопутствующая экспедиціи, [illegible]. Дѣлать путешествіе въ женскомъ костюмѣ совершенно невозможно; приходилось выбирать полумужской костюмъ, и хотя [illegible]; напримѣръ Александра Викторовна [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] ея послѣднее путешествіе.

О тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, какія приходилось испытывать покойнымъ путешественникамъ, можно судить отчасти по словамъ Александры Викторовны: „Наше странствія по Уральскимъ землямъ [illegible] [illegible] няя осень, и путешественникамъ [illegible] открытымъ небомъ, страдая въ то-же время отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Въ одно изъ путешествій у Потаниныхъ [illegible], и питались корнями изъ-подъ полевыхъ [illegible] и [illegible]. Нерѣдко путешественники лишались въ дорогѣ своей европейской посуды [illegible] [illegible]-земные. При одной экспедиціи, недалеко отъ [illegible], на Г. Н. Потанина и его спутниковъ, въ числѣ которыхъ была и Александра Викторовна, [illegible]-ская чернь сдѣлала нападеніе, сбила ихъ съ лошадей, отняла оружіе и арестовала ихъ. Нужно было много терпѣнія и выдержки, чтобы [illegible] все это спокойно и настойчиво пробивать себѣ дальше дорогу. Путешественники нѣсколько разъ проходили Гоби и испытали всевозможныя трудности этого тяжелаго путешествія, гдѣ лошади и верблюды падали въ дорогѣ, а люди

страдали отъ жажды. Нерѣдко приходилось длинные переходы дѣлать пѣшкомъ, а во время путешествія въ вершинахъ Енисея нужно было еще очищать путь и прорубать лѣсъ.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ Александра Викторовна въ письмѣ во время послѣдняго путешествія:

6 октября 92 г.

... Пишу изъ Урги. Дорога въ китайской телѣгѣ, гдѣ приходится сидѣть задомъ къ лошадямъ, и гдѣ иногда ноги приходятся выше головы, измучила меня совсѣмъ, хотя мы ѣхали въ общей сложности отъ Кяхты только 36 часовъ и ночевали 3 ночи. Съ ужасомъ думаю, что придется въ этихъ телѣгахъ сдѣлать 1500 в. до слѣдующей остановки. Сожалѣю, что ѣдемъ не на верблюдахъ, тогда по крайней мѣрѣ не трясло-бы. Ѣдемъ весело: два всадника тащутъ нашу повозку за оглобли, другіе два поддерживаютъ за веревки, кругомъ насъ еще человѣкъ 10 верховыхъ, все это кричитъ, скачетъ, предупреждаетъ объ опасности крикомъ: нельзя, нельзя, не пойдетъ! Лошади иногда пугаются и выскакиваютъ изъ оглоблей; въ общемъ все это ужасно пугаетъ и дѣйствуетъ на нервы. На ночь остановка въ нарочно выставленной юртѣ, гдѣ уже разведенъ огонь и даже [illegible]. Усталость, грязь отъ пыли, въ которой мы ѣдемъ, и головокруженіе отъ ужасной тряски — вотъ тѣ прелести путешествія, которымъ такъ завидовали почти всѣ провожавшія меня дамы. Часто мнѣ вспоминаются ихъ восклицанія: «какая вы счастливица!»

Въ другомъ письмѣ она пишетъ слѣдующія строки, ярко характеризующія то, что приходилось имъ выносить во время пути.

28 февраля 1893 г.

... Отъ Пекина мы ѣхали [illegible] по зимнему и въ [illegible][1] и нѣкогда ужасно мерзли — мерзнешь на улицѣ, а въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни печки — вдвое. Въ невозможности хотя на минуту погрѣться, ужасно сильно затрудняешься и лишаешься аппетита; такъ, гдѣ можно было достать, мы покупали [illegible], [illegible] ихъ [illegible] варенье [illegible]. Очень трудно было по утрамъ вставать, я вставала часа въ 3—4, и дожидалась, пока навьючатъ и снарядятъ муловъ и согрѣютъ кипятокъ. Часовъ въ 11 останавливались кормить муловъ и [illegible] лапшу на водѣ, рѣдко что-нибудь другое. Потомъ часа снова ѣхали до вечера. Такимъ образомъ доѣхали мы до Желтой

---

[1] Въ [illegible].

рѣки: до [illegible]) и переѣздъ прекратился; пришлось жить на берегу въ [illegible] деревушкѣ, гдѣ не было даже порядочнаго постоялаго двора; жили въ [illegible] избѣ безъ оконъ, дверь приходилось держать постоянно отворенною, углей тоже не было, приходилось жечь какія-то старыя доски или солому прямо на полу. Мы прожили тутъ 5 дней и страшно скучали...

Даже въ лучшихъ случаяхъ, когда [illegible] останавливались въ городахъ, приходилось жить въ самыхъ неудобныхъ помѣщеніяхъ; такова, напр., квартира ихъ въ Тобольскѣ, гдѣ Александра Викторовна была уже больная: домъ деревянный, полуразвалившійся, маленькій и весь холодный, щели всюду, построенъ изъ тонкихъ дощечекъ. Мы и [illegible] — [illegible] заклеивали щели и [illegible] стѣны около кровати завѣшивали, а все-таки дуетъ, не [illegible].

Мы позволимъ себѣ привести еще одно изъ ея интересныхъ писемъ, гдѣ она говоритъ о [illegible], которыя не только [illegible], но многое [illegible] для себя не [illegible]. Приводимое письмо писалось, [illegible] характеризуетъ [illegible] Александру Викторовну, [illegible] что письмо это писано ею за [illegible] до [illegible].

18[illegible] г.
[illegible].

Христосъ Воскресе!

[illegible] Пасху не [illegible] чтобы [illegible] хоть эти два [illegible]. Пасху встрѣтили въ [illegible] приходили только къ вечеру и въ [illegible], гдѣ только [illegible] за [illegible] т.-е. [illegible] и [illegible] съ плохонькими [illegible] и считала эту Пасху [illegible] хорошо было [illegible] Суботу [illegible] его. [illegible] Славы Божіе, которую [illegible] мною, и [illegible] которыя [illegible] картинки [illegible] другой. [illegible] которыя мы проѣзжали передъ [illegible].

[illegible] Мѣсяцъ [illegible].

Перевалы были: одинъ въ 7020 ф., другой въ 9300 ф., а это уже довольно чувствительная высота для такихъ ходоковъ, какъ я. и Гр. Н. побаивался [illegible], однако ничего. на первый перевалъ я довольно много шла пѣшкомъ, [illegible] и на второй; но напослѣдокъ не могла взобраться до вершины. [illegible]. За то спускалась съ крутизны пѣшкомъ съ помощью человѣка, [illegible]. Шли обыкновенно такъ: [illegible], а [illegible] на эту гору [illegible]. [illegible] почти весь [illegible] людей [illegible]. [illegible] громадныя [illegible], и часто вся семья [illegible]. [illegible] мальчики и [illegible] подростки. Если бы не эта тяжелая работа [illegible], [illegible] картины [illegible] бы на [illegible]; [illegible] съ [illegible], [illegible] сильнымъ запахомъ; такъ напримѣръ [illegible], одно [illegible] ароматомъ; [illegible]; [illegible] также [illegible] деревья, [illegible] цвѣтамъ; [illegible], но они [illegible]; и [illegible] деревню [illegible] для [illegible]! Иногда [illegible] растительности, [illegible], что [illegible] дождя. Но [illegible] только можно [illegible], [illegible] деревья. Только [illegible] всю эту красоту [illegible] [illegible] — [illegible] съ [illegible], [illegible] дома [illegible] изъ бамбуковыхъ плетеней, [illegible], [illegible] деревню. Можете себѣ представить, [illegible], [illegible] человѣкъ 20 [illegible] и [illegible], [illegible]. [illegible] было просто трудно, и [illegible] въ [illegible] тѣмъ, что [illegible]. теперь [illegible], — [illegible]; [illegible], какъ [illegible] арабка.

[illegible] на [illegible] трудный переходъ, т. е. [illegible], [illegible] собственно считался въ 35, можетъ быть въ 45 верстъ; [illegible] трудна, что такой переходъ и для привычныхъ [illegible] труденъ. И вотъ мы усталые [illegible]. Гр. Ник., надо вамъ [illegible], [illegible] дорогу [illegible] пѣшкомъ; [illegible] страшно и трудно, и [illegible] дорогою растенія, и потому онъ предпочитаетъ совсѣмъ не [illegible] съ собой мулл., чтобы не связывать себя. Такъ вотъ мы [illegible] въ

сумерки почти, какъ вдругъ мои носилки сталкиваются съ другими носилками и между носильщиками выходитъ какой-то разговоръ. Я думала, что они спорятъ, кому уступать дорогу, но оказалось, что, когда носилки наши опустили, изъ встрѣчныхъ вышла женщина, одѣтая отчасти по-китайски, отчасти по-тибетски, и заговорила со мной по-англійски, затѣмъ по-французски. Оказалось, что это была мисс Анни Тэйлоръ, возвращающаяся черезъ Тарсандо изъ Хлассы, куда пришла черезъ Дарджилингъ.

Я такъ растерялась, что все, что я знала по-французски, позабыла на этотъ разъ, и такъ это было мнѣ досадно, а еще больше было досадно то, что мы не встрѣтились съ ней въ Тарсандо, или что мы не остановились на ночлегъ въ одной деревушкѣ, такъ какъ мнѣ хотѣлось поговорить съ ней; и она была [illegible] рада, и мы ей. Едва успѣли перекинуться нѣсколькими фразами, какъ пришлось разстаться: носильщики торопились, и дѣйствительно едва успѣли добраться до ночлега до сумерекъ, а дорога самая головоломная. Вы бы не повѣрили, что это называется большой дорогой, — это сплошь навороченные глыбы камней, иногда цѣлыя большія глыбы, иногда щебенье и болѣе мелкіе камни. Но всетаки мы всегда предпочитали идти гдѣ-нибудь возлѣ этой большой дороги, если только была малѣйшая къ тому возможность. Но бѣда та, что чаще всего возможности этой не было, и приходилось лѣзть прямо по камнямъ. Мѣстами широкія тропинки встрѣчались и въ горахъ, но тогда онѣ почти всегда такъ узки и такъ осыпаются, что это были собственно самыя страшныя мѣста дороги. Можете себѣ представить, когда по одну сторону тропинки глубокая пропасть, а сверху скала, и наши носилки наклоняются на одну сторону, чтобы они могли пройти. У меня всегда сердце замираетъ отъ страха въ такихъ случаяхъ. Очень также страшно на поворотахъ дорогъ, когда длинныя оглобли носилокъ не могутъ помѣститься на узкомъ углу; тогда задніе носильщики идутъ какъ-то бокомъ, и носилки находятся уже не надъ тропинкой, а надъ обрывомъ. Разъ даже случилось, что носильщики сами предлагали мнѣ выйти изъ носилокъ, говоря [illegible] чиковъ, длинно, широко, трудно и опасно [illegible] одно и то же. Вотъ по такимъ-то тропинкамъ я шла на всю [illegible] до Тарсандо, куда прибыли — [illegible].

Этотъ городокъ выстроенъ въ горахъ, [illegible] отъ [illegible], изъ нашей теперешней квартиры въ окна даже открытое небо невидно, а видно только горы справа и горы слѣва; чтобы видѣть узкую полоску неба, надо наклониться. Здѣсь дома строятся въ два этажа, и мы занимаемъ по счастью

[illegible] и въ [illegible] есть по больному [illegible] — это уже [illegible] ляется [illegible] товаровъ, доставляемыхъ [illegible] Шанхай черезъ [illegible] въ пути; другой дороги по Тарелдю, кажется, и нѣтъ.

Такія лишенія и трудности приходилось переносить Александрѣ Викторовнѣ, такъ [illegible] во время его путешествій.

Помимо нравственной поддержки, Александра Викторовна оказывала мужу [illegible] помощь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, веденіи [illegible], сборѣ и сохраненіи коллекцій и т. п. *) Раздѣляя труды мужа, она находила время и для самостоятельныхъ литературныхъ работъ, матеріаломъ для которыхъ служили по большей части ея личныя наблюденія во время путешествій и которыя составили собою настоящій сборникъ. Статьи, вошедшія въ послѣдній, были напечатаны ранѣе: «Буряты» въ *Трудахъ*, прил. къ *Всемірной Иллюстраціи*, 1891 г., кн. 8—9; «Изъ наблюденій надъ жизнью бурятъ Верхнеудинскаго округа» въ *Сибирскомъ Сборникѣ*, прил. къ *Восточному Обозрѣнію*, 1886 г., вып. I; «Молочное хозяйство у бурятъ Верхнеудинскаго округа» въ *Извѣстіяхъ Вост. Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.*, т. XXI, № 2; «Изъ странствій по Урянхайской землѣ» въ *Сибирскомъ Сборникѣ*, 1891 г., вып. II; ср. [illegible] «Монголія и монголы» въ *Чтеніяхъ народной школы*, 1891 г., ноябр. книжка; «Встрѣча съ двумя монгольскими ханами» въ *Русскомъ Богатствѣ*, 1890 г., № 1; «Среди широкоголовыхъ» въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 1888 г., №№ 140 и 144; «Религіозная пляска въ монастырѣ [illegible]» въ газ. *Сибирь*, 1885 г., № 29; «Гумбумъ, монастырь [illegible]» въ *Восточномъ Обозрѣніи*, 1886 г., №№ 27 и 28; «Улай» — тамъ-же, 1884 г., №№ 45, 46 и 48; «Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ» въ *Литературномъ Сборникѣ*, изданіи газеты *Восточное Обозрѣніе*, подъ ред. Н. М. Ядринцева (СПб., 1885 г.); «О китайской женщинѣ» въ *Русскомъ Богатствѣ*, 1887 г., № 7; «[illegible]» въ *Вост. Обозр.* 1893 г., № 24; «Дорджи, бурятскій мальчикъ» въ *Дѣтскомъ Сборникѣ*, ред. В. Лесевича (Спб., 1893 г.); «Китайскія [illegible]» въ *Родникѣ*, 1887 г., № 12; «Ахметъ» въ литературномъ сборникѣ *Первый шагъ* (Казань 1876 г.). «Тибетъ» появляется въ печати впервые и былъ [illegible], предназначенъ для помѣщенія въ изданіи для народнаго чтенія. Помимо статей, вошедшихъ въ настоящій сборникъ, въ на-

*) Въ 1887 г. Императорское Русское Географическое Общество наградило А. В. Потанину золотой медалью.

шеніи распорядиться печатать многочисленные рукописные матеріалы А. В. Потаниной, какъ-то: черновые дневники, веденные во время путешествій, многочисленныя и словари, много труда [illegible] разныхъ [illegible] или задуманныхъ ею работъ о [illegible] обрядахъ, сборникъ вопросовъ по исторіи, географіи и этнографіи Урянхайской земли, Тибета и Галдана, драма изъ монгольской жизни XVII вѣка, и др. Съ одной стороны незаконченность, съ другой черновой, не подвергнутый литературной обработкѣ, видъ многихъ этихъ работъ не позволили, къ сожалѣнію, включить ихъ въ настоящій сборникъ. [illegible] хранятся въ Географическомъ музеѣ Московскаго университета.

Литературными работами Александра Викторовна занималась съ большой любовью и съ очень [illegible]. «Что [illegible] такого, пишетъ она одному другу, [illegible] и [illegible], а все же у меня [illegible] что-нибудь [illegible], лучше [illegible], а это [illegible]». После [illegible] она [illegible] къ своимъ работамъ и [illegible] сомнѣніи.

... [illegible] въ [illegible] мѣстѣ. [illegible] и [illegible] ея [illegible]...

[illegible] письмо. [illegible]

... Когда я [illegible] за [illegible], мнѣ часто становится совѣстно. [illegible] двѣ старыхъ [illegible], [illegible] другихъ [illegible], болѣе полезныхъ, чѣмъ [illegible], [illegible] и [illegible] мой трудъ. [illegible] ли [illegible]? Но [illegible] ли [illegible] въ томъ, что я не могу найти [illegible], которое было бы хоть [illegible]? Это [illegible] при полномъ досугѣ [illegible] до [illegible]. А [illegible], что [illegible] для полнаго [illegible]? Вы говорите: опишите ту жизнь, среди которой [illegible] [illegible]. Все дѣло въ томъ, что жизнь, [illegible], тогда только и будетъ интересна, когда ее хорошо опишутъ, [illegible] это [illegible] и не будетъ [illegible] и [illegible], [illegible] картину [illegible]. Когда мнѣ становится очень совѣстно за свое [illegible], [illegible], что я [illegible] только [illegible]. [illegible] нужна же [illegible] любоваться [illegible] этой прелестью, когда [illegible] есть люди, [illegible] которыхъ [illegible] эту прелесть на полотнѣ [illegible], чтобы другіе люди могли любоваться этимъ полотномъ...

Не [illegible] критической оцѣнки литературнымъ работамъ Александры

отнимающихъ время. Въ числѣ [illegible] вытягивать резинку на 5 саж., хотя я очень хотѣла бы [illegible] сравненіемъ. Мнѣ кажется, личныя отношенія людей между собою не должны проходить безслѣдно. Отнимите ихъ изъ моей жизни, и что у меня останется — все мной полученное пріобрѣтено лишь путемъ [illegible], а [illegible] возвратъ людямъ уже полученнаго [illegible], [illegible] ученыхъ [illegible] томъ — другихъ способовъ быть полезной людямъ у меня нѣтъ. Вотъ почему я всегда рада, когда люди приходятъ ко мнѣ, и всегда печалюсь, когда наши знакомства [illegible].

Въ бѣдной и скромной квартирѣ Потаниныхъ охотно собирались ихъ друзья. Здѣсь не было никакихъ угощеній, кромѣ чая, не было [illegible] и шумныхъ развлеченій, но каждый уносилъ душевную теплоту и [illegible] пріятное впечатлѣніе, [illegible] окруженіе. Вотъ что пишетъ одна изъ курсистокъ — иркутянка, [illegible] въ своихъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ Викторовнѣ.

... Съ Потаниными я познакомилась еще въ Иркутскѣ, когда [illegible] прожили тамъ 3-4 года. [illegible] интеллигенціи [illegible] уже раньше возбуждали любопытство [illegible] молодежи, разсказами объ ихъ [illegible] дѣятельности, энергіи, высокихъ нравственныхъ качествахъ и [illegible] ихъ жизни. Въ особенности [illegible] интересовала Александра Викторовна — первая появлявшаяся въ Иркутскѣ женщина, не только образованная, но и занимавшаяся учеными трудами. Встрѣтили ихъ очень торжественно, и Александра Викторовна [illegible] съ рѣчами и букетами; [illegible] гдѣ молодежь танцовала, солидные люди бесѣдовали, а Александра Викторовна съ [illegible] ласковой улыбкой бродила среди молодежи и внимательно присматривалась ко всему. Это [illegible] общество [illegible] провинціальной добротой и радушіемъ, что даже такіе застѣнчивые люди, какъ Потанины, не смутились.

Потанины [illegible] маленькихъ комнатахъ, до потолка которыхъ высокіе мужчины доставали головою. Простыя деревянныя стѣны, полки съ книгами, деревянный столъ, покрытый [illegible] бумагой, [illegible] еще стулъ и нѣсколько стульевъ — вотъ ихъ типичная обстановка, которой они не измѣняли за все время житья въ Иркутскѣ, и [illegible] Григорій Николаевичъ часто принималъ съ визитами самыхъ почетныхъ въ городѣ лицъ; мѣнялись квартиры, но комнаты попрежнему находились гдѣ-нибудь подъ крышей и

[illegible] попрежнему была узкой и уютной. Но рядомъ теперь [illegible] отдѣленныхъ [illegible] чердакъ.

Гостей встрѣчалъ Григорій Николаевичъ въ блузѣ, подпоясанной ремешкомъ, а Александра Викторовна [illegible] платьѣ. [illegible] и заводились [illegible] разговоры. Тутъ были и ученые [illegible] „[illegible] интересами" и учительницы [illegible] администраціи [illegible] [illegible] Иркутскѣ [illegible] [illegible] — [illegible] ...

Но [illegible] жизнь Александры Викторовны не [illegible] ограничивалась одной внѣшней стороной, и потому, чтобы [illegible] Александры Викторовны [illegible] Иркутскѣ [illegible] Александра Викторовна [illegible] Гр. Ник. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] психологическому анализу [illegible] [illegible] интересные романы, драмы, комедіи и т. п. [illegible] [illegible] ...

Тонкая наблюдательница, Александра Викторовна тщательно вникала во всѣ области Иркутской жизни, и замѣчанія, которыя она дѣлаетъ по этому поводу въ своей перепискѣ, весьма характерны.

...На-дняхъ я намѣрена поступить, пишетъ она, въ общество дамъ, завѣдующихъ здѣсь мастерской для швей, которая здѣсь основывается; дѣло заводится въ обширныхъ размѣрахъ, заказы поступаютъ тысячные. Въ благо-

[illegible] общество [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] добро [illegible]. Впрочемъ я со всѣми съ ними [illegible]: [illegible] всѣ люди, принадлежащіе къ обществу [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и не теорія [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 600 руб.

Въ другомъ письмѣ мы читаемъ:

...Какъ только я пріѣхала въ Иркутскъ, такъ стала думать, что [illegible]ствіе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; я думала, если [illegible] читать [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не получила, потому что у насъ [illegible] подъ руками книгъ [illegible] [illegible] той жизни, которая [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] изъ Иркутска [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] еще учатся. И я [illegible] думала, что грамотность для него было только [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ жизнь, а въ жизни [illegible] книгъ не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] интересъ для [illegible] [illegible]. [illegible] у [illegible] [illegible] [illegible] загородныя прогулки, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] общіе интересы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], честными и служебными интересами, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ буряткой Р. Н., потому что послѣдняя всегда слушаетъ съ интересомъ о многомъ, что [illegible] [illegible] [illegible] Гр. Ник., когда дѣло коснется *грамматики*, [illegible] [illegible] слушать съ большимъ интересомъ, а [illegible] [illegible] будетъ [illegible] [illegible]. Вообще, я думаю, можетъ быть [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] книги, не та, какъ у насъ въ Россіи; думаю, что здѣсь начнутъ не съ беллетристики, а вѣроятно съ какихъ-нибудь техническихъ или общественныхъ книгъ, но [illegible] [illegible]? И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ссылку, и даже въ Иркутскѣ [illegible] [illegible] [illegible]. Слыхала я, что Тургенева здѣсь очень мало читаютъ и [illegible] — здѣсь нѣтъ или лучше не было того класса людей, изъ которыхъ онъ бралъ своихъ героевъ.

Какъ [illegible] [illegible] ея наблюденія, [illegible] ея [illegible] [illegible], приведемъ еще отрывокъ изъ ея письма, гдѣ она говоритъ о своихъ попыткахъ завязать общеніе съ бурятами.

... Гр. Н. все пробуетъ что-нибудь разузнать отъ Р. Н. (бурята) и

книгу, тоже усердно ему рассказываетъ разныя легенды; вчера [illegible] хохо-тала. Дѣло идетъ о томъ, что въ старину сурокъ былъ человѣкомъ. Гр. Н. начи-наетъ уже говорить въ такомъ тонѣ, какъ будто въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ; въ отвѣтъ Г. Н.*) спросилъ его: [illegible] сурокъ [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] своей [illegible].

Живя въ Иркутскѣ, Александра Викторовна принимала дѣятельное уча-стіе въ мѣстномъ органѣ „Восточное Обозрѣніе", гдѣ она одно время вела иностранное обозрѣніе, потомъ журнальное, и помѣщала отдѣльныя статьи. Будучи [illegible] членомъ, она была и въ распорядительномъ отдѣлѣ, гдѣ [illegible] было впервые принята женщина. Она [illegible] посѣщала почти всѣ засѣданія и принимала дѣятельное участіе въ устройствѣ будущей выставки. Не могу не вспомнить, съ какимъ волненіемъ была [illegible] Александра Викторовна [illegible] [illegible]. Женщина на каѳедрѣ — это было [illegible] событіе для Иркутска. Она очень волновалась, читая, но успо-коилась [illegible] молодыя учительницы и [illegible], чувствуя, что [illegible] присутствуютъ [illegible]. И [illegible] [illegible] какъ-то уже не придавала значенія тому, что она читаетъ и какъ читаетъ**).

Къ [illegible] ея обычныхъ занятій Александры Викторовны [illegible] уроки двумъ маленькимъ [illegible]. Онѣ приходили къ ней [illegible] занимались [illegible], письмомъ и рукодѣліемъ. Дѣвочки очень полюбили свою [illegible] учительницу, хотя, кажется, и побаивались ея. Вообще, она [illegible] любила дѣтей и легко привязывала ихъ къ себѣ. Когда она проводила лѣто за Байка-ломъ въ [illegible] бурятской семьи, то и тамъ [illegible] себѣ учениковъ. „Для оживленія, пишетъ она, у насъ есть мальчикъ, ученикъ Г. Н. Онъ старшаго все заставляетъ слушать рассказы Гр. Н., но [illegible], кажется, [illegible] [illegible] у старика. Я читаю ему [illegible] Робинзона, онъ и самъ чи-таетъ его усердно, и понимаетъ, по его словамъ, „мало-мало". Есть еще маленькая [illegible], который [illegible] русскую азбуку, ничего не понимая по-русски, однако [illegible] [illegible] [illegible]. Г. Н. продол-жаетъ уроки письма, заставляя его писать монгольскія слова". Объ этомъ же чувствѣ къ дѣтямъ говоритъ весьма [illegible] слѣдующій отрывокъ изъ одного ея дорожнаго письма:

„А я, когда трактирная и уличная суета доведетъ меня чуть не д[о]

*) Г. Н. [illegible]

**) Она читала о [illegible] бурятъ.

тоски. Ли мнѣ иной разъ сдѣлается страшно и очень ужъ непріятно жить среди грязи, часто успокоиваюсь, слыша голоса играющихъ дѣтей, а ихъ въ Китаѣ ужасно много, въ каждомъ домѣ всегда есть вдоволь. Думаю: гдѣ есть дѣти, все еще можно жить".

Съ отъѣздомъ Потаниныхъ изъ Иркутска многіе почувствовали большую утрату, а всѣ знавшіе ихъ — пустоту. Не стало центра, объединявшаго мѣстную интеллигенцію, не стало импульса, дававшаго жизнь и движеніе не только обществу, но и Географическому отдѣлу, и мѣстной газетѣ. „У насъ точно все заснуло съ отъѣздомъ Потаниныхъ", — пишутъ изъ Иркутска. И этому повѣритъ тотъ, кто знаетъ, какъ много значитъ въ Сибири иниціатива, энергія и активность даже одного лица, какую роль можетъ сыграть всякая отдѣльная личность въ созданіи мѣстной исторіи.

Черезъ годъ и я уѣхала въ Петербургъ, и съ этого момента начинается моя большая близость съ Потаниными.

Проснувшись рано утромъ въ номерѣ (на другой день послѣ пріѣзда изъ Сибири въ Петербургъ), я все еще находилась подъ впечатлѣніемъ грандіознаго, выросшаго передо мной въ ночномъ мракѣ и залитаго волнами электрическаго свѣта Петербурга... Удивительно ли, что первою мыслью оробѣвшей и ошеломленной провинціалки было найти Потаниныхъ, единственныхъ знакомыхъ людей, съ которыми меня сблизило [illegible] въ далекомъ родномъ уголкѣ. Послѣ долгихъ и неинтересныхъ мытарствъ съ извозчиками, адресами и улицами, я позвонилась у дверей небольшого одноэтажнаго [illegible] крайне невзрачнаго домика. Съ замирающимъ сердцемъ раздѣлась въ маленькой темной прихожей и боязливо вошла въ комнату. Но стоило взглянуть въ свѣтло-голубые, проницательные глаза высокой пожилой женщины, на ея лицо, освѣщенное глубокою внутреннею мыслью, чтобы броситься къ ней на шею, чувствуя пониманіе и ласку. Вскорѣ я сидѣла за радушно предложеннымъ завтракомъ и весело разсказывала о дорогѣ, объ общихъ знакомыхъ и т. д. Потомъ пришелъ и Григорій Николаевичъ. Теплая симпатичная атмосфера скоро согрѣла и ободрила меня, и я съ [illegible] интересомъ [illegible] Александру Викторовну [illegible] о петербургской жизни, о студенчествѣ, курсахъ и т. п. Александра Викторовна отвѣчала очень сдержанно, не желая, какъ она говорила, предупредить непосредственное впечатлѣніе. На другой день она пошла показать мнѣ Петербургъ съ его примѣчательностями. Александра Викторовна съ добродушнымъ и нѣжно-насмѣшливымъ любопытствомъ слушала мои восторги и удивленія, и не старалась охлаждать, — энтузіазмъ и розовые миражи ей всегда казались въ молодежи симпатичнѣе, чѣмъ холодное резонерство и трезвая черствость.

XXXV.

И часто теперь, проходя по петербургскимъ улицамъ, я какъ-бы вновь вижу передъ собою ея высокую, сутулую фигуру, въ широкой, постарѣлой ротондѣ, въ старой, немодной шляпкѣ на гладкихъ стриженыхъ волосахъ, съ неровной, точно ковыляющей походкой...

Поселившись въ интернатѣ, среди массы незнакомыхъ лицъ, и не освоившись еще съ новыми условиями жизни, я съ нетерпѣніемъ [illegible] ждала воскресенья, чтобы съ утра бѣжать къ Потаниным. Они по обыкновенію оба бывали за работой. Григорій Николаевичъ сидѣлъ въ креслѣ у письменнаго стола въ комнатѣ, гдѣ была и спальня; Александра Викторовна — въ другой, служившей пріемной, тоже за переводами или книгой; но если приходили посторонніе, она [illegible] занятіе и шла [illegible], смотря по степени знакомства съ пришедшимъ. [illegible] — и ея любимой работой было [illegible] всегда въ [illegible] она обыкновенно раздавала своимъ друзьямъ [illegible]...

Последніе годы своей жизни она съ страстью стала заниматься рисованіемъ, быстро дѣлая весьма значительные успѣхи. И въ последнихъ письмахъ она часто говоритъ о своемъ рисованіи и печалится, что не выходитъ удачно. Любовь, почти обожаніе мужа, самая нѣжная предупредительность, вниманіе — все это были ея личная жизнь, личное счастье. Но въ ея отношеніяхъ къ мужу не было той безличности и покорности, съ которой обыкновенно женщины приноравливаются къ понятіямъ и вкусамъ своихъ мужей. Она съумѣла остаться самостоятельной и сохранить свои взгляды, вѣрованія и симпатіи, какъ это и подтверждаетъ слѣдующее письмо къ В. В. Лесевичу, помѣченное [illegible].

... Все, что я теперь пишу, имѣетъ двойственный характеръ: не то это этнографія, не то статейка для легкаго чтенія, потому и въ «Ниву» не пригодно и въ серьезный журналъ не надобно. Двойственность эта лежитъ, я полагаю, во мнѣ самой — это все то же явленіе, по которому я и васъ уважаю [illegible] и готова [illegible] помогать воду носить для мужика и т. п., даже и симпатіи-то мои привязанности такого же двойственнаго рода: я и Григорья Николаевича люблю и уважаю и брата Валеріана также. Тоже самое и въ жизни: я буду съ величайшимъ удовольствіемъ Лекки читать, а потомъ сложу книжку и пойду въ церковь. И все это во мнѣ уживается рядомъ, безъ ссоры теперь. Конечно, было время, когда борьба происходила жестокая и мучительная, и сколько мнѣ кажется, я не просто отложила думать, а тогда же не могла отказаться

отъ религіи, и потому рѣшила жить съ общимъ обычаемъ народа. Думаю, что окончательное уясненіе вопроса я получу въ томъ свѣтѣ. Конечно, такое состояніе можетъ быть возможно только для людей съ ослабленнымъ мышленіемъ, но вѣдь вы сами знаете, что всѣ мы такимъ мышленіемъ и ограничиваемся. И я сама могу сказать, что то мышленіе, которое бывало у меня въ минуты или часы сильной душевной разборки, по своей силѣ, ясности и послѣдовательности ничего общаго съ теперешнимъ способомъ не имѣетъ, или не то, что общаго, а главное по силѣ-то очень ужъ разнится и мнѣ иногда приходило въ голову, неужели есть люди, у которыхъ мысль всегда такъ сильно и такъ ясно работаетъ. Со мною это было уже очень давно, въ ранней юности, и съ тѣхъ поръ уже не случалось».

Вообще умъ Александры Викторовны, ясный, простой и реальный, носилъ на себѣ сильные слѣды вліянія писателей 60-хъ гг.; онъ никогда не оставался въ бездѣйствіи,—быстро и легко разбирался въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Она постоянно читала какія-нибудь серьезныя книги, съ нетерпѣніемъ ждала выхода новыхъ журналовъ, и съ удовольствіемъ говорила о прочитанномъ. Спорить она не любила, но сужденія ея были разносторонни, строго аргументированы и отличались оригинальностью и самобытностью. Въ возраженіяхъ противника она мѣтко схватывала слабыя стороны, и ея остроумныя краткія замѣчанія бывали иногда неотразимы. Ея общественныя симпатіи были тоже симпатіями людей 60-хъ годовъ. Она высоко ставила достоинство человѣческой личности и умѣла указать его подъ оболочкой дикаря. Она болѣла душой за невѣжество и за бѣдность русскаго народа, но вѣрила въ него, и ея внимательный взглядъ умѣлъ подмѣчать всякую мелочь, въ которой отражалось въ немъ что-нибудь доброе. «Насъ очень порадовало,—пишетъ она,—что въ Эрмитажѣ была масса простого народа, моряковъ, матросовъ, солдатъ, женщинъ въ платочкахъ, мужиковъ, дѣтей съ ними. Прежде этого, кажется, не бывало».

Красоту она не только цѣнила, но умѣла понимать и наслаждаться прекраснымъ не только въ природѣ, но и въ искусствѣ. Въ письмахъ ея путе- [illegible] красивымъ пейзажемъ. Посѣщеніе Эрмитажа и галлереи Третьякова было для нея не только удовольствіемъ, но даже потребностью. Картины русскихъ художниковъ она предпочитала иностраннымъ, но цѣнила и послѣднихъ. «Очень хороши,—пишетъ она,—портреты Рембрандта и другихъ фламандцевъ, всегда я очень увлекаюсь этими лицами, они какъ будто воскрешаютъ ту старую жизнь, о которой мы имѣемъ понятіе только изъ романовъ».

«У Третьякова собраны такія богатства, такія чудеса искусства... Какъ

дорона по техникѣ картины Верещагина, можно ли писать лучше? у него воздухомъ наполнены комнаты и солнце свѣтитъ, а какой чудный лунный лучъ, пробившійся въ тюрьму, на его послѣдней картинѣ!

Способность угадывать людей у нея была изумительная, но, слишкомъ осторожная въ своихъ отзывахъ, она часто боялась откровенно передать впечатлѣніе, если оно было неблагопріятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была прямая и безусловно честная натура, чуждая мелочности, дешеваго самолюбія и [illegible]. Она не любила разсказывать о себѣ и своей прошлой жизни. А между тѣмъ, какъ глубоко поучительна была вся ея труженическая жизнь, проведенная въ безпрерывной борьбѣ съ матеріальными невзгодами и лишеніями! Какой сильный духъ нужно было имѣть, чтобы всю жизнь сохранить глубокій интересъ къ наукѣ и людямъ, при постоянной необходимости обдумывать, какъ-бы не истратить лишняго гривенника. Мы лично были свидѣтелями, какъ однажды ей пришлось шить грубые холщевые мѣшки для пріисковъ, потому что ей, человѣку образованному, знавшему языки, занимавшемуся литературой, въ Иркутскѣ не нашлось соотвѣтствующаго занятія, а была нужда.

Но какъ ни трудны были матеріальныя обстоятельства — Александра Викторовна никогда на нихъ не жаловалась и не затруднялась отказывать себѣ даже въ необходимомъ. И несмотря на это, во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ молодежь всегда находила у Александры Викторовны радушный пріемъ. Какъ-то само собою случилось, что у нея стали собираться каждое воскресенье. Публика была самая разнообразная—профессора, курсистки, студенты и т. д. Даже опять отыскались и инородцы — то буряты пріѣзжали въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, и Александра Викторовна показывала имъ выставки, Эрмитажъ, музеи; то киргизы изъ военно-учебныхъ заведеній, и Александра Викторовна пріучала ихъ разговаривать. О чемъ не говорилось на ея вечерахъ? Факты текущей жизни, газетныя извѣстія, журнальныя новости,— все подвергалось обсужденію, пересыпалось остротами, шутками, смѣхомъ. Не было никакой принужденности, никакого стѣсненія. Александра Викто- [illegible] и ея глаза свѣтились яснымъ кроткимъ свѣтомъ; не участвуя въ одномъ какомъ-нибудь разговорѣ, она обыкновенно слышала все, и всюду вставляла свои удачныя, мѣткія, а иногда и очень ядовитыя замѣчанія.

Къ каждому изъ своихъ молодыхъ гостей она относилась съ глубокимъ интересомъ, расспрашивала, чѣмъ занимается, что читаетъ, какъ живетъ; пріунывшихъ ободряла совѣтомъ и лаской, и сама сокрушалась, когда кто-нибудь признавался въ своемъ безсиліи, сомнѣніяхъ, трудностяхъ.

XXXVIII

Ея вліяніе было очень сильное, упрямо [illegible] мечты и невысказанно, но проскальзывали въ ея словахъ или въ тонѣ. [illegible] было,—въ ней чувствовался строгій критикъ, который не выносилъ лицемѣрности, неправды, малодушія и лѣни. Ея строгое отношеніе къ самой себѣ, ея безпрерывная дѣятельность, энергія—все это и привлекало къ ней, и воспитывало..."

Кромѣ приведеннаго отрывка, мы получили много другихъ воспоминаній объ Александрѣ Викторовнѣ отъ учащейся въ Петербургѣ сибирской молодежи, и всѣ они свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи и любви къ покойной и о громадномъ вліяніи ея на учащихся.

Цѣня и поддерживая благородныя стремленія молодежи, она [illegible] и укрѣпляла [illegible] любовь къ родинѣ, наставляя, какъ и чѣмъ ей должно послужить, внушала не терять [illegible] времени [illegible] пребыванія въ университетѣ и на курсахъ, а стараться пополнить [illegible] и подготовиться къ дальнѣйшей самостоятельной дѣятельности... Нужно только пожелать, чтобы молодежь не забывала этихъ завѣтовъ [illegible] славной Александры Викторовны (такъ она всегда называла ее), а [illegible] и сберегала [illegible] къ ея [illegible] памяти [illegible]...

Смерть застигла Александру Викторовну на самой [illegible] ея дѣятельности, во время научныхъ изслѣдованій въ Китаѣ. Отправившись изъ Россіи весною 1892 г. и достигнувъ Пекина, Потанины [illegible] по направленію къ восточному Тибету и [illegible] въ Тарсандо. Александра Викторовна хворала уже передъ отправленіемъ въ путешествіе, но непремѣнно хотѣла слѣдовать за мужемъ. Когда въ Пекинѣ докторъ [illegible] совѣтовалъ ей остаться, она также не согласилась. Свое нездоровье она не считала важнымъ и, кромѣ того, она и мысли не допускала, чтобы дорогой ей человѣкъ остался одинъ, безъ необходимаго помощника.

Въ Тарсандо путешественницѣ стало хуже. Вотъ что она пишетъ въ своемъ дневникѣ о постигшей ее здѣсь болѣзни: "[illegible] мая (1893 г.) въ девятомъ часу вечера я испытала какой-то болѣзненный припадокъ. Днемъ чувствовала себя хорошо, часовъ въ семь обѣдала, затѣмъ вышла изъ своей комнаты къ чаю и выпила одну чашку; потомъ стала наливать себѣ и Григорію Николаевичу еще по чашкѣ; ему налила, и только-что снова взялась за чайникъ, какъ что-то случилось: я упала локтями на столъ и почувствовала, что лежу всею тяжестью, такъ что явилась мысль, что столъ подломится; затѣмъ—помню—видѣла, что Гр. Ник. держитъ меня за плечи и спра-

шивала: «что съ тобой?». Отвѣчать ему я не могла; помню и другихъ, помню, что видѣла, какъ-бы не рѣзкихъ [illegible] [illegible]. Въ тоже время я чувствовала, что мнѣ *неловко*, ноги мои какъ будто не слушать, и я боялась, [illegible] руку со стола; затѣмъ я [illegible], что меня тащитъ, что мнѣ очень *неловко*, что имъ тяжело меня тащить, и я даже жалѣла Гр. Ник. за то, что ему тяжело. [illegible], я хотѣла-бы [illegible]. Меня положили на постель въ другой комнатѣ; я чувствовала, что лѣвая нога [illegible], рука — также, и [illegible] поправить свое положеніе и не могла. Тутъ, должно быть, я совсѣмъ потеряла сознаніе. Когда я очнулась, мнѣ [illegible] голову, [illegible] у меня состояніе [illegible]; я [illegible] это, спрашивала, но языкъ не повиновался мнѣ, а слова какъ-будто перепутывались. Чувствовала я также [illegible] ощущеніе въ [illegible]; обратила вниманіе на то, что все тѣло, особенно руки, какъ-бы [illegible], и я смотрѣла на нихъ, какъ на непринадлежащія мнѣ; должно быть, я хотѣла попробовать дѣйствовать ими, потому что правая моя рука начала [illegible], и — помню — я не могла рѣшить, которая это рука, — правая или лѣвая. Затѣмъ я перебросила ее, или Гр. Ник. переложилъ, — не помню, — [illegible] груди [illegible]; потомъ, [illegible] моей ноги, она начала барабанить пальцами, и я [illegible] на нее, какъ на [illegible] постороннее, и говорила: «она чужая, — [illegible]!» Гр. Ник. спрашивалъ: «кто чужая?». Потомъ я попросила [illegible] мнѣ лѣвую ногу; въ тоже время мнѣ постоянно прикладывали къ головѣ холодный компрессъ. Все время я чувствовала себя неловко, но боли [illegible] не чувствовала. Заботилась я также о томъ, не перекошено ли у меня лицо; но Гр. Ник. увѣрялъ, что лицо все время было [illegible], [illegible]. Черезъ полчаса, должно быть, я почувствовала желаніе повернуться на бокъ, исполнила это безъ затрудненія и такъ перешла въ [illegible] положеніе и стала разсказывать свои ощущенія. Вечеромъ я [illegible] легкую головную боль въ лѣвомъ вискѣ; спала ночью хорошо, [illegible]. На другой день встала, [illegible], но скоро почувствовала, что сила у меня стала меньше, нога [illegible]...

Болѣзнь не лишила ее обычнаго спокойствія и мужества и, съ [illegible] о другихъ и о дѣлахъ [illegible] она какъ будто игнорируетъ свое опасное положеніе, но объ этомъ лучше скажутъ ея собственныя письма.

VI.

[illegible] апрѣля 189[illegible] г. Тарендо.

…„Сегодня уже 10-й день, какъ мы въ этомъ городѣ, [illegible] ещё въ Петербургѣ [illegible] моего собственно путешествія. Здѣсь со мной случилось несчастье: я вотъ уже нѣсколько дней лежу въ постели. Первое время болѣзнь эта произвела на меня такое удручающее впечатлѣніе, что я [illegible] кромѣ того, что я [illegible]. Теперь я какъ-то примирилась съ [illegible]. Главное, думаю, что *[illegible]* [illegible] и очень трудно [illegible] двигаться [illegible]. [illegible] если я не поправлюсь — я [illegible] въ качествѣ [illegible]. [illegible] если я не поправлюсь — [illegible]. Это очень печально. [illegible] Тарендо [illegible]. Для [illegible] Тарендо представляетъ [illegible] окрестностяхъ [illegible] коллекторы путешественникомъ.

Первая ночь въ Чинту-[illegible] [illegible] обыкновенно [illegible]. И въ Чинту [illegible] на свѣжемъ воздухѣ, хотя бы и [illegible]*).

24 апрѣля.

… Понемногу [illegible] Главная задача [illegible] Тарендо — [illegible] въ [illegible].

[illegible]

*) Кур[illegible].

[illegible]

Какъ только [illegible] рѣшено было продолжать [illegible]

[illegible] Плаванiе [illegible] Здѣсь явилась какъ-будто надежда спасти [illegible] все хуже и хуже. [illegible]

тельно пятна. Пищу она не могла уже принимать вовсе. Говорить также не могла,—она показывала руками знаками и прощалась со всѣми безмолвно, прижимая его голову или цѣлуя. За два дня до кончины [illegible] 19-го сентября 1893 года она скончалась...

Печальное извѣстіе о смерти Александры Викторовны пришло въ Россію болѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, и повсюду вызвало живѣйшую скорбь и сожалѣніе о преждевременной кончинѣ неутомимой труженицы науки. Газеты и журналы посвятили ей некрологи[1]; во многихъ городахъ учеными Обществами и частными лицами были отслужены панихиды; Географическое Отдѣленіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи постановило почтить ея память изданіемъ настоящаго сборника, а Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества учредилъ при Отдѣлѣ капиталъ, проценты съ котораго должны выдаваться или въ премію, или на географическія изслѣдованія, или какъ премія за лучшее сочиненіе по этнографіи.

18-го декабря 1893 г. гробъ съ прахомъ Александры Викторовны былъ привезенъ изъ Китая черезъ Пекинъ и Калганъ въ Кяхту. [illegible] оставался до [illegible], такъ какъ не было рѣшено вопроса о мѣстѣ преданія его землѣ. На гробъ было возложено болѣе 25 вѣнковъ отъ ученыхъ Обществъ, друзей и почитателей покойной путешественницы, въ томъ числѣ вѣнокъ отъ бурятъ. Погребеніе совершено съ необычайною торжественностью 23-го января 1894 г. въ г. Кяхтѣ, на Успенскомъ кладбищѣ, а кяхтинскіе граждане на общія пожертвованія рѣшили поставить памятникъ на могилѣ покойной, какъ знакъ уваженія къ ея заслугамъ.

---

[1]) Некрологи, посвященные памяти Александры Викторовны, см.: Н. М. Ядринцева въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1893 г., № [illegible]; въ „[illegible]“, 1893 г., [illegible] Д. А. Клеменца — въ [illegible], 1893 г., [illegible] „Этнографическомъ Обозрѣніи“, 1894 г., № 1; въ „Мірѣ Божьемъ“ 1894 г., [illegible] и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, 1893 г., № 297. [illegible] XX [illegible] „[illegible]“, 1893 г., [illegible] „Русскихъ [illegible]“, 1893 г., № 282; [illegible] 1893 г., № [illegible] „Gazeta Warszawska“ 1894 г., № 122, „Kraj“ и др.

Б У Р Я Т Ы.

Этнографический очеркъ *).

Въ Восточной Сибири живутъ буряты, народъ монгольскаго племени **). Прежде вся страна, окружающая Байкалъ, принадлежала [illegible] съ бродячими тунгусами. Съ приходомъ русскихъ буряты должны были [illegible] своихъ земель; въ настоящее время страна, занимаемая бурятами, простирается отъ запада къ востоку [illegible]

*) [illegible]

[illegible]

**) [illegible]

приблизительно между 116° и 137° вост. долг. и между 45° 30' и 55° сѣв. шир.

Весь бурятскій народъ дѣлится на 11 племенъ; каждое племя подраздѣляется на нѣсколько родовъ или аймаковъ. Численность всего народа доходитъ до 200,000 душъ; половина этого числа (110.750 ч. об. пола) живетъ въ Иркутской губ., другая — въ Забайкальѣ.

Семь изъ 11-ти племенъ живутъ на сѣверо-западъ отъ Байкала и четыре племени — на юго-восточной сторонѣ; здѣсь, у сѣвернаго конца Байкала, живутъ буряти племени *баргу*, состоящіе изъ 5-ти аймаковъ; они кочуютъ по р. Баргузину. Нѣсколько южнѣе ихъ живутъ *хоринцы* изъ 14-ти аймаковъ, у южнаго конца Байкала — *кударинцы* изъ 4-хъ аймаковъ и *селенгинцы* по р. Селенгѣ и ея притокамъ — изъ 18-ти аймаковъ. На сѣверо-западной сторонѣ или, что то же, въ Иркутской губ., на самомъ сѣверѣ ея, живутъ *ленскіе буряти* и *верхоленскіе*, отъ истоковъ Лены до Верхоленскаго острога; они составляютъ 10 аймаковъ; *балаганскіе* — 14 аймаковъ и *идинскіе* — 12 аймаковъ живутъ по Ангарѣ около города Балаганска; *аларскіе* — 9 аймаковъ — по теченію р. Бѣлой и ея притокамъ; *кудинскіе* по р. Кудѣ до Байкала, въ числѣ 14-ти аймаковъ, и *тункинскіе* у юго-западной оконечности Байкала, между Байкальскими и Саянскими горами, по р. Иркуту; ихъ считается также 14 аймаковъ. Островъ Ольхонъ также населенъ бурятами *ольхонцами* изъ 5-ти аймаковъ; на Ольхонѣ жителей считается около 6,000.

Шесть аймаковъ селенгинскихъ бурятъ и нѣкоторая часть аларскихъ пришли въ Россію недавно, въ концѣ XVII ст. (1668). Съ прошлаго вѣка изъ селенгинскихъ бурятъ было сформировано четыре казачьихъ полка. На сѣверѣ и на востокѣ очень трудно опредѣлить, гдѣ кончаются земли бурятъ и гдѣ начинаются кочевья якутовъ и тунгусовъ; на западной границѣ земли бурятъ въ настоящее время являются смежными и смѣшанными съ владѣніями русскихъ. Буряти сѣверные, баргузинскіе и ольхонскіе, по всей вѣроятности, самые древніе обитатели этого края: по крайней мѣрѣ, упоминанія о бурятахъ, живущихъ около Байкала, встрѣчаются въ монгольской исторіи въ XII вѣкѣ нашей эры. Русскіе познакомились съ бурятами въ XVII в. Въ 1631 г. былъ выстроенъ на землѣ ихъ Братскій острогъ, затѣмъ въ 1640 г. былъ основанъ Канскій острогъ; въ 1641 — Верхоленскій, въ 1648 — Илимскій, въ 1654 — Балаганскій, въ 1661 г. основанъ Иркутскій. Буряты сначала нападали на эти остроги, но къ концу XVIII вѣка смирились. Въ 1681 г. былъ основанъ на берегу Байкала Спасопреображенскій, такъ называемый Посольскій монастырь, недалеко отъ

тѣмъ же [illegible] вмѣстѣ съ [illegible] русскихъ [illegible]. [illegible] удалившійся въ Монголію. Первая [illegible] была взята въ 16[illegible]—28 гг. Петромъ Бекетовымъ у бурятъ, кочевавшихъ по р. Окѣ.

До недавняго времени буряты управлялись наслѣдственными князьями, *тайшами*, и старшинами, называемыми *зайсанами*. Русское правительство учредило между ними *степныя думы*, гдѣ засѣдаютъ старшины родовъ подъ предсѣдательствомъ тайшей. Въ важныхъ случаяхъ тайши обязаны созывать народное собраніе. Въ Иркутской губ. въ настоящее время буряты управляются *инородческими управами*; тайшей у нихъ уже нѣтъ, да и тамъ, гдѣ власть тайшей сохраняется еще, это уже не наслѣдственное званіе, а должность по избранію. Слово тайша — то же, что *тайджи*, такъ въ Монголіи называютъ всѣхъ лицъ ханскаго или княжескаго происхожденія.

Инородческія управы то же, что наши волости; онѣ управляются головой; переписка какъ въ нихъ, такъ и въ думахъ ведется по-русски. Думы такъ же, какъ наши городскія думы, вѣдаютъ народное хозяйство. Судъ принадлежитъ тайшамъ и совершается по народнымъ обычаямъ и особому уложенію, собранному въ книгѣ „Дзолучени-токтолъ". Буряты, сохранившіе тайшей, по русскимъ законамъ судятся только въ случаѣ уголовныхъ преступленій.

Языкъ бурятъ монгольскій; въ произношеніи онъ во многомъ различается отъ собственно-монгольскаго и нѣсколько ближе къ западно-монгольскому или олетскому; менѣе близокъ къ монгольскому языкъ хоринскихъ бурятъ, тункинскихъ и [illegible] селенгинскихъ; въ языкѣ сѣверныхъ бурятъ встрѣчается много переродныхъ словъ, заимствованныхъ бурятами, повидимому, отъ тунгусовъ и другихъ инородцевъ-сосѣдей [illegible] скаго происхожденія; есть, вѣроятно, заимствованныя изъ тюркскаго языка. Въ настоящее время, живя среди русскихъ, буряты заимствовали много словъ русскихъ, а мѣстами и совсѣмъ усвоили русскій языкъ; въ этихъ случаяхъ бурятскій языкъ дольше сохраняется между женщинами.

Буряты [illegible] и потому [illegible], которые [illegible] русскимъ правительствомъ, владѣютъ русской грамотностью. Въ Забайкальѣ, гдѣ бурятское населеніе живетъ почти сплошной массой и гдѣ оно [illegible] въ своихъ сосѣдяхъ-монголахъ, [illegible] грамотность, буряты чаще изучаютъ [illegible] грамоту, монгольскую. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, въ нѣкоторыхъ [illegible] были открыты монголо-русскія школы, гдѣ дѣти бурятъ могли изучать и русскій, и монгольскій языки; но въ настоящее время [illegible]

школы закрыты. Къ настоящему году (1891) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сибири бурятъ было 125; кромѣ того были нѣсколько бурятъ въ гимназіи и въ институтѣ. Въ народныхъ училищахъ Иркутской губ. бурятскихъ мальчиковъ училось 485, но это только въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія; вообще же число учащихся должно быть значительно больше; есть также и женскія школы среди бурятскаго населенія. Въ Забайкальской области къ январю 1884 г. всего въ школахъ было 3062 дѣтей, изъ нихъ 315 бурятскихъ мальчиковъ, 163 православныхъ и 132 некрещенныхъ. Всего въ Иркутской губ. и Забайкальской области обучалось 800 инородческихъ мальчиковъ; въ томъ числѣ было нѣсколько тунгусовъ, но они не выдѣлены въ отчетахъ, а число ихъ не должно быть значительно. По отзывамъ народныхъ учителей, дѣти бурятъ по способностямъ не ниже русскихъ дѣтей и почти всѣ выказываютъ способность къ рисованію.

Настоящая древняя религія бурятъ — шаманство. Эта религія, повидимому, возникла тутъ же, на мѣстѣ, вмѣстѣ съ самымъ народомъ, а не заимствована у кого-либо другого. Та же религія существуетъ и у другихъ народовъ Сибири.

Шаманство — это вѣра въ благодѣтельныя и враждебныя силы природы. Народъ первобытный близко зависитъ отъ окружающей его природы и на первыхъ порахъ своей исторіи былъ беззащитенъ противъ стихій, что невольно должно предрасполагать [illegible] физическихъ явленій, среди которыхъ проходила [illegible] его жизнь. Вначалѣ, добывая себѣ пропитаніе исключительно охотою и рыболовствомъ, человѣкъ чувствовалъ, что жизнь его вполнѣ зависитъ отъ явленій природы, его окружающей. Если небо было туманно, [illegible] снѣгъ или дождь, если морозъ сковывалъ рѣку непроницаемымъ [illegible] слоемъ твердаго льда, — человѣкъ не только терпѣлъ отъ непогоды, онъ нерѣдко страдалъ отъ голода, а нерѣдко умиралъ. [illegible] тепло и холодъ, дождь и снѣгъ, [illegible] учитъ небо, — и дѣйствительно, у шаманистовъ небо пользуется прежде всего божескими почестями, оно считается подателемъ жизни, какъ бы всеобщимъ отцомъ. Атмосферическія явленія, исходящія, по представленію первобытнаго человѣка, отъ неба, были губительны или благодѣтельны для всей природы, какъ для животнаго, такъ и для растительнаго міра, отъ которыхъ въ свою очередь всецѣло зависѣла жизнь послѣдняго; [illegible] у первобытнаго бурята явилось чувство сильной зависимости отъ природы,

на объяснить явленій онъ не умѣлъ, онъ чувствовалъ свою зависимость именно отъ природы той мѣстности, гдѣ жилъ, а, кромѣ обоженія неба, у него явилось обоженіе той земли, той рѣки, озера, долины, горы, лѣса, среди которыхъ онъ жилъ и гдѣ онъ добывалъ свое пропитаніе. Живя вблизи горъ, буряты начинаютъ наблюдать связь нѣкоторыхъ атмосферныхъ явленій съ ближайшими высокими вершинами этихъ горъ, откуда текли къ нимъ воды, гдѣ скоплялись облака, гдѣ гремѣлъ громъ, тогда какъ долины не испытывали грозовыхъ явленій. И вотъ у бурятъ явилась мысль видѣть горы, какъ мѣста особенно священныя; у нихъ явилось поклоненіе горамъ. Съ развитіемъ скотоводческаго быта, когда человѣкъ уже накопилъ много наблюденій надъ окружающей его природой, эта связь между окружающими его явленіями и его благосостояніемъ должна была сдѣлаться ощутительнѣе, жизнь перестала быть рядомъ счастливыхъ случайностей и стала больше зависѣть отъ неизмѣнно повторяющихся явленій одной и той же окружающей человѣка мѣстности. Тогда у человѣка явилось чувство привязанности къ мѣсту и мысль, что природа относится не безучастно къ тѣмъ, кто живетъ среди нея; свои собственныя чувства къ природѣ онъ придалъ ей, и затѣмъ явилась вѣра въ существованіе духовъ данной мѣстности.

Въ высокой горной вершинѣ человѣкъ сталъ видѣть не мертвый предметъ, а существо чувствующее; онъ придалъ ей свои человѣческія черты. То же самое понятіе о духовности, о нѣкоторыхъ общихъ съ человѣкомъ чертахъ было приложено первобытнымъ человѣкомъ и ко всѣмъ другимъ физическимъ явленіямъ природы. Губительныя бури на Байкалѣ, наводненія рѣкъ, часто внезапныя, сильные зимніе бураны должны были казаться дикарю чисто произвольными явленіями, какъ будто это были дѣйствія живого существа. Такимъ образомъ у первобытнаго человѣка явилась мысль, что силы природы — такія же личныя существа, съ такой же волей и съ такими же страстями, какъ и человѣкъ, и что ихъ тоже, какъ и человѣка, можно упрашивать, умолять, [illegible] или умилостивить подарками. Вотъ происхожденіе шаманской религіи бурятъ.

Борьба съ такими сильными противниками, каковы стихіи, требовала отъ человѣка не физической силы, а чего-то другого, большаго, и вотъ изъ среды народа выдѣлялись люди съ особенно сильными умственными способностями, съ сильнымъ воображеніемъ и особенно съ сильнымъ нравственнымъ мужествомъ; такіе люди и брали на себя сношенія съ духами или съ силами природы. Таково происхожденіе шамановъ — такъ назы-

вают буряты посредниками своими между духами и людьми. Эти выдающіеся своими способностями люди несомнѣнно имѣли большое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, защиту которыхъ отъ враждебныхъ силъ природы они брали на себя. Они и послѣ смерти своей продолжали пользоваться уваженіемъ — и вотъ у шаманистовъ, вслѣдъ за появленіемъ духовъ, олицетворявшихъ различныя явленія природы, и духовъ-хозяевъ (*эжиновъ*) горъ, озеръ, рѣкъ и разныхъ другихъ урочищъ, появились души умершихъ шамановъ, отъ которыхъ они также стали ждать покровительства или вражды. Вслѣдъ за душами шамановъ могли почитаться души и другихъ, особенно почитаемыхъ или особенно любимыхъ людей.

Вмѣстѣ съ другими физическими явленіями первобытный человѣкъ, къ тому же еще житель нашего сѣвернаго климата, не могъ не чтить *огня* — стихіи такъ важной и благодѣтельной въ жизни. И дѣйствительно, почитаніе огня у бурятъ очень развито. Кромѣ того, огонь, горящій на очагѣ, постоянно поддерживаемый женщиною, сдѣлался какъ бы символомъ семьи. До сихъ поръ, вмѣсто проклятія своему врагу, буряты говорятъ: „да потухнетъ огонь твой!“ — и это понимается, какъ желаніе прекращенія рода.

Все, что мы сейчасъ говорили о бурятскомъ шаманствѣ, можно сказать вообще о шаманской религіи. Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ шаманствѣ каждая отдѣльная мѣстность, каждое племя, каждый родъ имѣетъ своихъ духовъ-покровителей, и въ каждой мѣстности разсказываютъ свои исторіи о происхожденіи тѣхъ или другихъ духовъ, даютъ имъ ту или другую родословную, сообразно съ мѣстными условіями а также благодаря вымыслу мѣстныхъ шамановъ и поэтовъ. Есть, однако, нѣкоторыя религіозныя представленія, общія для всѣхъ бурятъ. Такъ, у всѣхъ бурятъ главнымъ божествомъ считается Хань-Тюрмасъ-Тэнгери. Хань-Тюрмасъ-Тэнгери имѣетъ трехъ сыновей, одинъ изъ нихъ — Гэсэръ-Богдо — есть любимое лицо народныхъ легендъ. Его обожествленіе представляетъ, повидимому, есть уже позднѣйшее представленіе; въ рѣчахъ, въ заклинаніяхъ и призываніяхъ чаще упоминаются западныя и восточныя небеса, которыхъ насчитывается очень много, иногда до 99-ти небесъ. Наблюдая названія отдѣльныхъ многочисленныхъ *тэнгри* (небесъ), упоминаемыхъ въ шаманскихъ призываніяхъ, можно замѣтить, что это обиліе небесъ появилось вслѣдствіе тѣхъ разнообразныхъ явленій небесныхъ, которыя наблюдались людьми. Такъ, есть *Хухэ-тэнгри* — голубое небо, *Ошхоронъ-тэнгри* — ночное небо, небо красной зари и т. д. Слово „тэнгри“, обозначавшее вначалѣ только видимое небо.

впослѣдствіи стало употребляться также въ смыслѣ *духа*. Современный бурятъ, говоря о различныхъ *тэнгріяхъ*, уже не представляетъ себѣ ихъ иначе, какъ существами личными, духовными.

Кромѣ тэнгріевъ, существъ небесныхъ, буряты представляютъ себѣ еще посредниковъ между этими высшими существами и людьми и называютъ ихъ *хатами*. Хаты — небеснаго происхожденія, но они спускаются также и на землю. Представляя себѣ много небесъ, буряты дѣлятъ ихъ на восточныя и западныя. Перенося человѣческую жизнь на небо, буряты думаютъ, что у хатовъ восточныхъ небесъ и у хатовъ небесъ западныхъ происходитъ или происходила въ древности борьба. Иногда въ ихъ легендахъ разсказывается о томъ, что борьба эта происходила между отдѣльными богатырями, представителями того и другаго неба; иногда — и это болѣе распространенное представленіе — борьба происходитъ между двумя быками, чернымъ и сивымъ. Побѣда, по ихъ представленіямъ, остается за представителемъ западныхъ небесъ, и ихъ буряты считаютъ благодѣтельными для себя, а восточныя небеса — враждебными. Главнымъ божествомъ неба, по легендарнымъ сказаніямъ и сказкамъ бурятъ, является *Эсэгэ-Малан-Тэнгри*. Всѣ эти небожители, по представленіямъ бурятъ, какъ они отразились въ ихъ сказаніяхъ, ведутъ жизнь, во всемъ подобную людской жизни. Они также женятся, имѣютъ дѣтей, слугъ, враговъ и друзей; у нихъ также есть стада, такія же жилища и одежды, какъ и у бурятъ, только все это богаче, чѣмъ у простыхъ смертныхъ. Жизнь небожителей разсказывается въ священныхъ легендахъ, передаваемыхъ шаманами во время ихъ богослуженій, и кромѣ того служитъ предметомъ безчисленныхъ, иногда очень длинныхъ, сказокъ свѣтскаго характера. Самымъ лучшимъ руководствомъ для ознакомленія съ шаманской миѳологіей, по словамъ бурятъ, является героическая поэма о Гэсэръ-ханѣ — сынѣ неба. Сказки, въ которыхъ упоминаются имена божествъ, слушаются бурятами съ почтеніемъ; сказочники, умѣющіе вѣрно, не искажая, передавать сказку, пользуются почетомъ; сами божества награждаютъ такихъ сказочниковъ, какъ думаютъ буряты.

Кромѣ *тэнгріевъ* и небесныхъ *хатовъ*, есть еще водяные хаты, *ухатъ-ханы*. Представителями хатовъ бываютъ *заяны*, это слово переводятъ буряты *тэгрилъ*, его же можно перевести словомъ *покровитель*. Такъ, напр., есть заянъ города Кяхты; буряты-шаманисты употребляютъ слово *заянъ* въ значеніи *божества*.

Всѣ эти три разряда духовъ, такъ сказать, небеснаго или высшаго

[illegible]: [illegible], [illegible] есть или [illegible] [illegible] духи-покровители, это [illegible]. Наряду съ онгонами можно поставить также очень [illegible] бурятами [illegible]—это камни, упавшіе съ неба; они почитаются [illegible] фамиліи бурятъ, на землѣ которыхъ были найдены*).

Онгонами считаются иногда нѣкоторыя животныя, напр., [illegible] [illegible], лебедь у [illegible] бурятъ. Вѣроятно, [illegible] этихъ онгоновъ доступнѣе для людей, шаманисты дѣлаютъ ихъ изображенія—это или шкурка животнаго—горностая, [illegible], хорька, соболя, украшенная лентами, или человѣческая фигура, вырѣзанная изъ дерева, или сшитая изъ лоскутковъ сукна, а иногда—рисунокъ. Рисунки онгоновъ дѣлаются или на доскахъ, или, чаще, на [illegible] красной краской; иногда на лоскуткѣ рисуется цѣлый рядъ фигуръ, напр., *[illegible]*, *[illegible]* и т. д. Рисунокъ часто упрощенъ до послѣдней возможности; это почти одно символическія изображенія: человѣческую фигуру, напр., изображаютъ кружкомъ вмѣсто головы, чертой, [illegible] внизъ,—туловище и ноги, и другой чертой, поперечной—руки. Но почти всегда посреди этого изображенія прикрѣпляется металлическая, изъ жести или желѣза, фигурка, называющаяся душой. Несмотря на простоту рисунка, онгоны различаются своими атрибутами. О каждомъ онгонѣ существуютъ легенды, ихъ надо знать, чтобы изобразить того или другого онгона. Очень часто встрѣчаются онгоны, изображающіе нѣкогда жившихъ шамановъ; иногда это фигуры людей съ бубномъ въ рукахъ, иногда одинъ только бубенъ. Иногда онгоны представляютъ предковъ; у хангинцевъ есть очень оригинальный онгонъ—это кружокъ изъ дерева, на которомъ грубо обозначены глаза, носъ, ротъ; разсказываютъ про него, что, когда буряты переселялись изъ Монголіи, одинъ изъ бурятъ привезъ съ собой отрѣзанную голову своего отца, котораго звали Борто; этотъ онгонъ [illegible] Борто. Хангинцы и [illegible] особенно почитаютъ лебедя; они разсказываютъ по этому поводу такую исторію. Три дочери Тэнгири-Шара-Хасара спускались [illegible] лебедей на землю, на берегу озера снимали лебяжьи шкурки и купались въ водѣ [illegible]; во время одного такого купанья Хоридой-Мергенъ успѣлъ припрятать лебяжью одежду одной

*) [illegible]

отъ Ойо. Хоіонинъ-хатунъ: [illegible] изъ лебединыхъ [illegible]. Хоіонинъ-хатунъ стала женой Хоридоя; отъ ихъ дѣтей [illegible] бурятскіе роды [illegible] и хангинцы. Буряты племени Булагатъ и племени Эхиритъ считаютъ своихъ предковъ: первый — Букахошиа, т. е. одного изъ тѣхъ быковъ, которые участвовали въ борьбѣ восточныхъ и западныхъ [illegible]; второй происходилъ изъ воды и считается [illegible]; объ обоихъ предкахъ есть длинныя и очень сложныя, а также нѣсколько однообразно разсказываемыя, легенды.

Кромѣ онгоновъ-покровителей рода, есть множество онгоновъ-покровителей скота, особые для лошадей, коровъ, барановъ; есть также онгоны различныхъ болѣзней, онгоны игръ, онгоны промысловъ; есть, напр., особый онгонъ веселья, [illegible]; особенно развиты онгоны кузнечнаго дѣла, — ихъ очень много.

Онгоновъ призываютъ въ случаѣ болѣзни дѣтей, того или другого скота, при промыслахъ и также при играхъ. Призывая ихъ, имъ иногда приносятъ жертвы, по большей части водкой и молочными продуктами, но въ важныхъ случаяхъ приносятъ и кровавыя жертвы. Онгоны сохраняются въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ (очень напоминающихъ наши скворешницы); иногда прикрѣпляютъ этотъ ящикъ на столбѣ къ юртѣ, иногда отдѣльные онгоны развѣшиваются на особыхъ соотвѣтствующихъ ихъ значенію мѣстахъ, такъ, напр., подвѣшиваются въ мѣшечкѣ надъ кроватью или надъ колыбелью ребенка. Завести полный комплектъ онгоновъ очень трудно: надо пригласить очень свѣдущаго шамана, который зналъ бы, какъ сдѣлать каждый онгонъ; затѣмъ, когда онгоны готовы и положены на бѣлую шкуру лошади, надо принести имъ жертву: кромѣ сметаны и масла, надо и [illegible], а иногда барана и козла. Кромѣ этого жертвоприношенія при освященіи, усердные домохозяева не разъ въ своей жизни должны устроить жертвенное угощеніе своимъ онгонамъ; во время принесенія жертвы шаманъ поетъ [illegible] ихъ или говоритъ легенды о нихъ.

Послѣ смерти хозяина всѣхъ онгоновъ слѣдуетъ сжечь, но при этомъ надлежитъ заколоть барана, завернуть каждую фигурку въ бараній сальникъ и затѣмъ уже бросить въ костеръ, устраиваемый гдѣ-нибудь въ полѣ; избѣгая этихъ расходовъ, буряты чаще не сжигаютъ онгоновъ, а складываютъ ихъ въ ящикъ и выставляютъ на мѣстѣ неподалеку отъ юрты или дома.

Сообразно съ почитаніемъ силъ природы, буряты совершаютъ моленія

въ связи съ главными годовыми періодами: весной, когда появляется зелень травы и устанавливается благодатное время,— осенью, когда увеличившіяся стада позволяютъ убивать откормленную за лѣто скотину. Нѣкоторые весною приносятъ особыя жертвы въ честь матери-земли, которую представляютъ сѣдовласою старухой.

На такія общественныя жертвоприношенія собираются нѣсколько родовъ; число собирающихся бываетъ въ нѣсколько тысячъ; богатые роды дѣлаютъ такія общественныя жертвоприношенія—*тайлганы*—чаще, по нѣскольку въ году; бѣдные—рѣже, года черезъ три. Бываютъ и меньшія общественныя собранія, гдѣ участвуютъ только сосѣдніе улусы. На тайлганахъ, кромѣ принесенія жертвы на общественный счетъ, устраиваются также игры, скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль и т. п. На тайлганахъ женщины, какъ чужія къ роду, не присутствуютъ; но дѣвушки, какъ принадлежащія роду, принимаютъ въ нихъ участіе.

Кромѣ *тайлгановъ*, бываютъ частныя жертвоприношенія, дѣлаемыя отдѣльной семьей или по обѣту, или по болѣзни: такое частное жертвоприношеніе называется *кырикъ*. На тайлганахъ и кырикахъ всегда приносятъ въ жертву скотъ, часто лошадей. Старые люди и шаманы знаютъ, какой скотъ слѣдуетъ приносить въ жертву въ томъ или другомъ случаѣ.

Мѣсто тайлгановъ бываетъ обыкновенно уже издавна одно; на немъ бываетъ *обо*, т.-е. куча камней или хворосту, посвященная мѣстному *[illegible]* или *эжину*—хозяину мѣста.

Послѣ извѣстныхъ церемоній, устройства жертвенника, установленія особыхъ, украшенныхъ лентами, березокъ, очищенія черезъ куреніе пихтой и верескомъ (juniperus) всѣхъ принадлежностей жертвоприношенія, посуды, участвующихъ въ немъ людей и проч., начинаютъ жертвоприношеніе водкой и молочными продуктами; послѣ возліянія на огонь пьютъ водку шаманы и старики и даютъ пить всѣмъ гостямъ. Затѣмъ назначенныхъ въ жертву животныхъ убиваютъ особымъ способомъ, очень древнимъ по преданію: они разрѣзываютъ животъ и затѣмъ запускаютъ во внутренности руку и обрываютъ рукой аорту. Кожу снимаютъ тоже особымъ образомъ, оставляя нижнія кости ногъ, голову, легкія и сердце въ кожѣ; мясо животнаго отдѣляютъ отъ костей и варятъ, а нѣсколько жира и небольшую часть мяса бросаютъ въ жертвенный огонь. Шкуру съ головой слегка набиваютъ соломой и вѣшаютъ на березку; если это происходитъ на тайлганѣ, то голову чучела обращаютъ на западъ; если на кырикѣ, въ честь восточныхъ хановъ, то чучелу обращаютъ голо-

[illegible] Кости жертвенныхъ животныхъ [illegible] растительныхъ [illegible] на особомъ кострѣ. Во время жертвоприношенія и затѣмъ, пока [illegible] мясо, [illegible] бываютъ заняты играми, борьбой, [illegible], причемъ, конечно, старики [illegible] только зрителями. Священное жертвенное мясо дѣлится по числу участвующихъ въ тайлганѣ семей и съѣдается каждой семьей отдѣльно; часть мяса непремѣнно относится домой и раздается тѣмъ [illegible], которые не могли быть на тайлганѣ.

Самыми веселыми тайлганами почему-то бываютъ тайлганы [illegible], водянымъ духамъ: они всегда устраиваются на берегу рѣки, въ нихъ участвуютъ также [illegible] женщины. Во все время праздника молодежь [illegible]. Во время жертвоприношенія отцы семей [illegible] въ рѣкѣ [illegible], [illegible] при этомъ *[illegible]*, т.-е. священной [illegible]. Затѣмъ шаманъ въ своихъ призываніяхъ [illegible] жертвы и за нихъ ниспослать жертвующимъ [illegible]; послѣ моленій шаманъ бросается въ рѣку, показывая намѣреніе кинуться въ нее. Молодые люди уже ожидаютъ этого и удерживаютъ его, а если не успѣютъ, то вытаскиваютъ изъ воды. Дѣлается это потому, что шаманъ во время своего шаманскаго [illegible] считается воплощеніемъ тѣхъ духовъ, которыхъ онъ призываетъ; [illegible] послѣ призываній въ [illegible]. На этихъ же тайлганахъ бываетъ гаданье, котораго [illegible]. Отцы семействъ растапливаютъ олово и выливаютъ его въ чашку воды, [illegible] фигура [illegible]. Въ гаданье это очень вѣрятъ, и [illegible], чтобы [illegible].

Главными [illegible] во время жертвоприношеній являются шаманы; [illegible], когда совершается [illegible] по случаю болѣзни или другого несчастнаго событія.

Шаманы не представляютъ у бурятъ опредѣленнаго сословія, такъ какъ шаманомъ можетъ сдѣлаться не всякій, а лишь тотъ, кто получитъ [illegible] шаманство бываетъ наслѣдственно въ томъ или другомъ родѣ. Даръ шаманства можетъ получить и женщина, и въ бурятскомъ народѣ сохраняется память о многихъ знаменитыхъ шаманкахъ; даръ шаманства даже часто передается по женской линіи. Бываютъ также

шамана, получившіе даръ шаманства по особому случаю: если, напр., человѣкъ умретъ отъ громового удара, то кто-нибудь изъ его родственниковъ по преимуществу самъ долженъ сдѣлаться шаманомъ.

Шаманъ, какъ извѣстно, долженъ имѣть способность съ легкостью приходить въ особое восторженное экстатическое состояніе, имѣть нѣкоторое или, по крайней мѣрѣ, живое нервное воображеніе; понятно, что не всякій способенъ на это: для людей нервныхъ, легко возбуждающихся, это легче, чѣмъ для уравновѣшенныхъ; понятно также, почему шаманская способность передается по наслѣдству: въ большинствѣ случаевъ это обусловливается наслѣдственностью темперамента и того психическаго расстройства, которое въ большей или меньшей степени существуетъ у всѣхъ шамановъ.

Иногда шаманы тяготятся своимъ званіемъ, но они не всегда могутъ отказаться отъ наклонности къ шаманству; разсказываютъ, что съ такими, удерживающимися отъ шаманства, дѣлаются нервные и даже эпилептическіе припадки, указываютъ даже случаи самоубійства. Есть шаманскіе роды, гдѣ эта наклонность къ самоубійствамъ проявляется очень часто.

Чаще всего люди, наклонные къ шаманству, еще смолоду присутствуя на шаманскихъ дѣйствіяхъ, начинаютъ принимать въ нихъ участіе въ качествѣ помощниковъ. Иногда такой молодой шаманъ начинаетъ тосковать, удаляться отъ общества, въ уединеніи начинаетъ предаваться шаманской пляскѣ, а затѣмъ уже выступаетъ и передъ обществомъ. Бурятскіе шаманы, при вступленіи въ это званіе, подвергаются особому посвященію съ довольно сложной обрядностью.

Сообразно дѣленію духовъ на восточныхъ и западныхъ, на благодѣтельныхъ и враждебныхъ, и шаманы у бурятъ бываютъ двухъ родовъ: *[illegible]* и *[illegible]*. Одни призываютъ свѣтлыхъ духовъ западныхъ, другіе — восточныхъ или подземныхъ. Разница эта сказывается въ обрядахъ и въ одеждѣ шамановъ, если не всегда при жизни, то, по крайней мѣрѣ, по смерти: при похоронахъ чернаго шамана забиваютъ въ [illegible]. Чернымъ шаманамъ часто приписываются различныя бѣдствія, постигающія ихъ сосѣдей; нерѣдко къ нимъ питаютъ ненависть, а иногда, говорятъ, и убиваютъ изъ мщенія, обезопашивая себя осиновымъ гробомъ и гвоздемъ, которымъ трупъ шамана прибиваютъ къ могилѣ лицомъ внизъ. Впрочемъ, это, очевидно, уже позднѣйшій способъ погребенія; болѣе древній — сожиганіе шамана, послѣ чего собирали кости и пепелъ, выдалбливали въ деревѣ пустоту, закладывали туда прахъ и сверху опять задѣлывали отверстіе:

на томъ же деревѣ вѣшали его платье и его бубенъ, если шаманъ его имѣлъ. Хоронятъ шамановъ и такимъ образомъ: ставятъ гробъ его на лѣсахъ. Хоронятъ обыкновенно на горахъ. Души умершихъ шамановъ дѣлаются заянами и обыкновенно чествуются подъ именемъ *[illegible]*.

Шаманское дѣйствіе состоитъ, по-видимому, изъ опредѣленнаго обрядоваго ритуала, отчасти же изъ импровизаціи, каждый разъ новой. Если шаманъ призываетъ свѣтлыхъ духовъ, онъ въ своей мистеріи представляетъ поѣздку или полетъ на небо; если онъ призываетъ темныхъ духовъ, онъ долженъ изображать свое посѣщеніе подземнаго міра. Конечно, подробности въ томъ и другомъ случаѣ должны быть различны.

Совершается шаманское дѣйствіе такимъ образомъ: въ юртѣ или на открытомъ воздухѣ разводится огонь, въ него бросаютъ пихту, верескъ, богородскую траву для куренія; юрту окропляютъ молокомъ; если шаманъ съ бубномъ, то нагрѣваютъ бубенъ, чтобы онъ былъ звончѣе; у бурятъ, впрочемъ, шаманы рѣдко употребляютъ бубенъ *). Затѣмъ шаманъ одѣваетъ на себя шубу и шапку, если онъ посвященъ и имѣетъ эти вещи. Шуба шамана обыкновенно дѣлается изъ замши, обшита бахромой изъ ремней и желѣзными привѣсками; первые иногда изображаютъ, а иногда только носятъ названіе змѣй. Шапка у бурятскихъ шамановъ состоитъ изъ желѣзнаго сквознаго шлема: къ ободу, надѣваемому на голову, прикрѣпляютъ двѣ желѣзныя полудуги, перекрещивающіяся на верхушкѣ; иногда такой шлемъ дѣлается съ рогами напереди. Въ прежнее время бурятскіе шаманы употребляли очень грубо сдѣланныя маски, но теперь ихъ не упо-

*) [illegible]

гремятъ. Одѣтый [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] его принадлежности; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] или пред-ставляютъ коня, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] го-лова; кончаются они копытомъ; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], по-добіе лошадиной спины, — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] стремена.

Становясь у огня, шаманъ и его помощники, [illegible] [illegible] начина-ютъ пѣть гимны; при этомъ шаманъ [illegible] [illegible] [illegible] сто-роны, ноги его остаются неподвижны, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], упи-раясь на свои костыли. Эти движенія шамана, очень сильныя и быстрыя, приводятъ его въ особое настроеніе: [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] шамановъ, входятъ души, которыя онъ призываетъ, или говорятъ, что его душа въ это время уходитъ изъ тѣла и совершаетъ странствія [illegible] [illegible] запад-ныхъ или восточныхъ [illegible], или въ царствіе Эрлэнъ-хана, въ царствіе умершихъ людей: тамъ ему приходится быть въ томъ случаѣ, если онъ молится за больнаго. Буряты думаютъ, что послѣ Эрлэнъ-хана похищаютъ души людей раньше наступленія смерти и что [illegible] [illegible] [illegible] — только послѣдствія того, что организмъ человѣка не можетъ жить долго безъ души. Во время дѣйствія ([illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] этотъ глаголъ отъ слова [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на-рѣчіяхъ) шаманъ долженъ сообщить присутствующимъ, что [illegible] [illegible] про-исходитъ, и для этого онъ и его помощники поютъ [illegible] [illegible] на этотъ случай пѣсни, или импровизируютъ подходящіе къ случаю раз-сказы, или даже разыгрываютъ подходящія сцены, [illegible] [illegible] [illegible] коротенькими фразами, которыя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Такъ, напр., шаманъ мимически изображаетъ свой страхъ при появленіи передъ очи грознаго Эрлэнъ-хана, свои [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], поднесеніе подарковъ и т. д. Конечно, большее или меньшее [illegible] при этомъ зависитъ отъ способностей и [illegible] шамана.

Ненормальное [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] шаманомъ для того, чтобы его мистеріи [illegible] [illegible], [illegible] не у всякаго человѣка скоро; иногда [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] вдохновеніе посѣтило шамана. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] отличіями. Съ нѣкоторыми шаманами, особенно [illegible] [illegible] [illegible]-ми, [illegible] при этомъ [illegible] [illegible]: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и въ конвульсіяхъ бьются [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] или кричатъ, подражая животнымъ, бросаются на присутствующихъ, угро-

ная имъ мотивы, — отчасти необъяснимыя явленія, отчасти, вѣроятно, сознательное желаніе устрашить присутствующихъ. Вообще опредѣлить границу, гдѣ у шамана сознательныя дѣйствія и гдѣ онъ самъ находится во власти ненормально возбужденныхъ чувствъ, очень трудно. Присутствующіе, видя бѣснованія шамана, думаютъ, что имъ овладѣли тѣ духи, которыхъ онъ призываетъ или съ которыми ему приходится бороться. Изреченія шамана въ такомъ возбужденномъ состояніи считаются пророческими.

Въ настоящее время шаманство, какъ религія очень грубая, первобытная, перестало уже удовлетворять бурятъ, и многіе изъ нихъ переходятъ въ христіанство или буддизму. Такъ, гдѣ вліяніе русскихъ сильно, какъ это мы видимъ у сѣверо-западныхъ бурятъ, они почти всѣ крещены; въ Забайкальѣ, гдѣ связь съ Монголіей крѣпче и куда въ XVII в. пришла часть монгольскихъ бурятъ-буддистовъ, религія эта распространилась по всему краю и держится крѣпко. Говоря однимъ языкомъ и, главное, чувствуя свою большую умственную и нравственную близость съ одноплеменниками монголами, чѣмъ съ чуждыми по крови и духу русскими, буряты, очень естественно, быстро усвоили ламайское вѣроученіе. Этому также много помогла буддистская вѣротерпимость и гибкость многихъ вѣрованій ламайскаго буддизма съ общими всѣмъ восточнымъ народамъ древнимъ шаманизмомъ.

Болѣе высокая нравственность въ буддизмѣ, стройное вѣроученіе, красивая обрядность, монашескія учрежденія все должно было повліять благопріятно на то, чтобы буряты отъ шаманства перешли къ ламайству. Только въ 1741 г. государство признало за забайкальскими бурятами право исповѣдывать буддизмъ, а въ настоящее время у многихъ изъ нихъ уже утратилось всякое представленіе о томъ, что предки ихъ были, и притомъ еще такъ недавно, шаманистами. Забайкальскіе буддисты искренно вѣрятъ, что *шарын шажин*, какъ они называютъ буддизмъ, была ихъ исконной религіей *). Въ 1764 г. правительство позволило бурятскому народу избрать себѣ особаго духовнаго руководителя; это такъ называемый *хамбо-лама*, т.-е. ученый лама; онъ главный духовный лама края и считается настоя-

*) [illegible]

лемъ самаго большаго ламайскаго монастыря на Гусиномъ озерѣ въ Забайкальѣ. Лицо это избирается пожизненно изъ среди бурятскаго ламайства; во время богослуженій хамбо-ламу окружаютъ большими почестями. Въ настоящее время правительство относится нѣсколько ревниво къ его вліянію на бурятъ и старается ограничить его права; такъ, напр., чтобы совершить поѣздку по подвѣдомственному ему краю, онъ долженъ испрашивать разрѣшеніе у губернаторской власти.

Главой вѣры наши буряты признаютъ все-таки главу всего буддистскаго міра, далай-ламу тибетскаго, а также кутуктъ и хутуктъ ургинскихъ *). Ламъ, т.-е. лицъ, принявшихъ монашескіе обѣты, какъ этого требуетъ буддистское ученіе, между бурятами много, но не всѣ они живутъ въ монастыряхъ; большинство остается въ семьяхъ и ведетъ обычное хозяйство. Отчасти это зависитъ отъ того, что русское правительство, не желая уменьшенія платежныхъ силъ бурятскаго народа, для каждаго монастыря назначило опредѣленное число ламъ, ввело, такъ называемые, штаты ламъ, а всѣ монахи сверхъ этого, дозволеннаго закономъ, числа оффиціально ламами не признаются. Съ другой стороны, въ характерѣ бурятъ нѣтъ особой наклонности къ аскетизму, и потому часто встрѣчается нарушеніе монашескихъ обѣтовъ. Происходятъ эти нарушенія потому, что въ ламы часто посвящаютъ малолѣтнихъ ихъ родители. Хотя для посвященія въ высшія духовныя степени монашества требуются нѣкоторыя знанія, но такъ какъ знанія эти могутъ быть достигнуты и школьникомъ, то часто случается, что монашескіе обѣты произносятся мальчиками и юношами, не достигшими совершеннолѣтія, почему и случается часто, что впослѣдствіи, не снимая съ себя званія ламы, такіе люди нарушаютъ обѣты и живутъ людьми семейными.

Главный монастырь буддистовъ въ Забайкальѣ находится, какъ мы уже сказали, на Гусиномъ озерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селенгинска; есть въ Забайкальѣ и другіе монастыри, напр., Агинскій и Усть-Цугульскій, оба въ Нерчинскомъ округѣ, и нѣсколько меньшихъ. Кромѣ штатныхъ ламъ и *ширетуя* **), т.-е. настоятеля, въ каждомъ монастырѣ живетъ

*) Положеніе далай-ламы въ буддизмѣ можно сравнить съ положеніемъ папы въ мірѣ католическомъ.

**) Слово ширетуй [illegible] ширетуй занимаетъ [illegible] или креслѣ.

много молодыхъ ламъ, послушниковъ, или *хувараковъ*; въ монастыряхъ есть также школы. Ламы въ монастыряхъ изучаютъ также тибетскую медицину и приглашаются бурятскимъ населеніемъ, какъ врачи.

Въ монастыряхъ обыкновенно бываютъ *даганы*, или храмы, наполненные буддистскими изображеніями боговъ, статуями и картинами; такіе даганы есть и отдѣльно отъ монастырей или, по крайней мѣрѣ, съ очень ограниченнымъ числомъ живущихъ при нихъ ламъ. Даганы есть и среди бурятъ Иркутской губ.; въ Аларскомъ и Тункинскомъ вѣдомствахъ есть даже небольшіе монастыри. Какъ мы уже сказали, буддизмъ слабо распространяется у сѣверо-западныхъ бурятъ; у забайкальскихъ же въ настоящее время замѣчается нѣкоторое религіозное одушевленіе и нравственный подъемъ; такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхнеудинскаго округа имѣетъ большой успѣхъ проповѣдь ламъ противъ пьянства.

Христіанская проповѣдь среди бурятъ началась еще въ XVII ст.; въ то время была въ Забайкальѣ основана православная миссія, но въ половинѣ XVIII ст. миссія прекратила свою дѣятельность. Въ началѣ XIX ст. въ Забайкальѣ была основана англійская миссія; вмѣстѣ съ ней возобновили свою проповѣдь и православные миссіонеры. Въ 1842 г. обѣ миссіи снова прекратили свою дѣятельность. Съ 1861 г. православная миссія возобновила свои труды и съ того времени дѣйствуетъ и понынѣ. Къ сожалѣнію, русскіе священники, проповѣдуя христіанство, настаиваютъ обыкновенно на томъ, чтобы принявшіе православіе буряты приняли вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ жизни русскихъ, а это не всегда бываетъ легко сдѣлать какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу. Не знаемъ, чему это приписать, но нельзя не замѣтить, что у бурятъ-христіанъ гораздо больше можно встрѣтить такъ называемаго двоевѣрія, чѣмъ среди буддистовъ: считаясь оффиціально христіанами и даже исполняя обряды православной вѣры, буряты часто не оставляютъ своей древней религіи, шаманской, совершаютъ тайлганы, держатъ въ домахъ онгоновъ и т. д.; конечно, отъ русскихъ и въ особенности отъ духовенства они тщательно скрываютъ это обстоятельство.

Перемѣняя старую религію на христіанство и буддизмъ, подпадая вліянію окружающаго ихъ русскаго населенія, буряты во многомъ уже измѣнили свои нравы и обычаи, несомнѣнно, однако, что и теперь еще у нихъ можно наблюдать много старины и переживанія стараго быта. Къ сожалѣнію, систематическихъ наблюденій надъ ихъ жизнью не дѣлалось, и всѣ наблюденія носятъ случайный и поверхностный характеръ.

Какъ ни необычно рѣзко противорѣчіе старыхъ правилъ съ современными, все-таки нельзя указать на обычай [illegible] стариковъ, дожившихъ до глубокаго возраста. Въ настоящее время такого обычая уже нѣтъ, но разсказы о подобныхъ событіяхъ настолько подробны, что заставляютъ думать, что обычай этотъ существовалъ не такъ давно.

Разсказы передаютъ, что всѣ родные старика, обреченнаго смерти, собирались въ его юрту, и устраивался пиръ; старика угощали и наконецъ давали ему глотать жиръ, отрѣзанный длинной полосой; глотая этотъ жиръ, старый человѣкъ давился и умиралъ *).

Есть также слѣды давней старины въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обычаяхъ. Свахѣ, сопровождающей жениха и [illegible], [illegible] невѣсту, прежде чѣмъ везти въ домъ къ жениху, приходится силой отнимать у ея подругъ. Послѣ того, какъ невѣсту привезли въ домъ жениха, и гости кончили пиръ въ улусѣ жениха, [illegible], стараются отнимать сколько-нибудь [illegible]; сторонники жениха должны отбивать своей [illegible]; но чаще всего они [illegible] хотя одной [illegible], и тогда [illegible] на подворотѣ или по возвращеніи домой устраиваетъ пиръ [illegible] у жениха [illegible]. Это, повидимому, указываетъ на [illegible] [illegible] на угонъ скота.

Въ легендахъ же можно прослѣдить у бурятъ еще болѣе древнюю форму брака, когда женихъ похищалъ себѣ невѣсту.

Въ обычаяхъ родильныхъ много есть [illegible] архаическихъ чертъ, указывающихъ на то, что [illegible]. [illegible] оставить ребенка въ живыхъ или бросить **).

Браки у бурятъ [illegible], хотя [illegible] полная память о родствѣ [illegible]. Жена бурята, [illegible],

*) [illegible]

**) [illegible]

размѣръ котораго строго опредѣляется при договорѣ. У [illegible], несостоятельные [illegible] себѣ [illegible] невѣсту [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] всѣ подходящія [illegible] въ тому же родѣ, отдаетъ [illegible]. Иногда родители [illegible] [illegible] дѣтей [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] выплатить калымъ; браки [illegible] въ настоящее время не [illegible], но раньше [illegible], говорятъ, [illegible], что [illegible] [illegible] на взрослыхъ дѣвушкахъ. Дочерей не [illegible] отдавать [illegible], такъ какъ [illegible] у бурятъ [illegible] работою [illegible] во время полевыхъ работъ.

Въ настоящее время у бурятъ, подъ вліяніемъ христіанства и русскихъ, а также подъ вліяніемъ буддизма, [illegible] требуется и уважается [illegible] незамужней женщины, такъ и [illegible]. Но есть основаніе думать, что послѣднія въ этомъ отношеніи еще очень недавно пользовались полной свободой. Г. Дуброва въ своемъ сочиненіи „О бурятской женщинѣ" разсказываетъ, что матери иногда упрекаютъ своихъ дочерей за то, что послѣднія не имѣютъ любовниковъ; по ихъ мнѣнію, это указываетъ, что дѣвушка имѣетъ мало привлекательности и, стало быть, мало шансовъ найти себѣ выгоднаго жениха. Есть также бурятская поговорка: „дѣвушки растутъ на радость парней". Это какъ-будто указываетъ на то, что незамужнія женщины составляли достояніе цѣлаго рода. Дуброва указываетъ, что дѣти, прижитыя незамужнею дочерью, считались дѣтьми ея отца и, при выходѣ ея въ замужество, оставались въ семьѣ родителей. Нѣкоторые авторы и особенно нѣкоторые [illegible] указываютъ на то, что [illegible] [illegible] [illegible] способности къ деторожденію, а любовныя связи не считались предосудительными.

Другія показанія говорятъ, напротивъ, что прежде у бурятъ въ этомъ отношеніи нравы были строже, и что на [illegible] случаи нарушенія супружеской вѣрности смотрятъ, какъ на порчу нравовъ подъ вліяніемъ [illegible] и [illegible] русскихъ. У [illegible] [illegible] существуетъ обычай [illegible] между [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] себѣ одного изъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] другихъ парней, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible]. При [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рода:

отдѣляетъ ее [illegible] при [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]наго хранителя, если дѣвушка осталась невинной, [illegible] [illegible] случаѣ его [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible].

Происходитъ ли такая коренная разница въ [illegible] и правахъ отъ того, что [illegible] [illegible] у [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] по своему происхожденію бурятскихъ родовъ, или это [illegible] двухъ [illegible] [illegible] — мы рѣшать не беремся, не [illegible], что [illegible] [illegible].

Между бурятами въ настоящее время [illegible] [illegible] [illegible]водятъ; [illegible] что [illegible] на то, что [illegible] форма брака, по договору родителей [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] передъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] послѣ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] вслѣдствіе нерасторжимости брака по закону часто [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] обычаямъ. Разведенная жена у бурятъ не [illegible] и скоро находитъ себѣ новаго мужа. Если мужъ оставляетъ жену, [illegible] [illegible] [illegible] въ приданое скотъ ея родителямъ; если [illegible] [illegible] существуетъ съ обѣихъ сторонъ, тогда [illegible] [illegible]. [illegible] право, [illegible], подробно разбирать всѣ случаи въ такихъ дѣлахъ.

Каждая женатая пара у бурятъ помѣщается по возможности въ отдѣльномъ домѣ или юртѣ. Родители обыкновенно строятъ юрты для своихъ взрослыхъ сыновей. Обычай многоженства не особенно распространенъ, и намъ не случалось слышать, чтобы буряты имѣли болѣе [illegible] [illegible].

Буряты всегда очень желаютъ имѣть дѣтей, особенно сыновей; говоря о дѣтяхъ, они подразумѣваютъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]; бываютъ случаи покупки дѣтей [illegible], чтобы увеличить рабочую силу семьи или [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Особеннаго [illegible] [illegible] у бурятъ незамѣтно; хотя г. [illegible] говоритъ, что бурятъ смотритъ на женщину, какъ на рабочій скотъ, но [illegible] то же самое можно сказать иногда и о русскомъ крестьянинѣ.

Въ прежнее время буряты [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ настоящее время хоронятъ въ землю; но [illegible] это, какъ сами говорятъ, по требованію русскихъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ гробахъ на деревьяхъ. На могилѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], на которой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible], принявшую покойника, стараются [illegible] какъ можно отъ дому, [illegible] не [illegible]. [illegible] въ настоящее время не [illegible], а [illegible] признаки [illegible].

Буряты раньше были звѣроловами и скотоводами, и большинство [illegible]. О старой охотничьей жизни [illegible] мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе по [illegible] обычаямъ, какіе наблюдаются у нихъ въ настоящее время на общественныхъ облавахъ, называемыхъ у нихъ [illegible]. Теперь эти облавы уже почти вышли [illegible] или устраиваются въ особенно обильные дичью годы или въ мѣстностяхъ, гдѣ разводится много [illegible]. Но въ бурятскомъ народѣ сохранилось много преданій о старыхъ облавахъ, и эти облавы онѣ называютъ [illegible] во времена [illegible], когда переходили [illegible] буряты, облавами [illegible]. На большія облавы собирались всѣ [illegible]; они совершались по опредѣленнымъ правиламъ, и [illegible] выбирались [illegible] власти съ особыми названіями. Мы видѣли описаніе такой современной облавы, [illegible] Верхнеудинскаго округа, и [illegible] указываются [illegible] старые обычаи. Главной [illegible] охоты [illegible], при этомъ были два [illegible]; [illegible] нѣсколько [illegible]. [illegible] переходили [illegible] по назначенію [illegible]. Кромѣ того, въ облавѣ [illegible] быть [illegible]. [illegible] собирали. [illegible] хошуны [illegible] и [illegible] стояли [illegible] — [illegible]. Хошуны [illegible] отрядами [illegible] большой кругъ, а [illegible]. Кромѣ того, въ облавѣ было строго воспрещено [illegible] огонь, [illegible]. Въ облавѣ [illegible], было [illegible], такъ что нѣкоторые роды [illegible] одного [illegible]. [illegible] производились облавникомъ; онъ [illegible] покойникамъ [illegible] и [illegible] на [illegible]. Облавщики [illegible] въ этому [illegible], и [illegible] каждаго рода [illegible]. Такъ, [illegible] рода — [illegible], [illegible] были [illegible]. На эти [illegible]

облавщики подъѣзжали каждый къ своимъ огнямъ. У огней устраивались вечерніе пиры, на которыхъ старики [illegible] или все общество слушало пѣвцовъ и сказочниковъ. На эти вечерніе пиры пріѣзжали и женщины изъ сосѣднихъ улусовъ.

Обыкновенно облавщики устраивались [illegible] и всѣ обязаны были участвовать въ нихъ. Богатые приготовляли [illegible] къ этому времени хорошихъ лошадей и вершниковъ, [illegible] приготовляли оружіе — стрѣлы, луки, копья. Бѣдные, у кого [illegible], являлись безъ лошадей или [illegible] богачей. Богатые также приготовляли запасы [illegible] продуктовъ и [illegible] вина [illegible]. Во время облавы всѣмъ [illegible] и во всемъ наблюдалась равномѣрность. Послѣ всякой охоты каждый родъ приподносилъ [illegible] поровну между участвовавшими. Если возникали споры изъ-за того, чья была застрѣлена та или другая дичь, [illegible] и лучшему стрѣлку отдавали спорную дичь. Облавные обычаи, [illegible], нѣсколько разнились у бурятъ забайкальскихъ и у сѣверо-байкальскихъ. Но предполагать, весь бурятскій народъ передвигался когда-то на такихъ облавахъ порядкомъ съ одного мѣста на другое, встрѣчая въ битвѣ съ тѣми инородцами, которые встрѣчались имъ во время этихъ передвиженій. Однако, со времени поселенія русскихъ въ Сибири, буряты занимаютъ приблизительно все одни и тѣ же мѣста, на которыхъ они живутъ и теперь. И давно уже мѣста кочевокъ у бурятъ строго опредѣлены, и каждый родъ и племя занимаютъ опредѣленные долины, рѣки или горы. Въ настоящее время всѣ сѣверные буряты уже привыкли къ осѣдлости и сдѣлались хорошими земледѣльцами. Кочевка ихъ ограничилась передвиженіями отъ лѣтниковъ въ зимнія жилища, на разстояніи всего около 3—4 верстъ. Забайкальскіе буряты тоже привыкли къ земледѣлію [illegible] и теперь еще есть буряты, у которыхъ нѣтъ пашенъ; но, кажется, всѣ [illegible] умѣютъ заготовлять сѣно, а это заставляетъ ихъ понемногу переходить къ осѣдлости. Но и скотоводы теперь уже не дѣлаютъ большихъ переходовъ и [illegible] не кочуютъ, а лишь переходятъ изъ лѣтника въ зимникъ.

Жилища бурятъ сѣверныхъ состоятъ изъ восьмиугольныхъ юртъ, построенныхъ изъ дерева. Стѣны — въ сажень или нѣсколько выше, а затѣмъ такая же бревенчатая или досчатая крыша; вверху остается большое восьмиугольное или квадратное отверстіе. Внутри стоятъ четыре столба, на которыхъ держится крыша, а между столбами, посрединѣ юрты, разводятъ

[illegible] прямо на землѣ: [illegible] уходитъ въ отверстіе въ кровлѣ; полъ отъ [illegible] до стѣны выстилается досками или иногда [illegible]. Подлѣ юрты [illegible] амбаръ — четырехугольный срубъ безъ оконъ — и [illegible] амбары, т. е. [illegible] на четырехъ столбахъ для склада провизіи.

Каждый бурятскій родъ дѣлится на [illegible] или [illegible] улусы не представляютъ большихъ селеній; каждый семьянинъ старается отдѣлиться отъ своихъ сосѣдей, жить просторнѣе: улусъ состоитъ изъ какого-то [illegible] десятка или полутора десятковъ домовъ, связанныхъ родствомъ или какою-нибудь экономической зависимостью. Случается и такъ, что одна двѣ юрты стоятъ одиноко среди своихъ пастбищъ. Такой хозяинъ обыкновенно огораживаетъ пространство около своихъ юртъ верстъ на пять въ окружности, — въ этихъ загородахъ пасется его скотъ; около юрты съ теченіемъ времени выстраиваются амбары, сараи, съ увеличеніемъ семьи рядомъ съ отцовской юртой строятся юрты сыновей, внуковъ, племянниковъ, — и вотъ такой-то поселокъ уже называется улусомъ; но каждая вновь строящаяся юрта старается отгородить себѣ для своего скота пространство побольше, и улусъ раскидывается иногда на нѣсколько верстъ. Въ силу родственныхъ отношеній старшій улуса имѣетъ большую власть, и весь улусъ является нѣкоторымъ образомъ связаннымъ въ своихъ хозяйственныхъ и прочихъ дѣйствіяхъ; въ улусѣ часто для всѣхъ существуетъ одна кузница, одна русская печь для печенія хлѣба и т. д. Скотъ, который бродитъ въ загородахъ, все лѣто удобряетъ почву, а весной [illegible] улусъ переселяется и [illegible] травы [illegible] на удобренныхъ [illegible]; въ концѣ лѣта здѣсь образуется прекрасный сѣнокосъ, а на зиму буряты опять [illegible] съ скотомъ въ [illegible], какъ они называютъ свои загороженные сѣнокосы. Около своихъ улусовъ или около своихъ лѣтнихъ [illegible], если почва позволяетъ, буряты устраиваютъ въ настоящее время и пашни. Утуги, а если много воды, то и пашни орошаются въ продолженіе лѣта нѣсколько разъ посредствомъ проведенныхъ изъ рѣкъ канавъ. Въ [illegible], [illegible] предпочитаютъ орошать [illegible], а не пашни, такъ какъ въ послѣднее время хозяйство [illegible] бурятъ [illegible] состоятельныхъ, въ пользованіи водой изъ рѣки соблюдается очередь. Если возникаютъ споры насчетъ воды, приходится разбирать [illegible]; если [illegible] сами [illegible] въ томъ [illegible], [illegible]; такъ [illegible] поступаютъ во всѣхъ случаяхъ несогласія, [illegible] чего [illegible].

Не смотря на то, что земледѣліе буряты заимствовали у русскихъ и

сравнительно еще недавно, они занимаются имъ очень успѣшно; уже въ 1802 г. въ Иркутскъ было доставлено бурятскаго хлѣба 14.000 четвертей, и одинъ изъ тайшей бурятскихъ былъ членомъ Вольно-экономическаго Общества еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ настоящее время русскіе предпочитаютъ покупать бурятскій хлѣбъ, считая его лучшимъ, чѣмъ у русскихъ хлѣбопашцевъ. Отчасти это зависитъ, вѣроятно, отъ того, что буряты примѣняютъ орошеніе, а также, можетъ быть, и отъ большей наблюдательности бурятскаго земледѣльца. *)

Въ то время, когда буряты еще своего хлѣба не сѣяли, — а въ Забайкальѣ еще и до-сегодня есть такіе улусы, — они исключительно питались молочной и мясной пищей и держали скота помногу. Бывали богачи, насчитывавшіе у себя по нѣскольку тысячъ скота; въ настоящее время такихъ бурятъ нѣтъ или очень мало. Богатые обыкновенно давали и бѣднымъ скотъ на прокормленіе.

Главную пищу бурятъ и по сіе время, по крайней мѣрѣ въ Забайкальѣ, составляетъ *арса*: это—сгущенное, сквашенное молоко или творогъ. Арсу приготовляютъ въ продолженіе всего лѣта и въ большихъ семьяхъ накопляютъ ведеръ 30—40. Для приготовленія арсы молоко сливаютъ въ особую кадку и заквашиваютъ какими-то молочными дрожжами, сохраняемыми въ хозяйствахъ изъ года въ годъ. Это заквашенное молоко и остатки отъ пахтанья масла наливаютъ въ котелъ, къ которому придѣлываютъ изогнутую локтемъ трубу, опущенную другимъ концомъ въ чугунный кувшинъ, при нагрѣваніи котла молочные пары поднимаются по трубѣ и охлаждаются въ чугунномъ кувшинѣ; иногда кувшинъ ставится въ холодную воду, и тогда въ немъ получается молочная водка, а въ котлѣ остается полужидкій и очень кислый творогъ—это и есть *арса*. Молочная водка при такой перегонкѣ получается очень слабая, — ее называютъ *тарасуномъ*; чтобы получить болѣе крѣпкую водку, тарасунъ перегоняютъ нѣсколько разъ, тогда онъ называется *архи*. Такимъ образомъ буряты въ лѣто не только бываютъ сыты отъ молока, но и пьяны. Арсу приготовляютъ въ запасъ на случай пировъ, а тарасунъ распиваютъ сейчасъ же

*) Как[illegible]

горшками. Арцу [illegible], а прежде, говорятъ, сливали въ кож-аныя мѣшки, и тогда арца получалась более сухая; современныя бурятки говорятъ, что арца въ мѣшкѣ [illegible] сохраняется. При ѣдѣ арцу разводятъ водой или молокомъ и кипятятъ, прибавляя [illegible]. Масла буряты приготовляютъ немного. Прежде [illegible] не было въ употребленіи. [illegible] различные сыры. Кромѣ арцы, [illegible] буряты ѣдятъ [illegible] и [illegible] молоко, [illegible] изъ котораго дѣлается арца. Свѣжаго молока почти не пьютъ, только [illegible] съ чаемъ. Чай теперь всѣ буряты пьютъ кирпичный, подправляя его молокомъ и масломъ, или съ печенымъ ржанымъ хлѣбомъ.

Мясо лѣтомъ почти не ѣдятъ. Колоть барановъ начинаютъ во время полевыхъ работъ, въ августѣ, а осенью, когда мясо можно сохранить въ прокъ, бьютъ быковъ; нерѣдко при случаѣ бьютъ и лошадей. Мясо заготовляется въ прокъ на весь годъ почти, но не въ большихъ количествахъ; для этого мягкія части мяса нарѣзываются длинными полосами и окунаются въ кипящій разсолъ, затѣмъ подвѣшиваются на вѣтру и вялятся.

Лѣтомъ въ качествѣ приправы къ пищѣ употребляютъ лукъ дикій; его рубятъ и солятъ въ кадкахъ, какъ русскіе капусту; запасаютъ еще луковицы сараны (Lilium martagon). Въ нѣкоторыхъ улусахъ начинаютъ сажать картофель; грибовъ и ягодъ не ѣдятъ.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, у нѣкоторыхъ бурятъ есть еще промыселъ — рыболовство. Главныя рыбныя ловли, принадлежащія бурятамъ, находятся въ устьяхъ Селенги, рыбу они сбываютъ русскимъ торговцамъ; на Селенгѣ, верстахъ въ 30 выше устья, есть село Чертовкино, и тамъ ежегодно бываетъ небольшая рыбная ярмарка.

Ремеслами буряты занимаются по преимуществу плотничнымъ и кузнечнымъ, и плотники, и кузнецы изъ бурятъ славятся, какъ хорошіе работники. Особенно бурятами уважается ремесло кузнечное: кузнецы, по народнымъ преданіямъ, ведутъ свое происхожденіе отъ небесныхъ кузнецовъ, иногда кузнецы участвуютъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ наравнѣ съ шаманами. Слово *дарханъ*, прилагаемое обыкновенно кузнецамъ и плотникамъ, имѣетъ въ монгольскомъ языкѣ два значенія: оно значитъ *свободный* или *святой* или благородный и *художникъ* или мастеръ, такъ тимэръ-дарханъ — [illegible], или желѣзный мастеръ, модонъ-дарханъ — деревянный мастеръ. Кромѣ грубыхъ работъ изъ желѣза, бурятскіе кузнецы выдѣлываютъ также и ножи, ножницы. Всѣ серебряныя украшенія для сѣделъ, для [illegible], на женскихъ уборахъ дѣлаются своими же

мастерами, по своимъ рисункамъ. Столярныя работы также знакомы бурятамъ, они дѣлаютъ для себя кровати, комоды, столы, ящики; послѣдніе обыкновенно разрисовываются масляной краской. Узоры предпочитаютъ шашечные или арабески, цвѣтовъ и фигуръ не рисуютъ.

Въ настоящее время у бурятъ въ домашней утвари недостатка нѣтъ; кромѣ желѣзныхъ котловъ и мѣдныхъ чайниковъ, въ хозяйствѣ ихъ очень много деревянной посуды; выдѣлываютъ они и сами на манеръ русскихъ кадокъ и лоханокъ. Кажется, у бурятъ и ранѣе, при кочевомъ образѣ жизни, кожаная посуда, такъ часто встрѣчающаяся у монголовъ и киргизъ, не была въ употребленіи. Преданія разсказываютъ, что раньше, за недостаткомъ металлической посуды или глиняной, даже мясо варили въ деревянныхъ выдолбленныхъ корытахъ или въ берестяной посудѣ. Въ такой посудѣ варили посредствомъ опусканія въ воду накаливаемыхъ камней.

Въ бурятскомъ хозяйствѣ употребляются кожаные мѣшки, выдѣланные изъ сыромятной кожи, но для жидкости они въ настоящее время не употребляются: въ нихъ держатъ зерно, муку и особенно берутъ разныя вещи въ дорогу. Для складыванія имущества, одежды прежде у бурятъ вмѣсто сундуковъ также употреблялись кожаныя сумы. Мѣстами и до настоящаго времени сохранился обычай въ приданое за невѣстой давать кожаный, богато украшенный мѣшокъ; форма этой сумы треугольная, и обычай класть въ нее вмѣстѣ съ вещами стрѣлу указываетъ какъ-будто на то, что молодую женщину, выдавая за мужъ, снаряжали, какъ на войну. Треугольный мѣшокъ прежде употребляли, какъ футляръ для лука. Кожаныя сумы у бурятъ приготовляютъ женщины. Кожу и замшу для одежды и обуви выдѣлываютъ онѣ же. Для шитья кожи употребляютъ нитки, приготовляемыя изъ сухожилій ногъ животнаго. Сухожиліе это высушивается, разбивается молоткомъ, раздѣляется на волокна и затѣмъ скручивается такой толщины, какая требуется для данной работы. Нитки эти называются по-бурятски [illegible].

Пряжа и тканье въ настоящее время у бурятъ не въ обычаѣ, но встарину пряли шерсть и ткали изъ нея грубыя сукна. Ткацкій станокъ самаго первобытнаго устройства. Въ настоящее время буряты свое тканье употребляютъ только на мѣшки или продаютъ русскимъ на половики.

Съ развитіемъ буддизма въ монастыряхъ появилось еще одно производство — это приготовленіе священныхъ статуэтокъ и рисованныхъ изображеній боговъ. Но пока бурятскіе художники уступаютъ въ этомъ отношеніи своимъ монгольскимъ учителямъ, ихъ работы очень грубы.

Одежду и обувь, а мужскую и женскую, бурятки шьютъ сами. Одежда бурятъ въ старое время, какъ у народа звѣроловческаго, почти исключительно состояла изъ звѣриныхъ шкуръ, причемъ лѣтомъ носили одежду изъ замши, т.-е. шкуры заквашивали, заставляли выпадать волосъ, а потомъ голую кожу дымили и выдѣлывали до мягкости. На голое тѣло буряты надѣвали узкую и короткую куртку, которую называли *хамц*; теперь этимъ именемъ называютъ рубашку. Затѣмъ поверхъ хамси надѣвали шубу или халатъ — *дэгэлъ*, зимой поверхъ дэгэла надѣвали еще *доху*. Доха иногда состоитъ просто изъ двухъ шкуръ, скрѣпленныхъ на плечахъ, а иногда дѣлается внизу двойною, и тогда ея полы или подолъ служили мѣшкомъ, въ который можно было класть мелкія вещи. Иногда же дохи дѣлались длинныя и съ полами, которыя дѣлали разрѣзъ сзади, ради удобства при верховой ѣздѣ.

Сапоги прежде шились изъ кожи, снятой съ ногъ животнаго, мѣхомъ наружу, и подошвы дѣлались мягкія; теперь сапоги шьются изъ выдѣланной кожи съ подошвами изъ сыромятной кожи очень твердыми; носки сапоговъ дѣлаются острые, приподнятые кверху; говорятъ, что во время единоборства, буряты прежде старались бить противника концомъ сапога, и этотъ ударъ былъ очень чувствителенъ.

Въ настоящее время одежду шьютъ чаще всего изъ овчинъ; у бѣдняковъ идутъ также въ дѣло шкуры телятъ и жеребятъ. Лѣтомъ теперь уже почти всѣ буряты носятъ одежду изъ матеріи: бумажныя и шерстяныя ткани покупаютъ у русскихъ, шелковыя — у китайцевъ. Покрой, сообразно съ болѣе легкимъ матеріаломъ, тоже нѣсколько измѣнился: халаты и рубахи дѣлаются шире и длиннѣе. Въ дождливую погоду почти всѣ буряты надѣваютъ суконную шинель съ пелериной; называютъ эту одежду они *саба*; можно думать, что шинель тоже заимствована у русскихъ, и саба значитъ „шуба".

Шапки бурятъ почти однѣ и тѣ же у мужчинъ, какъ и у женщинъ; онѣ обыкновенно дѣлаются съ острой тульей и съ расширеннымъ кверху околышемъ; иногда у бѣдныхъ околышъ дѣлается плисовымъ; верхъ всегда украшается кистью изъ краснаго шелка, а въ нарядъ — еще серебряной остроконечной фигуркой. Зимой у мужчинъ очень употребительны шапки съ наушниками, сдѣланныя изъ лисьихъ лапокъ; такая шапка плотно охватываетъ всю голову и затылокъ и завязывается подъ бородой завязками, но чаще носится съ отогнутыми кверху наушниками.

Въ старину, говорятъ, мужская бурятская одежда мало различалась отъ

женской, и теперь по костюму трудно иногда отличить молодую дѣвушку отъ молодого человѣка; но женскій костюмъ теперь сталъ гораздо сложнѣе, а фасоны его мѣстами совсѣмъ другой. Мужской халатъ дѣлается цѣльнымъ, застегивается на боку и на правомъ плечѣ и подпоясывается ремнемъ или кушакомъ на поясницѣ; такіе же халаты носятъ и дѣвицы, у женщинъ же халатъ шьется изъ двухъ частей: станъ прикрываетъ кофта, спускающаяся немного ниже пояса, а также къ кофтѣ пришивается нѣсколько въ сборку низъ халата или, пожалуй, юбка съ разрѣзомъ. Сверхъ этого халата женщина носитъ безрукавку, доходящую также до таліи; безъ этой безрукавки женщина не можетъ считаться прилично одѣтой и мужчинамъ не показывается. Кромѣ того рукава у женскаго халата у селенгинскихъ бурятъ пришиваются буфами. На воротѣ, на рукавахъ, а нерѣдко и по подолу халаты обшиваются мѣховою опушкой, а иногда прокладываются яркой шелковой матеріей или плисомъ. У сѣверо-байкальскихъ бурятъ въ обычаѣ обшивать женскіе наряды монетами—серебряными, а у богатыхъ—золотыми; въ Забайкальѣ такого обычая нѣтъ.

Волосы буряты-мужчины спереди брѣютъ, а задніе заплетаютъ въ косу, но теперь часто стригутъ волосы по-русски. Женщины въ Забайкальѣ носятъ двѣ косы, и только дѣвушки заплетаютъ много косъ. У сѣверныхъ бурятокъ число косъ постепенно увеличивается съ годами, а съ замужествомъ уменьшается и постепенно доходитъ до двухъ; причемъ у сѣверо-байкальскихъ въ косы вплетаютъ монеты, въ Забайкальѣ же женскій головной уборъ тоже имѣетъ много серебряныхъ украшеній, но никогда не монетъ. Поверхъ косъ бурятки носятъ неширокую повязку, вышитую жемчугомъ, бусами, кораллами и серебряными бляхами; кромѣ того, съ головы женщинъ виситъ особый, очень затѣйливый приборъ съ серебряными украшеніями; къ нему прикрѣпляются мѣшки изъ бархата, и въ эти узкіе мѣшечки вкладываются косы; кромѣ того, въ нарядъ ко всему этому прикрѣпляютъ множество серебряныхъ цѣпочекъ, развѣшанныхъ по груди и по спинѣ женщины. Шапка, несмотря на погоду, непремѣнно должна быть надѣта на женщинѣ; существуетъ поговорка: „небо не должно видѣть волосъ женщины, земля не должна видѣть ея ступни“, а потому шапка и безрукавка обязательны для женщинъ. Праздничный нарядъ бурятской женщины, благодаря серебрянымъ украшеніямъ работы мѣстныхъ кузнецовъ,

Фиг. 1.

жеи тямеги. У буддистовъ къ этимъ украшеніямъ еще прибавляютъ небольшую икону въ серебряной оправѣ или медальонъ.

Мужчины украшаютъ серебромъ шапки и кушаки, а также нарядныя [illegible] и конскую сбрую.

Впрочемъ, одѣваются буряты нарядно только на праздники и когда ѣдутъ въ гости, дома же, особенно женщины, одѣваются плохо. Мыться теперь, когда стали носить ситцевыя рубахи, начинаютъ понемногу приучаться, но все же буряты очень нечистоплотны.

Обыденная жизнь бурятъ проходитъ довольно уединенно, благодаря тому что обычно селятся отдѣльными дворами. Ихъ улусы непохожи на наши деревни, гдѣ домъ жмется къ дому, гдѣ вся жизнь сосѣдей проходитъ на виду, гдѣ женщины неизбѣжно сталкиваются у общаго колодца и гдѣ въ свободное отъ работы время собираться гдѣ-нибудь на завалинкѣ дома или у амбара. Такого постояннаго общенія между одноулусниками нѣтъ у бурятъ, даже дѣти не составляютъ большихъ ватагъ, и если играютъ вмѣстѣ, то только съ ближайшихъ сосѣдей. Однако, сколько я могла наблюдать и по отзывамъ русскихъ, долго жившихъ между ними, буряты — народъ общительный, добродушный и даже веселый, хотя инымъ русскимъ и кажется, что въ характерѣ бурятъ есть мрачность и недовѣрчивость; послѣднее зависитъ, конечно, оттого, что русскіе для нихъ чужіе, а съ чужими люди живущіе въ захолустныхъ уголкахъ никогда не бываютъ довѣрчивы.

Недостатокъ постояннаго общенія вполнѣ замѣняется у бурятъ ихъ частыми общественными собраніями ради обсужденія какихъ-нибудь общихъ дѣлъ или просто ради веселья. Въ первомъ случаѣ такія собранія необходимы, потому что улусъ, вырастая, большею частью, изъ членовъ одной семьи или изъ людей, связанныхъ экономической зависимостью, не можетъ существовать особнякомъ; съ другой стороны, весь строй жизни шаманскаго народа поддерживается общественными собраніями, будутъ-ли то общественныя моленія и празднества. Между бурятами, если даже они христіане или буддисты, и до сихъ поръ въ обычаѣ съѣзды разныхъ улусовъ или даже цѣлыхъ родовъ въ извѣстной мѣстности. Собранія эти бываютъ обыкновенно на мѣстахъ старинныхъ [illegible] *), или у буддистовъ — у монастырей,

*) Объ этихъ мѣстахъ [illegible] Прежде [illegible]

[illegible], гдѣ они есть, и всегда [illegible] [illegible]. [illegible] ходять въ народные праздники [illegible], [illegible] и т. д. На праздникѣ [illegible] женщины.

[illegible] общественныхъ праздниковъ. [illegible] обычаи, [illegible] бываютъ общественныя [illegible], въ настоящее время [illegible] характеръ [illegible] общественнаго [illegible] родоваго промысла, [illegible]. [illegible] у бурятъ бываетъ [illegible] праздникъ — [illegible] — бѣлый мѣсяцъ, [illegible] по буддійскому календарю и потому [illegible] по времени [illegible]. Приходится онъ обыкновенно на нашъ февраль мѣсяцъ, но не всегда въ одно и тоже время, такъ какъ буддисты слѣдуютъ лунному календарю, и потому у нихъ бываютъ года, когда прибавляется тринадцатый мѣсяцъ. Нѣкоторые буряты думаютъ, что въ [illegible] праздникъ начала года праздновался у нихъ въ первый зимній мѣсяцъ. Цаганъ-сара — бѣлый мѣсяцъ — потому и былъ [illegible] [illegible].

Этотъ праздникъ у бурятъ [illegible], [illegible]; во время его каждая семья отдѣльно должна приготовиться къ празднику, наварить угощенія, приготовить [illegible]. [illegible] [illegible] приготовляетъ [illegible] и конфекты, гдѣ ихъ можно достать, потому что во время [illegible] визитовъ въ новый годъ между [illegible] принято обмѣниваться [illegible]. [illegible] [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] улусъ; даже и въ одномъ принято [illegible], хотя бы это было и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] въ первый же день [illegible] по [illegible] приготовить. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], гдѣ есть молодежь, и въ другое время [illegible] послѣ [illegible] [illegible] работъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ послѣднее время [illegible] [illegible] страсть къ игрѣ.

[illegible]

[illegible] этъ случаевъ древности и [illegible] не [illegible] съ [illegible] [illegible]. Что игры и танцы составляли [illegible] часть религіознаго обряда, можно заключить изъ того, что, при [illegible] новаго шамана, всѣ присутствующіе участвуютъ въ танцахъ. То же самое наблюдается и у [illegible] бурятъ: въ концѣ [illegible] [illegible] шаманъ изображаетъ собой Буха-ноёна—Господина-быка, котораго буряты считаютъ [illegible] [illegible], а также же изображенія животныхъ [illegible] [illegible] на вечеринкахъ у бурятъ. Мы приводимъ здѣсь описаніе этого конца [illegible], сдѣланное г. Хангаловымъ: „Шаманъ беретъ въ руки посуду съ [illegible] [illegible] [illegible]; участвующіе въ [illegible] тоже берутъ посуду; они всѣ становятся рядомъ; шаманъ стоитъ по правой [illegible] и начинаетъ [illegible], [illegible] западнаго хата принять жертву; въ это время будто-бы заянъ приходитъ; тогда шаманъ [illegible] [illegible] на мѣстѣ, весь трясется, головой [illegible], [illegible] [illegible] на землю, [illegible] руки; всѣ [illegible] берутъ посуду изъ рукъ шамана, одинъ поднимаетъ шапку шамана съ земли и [illegible] ее на себя, потомъ шаманъ садится на мѣсто; шаманъ говоритъ, но это будто говоритъ самъ заянъ; заянъ разсказываетъ о своемъ происхожденіи и разныхъ приключеніяхъ въ жизни; всѣ заяны западнаго хата по-одиночкѣ, одинъ за другимъ, приходятъ и говорятъ, а потомъ уходятъ; наконецъ, приходитъ очередь Буха-ноёнъ-бабая *); изображая его прибытіе, шаманъ падаетъ на землю, лицомъ внизъ; [illegible] встаетъ и ходитъ на четверенькахъ, какъ [illegible] **), [illegible] [illegible], руками [illegible]; [illegible] [illegible] къ [illegible] бурятамъ и каждаго бодаетъ, начиная съ правой стороны. Какъ только кого Буха-ноёнъ-бабай пободаетъ, тотъ падаетъ на [illegible]. Перебодавъ всѣхъ сидящихъ, Буха-ноёнъ [illegible] [illegible] ***), къ которымъ привязаны [illegible] ****), подходитъ къ [illegible], на которомъ привязана [illegible], и начинаетъ ходить, [illegible] [illegible]. Послѣ этого Буха-ноёнъ-бабай уходитъ [illegible], и [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible], что Буха-ноёнъ [illegible]...“ [illegible] [illegible] религіозный обрядъ. Но на вечеринкахъ точно также является [illegible] [illegible]

*) [illegible].

**) [illegible].

***) [illegible].

****) [illegible].

животныхъ, изображаемыхъ и [illegible] часто [illegible] праздника. Есть, напр., игра въ [illegible] вѣрно подражать [illegible] движеніямъ [illegible] Сибири, если его не [illegible]. Изображающій его [illegible] обыкновенно свою силу, не показывать [illegible] челюстями и зубами; онъ старается [illegible] и сносить ихъ на одно мѣсто, обыкновенно [illegible] складываетъ и поправляетъ [illegible]. Для поддержанія игры требуется, чтобы [illegible] свои зубы, уже не показывать [illegible] положилъ его воображеніе [illegible]. Говорятъ, между бурятами [illegible] силачи, которые зубами поднимаютъ [illegible]. Есть и другія игры, состоящія въ подражаніи другимъ [illegible] козла, верблюда: игра въ послѣдняго напоминаетъ нѣсколько нашу игру въ кошку и мышку. *[illegible]*, [illegible], преслѣдуетъ [illegible] присутствовавшіе, взявшись за руки, [illegible] *[illegible]*. Вся задача въ томъ, чтобы изображать [illegible] натуральнѣе.

Другія игры изображаютъ похожденія [illegible] гоновъ уже человѣческаго характера; часто они бываютъ очень [illegible] свойства; такія разыгрыванія маленькихъ сценъ [illegible] какъ бы зачатокъ народнаго театра. Большинство игръ очень напоминаетъ наши святочныя или дѣтскія игры; такъ, напр., игра въ *[illegible]* (рукавицу) состоитъ въ томъ, что присутствующіе, сидя тѣсно сомкнутымъ кругомъ, незамѣтно передаютъ за спиной рукавицу или платокъ отъ одного къ другому, причемъ напѣваютъ какую-то несложную пѣсенку; одинъ изъ играющихъ, ходя въ кругу, долженъ угадать, у кого рукавица, и найти ее. Есть также игра въ *[illegible]*. Фанты въ проигрышѣ не платятъ, поцѣлуи также не въ ходу на бурятскихъ вечеринкахъ. Танцы [illegible], [illegible] удавалось наблюдать, одни [illegible] такъ называемымъ характернымъ танцамъ, другіе — къ круговымъ. Танцы, повидимому, вышли также изъ подражанія движеніямъ животныхъ; такъ, есть танецъ, называемый *[illegible]*; ясно, что онъ состоитъ изъ подражанія [illegible] плясками, какія выдѣлываетъ [illegible]. Самый обыкновенный танецъ бурятъ — круговой, у русскихъ [illegible] танцуя его, присутствующіе, взявшись за руки, [illegible] ваютъ ногами, напѣвая пѣсню, въ которой повторяется слово *[illegible]*

[illegible] въ неподвижности такъ, чтобы [illegible] перетоптывали [illegible] не больше полсажени. Чаще же они могутъ составить огромный хороводъ. Нѣкоторые танцы пляшутъ въ присядку, причемъ одинъ изъ [illegible] выступаетъ въ средину круга, пожимаетъ руки одному изъ сидящихъ на корточкахъ участниковъ хоровода, затѣмъ въ присядку обходитъ вокругъ, пожимаетъ руки слѣдующему въ кругу, и затѣмъ опять дѣлаетъ туръ; такимъ образомъ ему приходится сдѣлать столько туровъ, сколько въ хороводѣ участвующихъ. [illegible] громомъ, тѣмъ больше, что бурятскіе [illegible] костюмъ легкостью не отличаются.

У христіанъ и буддистовъ-бурятъ игры и танцы остались, но они замѣтно утрачиваютъ свои старинныя, часто очень грубыя черты; и теперь, присутствуя на бурятской вечеринкѣ, можно представить себѣ, что находишься на вечеринкѣ какого-нибудь русскаго провинціальнаго общества, гдѣ французская кадриль еще не вытѣснила обычая играть въ фанты. Теперь у бурятъ и буряток не послѣднимъ удовольствіемъ на вечеринкѣ является щегольство нарядами, и на самую простенькую вечеринку простые буряты-пахари являются иногда разодѣтыми въ шелковые халаты; впрочемъ, это не мѣшаетъ, наряду съ шелковыми халатами, веселиться и въ простыхъ нанковыхъ халатахъ.

На одной изъ такихъ вечеринокъ мнѣ удалось побывать. Комната средней величины была переполнена гостями; почетные люди сидѣли на деревянномъ возвышеніи, въ родѣ турецкаго дивана, вдоль всей передней стѣны; молодежь сидѣла на полу вдоль остальныхъ трехъ стѣнъ на разостланныхъ кошмахъ. Во время чая передъ гостями ставились низенькіе столы въ родѣ скамеекъ; на нихъ помѣщались деревянныя тарелки съ нарѣзаннымъ бѣлымъ хлѣбомъ и масломъ; чай разносили въ мѣдныхъ чайникахъ и наливали въ деревянныя чашки. Угощеніе, повидимому, не играетъ большой роли на вечеринкахъ: скоро столики и чай были убраны, и начались игры; затѣмъ, когда въ комнатѣ сдѣлалось очень жарко и душно, всѣ, какъ по командѣ, оставили комнату: мужчины — чтобы покурить, а женщины — чтобы освѣжиться самимъ и освѣжить комнату. Дворъ и крыльцо представляли въ это время очень оживленную картину; вездѣ стояли и сидѣли группы гостей, слышался говоръ и смѣхъ. Не знаю, всегда-ли буряты строго соблюдаютъ обычай не курить въ комнатѣ, не было ли на этотъ разъ это особымъ знакомъ уваженія къ хозяину дома, который былъ противъ куренія и самъ не курилъ. Послѣ перерыва гости опять собрались

въ жмурку и [illegible] игры. Говорятъ, что такія вечеринки продолжаются обыкновенно всю ночь до утра, а игры эти повторяются не разъ.

Есть бурятскіе дома,—хоть ихъ и не много,—гдѣ жизнь идетъ болѣе походя на русскую, гдѣ на вечеринкахъ играютъ въ карты, а молодежь танцуетъ; но это уже переходъ къ полному слiянію съ русскими. Это бываетъ въ такихъ домахъ, гдѣ глава семьи прошелъ русскую низшую или среднюю школу (съ университетскимъ образованіемъ въ настоящее время нѣтъ ни одного бурята). Въ такихъ домахъ, устроенныхъ и по внѣшнему виду обыкновенно совершенно по-русски, не рѣдкость встрѣтить русскія газеты и журналы или книжку европейскаго писателя; здѣсь уже носятъ европейскій костюмъ, говорятъ по-русски; женщины въ такихъ семействахъ обыкновенно болѣе консервативны, дольше сохраняютъ національный костюмъ, а главное—дольше сохраняютъ языкъ.

Смѣшанныхъ браковъ между русскими и бурятами бываетъ очень мало.

Говоря объ инородцахъ, принято опредѣлять ихъ типъ; конечно, и я могу повторить столько разъ уже сдѣланное описаніе этого типа: смуглый цвѣтъ лица, узкіе глаза, выдающіяся скулы; но думаю, что здѣсь лучше будетъ указать на то, что антропологи еще совсѣмъ не имѣли случая познакомиться собственно съ бурятскимъ типомъ; между бурятами сдѣлано нѣсколько десятковъ антропометрическихъ измѣреній; но и тѣ, сколько извѣстно, еще нигдѣ не обнародованы. Отъ русаго и голубоглазаго или сѣроглазаго великорусса, конечно, бурята легко отличить; но, намъ кажется, если бы на десять, случайно взятыхъ, бурятъ взять столько же сибирскихъ русскихъ, то трудно было бы безошибочно отличить ихъ однихъ отъ другихъ. Безспорно, есть среди бурятъ очень сильно выраженный монгольскій типъ, безобразный на нашъ взглядъ; но въ то же время въ массѣ встрѣчаются лица, которыя могутъ нравиться и съ европейской точки зрѣнія, и такихъ лицъ не мало. Въ характерѣ у бурятъ замѣчается склонность къ [illegible] и въ преслѣдованіи своихъ плановъ, а также скрытность.

Читатели могутъ упрекнуть насъ въ томъ, что въ нашемъ очеркѣ много мѣста занимаютъ шаманство или такія подробности, какъ описаніе игръ, и ничего не говорится объ экономическомъ положеніи бурятъ. Упрекъ совершенно справедливый, но трудно что-нибудь сказать объ этомъ предметѣ, когда народъ живетъ на пространствѣ тысячи верстъ при разнообразныхъ климатическихъ и бытовыхъ особенностяхъ, когда онъ находится

[illegible] отъ хозяйства исключительно [illegible] или [illegible], главнымъ образомъ, подобныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи не дѣлалось. Намъ же хотѣлось, по возможности, отмѣтить тѣ новыя черты быта и народности, которыя всего ярче выступаютъ именно въ религіозной и обрядовой сторонѣ жизни народа.

[illegible] [illegible]. Буряты Верхнеудинскаго округа живутъ по правому берегу Уды. Выѣхавъ изъ Верхнеудинска по дорогѣ въ Читу, мы будемъ имѣть вправо отъ большой дороги Уду, мѣстами довольно близко подходящую къ дорогѣ, слѣва — невысокій горный хребетъ, поросшій лиственнымъ лѣсомъ. Рѣка, довольно многоводная и широкая, поражаетъ своею пустынностью: на ней почти никогда не видно ни лодокъ, ни плотовъ; большая дорога также мало оживлена и кромѣ обозовъ на ней почти совсѣмъ нѣтъ. Долина Уды не представляетъ луговъ въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что растительность, ее покрывающая, — степная. Вдали, ближе къ горамъ, степь бѣлѣетъ отъ мелкихъ полынокъ или съ осени краснѣетъ отъ солянковыхъ, ярко окрашенныхъ въ малиновый цвѣтъ. Дорога также мѣстами покрыта солончаковыми лужами, которыя, высыхая, покрываются бѣловатой корой; въ сторонѣ виднѣются даже настоящіе гуджиры, куда русскіе пріѣзжаютъ брать эту солончаковую пыль для мытья половъ. Ближе къ рѣкѣ иногда видны болѣе зеленыя луговины, поросшія осокой. Верстахъ въ шести отъ города показывается первое ущелье въ горахъ, откуда вытекаетъ рѣчка Онгонотай, и по этой рѣчкѣ видны жилища бурятъ. Точно такія же узкія ущелья съ вытекающими изъ нихъ ручьями тянутся вдоль всего хребта. За Онгонотаемъ слѣдуетъ [illegible], еще версты двѣ далѣе — Хабатай, за Хабатаемъ — Тосырхай и т. д. По этимъ-то рѣчкамъ и располагаются бурятскіе улусы. Улусъ можно переводить словомъ деревня, но это далеко не точный смыслъ, потому что [illegible] каждый живетъ у себя, имѣетъ свой [illegible], общее у нихъ только рѣка, пользованіе водой изъ которой одно только и соединяетъ ихъ въ одно общество. Подъ деревней мы привыкли представлять рядъ домовъ съ общей улицей, съ рядами амбаровъ, бань, съ кузницей [illegible] и рядомъ колодцевъ вдоль улицы; ничего этого не видно сразу въ бурятскомъ улусѣ.

Проѣзжая по дорогѣ, мы видимъ, какъ всѣ ущелья выбѣгаютъ на [illegible] то тутъ, то тамъ отдѣльно расположенные домики. Если они [illegible] къ рѣкѣ [illegible] старыя [illegible] деревья, [illegible] довольно

густо, то все-же въ расположеніи построекъ замѣтно стремленіе выстроиться по возможности отдѣльно отъ сосѣда. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ пусты,—это значитъ, что буряты въ нихъ только зимуютъ, а на лѣто переходятъ въ другое жилье. Иногда зимніе и лѣтніе дома отстоятъ всего на нѣсколько саженъ одинъ отъ другаго. Такой обычай увеличиваетъ число построекъ: страна кажется населеннѣе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Итакъ улусъ составляется изъ домовъ, построенныхъ врассыпную, гдѣ одинъ домъ выбѣжалъ на большую дорогу, другой, напротивъ, углубился въ падь между горами, и его видно только, когда подъѣдешь совсѣмъ близко, и половина домовъ въ немъ стоитъ пустыми. Часть домовъ въ каждомъ улусѣ носитъ совершенно русскій характеръ: избы — въ два или три окна, иногда даже съ покрашенными ставнями; оконницы — съ стекольчатыми рамами. Около дома — амбары, и все это огорожено частоколомъ или пряслами на большое пространство. Другая часть улуса носитъ болѣе бурятскій характеръ. Это, по большей части, длинный сарай, сложенный изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ и безъ крыльца. Что это — человѣческое жилье, можно узнать лишь потому, что въ четырехъугольную прорѣзку въ кровлѣ, замѣняющую окно и трубу, постоянно тянется дымокъ. Гдѣ-нибудь неподалеку отгорожено пряслами мѣсто, куда загоняютъ на ночь телятъ, да телѣга, чаще всего двухколеска, брошена гдѣ-нибудь возлѣ,—вотъ и всѣ признаки человѣческаго обитанія. Прясла, огораживающія зимники, обыкновенно занимаютъ большія пространства, потому что буряты на этихъ земляхъ, унавоженныхъ за зиму скотомъ, косятъ свое лучшее сѣно. Около лѣтника загородки нѣтъ, скотъ бродитъ лѣтомъ по всей степи, спасаясь отъ жары въ лѣсу и забираясь на высоты отъ комаровъ и мошекъ. Ущелья съ ихъ рѣчками и широкимъ, но хорошо орошеннымъ лугомъ обыкновенно представляютъ очень красивыя мѣста. Чтобы увеличить покосъ, буряты обыкновенно проводятъ рѣчки и канавы и такимъ образомъ орошаютъ довольно большое пространство. Вслѣдствіе орошенія ихъ луга во все лѣто имѣютъ самый цвѣтущій, ярко-зеленый видъ, и на нихъ не перестаютъ цвѣсти травы до конца лѣта. И вотъ, когда стоишь при входѣ въ ущелье, передъ глазами какъ-будто картина, всѣ части которой расположены искуснымъ художникомъ: внизу — яркая полоса луга, справа и слѣва — бока ущелья, одѣтыя сосновымъ лѣсомъ, и даль, замыкающаяся синеватыми, дымчатыми вершинами перевала; на днѣ ущелья — бурливая рѣчка, пробирающаяся по камнямъ среди березовыхъ и ольховыхъ

деревьевъ и ветелъ, и гигантскіе стволы стройныхъ елей и яркихъ лиственицъ, идущихъ вдоль подошвы горъ и выдѣляющихся своими красивыми вершинами на болѣе мрачной зелени сосенъ.

Внутреннее убранство зимняго и лѣтняго дома, несмотря на наружную разницу, у здѣшнихъ бурятъ одинаково. Весной, переселяясь въ свою лѣтовку, бурятъ перетаскиваетъ въ нее и весь свой скарбъ. Въ лѣтнемъ его помѣщеніи рѣдко бываетъ настланъ полъ, чаще всего подъ ногами земля. Противъ входа, тѣмъ не менѣе, поставленъ пестро разрисованный, въ національномъ бурятскомъ вкусѣ, комодъ и на немъ нѣсколько буддійскихъ идоловъ, передъ которыми, даже и у самыхъ бѣдныхъ, всегда стоятъ маленькія жертвенныя мѣдныя чашечки, *сужу* по здѣшнему произношенію,— налитыя водой и насыпанныя зерномъ или наполненныя масломъ. Тутъ же непремѣнно есть какія-нибудь украшенія: то искусственные цвѣты, то вазочки стеклянныя, фарфоровыя или металлическія, иногда тутъ же лежитъ священный колокольчикъ и очиръ, мѣдныя музыкальныя тарелки, и среди всѣхъ этихъ священныхъ предметовъ и украшеній стоитъ также букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ въ русскомъ чайникѣ, утратившемъ ручку, или въ фигурной бутылкѣ, искусно превращенной въ стаканъ. Часто на одномъ комодѣ идолы не помѣщаются, и тогда рядомъ стоятъ столики съ бурханами, драпированные яркими платками или ковриками. Рядомъ съ такими столиками, вдоль той же стѣны, противоположной входу, стоитъ обыкновенно деревянная кушетка —постель хозяина дома, застланная войлоками съ большой квадратной подушкой, на бокахъ которой, украшенныхъ вышивкой, непремѣнно блестятъ серебряныя или вообще какія-нибудь металлическія украшенія и вставки изъ коралловъ. Чаще всего поверхъ этой неудобной старинной подушки валяются обыкновенныя русскія подушки въ ситцевыхъ наволокахъ. Рядомъ съ кушеткой — опять комоды, шкафики и этажерки, всегда своей бурятской работы, раскрашенные въ узоръ. Иногда у стѣнъ стоятъ такіе же пестрые сундуки, на полу кое-гдѣ иногда постланы войлоки для сидѣнья и поставлены столы-скамейки, въ пол-аршина высоты. Сейчасъ же вправо отъ входа иногда есть лавка и полка для посуды, а чаще посуда стоитъ прямо на землѣ. Въ этомъ углу стоитъ кадушка съ [illegible] и саба для приготовленія *арьки*. Влѣво около войлоковъ иногда стоитъ люлька, — длинный, какъ салазки, ящикъ, сдѣланный изъ лубковъ, съ дномъ на выгнутыхъ обручахъ, которые помогаютъ раскачиваться колыбели, какъ только немного наклонить ее въ одну сторону. Середина пола подъ прорѣзкой въ кровлѣ занята очагомъ, т.-е. здѣсь стоитъ желѣзный треногій

гагалъ или чагъ. Лѣтомъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Только у самыхъ богатыхъ [illegible] не [illegible] [illegible] и [illegible] русскаго фасона, [illegible] [illegible] можно [illegible] бурятской [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] хлѣбовъ. [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] своихъ сосѣдей. У богатыхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а также и [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible].

Въ [illegible] [illegible] буряты [illegible] [illegible] держатся [illegible]; всѣ они носятъ халаты монгольскаго фасона, монгольскіе сапоги, которые шьютъ дома ихъ женщины, и [illegible], [illegible] домашней работы, шапки, [illegible] украшенныя [illegible] [illegible] кистью на верхушкѣ; въ настоящее время всѣ буряты [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] или ситцевую рубаху. Замѣчательно, что, несмотря на [illegible] сосѣдство съ русскими, буряты для своихъ нарядныхъ халатовъ предпочитаютъ китайскія матеріи и украшенія. Впрочемъ, молодое поколѣніе въ настоящее время предпочитаетъ носить русскіе сапоги. Сверхъ этого монгольскаго костюма въ дурную погоду [illegible] буряты непремѣнно [illegible] на себя русскіе [illegible], [illegible] [illegible]. [illegible] они [illegible], и очень вѣроятно, что это слово есть испорченное русское [illegible]. Сначала, при встрѣчѣ съ бурятомъ въ [illegible], я подумала, что это случайность, но потомъ убѣдилась, что у каждаго [illegible] [illegible] бурята есть своя пара грубаго русскаго [illegible].

Женщины еще менѣе [illegible] — [illegible], [illegible] у нихъ только ситцевыя рубахи. Халатъ ихъ не похожъ на [illegible]. У богатыхъ онъ не [illegible] и составляетъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. На голову [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] съ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] кистью, и часто съ серебряными [illegible] [illegible]. Дѣвушки [illegible] такимъ же образомъ, только волосы у нихъ [illegible] въ нѣсколько косъ, а у женщинъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] двѣ палочки, обвитыя [illegible], которыя [illegible] [illegible] горизонтально. Къ этимъ палочкамъ, совершенно [illegible] [illegible] [illegible], но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и серебряныхъ [illegible]-

нѣсокъ, протянутыхъ съ одной палочки до другой и развѣшанныхъ по груди.

По праздникамъ женщины подъ шапку надѣваютъ также бархатную повязку, украшенную кораллами и бусами. Въ ушахъ носятъ серебряныя серьги, на шеѣ — медальоны съ изображеніемъ бурхановъ или съ молитвами. Женщина также непремѣнно должна сверхъ халата носить черную короткую до таліи безрукавку. Въ иныхъ поверхъ всего можно видѣть синюю шелковую перевязь черезъ плечо, — это знакъ священства и означаетъ, что женщина произнесла духовный обѣтъ. Такая женщина не станетъ ѣсть павшей скотины и, если не ошибаюсь, должна произносить утромъ и вечеромъ извѣстную молитву. По праздникамъ буряты одѣваются очень нарядно, у каждаго и каждой почти есть яркій шелковый халатъ, есть серебряныя украшенія, но дома одѣваются неряшливо, носятъ вещи до послѣдней крайности и, такъ какъ халаты никогда не чинятся, то они покрываются всевозможными пятнами и лоснятся отъ грязи. Даже ситцевыя рубахи буряты моютъ рѣдко, и достаточные люди одѣваются и держатся грязно.

Праздниковъ у бурятъ мало, — въ годъ, можетъ быть, наберется два-три съѣзда: одинъ — въ ближайшемъ монастырѣ въ годовой праздникъ, другой — на ближайшемъ [illegible], гдѣ-нибудь въ [illegible] и, можетъ быть, еще какой-нибудь случайный праздникъ [illegible] у сосѣдей; на лѣтнихъ съѣздахъ-праздникахъ [illegible] монастыряхъ и обычно устраиваются старинныя увеселенія, конскіе бѣга, борьба, стрѣльба; зимой празднуютъ одинъ только Цаганъ-Сара, т. е. праздникъ новаго года, начало весны. Этотъ день празднуютъ [illegible] въ каждой семьѣ стряпаютъ, ждутъ гостей. Всѣ [illegible] стараются побывать другъ у друга, поздравить съ новымъ годомъ. [illegible] обмѣниваются гостинцами. [illegible] на этотъ праздникъ [illegible] ,,[illegible]", — говорятъ буряты. Вечеромъ устраиваются вечерки съ играми и пѣніемъ. Подобныя же вечерки устраиваются также у [illegible] или даже просто въ [illegible] домахъ, гдѣ много молодежи, [illegible] устраиваются онѣ осенью, послѣ окончанія работъ, а [illegible] буряты считаютъ самымъ веселымъ временемъ года.

Посуда у бурятъ какъ-будто больше, чѣмъ у русскихъ. [illegible] въ описываемой мною мѣстности не особенно велики: главный предметъ

хозяйства — сѣно, а подъ него землю не приходится ни пахать, ни боронить. Весь трудъ сводится къ поливкѣ, т.-е. къ пропусканію воды въ канавы: каждому домохозяину придется сдѣлать это раза три-четыре въ лѣто; затѣмъ — городьба луговъ во избѣжаніе потравъ. Но и канавы и городьба уже сдѣланы и только требуютъ ремонта, вотъ почему въ продолженіе лѣта, до поры сѣнокоса и жнитва, буряты имѣютъ довольно много досуга, точно также и зимой они раньше кончаютъ молотьбу. Женщины участвуютъ почти во всѣхъ мужскихъ работахъ; кромѣ того онѣ ходятъ за скотомъ. Но у бурятской женщины нѣтъ ни огорода, ни мытья посуды, ни мытья бѣлья, ни бани, т.-е. всѣхъ тѣхъ мелочныхъ занятій, которыя поглощаютъ время русской крестьянской бабы; буряты даже посуду для молока не имѣютъ обычая мыть горячей водой; такъ какъ скопы молока сквашиваются, то въ мытьѣ посуды и нѣтъ надобности. Но это отсутствіе усиленнаго труда, сравнительный досугъ, мало отражается на ихъ благосостояніи. Бурятская женщина не ткетъ, и ей не зачѣмъ прясть, а такъ какъ здѣсь рѣдко держатъ по-многу овецъ, то немногіе дѣлаютъ и войлока. Только овчины выдѣлываются большею частью дома. На женщинахъ также лежитъ шитье одежды и обуви.

Лѣтомъ и весной есть еще два занятія у бурятъ, неизвѣстныя русскимъ, — это заготовленіе *арсы* и заготовленіе *хомрока* или подстилки для скота на зиму. Послѣднее дѣлается такъ: весной навозъ со дворовъ вывозятъ въ одну кучу и затѣмъ размельчаютъ его лопатами въ порошокъ, оставляя въ такомъ видѣ просохнуть въ продолженіе лѣта; зимой этимъ сухимъ навозомъ посыпаютъ снѣгъ тамъ, гдѣ скотъ укладывается на ночь. Высокія кучи *хомрока* придаютъ оригинальность бурятскимъ зимовкамъ.

Кромѣ того въ большинствѣ бурятскихъ хозяйствахъ изъ молока въ лѣтнюю пору гонятъ молочную водку — *архи*. Дѣлаютъ это главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы остатки при перегонкѣ обратить въ годовой запасъ пищи, извѣстной у бурятъ подъ именемъ *арсы*. Этихъ творожистыхъ скоповъ или арсы буряты стараются заготовить какъ можно больше. Еще недавно арса составляла почти исключительно пищу бурятъ; въ настоящее время въ каждомъ семействѣ, кромѣ арсы, ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаной муки. Для ѣды арсу варятъ, разводя водой и смѣшивая съ молокомъ, если таковое есть, и подправляя ржаной мукой. На приготовленіе *тарака* — кислаго молока, изъ котораго гонятъ водку, и *арсы* бурятская женщина тратитъ часа два или три каждый разъ, но это дѣлается обыкновенно не каждый день, а когда тараку скопится много. Другихъ же сортовъ пищи у бурятъ не дѣлается

обыкновенно. Иногда, тамъ, гдѣ семья велика, заготовляютъ въ прокъ дикій лукъ. Для этой цѣли всѣ молодые члены семьи одинъ разъ въ лѣто отправляются за Уду, гдѣ луку много родится, привозятъ зеленыя перья, затѣмъ крошатъ ихъ ножами и солятъ въ кадкѣ, употребляя, какъ приправу къ мясной похлебкѣ; живущіе вблизи города солятъ также немного капусты, покупая ее у русскихъ. Весной собираютъ по-немногу луковицы сараны, но это не составляетъ прибавленія къ хозяйству. Ягодъ для себя не собираютъ, грибовъ также. Барановъ колютъ только въ рабочую пору, въ сѣнокосъ и жнитво; мясо больше ѣдятъ зимой, иногда завяливая его тонкими пластинками въ морозы и въ такомъ видѣ оставляя до весны. Рабочихъ здѣсь предпочитаютъ нанимать только на осень, на время усиленныхъ полевыхъ работъ. Нанимаются или на весь срокъ работъ (на сорокъ дней, причемъ плата бываетъ 20 руб. или около того) или по-десятинно, и тогда цѣны очень колеблются. Въ такомъ случаѣ онѣ зависятъ и отъ времени, и отъ качества работы. Въ небольшихъ хозяйствахъ нанимаютъ также поденныхъ рабочихъ.

Между бурятами встрѣчаются мастеровые. Мелкія желѣзныя вещи въ хозяйствѣ буряты работаютъ сами, даже такія вещи, какъ ножи или ножницы, точно также какъ и серебряныя украшенія.

Они дѣлаютъ также всѣ деревянныя подѣлки; между ними много плотниковъ, есть столяры и бондари.

Ламъ между здѣшними бурятами немного, совсѣмъ не такъ, какъ въ Монголіи, гдѣ въ рѣдкомъ семействѣ нѣтъ ламы. Грамотность довольно развита, кажется больше, чѣмъ среди русскаго окрестнаго населенія. Торговлей здѣшніе буряты занимаются мало. Несмотря на сравнительное благосостояніе и на красоту окружающей природы, здѣшнее бурятское населеніе показалось мнѣ невеселымъ, мало общительнымъ. Нѣтъ тѣхъ вечернихъ сборищъ за воротами, какія бываютъ въ русскихъ деревняхъ, нѣтъ болтовни женщинъ у колодца, не собираются старики гдѣ-нибудь подъ амбаромъ; каждая семья живетъ своей отдѣльной жизнью и мало встрѣчается съ сосѣдями; даже при встрѣчахъ, казалось мнѣ, у нихъ такъ мало общихъ интересовъ, что имъ не о чемъ было говорить. Дѣти одного улуса не составляютъ одной общей ватаги и много-много, если сходятся ребятишки двухъ ближайшихъ домовъ.

Можетъ быть, этимъ же отсутствіемъ сосѣдей, замкнутою жизнью въ семьѣ слѣдуетъ объяснить и то обстоятельство, что бурятскія женщины и дѣвушки одѣваются дома очень дурно. Какъ было замѣчено выше, онѣ

носятъ заплатанные грязные халаты, тогда какъ у той же самой женщины въ сундукѣ, можетъ быть, спрятанъ не одинъ шелковый халатъ, надѣваемый ею при выѣздѣ въ люди, но, навѣрное, есть серебряные уборы.

Молочное хозяйство у бурятъ Верхоудинскаго округа. Когда, съ появленіемъ новой травы весной, удой молока увеличивается, тогда буряты начинаютъ дѣлать молочные запасы на годъ. Коровы бурятскія маломолочны. Отъ 12 коровъ среднимъ числомъ получается удою весною и лѣтомъ до трехъ ведеръ вечеромъ и ведра полтора утромъ послѣ ночи. Телята держатся отдѣльно отъ матокъ, только слабые телята на ночь подпускаются къ маткамъ, и тогда этихъ коровъ уже не доятъ. Прежде, чѣмъ начать корову доить, къ ней подпускаютъ ея теленка и, давши ему пососать минуты три, его отгоняютъ и привязываютъ за ошейникъ поблизости, а корову начинаютъ доить съ той стороны, съ которой былъ подпущенъ теленокъ: затѣмъ подпускаютъ опять теленка съ другой стороны и, снова отогнавши его, продолжаютъ доить корову. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда важно имѣть болѣе густое молоко, эти два удоя не смѣшиваютъ въ двѣ отдѣльныя посуды: первое молоко бываетъ жиже, а послѣднее — болѣе густо. Обыкновенно же этого не дѣлается и весь удой сливаютъ въ одну посуду.

Зимой число дойныхъ коровъ сокращается на-половину; въ хозяйствѣ, гдѣ лѣтомъ доилось 12 коровъ, зимой доятся 6 или 7. Конечно, всѣ такія числа колеблются отъ состоянія кормовъ, отъ погоды и т. д.

Въ самую хорошую для скота пору, приблизительно съ половины мая до половины іюня, доятъ также овецъ. Отъ стада въ сто головъ доятъ 50 или 40 овецъ; доятъ не всѣхъ дойныхъ, а только наиболѣе здоровыхъ. Самая хорошая овца даетъ два стакана въ день (овецъ доятъ въ полдень), а слабая — лишь нѣсколько ложекъ. Время доенья овецъ продолжается не больше мѣсяца.

Подойники дѣлаются изъ обыкновенныхъ деревянныхъ ведеръ и называются такъ же, какъ и ведро, — *хувинъ*. Мѣрой эти подойники бываютъ $5^{1}/_{2}$ верш. и отверстіе въ діаметрѣ также въ $5^{1}/_{2}$ верш. Только подойники для барановъ бываютъ съ болѣе узкимъ верхомъ (въ 4 верш. въ діаметрѣ) и называются *шатхуръ*. Изъ подойниковъ вечерній удой молока разливается въ плоскіе деревянные баки, называемые *шанхыръ* или *образко*, и ставится въ прохладное мѣсто на сметану. Утренній удой частью варятъ и оставляютъ для употребленія въ пищу въ продолженіе дня, частью употребляютъ такъ же, какъ и вечерній.

На сметану при 12 коровахъ въ началѣ лѣта ставится отъ 10 до 12

[illegible]. Молоко, [illegible], называется [illegible]. Когда [illegible] сбиваютъ въ [illegible] или лопаточкой масло, а [illegible], сливается въ особую посуду, [illegible] хорошей работы и мѣсто содер-жимаго [illegible], но всегда она бы-ваетъ [illegible] расширенную книзу. Самая большая саба, видѣнная мною, была въ 1½ арш. высотой и въ ½ арш. въ діаметрѣ верхняго ея края. Саба бываетъ закрыта [illegible] кругомъ съ небольшой дырочкой посрединѣ [illegible], которымъ въ ней сбиваютъ мо-локо [illegible]).

Белоръ этотъ [illegible] имѣетъ очень оригинальную форму. Это длинная въ 1½ арш. палка, на нижнемъ концѣ которой надѣта де-ревянная чашка, [illegible], величиной съ наши полоскательныя чайныя чашки (въ окружности у нашего белора она была въ 12 верш. при вышинѣ въ 1 [illegible] вершка). Въ краяхъ чашки сдѣлано пять круглыхъ дыръ, и чашка надѣта на палку такъ, что стоитъ дномъ къ верху, въ опроки-нутомъ положеніи, когда белоръ опущенъ въ сабу. Когда белоромъ бьютъ молоко, налитое въ сабу, оно проходитъ въ отверстія въ чашкѣ. Въ такой сабѣ приготовляютъ айранъ. Чтобы приготовить айранъ, въ сабу наливаютъ сначала свѣжаго молока, затѣмъ берутъ немного свѣжаго молока и подо-грѣваютъ на огнѣ; когда оно сдѣлается теплымъ, но еще не закисло, въ него подкладываютъ нѣсколько прошлогодняго айрана, его для этой цѣли ста-раются [illegible] безъ перемѣну. Если нѣтъ дома, то ищутъ у сосѣ-дей. Отъ айрана теплое молоко [illegible] сквасится и получится *та-ракъ*; этотъ таракъ [illegible], въ свѣжее молоко, затѣмъ туда же [illegible] простоквашу [illegible], послѣ чего сабу покрываютъ кружкомъ и затѣмъ на всю сабу надѣваютъ покрышку или футляръ, сшитый изъ [illegible], называемый [illegible], гдѣ недостаточно тепло

[illegible]

[illegible]

въ юртѣ, накрываютъ еще сверху шубой, и даютъ этому напитку въ сабу молоку забродить. Если айрикъ только-что заквашенъ свѣжій, тогда ему даютъ бродить сутки-двое и даже трое, а впослѣдствіи довольно однѣхъ только сутокъ.

Послѣ броженія въ сабѣ начинаютъ бить жидкость бѣлоромъ, пока всѣ масляныя частицы не собьются въ одинъ комокъ масла; масло это вынуть, а жидкость, которая находится въ сабѣ, послѣ этого будетъ *айрикъ*: онъ имѣетъ очень сильную, немного спиртную кислоту и въ жары составляетъ пріятный и сытый напитокъ, но непривычному человѣку кажется черезчуръ кислымъ. Когда изъ айрика отдѣлятъ масло, тогда изъ него приготовляютъ *арахи* или *архи* и *арцу*, а иногда прямо арцу.

Арахи — это хмѣльный напитокъ, молочная водка, а арца — сгущенное творожистое молоко, составляющее главную пищу бурятъ.

Чтобы превратить айрикъ въ арцу, его наливаютъ въ котелъ. Котелъ этотъ имѣетъ различную величину въ различныхъ хозяйствахъ и можетъ быть тотъ же самый, въ которомъ варятъ пищу.

Этотъ котелъ — обыкновенно чугунный или желѣзный, имѣющій форму чаши; для производства въ немъ арахи онъ непремѣнно долженъ имѣть хорошо пригнанную къ нему деревянную крышку — *бурхели* той же самой формы полусферы, какъ и самый котелъ; въ этой крышкѣ должны быть два отверстія, одно — четыре-угольное, въ вершокъ величиной, другое — круглое, какъ горло у бутылки. Когда айрикъ налитъ въ котелъ и поставленъ на таганъ, его покрываютъ бурхелью и щели кругомъ замазываютъ свѣжимъ коровьимъ навозомъ. На четырехъ-угольное отверстіе въ бурхели наставляется деревянная труба, по-бурятски *сорго*. Сорго составлена изъ двухъ, довольно грубо отесанныхъ, кусковъ дерева, внутри которыхъ просверленъ каналъ; куски эти составлены подъ угломъ и образуютъ какъ бы въ локтѣ руку. Въ локтѣ она значительно толще и имѣетъ здѣсь спайку, которая тоже замазывается коровьимъ навозомъ. Длина всей сорго составляетъ 1 арш. 5 верш., а разстояніе между двумя концами 1 арш. 3 верш. (концы сорго имѣютъ только 1 четв. арш. въ окружности, а въ локтѣ окружность сорго доходитъ до 6½ вершковъ). Если бы можно было сдѣлать сорго цѣльное, было бы лучше, замѣчаютъ буряты. Одинъ конецъ сорго ставятъ на отверстіе въ бурхели, какъ сказано, а другой ставятъ на крышку другаго чугуннаго сосуда въ формѣ кувшина; этотъ кувшинъ, *шанха* по-бурятски, имѣетъ широкое круглое основаніе, въ 17½ верш. въ окружности, при высотѣ въ 6½ верш., и горло съ отверстіемъ въ 3 верш.

въ діаметрѣ; на горлѣ плотно лежитъ деревянная крышка съ четырехугольнымъ отверстіемъ и небольшой круглою дырочкой возлѣ. На это четырехъ-угольное отверстіе наставляютъ сорго и въ этомъ мѣстѣ замазываютъ щели навозомъ. Этотъ чугунный кувшинъ ставится въ широкій, съ невысокими стѣнками, бакъ (вродѣ тѣхъ, какіе бываютъ у прачекъ) *сибыръ* или *сюпръ*, въ который наливаютъ холодную воду. Сибыръ служитъ холодильникомъ и, если вода въ немъ нагрѣвается, подбавляютъ холодной; затѣмъ подъ котломъ съ айрикомъ разводятъ небольшой огонь и, при его нагрѣваніи, пары отъ айрика проходятъ по сорго и спускаются въ танху, гдѣ, охлаждаясь, превращаются въ водку. Если огонь слишкомъ разгорится и айрикъ закипитъ, тогда откупориваютъ въ бурхелѣ маленькое отверстіе, называемое *кофулъ*, обыкновенно также заткнутое и залѣпленное навозомъ. Отъ времени до времени въ танху черезъ круглую дырочку въ крышкѣ опускаютъ кисточку *илцръ* или просто палочку и на вкусъ пробуютъ *арахи*. Если перегонять слишкомъ долго, тогда арахи сдѣлается слишкомъ слабой.

Котелъ въ наблюдаемомъ мной хозяйствѣ былъ *долонъ тамиинъ тою*, т.-е. въ семь какихъ-то мѣръ вмѣстимости (около четырехъ ведеръ). Въ окружности онъ имѣлъ 2 арш. 2 верш. и въ центрѣ имѣлъ глубину въ $4^1/_2$ вершка (бурхель, равная ему по окружности, имѣла $9^1/_2$ верш. высоты и, слѣдовательно, по формѣ ближе подходила къ полушару). Изъ этого котла въ описанной мною танхѣ крѣпкой хорошей водки получалось только на одинъ вершокъ высоты; если довести жидкость въ танхѣ до $1^1/_2$ верш. высоты, то водка получится слабая.

Когда арахи получена, тогда сарго и бурхель снимаютъ; въ котлѣ въ это время находится бѣлая, какъ самая густая сметана, жидкость, кисловатая на вкусъ, безъ всякаго маслянистаго вкуса — это *бозо*. Бозо сливаютъ въ кадку, гдѣ она сейчасъ же получаетъ другое названіе — *арца*. Арца или арса эта имѣетъ свойство не портиться во все лѣто. Иногда арцу наливаютъ въ мѣшокъ и даютъ стечь изъ нея водѣ; тогда она бываетъ менѣе кисла и болѣе густа, такъ что удобнѣе можетъ выдерживать перевозку, но за-то скорѣе портится.

Чтобы сдѣлать бозо, можно и не дѣлать арахи; для этого необходима та же самая процедура, только не нужно танху ставить въ холодную воду; не охлаждаясь быстро, пары не получаютъ жидкости, и въ танхѣ получается невкусная, мутноватая на видъ жидкость, которую выливаютъ на полъ.

Арцу [illegible] въ приготовленіи [illegible] [illegible] Кушанье [illegible] [illegible].

Кударинскій бурятъ [illegible] буряты [illegible] бурятъ [illegible] бѣлыхъ. [illegible].

На [illegible] было дѣлать арцу. [illegible] перегонять въ болѣе [illegible].

Ранѣе [illegible] оставили; [illegible], что не стоитъ [illegible] въ видѣ лакомства [illegible]. Урмэ лучше приготовлять [illegible] молока, такъ какъ оно жирнѣе, [illegible] котелъ [illegible] молокѣ, [illegible] затѣмъ поставить котелъ [illegible], чтобы пѣнки устоялись вверху, [illegible] слоя [illegible] сушатъ, [illegible] лаютъ почетнымъ гостямъ [illegible].

Эрэ также приготовляется изъ [illegible] молоко, [illegible] творожистую [illegible].

Арулъ и хурутъ приготовляются [illegible] свѣжаго [illegible]

ее руками немножко, раскатываютъ для просушки или нанизываютъ на нитку и подвѣшиваютъ. Если ту же самую массу положатъ въ холстину и спрессуютъ между досками, а затѣмъ нарѣжутъ квадратиками или въ другую форму и подсушатъ, это будетъ курутъ.

Въ продолженіе лѣта мѣстами для бая приготовляютъ *айранъ*, совершенно соотвѣтствующій нашей простоквашѣ по вкусу и приготовленію.

ИЗЪ СТРАНСТВІЯ ПО УРЯНХАЙСКОЙ ЗЕМЛѢ.

I.

Вступленіе.— Экспедиція 1879 г.— Составъ ея.— Путь отъ озера Убса.— Гора [illegible] Ола.— Обо-жертвенникъ.— [illegible] — [illegible] — Встрѣча съ туземцами, ихъ оригинальный костюмъ.— Конокрады и [illegible] колодки, предупреждающія кражу.— Караваны урянхайцевъ.— Шаманскія [illegible] — [illegible] жертвы [illegible] — Шаманка женщина-жрецъ.— Обрядъ [illegible] — Шаманка-пѣвица.— Костюмъ шаманки.— Политическое [illegible] мѣстности.— Русскіе [illegible] — О[illegible]

Нашъ очеркъ представляетъ попытку познакомить читателя съ новой страной. Случается обыкновенно такъ, что, благодаря заманчивымъ описаніямъ и интереснымъ путешествіямъ, намъ дѣлаются близкими и знакомыми разные дикіе уголки Африки, Америки или Индіи и остаются почти совсѣмъ неизвѣстными страны, лежащія на окраинахъ нашей Россіи и возлѣ нея.

Страна Урянхайская именно тѣмъ и замѣчательна, что составляетъ нашу границу на разстояніи почти тысячи верстъ, и между тѣмъ рѣдкіе изъ русскихъ читателей знаютъ ее хотя бы только по имени. Страна эта занимаетъ южный склонъ горъ Саянскихъ, отдѣляющихъ съ юга сибирскія губерніи Иркутскую и Енисейскую.

Мы въ нашихъ путешествіяхъ два раза посѣтили Урянхайскую землю. Въ 1876 году мы подходили къ ея восточной оконечности, къ озеру Косоголъ.

Въ 1879 г. экспедиція, посланная для изслѣдованія Сѣверо-западной Монголіи, состояла изъ моего мужа, Гр. Н. Потанина, г. Адріанова, студента, присоединившагося къ экспедиціи въ качествѣ естествоиспытателя.

не... откомандированнаго къ намъ переводчика. Къ концу лѣта къ экспедиціи присоединился топографъ-офицеръ Орловъ съ своимъ помощникомъ и двумя казаками, знающими монгольскій языкъ. Осенью экспедиція находилась въ Сѣверной Монголіи, на озерѣ Убса. Отсюда должно было начаться наше возвращеніе въ Россію, но по дорогѣ мы должны были изслѣдовать страну урянховъ.

Предлагаемый очеркъ имѣетъ въ виду познакомить читателей съ тою частью страны, которую мы видѣли, и съ тѣми трудностями, какія испытываютъ люди, въ первый разъ проходящіе по мало изслѣдованному краю. Западная часть страны и сѣверо-восточная ея часть остались намъ совершенно неизвѣстны.

Отъ озера Убса мы начали подниматься въ горы и въ первый день поднялись лишь на карнизъ главнаго хребта. Этотъ карнизъ представляетъ ровную поверхность, поросшую степной растительностью и кочками *), по ней извивалась рѣка, окаймленная деревьями. Величественная Танну-Ола смотрѣла отсюда еще неприступнѣе: горы, казалось, стояли сплошной стѣной, вершины были покрыты пятнами снѣга и по утрамъ дымились туманами. Бока горъ были покрыты лиственничнымъ лѣсомъ. Монгольскіе солдаты съ пикета пугали насъ трудностями здѣшняго перевала и предлагали намъ идти вдоль по этому карнизу Танну-Олы, съ тѣмъ, чтобы перейти на сѣверную ея сторону болѣе удобнымъ восточнымъ переваломъ; но тогда значительная часть урянхайской страны осталась бы намъ неизвѣстной, и мы предпочли перевалъ Торхолыкскій. Громадная стѣна Танну-Олы какъ будто манила скорѣе взглянуть на то, что скрывается за ней. 17 сентября мы поднялись на перевалъ. Несмотря на кажущуюся неприступность, подъемъ былъ довольно удобный. На перевалѣ уже не встрѣчалось деревьевъ; это была довольно большая болотистая площадка, по срединѣ которой возвышалось обычное въ Монголіи на перевалахъ *обо*, т.-е. груда камней и хвороста со вставленными въ кучу палками, съ навѣшанными жертвами духамъ горы. Здѣсь были и грубыя изображенія на коленкорѣ буддійскихъ божествъ и такія же тибетскія и монгольскія молитвы, тутъ же были простыя ленточки изъ цвѣтнаго коленкора или даже пучки лошадиныхъ и верблюжьихъ волосъ — жертва самая употребительная у путешественниковъ, такъ какъ матеріалъ всегда подъ руками. Перевалъ этотъ носитъ названіе

*) [illegible]

у монголовъ Баинъ-Ташъ; гребень надъ переваломъ возвышается еще футовъ на триста.

Взоры всѣхъ устремились съ перевала на сѣверъ; но тамъ, кромѣ безчисленныхъ горныхъ вершинъ, густо поросшихъ лѣсомъ, ничего не было видно. Намъ предстоялъ чрезвычайно крутой и тѣсный спускъ. Глинистая тропинка чуть замѣтно извивалась по обрыву. Всѣ спѣшились, лошадей перевязали по двѣ и по три и отдали людямъ. Рабочіе взяли верблюдовъ за повода, стараясь, чтобы на каждаго рабочаго приходилось не болѣе двухъ. Только-что выпавшій снѣгъ сдѣлалъ глину на спускѣ скользкой, и верблюды боялись идти. Не прошли мы и полуверсты, какъ одинъ верблюдъ полетѣлъ съ тропинки внизъ; къ счастью, деревья задержали его и не дали свалиться на дно оврага. Развьючка и переноска вьюка на рукахъ заняли довольно много времени, между тѣмъ обвалъ, произведенный паденіемъ верблюда, сдѣлалъ тропинку въ этомъ мѣстѣ почти непроходимой и для всѣхъ остальныхъ животныхъ, особенно для верблюдовъ; съ лошадьми можно было забраться выше и обойти лѣсомъ. Чтобы предупредить паденіе верблюдовъ, ихъ поддерживали накинутой съ этого бока веревкой. Дальше по дорогѣ тоже встрѣчались задержки отъ большой крутизны; мѣстами приходилось срубать деревья, чтобы верблюды съ вьюками могли пройти. Черезъ этотъ перевалъ обыкновенно переходятъ на быкахъ или лошадяхъ.

Мы, бывшіе верхомъ, опередили караванъ и, спустясь съ перваго уступа горъ, сѣли отдохнуть подъ высокими кедрами, которые растутъ въ изобиліи на сѣверной сторонѣ Тагну-Ола. Вскорѣ, одинъ за другимъ, къ намъ присоединились проводники верблюдовъ. Дойдя до рѣчки, мы заночевали, и весь слѣдующій день шли по узкому ущелью, бока котораго густо поросли лѣсомъ хвойныхъ деревьевъ, кедра, лиственницы и ели; по берегамъ рѣки росли рябины, черемуха и осины: съ удовольствіемъ встрѣтили мы эти русскія деревья, не видѣнныя нами въ Монголіи. Несмотря на то, что мы подвигались на сѣверъ, становилось все теплѣе и теплѣе, высокія зеленыя травы нерѣдко встрѣчались еще въ цвѣту, тогда какъ въ долинѣ Убса все было уже давно желто. Только-что мы стали лагеремъ, какъ къ намъ подошли два молодые урянхайца; по ихъ словамъ, они направлялись въ Монголію, но ничто въ ихъ костюмѣ не обнаруживало дальнихъ путешественниковъ. Несмотря на осеннее время, на нихъ были короткія замшевыя куртки и такія же, до крайности короткія кожаныя панталоны, похожія скорѣе на трубы, едва скрѣпленныя вверху и недоста-

нія далеко до колѣнъ; животъ тоже до половины оставался открытъ, штаны были подвѣшены къ поясу на ремняхъ; къ поясу же на ремняхъ прикрѣплялись и сапоги, сдѣланные изъ кожи ногъ горнаго козла; они были выше колѣнъ и подъ колѣнками подвязывались ремешками. Молодые люди, несмотря на голые грудь и животъ, казалось, не зябли. Одинъ изъ нихъ, разговаривая съ нами на берегу рѣчки, снялъ съ себя сапоги и сталъ бродить по водѣ, брызгая и проламывая въ мелкихъ мѣстахъ ледъ своими босыми ногами, забавляясь, какъ ребенокъ.

При этихъ „путешественникахъ за-границу" не было ни багажа, ни оружія, но у каждаго въ рукѣ былъ небольшой кнутикъ, что казалось совсѣмъ лишнимъ для пѣшеходовъ. Бичечи (писарь) объяснилъ намъ, что урянхайцы, навѣрное, отправились воровать лошадей, почему кнуты имъ необходимы. Такое открытіе очень встревожило нашихъ людей: они боялись, что эти молодцы угонятъ ночью нашихъ лошадей; но это обстоятельство заставило ихъ удвоить любезность съ гостями: они не только пригласили ихъ ужинать, но даже предложили имъ лечь спать на своихъ войлокахъ и прикрылись на ночь одной съ ними кошмой—затѣмъ, какъ объяснили они намъ, чтобы въ такихъ условіяхъ имъ лучше было наблюдать за ночнымъ поведеніемъ гостей. Но на этотъ разъ дипломатія нашихъ монголовъ удалась, и урянхайцы, переночевавъ, ушли мирно утромъ.

Въ тотъ же день мимо насъ пронесся большой караванъ урянхайцевъ, возвращавшихся съ своихъ пашенъ. Быки были нагружены мѣшками съ просомъ; женщины ѣхали на быкахъ или коровахъ, а большая часть мужчинъ—на лошадяхъ. Лица урянхайцевъ были красивѣе монгольскихъ, нѣсколько *татарскаго типа*: черные, живые глаза и черные же усы даже стариковъ дѣлали красивыми, а между молодежью встрѣчались настоящіе красавцы. На головахъ у женщинъ были пуховые шерстяные капюшоны, въ родѣ тѣхъ, что носятъ наши монашки подъ клобукомъ. По краямъ и вокругъ лица этотъ головной уборъ былъ у всѣхъ расшитъ бѣлыми бусами. Шубы на женщинахъ были длинныя, овчинныя, у нѣкоторыхъ крытыя синей [illegible]; фасономъ женскія шубы напоминали рубаху нашихъ татарокъ: внизу шуба оканчивалась широкой оборкой, окаймленной полосой краснаго ситца или чернаго плиса. Кавалькада эта, завидѣвъ нашъ лагерь, [illegible] и окружила насъ, [illegible] посмотрѣть на насъ.

Переночевавъ здѣсь подъ тѣнью высокихъ лиственницъ, мы пошли вверхъ по рѣчкѣ Ара-Торголыкъ. По ея берегамъ росли береза, осина и

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible].

Вступивъ въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], мы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. У [illegible] Торопецкой [illegible], [illegible] [illegible] (Рисунокъ 9) [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], или [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; почему и передъ Торопецкой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], но оно [illegible] [illegible] [illegible] потому, что [illegible] [illegible] отъ [illegible], окружающихъ [illegible]. У входа въ ущелье [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], т.-е. на простые души [illegible] [illegible], а [illegible] [illegible] [illegible] доставленныхъ [illegible], и представляли [illegible] [illegible] [illegible], или [illegible], [illegible] [illegible] употреблялись [illegible] [illegible]. Внутри этого конуса были протянуты [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], или [illegible] [illegible] матерiи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] приделаны, и на нихъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] животныхъ, журавлей, лосей, оленей. По [illegible] [illegible] насъ людей, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] будто бы, въ жертву. Къ чести [illegible] [illegible] [illegible], что, несмотря на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] они не [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] существовало [illegible].

Когда мы остановились [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Торопецкъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ [illegible] матерiй: [illegible]

[1] [illegible]

[illegible] повидимому, это не особенно [illegible]. На другой день [illegible] насъ, русскихъ [illegible]. Мы пріѣхали [illegible]

[illegible]

другой урянхайской шаманки[1]) — Найдынъ, жившей на южной сторонѣ Танну-Ола. Самая обстановка была тоже очень поэтична. Юрта шаманки стояла въ лѣсу большихъ тополей и лиственницъ; она была велика и убрана довольно богато и чисто. По случаю предстоящаго камланья, желѣзный очагъ былъ вынесенъ изъ юрты и на огнищѣ были положены три камня, на которыхъ и ставился котелъ, когда было нужно совершать куренія и возліянія. Сама шаманка Найдынъ была здоровая и довольно красивая дѣвушка, одѣтая нарядно, держалась она смѣло и, пожалуй, даже повелительно; всѣ прочіе члены семьи, мать, братья, слушались каждаго слова Найдынъ. Всѣ принадлежности камланья: эренъ, т.-е. шнуръ, увѣшанный лентами и протянутый въ переднемъ углу юрты, нѣсколько вправо отъ входа, шаманскій плащъ, шапка, сапоги, — были новы и сдѣланы съ нѣкоторой кокетливостью, насколько это было совмѣстимо съ традиціоннымъ покроемъ всѣхъ этихъ вещей. Сшиты они изъ замши, сдѣланной изъ шкуръ дикаго козла; но украшенія были сдѣланы изъ матерій и въ нихъ высказывался изящный вкусъ Найдынъ.

Плащъ всякаго урянхайскаго кама имѣетъ на себѣ массу бахромы, нашитой по всей его длинѣ, начиная сверху до низу, точно также и по рукавамъ, вдоль всей руки. Обыкновенно, эта бахрама дѣлается изъ нарѣзанныхъ тонко ремешковъ, въ перемежку съ которыми пришиты бываютъ изображенія змѣй и различныхъ шкурокъ звѣрей; иногда тутъ же пришиваютъ желѣзныя изображенія различныхъ животныхъ, какія-то погремушки и иногда даже колокольчики. У Найдынъ преобладали ремешки и змѣи и были желѣзныя погремушки; двѣ змѣи на спинѣ были больше другихъ и головы ихъ были сшиты болѣе искусно, съ глазами, обозначенными бисеромъ, съ раскрытою пастью и съ ушками; онѣ назывались *[illegible]*, т.-е. [illegible] или, можетъ быть, *[illegible] Абыра*. На плечахъ плаща были нашиты пучки совиныхъ перьевъ; такими же перьями былъ обшитъ воротникъ. Шапка Найдынъ состояла изъ довольно широкаго околыша или повязки, изъ пунцоваго сукна, [illegible] на замшу; по сукну были нашиты мелкія раковины, *[illegible]* (змѣиныя головки) по-урянхайски; верхній край повязки густо обшитъ совиными перьями, а нижній край — бахромой, которая спускалась на лицо Найдынъ и совершенно его закрывала до рта. Совиныя перья на шапкѣ торчали

[1]) [illegible]

[illegible] въ распущенномъ [illegible] шапку [illegible]. Сапоги Найдыкъ были съ мягкими подошвами, и на носкахъ ихъ были нашиты глазки. Зубѣйки, украшавшія шапку, назывались *[illegible]*, т.-е. царство дракона, если перевести на нашъ языкъ.

Бубенъ у Найдыкъ былъ такой же, какъ и у другихъ шамановъ *).

Когда мы пріѣхали въ юрту Найдыкъ, орень уже былъ протянутъ и бубенъ просушивался надъ огнемъ, что всегда дѣлается передъ камланіемъ; сама Найдыкъ, время отъ времени, пробовала его звукъ, ударяя по бубну колотушкой и снова начиная повертывать бубенъ надъ огнемъ всѣми сторонами. Потомъ на очагъ насыпали можжевельнику; затѣмъ Найдыкъ полила на камни очага молока, побрызгала имъ въ отверстіе юрты, и затѣмъ приступила къ одѣванью [illegible]. Передъ ореномъ былъ постланъ войлочекъ; ставъ на него лицомъ къ орену и задомъ къ огню, Найдыкъ начала камлать, т.-е. бить въ бубенъ и при этомъ раскачиваться всѣмъ тѣломъ. Она держала бубенъ въ лѣвой рукѣ за перекладину внутри его. Сначала слѣдовали два удара сряду, причемъ бубенъ держался у лѣвой ноги, затѣмъ сильнымъ взмахомъ бубенъ переносился къ правой ногѣ, и здѣсь дѣлался ударъ, — получалась дробь марша. Голова шамана постоянно наклоняется; сначала вся шаманская пляска состоитъ изъ этихъ движеній, вызываемыхъ ударами въ бубенъ, затѣмъ уже слѣдуютъ разныя варіаціи, но все время ноги шамана остаются почти неподвижны, и двигается только верхняя часть туловища, иногда съ изумительной быстротой. Пляска и музыка Найдыкъ была очень энергична. При высокомъ ростѣ и стройности шаманки, при естественной граціи, которой она обладала, эти пляски никогда не переходили у нея въ безобразныя кривлянья. Лицо [illegible] всегда бываетъ на-половину скрыто бахромой отъ шапки. Найдыкъ прикрывала его, кромѣ того, бубномъ и старалась держаться въ тѣни. Одинъ или два раза Най-

*) [illegible]

гиръ начинала пѣніе, она кружилась на одномъ мѣстѣ; тогда полы ея, всѣ ея ремешки и тѣсемки разлетались во всѣ стороны и кружились вокругъ ея стана. Пляски свои Найдынъ прерывала, обходя, время отъ времени, вокругъ очага, медленно, съ остановками, и тогда начинала пѣть. Пѣніе было чрезвычайно пріятно, такъ какъ голосъ ея былъ нѣженъ. Мотивовъ было много. Пѣніе было до крайности заунывно, иногда оно переходило какъ бы въ плачъ. Эти переходы отъ бурной пляски, отъ громовыхъ ударовъ бубна къ нѣжнымъ мелодіямъ пѣнія производили очень сильное впечатлѣніе. По временамъ, Найдынъ издавала также какіе-то свистящіе, шипящіе и гортанные звуки, или подражала ржанію лошади и кукованію кукушки — это, по объясненію окружавшихъ насъ, должно было изображать прибытіе духовъ, подвластныхъ Найдынъ и вызванныхъ камланіемъ ея. Камланье въ юртѣ было окончено камланьемъ подъ открытымъ небомъ. Надо отдать справедливость Найдынъ, — она хорошо поняла сценическій эффектъ этой послѣдней сцены. Представьте себѣ стойбище, окружённое высокими деревьями; луны нѣтъ, но звѣзды даютъ достаточно свѣта; противъ дверей юрты держали подъ уздцы бѣлую лошадь, передъ мордой которой на треножникѣ курился можжевельникъ; между конемъ и юртой постланъ войлокъ, и мать шаманки сдѣлала коню поклонъ и обрызгала его чѣмъ-то, затѣмъ вышла сама утагана, медленно направилась къ коню и начала бить въ бубенъ. Лошадь храпѣла, но не рвалась; очевидно, она уже привыкла къ этому. Затѣмъ Найдынъ отступила отъ коня, все время не переставая бить въ бубенъ, и вошла въ юрту задомъ, очевидно, желая тѣмъ выразить почтительное отношеніе къ коню, или, можетъ быть, къ тому, кто невидимо присутствуетъ тамъ, по ея представленіямъ. Въ юртѣ она опять обошла вокругъ очага, направилась къ огню, и послѣ камланія передъ нимъ начала бросать свою орбо въ колѣни присутствующихъ при камланіи людямъ. Каждый, кому оно брошено, беретъ его въ руки, прикладываетъ въ знакъ почтенія ко лбу и подаетъ снова Найдынъ; она снова поколотитъ въ бубенъ и снова бросаетъ, не прерывая пѣнія, не выказывая никакого участія, какъ будто дѣйствуетъ во снѣ. Каждый, подавая орбо, произноситъ *ойне* или *торакъ*, судя по тому, верхней или нижней своей стороной упала къ нему въ колѣни орбо. То, что поется во время этого бросанія, и есть предсказаніе судьбы. Эти предсказанія, повидимому, старинныя, но въ нихъ Найдынъ, или вообще камъ, болѣе или менѣе искусно, судя по таланту, вставляютъ свои импровизаціи, сообразно съ обстоятельствами. Иногда человѣкъ въ это время задаетъ какіе вопросы, и послѣдній импро-

[illegible] освѣти. Найдынъ [illegible] [illegible] [illegible], не отходя далеко, [illegible] дѣтямъ, и всѣмъ по порядку. Въ отличіе отъ монгольскихъ шамановъ, урянхайскіе кружатся по [illegible]. Обойдя [illegible], Найдынъ опять стала передъ ерненомъ, т. е. передъ [illegible] съ [illegible], и тѣмъ [illegible] [illegible] стали снимать съ нея шаманское платье; въ это время она корчилась и стонала и въ то же время не переставала тихонько напѣвать; успокоилась она только тогда, когда все шаманское сняли съ нея; она имѣла видъ человѣка только что проснувшагося и спрашивала уже послѣ сильной [illegible] трубку и чашку чаю, которую ей подали. [illegible] у всѣхъ камовъ, и мужчинъ и женщинъ, такой, какой бываетъ у людей съ сильными страстями: морщины появляются рано и [illegible] глубоко врѣзаны, глаза почти у всѣхъ имѣютъ въ себѣ [illegible] [illegible], они какъ бы больше блестятъ, по крайней мѣрѣ, это бываетъ замѣтно во [illegible] камланій. Камы всегда почти приходятъ [illegible] [illegible] [illegible] въ дни, назначенные уже для камланія, опредѣленные разъ навсегда; и всѣ камы, говорятъ, чувствуютъ особое нервное возбужденіе, когда наступаетъ время камланія; съ ними даже случаются болѣзненные припадки въ родѣ [illegible], если они удерживаются отъ камланія. Урянхайскіе камы совершаютъ обязательныя камланія 9-го, 19-го и 29-го числа каждаго мѣсяца. Можно и нарочно пригласить кама камлать, напр., по случаю болѣзни, или ради освѣщенія новаго домашняго *онгона*.

Все пѣніе Найдынъ и другихъ урянхайскихъ шамановъ, даже и тѣхъ, которые въ обыкновенной жизни уже говорятъ монгольскимъ языкомъ, совершается, какъ бы для большей торжественности, на языкѣ урянхайскомъ; [illegible], какъ въ этомъ случаѣ говорятъ, [illegible] [illegible], на [illegible]. Впослѣдствіи намъ перевели нѣкоторые отрывки [illegible] [illegible], что пѣла Найдынъ во время своего камланья.

Вначалѣ она обращалась къ [illegible]:

„[illegible] моя [illegible] Ажыра! [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рѣка! [illegible] по вершинамъ горъ!"

Далѣе она пѣла:

„Лѣвой рукой держусь я за радугу, правой — за небо. Тѣло мое велико, какъ гора, сердце мое крѣпко, какъ *[illegible]* (надмогильный камень). Шуба моя изъ лохмотьевъ, пища моя горька, какъ сосновая смола".

Съ урочища Молонъ-Обо мы любовались видомъ, который былъ великолѣпенъ. Большая долина Енисея видна верстъ на десять; она тянулась съ востока на западъ. [illegible] на противоположномъ берегу опять [illegible]

скалистыя горы. Отъ нашего ночлега у подошвы Танну-Ола до Енисея было верстъ двѣнадцать; вода въ рѣкѣ такъ же была видна за береговымъ уступомъ, но дно рѣки обозначалось густымъ тополевымъ лѣсомъ; долину Енисея мѣстами перерѣзывали рѣчки, стекавшія съ Танну-Ола; ихъ берега тоже окаймлялись кустарниками тальника и, главнымъ образомъ, облепихи (Hippophae rhamnoides); деревья были уже въ осеннемъ яркожелтомъ уборѣ.

Ближе къ склонамъ горъ находились пашни, разгороженныя канавами. Просо, которое [illegible] сѣютъ, было уже почти снято. Далѣе продолженіе долины скрывалось отъ глазъ холмами, направо, по берегамъ Енисея, мѣстами выступали причудливыя, остроконечныя скалы, [illegible] были бѣлыя и очень украшали ландшафтъ.

Мы шли на востокъ [illegible], то обходя скалы, то поднимаясь на береговую террасу. Рѣка имѣетъ очень красивый и внушительный видъ. Улукемъ здѣсь очень широкъ, и воды его несутся быстро, но онъ очень пустыненъ. За все время, которое мы шли около рѣки, мы только разъ видѣли какихъ-то урянхайцевъ, плывшихъ внизъ на плотѣ.

Рѣка достигаетъ здѣсь ста саженъ или даже больше; на ней много острововъ. Два раза въ годъ, весною и затѣмъ въ концѣ лѣта, въ Улукемѣ воды прибываютъ, и тогда онъ несется съ бѣшеной быстротой, иногда смываетъ цѣлые острова и намываетъ новые. По берегамъ Улукема встрѣчаются тополевыя рощи, деревья бываютъ въ нѣсколько обхватовъ толщины; луга иногда покрыты высокой травой. По верхней террасѣ встрѣчались мѣста степныя, т.-е. росъ ковыль, высокій злакъ чій (Lasiagrostis splendens) и мелкія солянки. Между кустарниками было много тропинокъ, которыя образовали [illegible] причудливые ходы. Въ одномъ мѣстѣ этихъ [illegible] было такъ много, что караванъ брелъ по нимъ [illegible] до воды.

26-го сентября мы дошли до рѣки Каксы. По всей дорогѣ не было урянхайскихъ жилищъ; только разъ мы встрѣтили веселый поѣздъ, — молодые люди и женщины [illegible]. Всѣ они были нарядно одѣты, но ихъ костюмъ на этотъ разъ не отличался отъ монгольскаго; яркія атласныя ткани были, очевидно, куплены въ улясутайскомъ китайскомъ магазинѣ. Веселыя, румяныя лица дѣвушекъ, ихъ чистый смѣхъ, нѣкоторое заигрываніе съ молодежью нашего каравана очень понравилось намъ; видно было, что онѣ не знаютъ сидѣнья взаперти и чувствуютъ себя совершенно безопасными, и [illegible], перекинувшись парою-тремя фразами и посмѣявшись, онѣ умчались, какъ вѣтеръ, и [illegible] долины.

Рѣку Елегесъ мы перешли въ бродъ [illegible] строенія. На этой рѣкѣ мы нашли русскій домъ и русскихъ людей. Тутъ жилъ уже [illegible] лѣтъ старикъ, приказчикъ купца Веселова. Его хозяинъ вывозилъ соль изъ озера, которое лежитъ нѣсколько [illegible] ближе къ горамъ Танну-Ола, скупалъ урянхайскій скотъ и пушной товаръ, а урянхайцамъ продавалъ русскіе товары. Отъ этого приказчика мы узнали, что нѣсколько далѣе по нашей дорогѣ есть еще русскій домъ, гдѣ живетъ минусинскій купецъ Сафьяновъ.

Мы были очень рады встрѣтить русскихъ людей и мечтали о разныхъ русскихъ удобствахъ жизни — о печеномъ хлѣбѣ, русскихъ щахъ, банѣ и т. под.

Слѣдующая наша ночевка была уже у Сафьянова. Трудно описать то удовольствіе, которое испытывали, когда послѣ долгихъ лишеній, вновь пользуешься привычнымъ комфортомъ. У Сафьянова совсѣмъ русскій домъ. [illegible] дальнѣйшій путь, далеко не легкій, намъ оказалось впослѣдствіи; онъ лежалъ по мѣстности, совершенно лишенной дороги.

Въ восьми верстахъ выше Сафьяновскаго дома, въ Улукемъ впадаетъ съ сѣвера рѣка Бейкемъ. Собственно Улукемъ, или что тоже Енисей, имѣетъ двѣ вершины, почти равныя по своей величинѣ: Бейкемъ и Хакемъ; обѣ эти рѣки протекаютъ по очень горной странѣ, имѣютъ много притоковъ и многоводны, но, вслѣдствіе пустынности страны, имѣютъ мало значенія въ настоящемъ. Кемъ по-урянхайски значитъ рѣка, Улукемъ — большая рѣка.

Отъ [illegible] берегомъ Хакема, южной вершины, [illegible] т.-е. скалы, [illegible] не оставили по берегу дороги.

[illegible] рѣчки Буренъ, гдѣ, какъ мы узнали, живетъ [illegible] урянхайцевъ Огурда, у которого намъ нужно было запросить проводниковъ, мы послали Огурдѣ въ подарокъ дешевое ружье, карманные часы и нѣсколько безделушекъ; Огурда пріѣхалъ къ намъ самъ; это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ шапкѣ съ павлиньимъ перомъ и въ китайской курмѣ поверхъ халата; съ нимъ явились и два его помощника. Разговоръ мы поддерживали съ трудомъ, хотя Огурда держалъ себя просто, безъ спѣси; только [illegible] сдѣлали гостя нѣсколько болѣе разговорчивымъ. На другой день онъ прислалъ намъ отвѣтные подарки: [illegible], блюдо овечьяго сыра,

[illegible] шелковой матеріи [illegible]. Съ этими подарками [illegible] Огурда [illegible] другой, [illegible], что [illegible] не умѣетъ говорить [illegible]. Молодые [illegible] показали намъ свою удаль, ловкость и [illegible].

Нѣсколько дней спустя, мы были въ гостяхъ у одного изъ урянхайскихъ чиновныхъ лицъ. Юрта у него была большая, [illegible] выстланъ кошмой, кругомъ [illegible] сундуки [illegible] для посуды. Обстановка казалась болѣе богатой, чѣмъ мы обыкновенно встрѣчали. Жены у него не было, [illegible] дочери, [illegible] невѣстой. Угощеніе состояло изъ [illegible] чая, къ которому [illegible] жареное просо и сыръ. Угощали чиновниковъ также и водкой, но немногіе русскіе съ охотой пьютъ эту молочную водку. Мы принесли съ собой, въ видѣ гостинцевъ, сахару и русской [illegible], зеркалецъ и т. под. Хозяину [illegible] понравился [illegible], что онъ, отпустивъ нашъ караванъ, черезъ [illegible] далъ ему еще [illegible] нѣсколько [illegible] дешевой шелковой [illegible] матеріи. Урянхайскіе и монгольскіе князья получаютъ шелковыя и бумажныя матеріи [illegible] на нихъ [illegible] много.

Огурда Мандоре сильно отговаривалъ насъ [illegible] дорогѣ. По его словамъ, намъ [illegible] будетъ трудно пройти, потому что дорога горная, [illegible] перевалов. Однако рѣшено было идти по этой дорогѣ, и Огурда [illegible] проводниковъ.

II.

[illegible]

Въ вершинахъ рѣки [illegible] Танну-Ола. Съ большимъ трудомъ [illegible] черезъ рѣку, которая была глубока и [illegible] широкой долиной, [illegible]-

[illegible] черезъ горы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] потокъ, [illegible] весь свой [illegible], [illegible] подъ водой [illegible]. [illegible] въ этомъ мѣстѣ расши[illegible] шириной; она была [illegible] обломками скалъ, [illegible] деревьями, что очень затруднило нашъ путь. [illegible] простоять тутъ цѣлый день. Ночью [illegible], утро было ясное и морозное. Рабочіе стали ловить лошадей; между ними была одна, которая, чтобы избѣжать аркана и [illegible], бросилась въ рѣку и переплыла на ту сторону; примѣръ ея оказался заразительнымъ: за ней бросились и другія лошади. Плыть за ними по [illegible], черезъ [illegible] рѣку никто не рѣшался. [illegible], которые были съ нами, принялись тотчасъ же дѣлать изъ валежника плотъ, на которомъ двое изъ нихъ, вооружившись шестами, [illegible] на другую сторону, [illegible], но на все это [illegible] ушло много времени, и мы рѣшили остаться до слѣдующаго дня.

Подобныя задержки и необходимость собственными силами прокладывать дорогу [illegible] сдѣлали то, что пространство верстъ въ 300—400 [illegible] прохожденіе [illegible] недѣль. Описывать нашъ путь день за днемъ я не буду. Несмотря на разнообразіе отдѣльныхъ картинъ, въ общемъ все было [illegible] однообразно. Обыкновенно [illegible] по лѣсистой сторонѣ горы, обращенной къ сѣверо-западу, а затѣмъ — спускались по южному склону, который [illegible]. Въ этой части страны намъ начала встрѣчаться [illegible] береза. На рѣкѣ [illegible] насъ поразило особенное явленіе: [illegible] и [illegible] высоты, между [illegible] деревьевъ, образовавшихъ арку; вершина дерева [illegible], у иныхъ деревьевъ до земли; здѣсь представлялъ [illegible] множество [illegible]; мы объяснили это тѣмъ, что снѣга бываютъ [illegible], и падая на верхушки деревьевъ, склоняютъ ихъ.

[illegible] Андреевъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] должны были срубать [illegible] [illegible] [illegible] не могли [illegible] [illegible] [illegible] въ тѣхъ мѣстахъ [illegible] [illegible] [illegible]

чистый ледъ, его приходилось рубить или посыпать обледенѣлыя мѣста пескомъ. Несмотря на всѣ мѣры, случалось, верблюдъ скользилъ и падалъ на бокъ и катился внизъ по косогору до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь препятствіе, въ видѣ камня или дерева, не останавливало его. Смотрѣть на массу съ верблюдами, на мученія этихъ кроткихъ, безропотныхъ животныхъ (не знаю, почему ихъ считаютъ упрямыми, — упрямятся они только тогда, когда отъ нихъ требуютъ чего-нибудь совсѣмъ неподходящаго или когда они потеряли силы) было ужасно тяжело и скучно. Изъ лагеря мы обыкновенно выступали рано; намъ подавали осѣдланныхъ лошадей.

Послѣ нашего труднаго подъема на горы Ангкани-Хорумъ, намъ пришлось отдыхать цѣлыхъ три дня, потому что 10-го и 11-го октября падалъ густой снѣгъ: онъ покрылъ горы кругомъ глубокимъ ковромъ и закрылъ всѣ даже высокія травы, что было очень плохо для нашихъ животныхъ, въ особенности овецъ. Горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, были такъ однообразно круты, что мы едва-едва выбрали мѣстечко для лагеря, да и то полъ въ палаткѣ нашей былъ настолько покатъ, что дрова, разложенныя посрединѣ, скатывались къ порогу отъ очага; надо было постоянно слѣдить за головнями, чтобы они не раскатились и не надѣлали пожару. 11-го числа наши „нойоны" *), т.-е. мужъ мой и топографъ Орловъ, рѣшили поѣхать впередъ и осмотрѣть спускъ, который намъ предстояло сдѣлать. Проводники говорили, что онъ будетъ очень труденъ. „Нойоны" возвратились съ осмотра дороги и нашли спускъ хотя крутымъ, но не невозможнымъ, они оставили провожавшихъ ихъ казаковъ рубить лѣсъ на узкихъ мѣстахъ, безъ чего нельзя было пускаться въ путь, и послали изъ лагеря еще двухъ человѣкъ съ топорами и лопатами для расчистки дороги; эти рабочіе вернулись вечеромъ и объявили, что имъ хватитъ работы еще на день, и мы простояли еще сутки, пока нашъ передовой отрядъ расширялъ дорогу. Обыкновенно, вечера нашихъ были веселые; къ намъ въ юрту приходилъ Орловъ и его помощникъ юнкеръ. Г. Орловъ много видѣлъ, много странствовалъ, и ему было о чемъ разсказать, [illegible] въ Омскѣ, гдѣ находится его квартира и семья.

На другой день, несмотря на расчистку дороги, рѣшено было вьючить только самыхъ крѣпкихъ верблюдовъ, а остальныхъ вьюки разложить на лошадей; всѣ люди шли пѣшкомъ, только мнѣ, на всякій случай, слѣд-

*) [illegible]

дали лошадку. Во весь этотъ день мы сдѣлали не больше десяти верстъ, хотя нѣкоторые верблюды все-таки пробыли подъ вьюками 12 часовъ сряду, и на ночлегъ пришли уже совсѣмъ ночью. Спускъ былъ по гребню, и у самой тропинки лежалъ откосъ, саженей въ десять, совершенно открытый, безъ деревьевъ, и лишь дно ущелья было покрыто деревьями, колодами и болотами; упасть здѣсь было опасно. Однако, къ вечеру безъ этого не обошлось, и два верблюда свалились таки на дно оврага; усталые люди уже не полѣзли за ними и оставили ихъ на произволъ судьбы до утра. Въ этотъ день я хоть и брела все время вмѣстѣ съ общимъ караваномъ по глубокому снѣгу, ведя въ поводу коня и отдыхая на каждой полянѣ, но къ вечеру не выдержала и ушла впередъ, расчитывая, что находившійся впереди караванъ Орлова пришелъ на мѣсто, и у нихъ раскинута палатка. Дѣйствительно, я застала ихъ общество за чаемъ. Впослѣдствіи я часто пользовалась ихъ гостепріимствомъ, опережала своихъ и подъѣзжала пить чай къ ихъ палаткѣ, тогда какъ мой мужъ и г. Андріановъ, бывшій въ то время съ нами, никогда не оставляли каравана, стараясь ободрять людей личнымъ присутствіемъ при всѣхъ невзгодахъ. Слѣдующій день мы опять стояли, такъ какъ надо было вытащить упавшихъ верблюдовъ и дать отдыхъ остальнымъ. Во время слѣдующаго перехода по долинѣ рѣки Джибей мы видѣли жилища урянхайцевъ „*алачики*“, сложенныя конусомъ изъ бревенъ. Дорога теперь была ровнѣе, намъ не приходилось взбираться на высокія горы и мы шли по долинамъ рѣчекъ; тутъ встрѣчались затрудненія другого рода: иногда рѣчка имѣла забереги — очень высокіе ледяные карнизы, а середина рѣки еще не замерзла, тогда приходилось прыгать съ этихъ карнизовъ въ воду и снова вскарабкаться на противоположный ледяной берегъ; лошади это могли сдѣлать, но для навьюченныхъ верблюдовъ въ такихъ случаяхъ приходилось обрубать забереги, размельчать ледяные осколки, посыпать этотъ ледъ пескомъ и тогда проводить по нему, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчки еще не замерзли, набрасывать на ихъ грязные или болотистые берега рубленыя вѣтки, потому что верблюды вязли въ грязи. На одномъ изъ такихъ переходовъ, [illegible], мы увидѣли двухъ своихъ верблюдовъ мертвыми. Они, повидимому, замерзли, по крайней мѣрѣ, они имѣли такой видъ. Гибель этихъ верблюдовъ наводила на мысль, что и другіе тоже могутъ издохнуть, и въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы зимовать, питаясь остатками нашихъ лошадей, изъ которыхъ, впрочемъ, только одна (побѣжавшая всю дорогу дома) была жирна, чѣмъ возбуждала аппетитъ у людей, которые давно ѣли одни сухари. Было

рѣшили, что при первой же [illegible] будетъ подстрѣлить и [illegible]. [illegible] отставать, особенно когда [illegible] по-немногу сушеной болтушки, но [illegible] — мы уже начали, вмѣсто [illegible] чай, заправленный мукой и масломъ, и ѣли, покупая у урянхайцевъ, если находили у нихъ, корешки [illegible] (Polygonum viviparum), растенія гречишнаго семейства. Впрочемъ, урянхайцевъ мы встрѣчали очень рѣдко. Въ нашей юртѣ не чувствовалось особеннаго нетерпѣнія и скуки; гораздо тяжелѣе было гг. топографамъ: они должны были [illegible] возвратиться въ Омскъ, гдѣ у обоихъ оставались семьи; о нихъ могли безпокоиться, не получая никакихъ извѣстій. Это обстоятельство и неудобство дѣлать съемку зимой, проѣзжая по [illegible] странѣ, или на днѣ глубокихъ долинъ, отнимало у нихъ энергію. Въ нашей же юртѣ по вечерамъ было даже весело: насъ никто не ждалъ, — г. Андріановъ тоже былъ человѣкъ одинокій. Вечеромъ къ намъ приходилъ обыкновенно молодой урянхаецъ — сказочникъ и разсказывалъ намъ сказки; нашъ переводчикъ-алтаецъ передавалъ сказку по-русски, а мужъ мой записывалъ ее. Къ ночи въ юрту приносили обыкновенно дровъ и растопки, но долго не держали огня; отъ холода мы спасались, залѣзая въ [illegible], а растопка нужна была къ утру, потому что мужъ мой обыкновенно вставалъ раньше всѣхъ въ лагерѣ и, храбро выскочивъ на морозъ изъ-подъ теплаго одѣяла, прежде всего зажигалъ костеръ въ юртѣ, затѣмъ уже будилъ алтайца [illegible], на обязанности котораго лежало грѣть намъ чай; потомъ, когда огонь въ юртѣ нагрѣвалъ воздухъ, вставала я, послѣ всѣхъ — Андріановъ; начиналось чаепитіе и сборы въ дорогу.

Во время нашихъ странствій мы пришли къ мысли, что собственно всѣмъ путешественникамъ слѣдовало бы носить туземное платье или, по крайней мѣрѣ, обувь, конечно, приспособляя его [illegible] къ нашимъ привычкамъ. Во время переходовъ по урянхайскимъ [illegible] мы нашли, что нѣтъ ничего лучше урянхайскихъ сапоговъ, сдѣланныхъ изъ шкуры съ ногъ оленя или дикаго козла. Ихъ мягкая [illegible] шерсть рѣшительно не пропускала сырости, и ноги очень легко было вытаскивать, какъ бы глубоко ни приходилось брести по снѣгу; сапоги [illegible] выше колѣнъ и поддерживались ремешками, прикрѣпленными къ поясу; подъ подошвами ихъ [illegible], чтобы они плотнѣе [illegible] полу. [illegible]

с большими [illegible] по узкимъ [illegible] тропинкамъ, какъ вверхъ по горѣ, такъ и внизъ, когда идти [illegible] съ [illegible], иногда очень затруднительно при спускѣ. Шли мы медленно, почти не [illegible], — каждый довольствовался тѣмъ, что есть, но [illegible] ночей [illegible] тоже пре вратились въ [illegible]. — вслѣдствіе [illegible] дорогъ и отдыхомъ [illegible] [illegible], онѣ у [illegible] [illegible], и по-монгольски всякая [illegible] [illegible] называютъ [illegible]. 29 октября мы пришли къ озеру Тэрхулу, [illegible] видомъ [illegible] можно.

Сначала шли мы по рѣкѣ Хоргѣ, которая еще не вся замерзла; по рѣкѣ росъ густой [illegible], [illegible] здѣсь [illegible] [illegible], и всѣ [illegible] называли карагана [1]. Монгольское названіе „верблюжій хвостъ" очень [illegible] этому растенію. Карагана эта растетъ, обыкновенно, [illegible] [illegible], и чаще всего не выше фута высоты, причемъ немного [illegible], но [illegible] она густо [illegible] иглами свѣтло-коричневаго цвѣта, [illegible], [illegible] [illegible] стволу, почему и напоминаетъ [illegible] [illegible] верблюда. Почти весь годъ растеніе стоитъ безъ листьевъ и своимъ [illegible]-коричневымъ цвѣтомъ дополняетъ сходство; лишь [illegible] очень короткое время [illegible] покрывается [illegible] цвѣтами [illegible] цвѣта [illegible] розы, причемъ появляется немного и листьевъ. Здѣсь этотъ [illegible] [illegible] [illegible] высоты человѣческаго роста и [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] три, но въ общемъ сохраняетъ все тотъ же [illegible] и оригинальный видъ. Карагана очень много въ горахъ; [illegible] [illegible] [illegible] принадлежатъ къ этому же семейству. Здѣсь мы встрѣтили уже [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — это нѣсколько семей [illegible], [illegible] въ долину Хорги съ Тэрхула, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] быками, и частью на [illegible] [illegible].

На Тэрхулѣ мы стояли, [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] ([illegible] [illegible]), [illegible] [illegible] проводниковъ; купить почти ничего не пришлось; [illegible] [illegible] очень [illegible] [illegible]: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] мы [illegible] [illegible] [illegible], но мы могли [illegible] дать только серебро, съ которымъ [illegible] нечего дѣлать. Если бы мы пришли на Тэрхулъ лѣтомъ, мы могли бы съ Тэрхула пройти прямо въ [illegible] [illegible] [illegible], откуда прямая дорога въ Россію, но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и горные перевалы были покрыты глубокими снѣгами, то мы должны были

---

[1] [illegible].

идти въ обходъ, направляясь на юго-востокъ, а только на восьмой день, дойдя до рѣки Тесиина, повернули на сѣверо-востокъ, т. е. въ Россію. Страна была ровнѣе, не приходилось дѣлать крутыхъ подъемовъ и спусковъ; расчищать дороги тоже не приходилось. Лѣса уже были только по вершинамъ горъ, а нашъ путь шелъ по открытымъ безлѣснымъ долинамъ; отъ дороги къ лѣсу, чтобы имѣть на ночь хорошій костеръ; тамъ, гдѣ не было воды, чай пили и готовили, растапливая снѣгъ.

Дней черезъ семь мы достигли земли дархатовъ, племени, родственнаго урянхайцамъ. Здѣсь было нѣсколько теплѣе, а главное, менѣе снѣжно, и скотъ нашъ могъ теперь не голодать, потому что сквозь снѣгъ все же поля желтѣли травой. Узнавши, гдѣ кочуетъ одинъ изъ правителей дархатскаго народа, мы всѣмъ караваномъ пошли къ нему. Зайсанъ*) Одужжантъ, къ которому мы пришли, былъ очень не радъ нашему приходу; нашъ скотъ съѣдалъ траву, которая предназначалась для зимняго продовольствія его скота. Мы понимали его недовольство нами и просили его скорѣе помочь намъ выбраться отъ него дальше. Рѣшено было, что г. Орловъ и г. Алексѣевъ наймутъ свѣжихъ лошадей и сейчасъ же отправятся въ Россію, а мы пока перейдемъ на рѣчку Хурлъ-норъ, гдѣ есть трава и солонецъ, въ которомъ такъ нуждались наши уставшія животныя, и здѣсь оставимъ ихъ подъ присмотромъ рабочихъ и нашего переводчика г. Пашкина, а сами налегкѣ съѣздимъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы весной снова пріѣхать сюда и продолжать наше путешествіе.

Было уже пора возвращаться, становилось холодно, термометръ Цельзія часто показывалъ ниже 20°; кромѣ того, у г. Адріанова заболѣло горло, и онъ замѣтно утратилъ бодрость. Мы наняли у дархатовъ семь [illegible] крѣпкихъ лошадей и, навьючивъ самый необходимый багажъ на двухъ вьючныхъ лошадяхъ, вчетверомъ: мужъ мой, я, г. Адріановъ и нашъ поваръ и переводчикъ алтаецъ, отправились на сѣверъ. Съ нами было два проводника дархатовъ. Наше путешествіе теперь совершенно измѣнило свой характеръ. Наскоро [illegible] около большого костра, просыпались рано, пили чай и сейчасъ пускались въ путь. Ѣхать приходилось крупной рысью; я ужасно уставала ѣхать на тряской лошади. Проскакавши рысью часовъ до двухъ дня, мы обыкновенно сворачивали съ дороги къ лѣсу и останавливались пить чай. По

*) [illegible] *дарга*

[illegible] холодное мясо, или разогрѣвали [illegible] и [illegible], свареный съ масломъ уже заранѣе передъ путешествіемъ. [illegible] было замороженное и нарубленное кусками молоко, которое мы клали въ котелъ съ чаемъ. [illegible] мы не разбивали, а только снимали [illegible] съ нашихъ лошадей. Отдохнувши часа два и удивительно, какъ [illegible], мы снова садились на лошадей и ѣхали часовъ до 9 вечера. Тутъ уже доставали кошмы и [illegible], т.-е. баранину, [illegible] и затѣмъ укладывались, занимая мѣста вокругъ костра, но стараясь не ложиться на подвѣтренной сторонѣ, потому что искры, которыя всегда летятъ отъ полусырыхъ дровъ, безпрестанно попадали на наши постели и прожигали наши кошмы, одѣяла и шубы. [illegible] оставались [illegible], а мы всѣ засыпали быстро и очень крѣпко. Было что-то необычайно пріятное въ такомъ ночлегѣ подъ открытымъ небомъ, среди пустыни, правда, [illegible] только условіемъ, если не было вѣтрено и не шелъ снѣгъ.

Въ ночь съ 15 на 16 ноября мнѣ пришлось испытать эту непріятность. Утомившись отъ непрерывной ѣзды и неудобнаго [illegible] костюма, я ужасно устала. Часто я просила, чтобы мнѣ позволили пройти немного пѣшкомъ или хоть бы ѣхать шагомъ; разъ [illegible] было согласился на это, и мы отстали съ нимъ отъ прочихъ путниковъ, но скоро потеряли тропинку и очень испугались: при [illegible] какъ трудно было найти потерянную тропинку на однообразной глинистой равнинѣ; съ тѣхъ поръ никто не позволялъ мнѣ отставать, несмотря на мои просьбы и жалобы на усталость. Въ этотъ день, 15-го, [illegible] непріятное [illegible] и [illegible], [illegible] тоже [illegible] на ночлегѣ [illegible] одѣяло и завернули въ него Аграфену, [illegible]. [illegible] оказалась [illegible]. На ночлегѣ вѣтеръ [illegible] Хотѣли было [illegible], но бутылку [illegible] и, конечно, уже пустую было [illegible], ромъ [illegible], [illegible] опустѣла. Несмотря на холодъ, укладываясь спать, обыкновенно снимали съ себя все верхнее платье и оставались только въ фланелевыхъ рубашкахъ: [illegible] костра.

а сами завертывались въ шапки, шитыя нарочно для того, чтобы снѣгу не поддувало. Въ эту ночь къ утру мы съ мужемъ проснулись отъ какихъ-то жалобныхъ криковъ; отъ испуга я вскочила, не принявъ предосторожностей, бросилась было къ своимъ сапогамъ, но оказалось, что они были полны снѣга, и я опять должна была спрятать ноги въ мѣшокъ, гдѣ въ это время было уже довольно снѣгу, который я насорила туда, вставая. Мужъ въ это время пошелъ на крикъ, который, какъ оказалось, раздавался изъ-подъ шапки нашего Ивана; у него, бѣднаго, замерзли ноги, такъ какъ мѣшка у него не было, и подъ шапку задувалъ вѣтеръ и нанесло снѣгу. Мужъ сталъ ему оттирать ноги снѣгомъ, затѣмъ пытался раздуть совсѣмъ погасшій за ночь костеръ. Снѣгъ запорошилъ его и мокрыя дрова никакъ не хотѣли загораться. Урянхайцевъ не было: они ушли, какъ оказалось послѣ, собрать разбѣжавшихся отъ непогоды лошадей. Наконецъ, одинъ изъ нихъ явился, принесъ дуплистое дерево и изнутри его добылъ сухихъ растопокъ, костеръ запылалъ. Иванъ могъ отогрѣть свои ноги; мужъ вытрясъ снѣгъ изъ моихъ сапогъ и положилъ ихъ сушить; въ своемъ усердіи онъ хотѣлъ также приготовить и чай для насъ; онъ набилъ чайникъ снѣгомъ и поставилъ его на огонь, но черезъ нѣсколько времени послышалось легкое паденіе какого-то тѣла и шипѣнье; это былъ нашъ чайникъ, — одной порціи снѣга было слишкомъ мало, чтобы наполнить его водой. Обогрѣвшійся къ этому времени Иванъ сталъ варить чай въ котлѣ [illegible]. Скоро всѣ мы были примирены съ дорожными невзгодами. Неудачно начатый день и продолжался плохо, — было вѣтрено; ѣхать намъ приходилось по открытой мѣстности; въ этотъ день мы поднялись на Олонъ-дабанъ и съ него должны были спуститься въ Шишкитскую долину, открывающую путь въ Россію. Долина Шишкитъ — ровная, просторная; справа видны горы, изъ нихъ узкой на равнину выходятъ лѣса и тянутся по ней полосами. Въ одномъ изъ этихъ лѣсовъ мы, къ удивленію своему, слышали звонъ колокольчика, какъ будто ѣхала русская почта. Къ вечеру [illegible] куреня; этотъ ламайскій монастырь состоитъ изъ деревянныхъ зданій, кибитокъ, кумирни и амбары, построенные изъ бревенъ, а ламы живутъ въ войлочныхъ юртахъ. Проѣзжая монастырь, мы подъѣхали къ какимъ-то постройкамъ и узнали, что это-то есть заимка г. Посылина, русскаго купца, къ которому мы направлялись. Трудно передать нашу радость, — въ этотъ день я едва сидѣла въ сѣдлѣ, и тутъ же открылось, что колокольчики, которые мы слышали, принадлежали лошадямъ [illegible], до

курин г. Писцова, высылать было нами на-встрѣчу, узнавши отъ г. Орлова, что мы должны пріѣхать. Кучеръ, не дождавшись насъ, воротился назадъ. А тутъ какъ бы это было кстати!..

Поселенцы жили въ юртѣ, онъ, его жена и сестра, но на дворѣ была деревянная кухня и большой амбаръ. Намъ, давно уже не видавшимъ ничего порядочнаго, юрта эта показалась дворцомъ. Дѣйствительно, вѣрно, у самого Чингисхана не было такой юрты. Стѣны ея были изъ двойныхъ войлоковъ; въ верхнее круглое отверстіе были въ его юртѣ вставлены цвѣтныя стекла, а въ середину между стеклами была пропущена труба отъ желѣзной круглой печи, поставленной въ центрѣ юрты; полъ выстланъ досками и затѣмъ войлоками, кругомъ стѣнъ лавки, прерываемыя по мѣстамъ постелями и столами; на лавкахъ были ковры, на столахъ — салфетки. Все это было чисто и казалось мнѣ даже необыкновенно нарядно и красиво. Радушные хозяева уговорили насъ пробыть у нихъ сутки, чему мы были очень рады. Нечего и говорить о томъ, какъ рады мы были отдохнуть отъ своей скачки по снѣжнымъ равнинамъ. За-то на другой день я едва могла принудить себя снова сѣсть на сѣдло. Кромѣ утомленія отъ быстрой ѣзды, я стала страдать на переѣздахъ и остановкахъ отъ вѣтреной погоды, которая стояла въ эти послѣдніе дни нашего путешествія.

Проѣхавъ еще два дня по направленію къ сѣверу, мы увидѣли, наконецъ, озеро Косоголъ; намъ было видно тогда только его сѣверный конецъ, за которымъ поднимался величественный бѣлокъ Мунко-Сардыкъ; отъ главнаго пика въ обѣ стороны протянулись двѣ другія, болѣе плоскія вершины. Дорога шла по террасѣ, которая круто обрывалась надъ водой; обрывъ былъ саженъ въ три высотой; по террасѣ росли большія деревья, снѣгу здѣсь почти не было. Терраса къ сѣверу расширилась и была версты двѣ шириной. До сѣвернаго берега доѣхали уже къ вечеру и на ночлегъ поднялись вверхъ. Берегомъ озера мы ѣхали два дня и только 22 ноября поднялись на очень высокій перевалъ и долго ѣхали степью, гдѣ снѣгу почти не было; съ этого перевала [illegible] величественный Мунко-Сардыкъ за этой высокой степи; по крутой и тѣсной долинѣ спустились въ мѣстности Мöнъ, гдѣ живутъ уже русскіе буряты; рѣки отсюда уже текутъ въ Иркутъ. Наше путешествіе по урянхайской землѣ было окончено. Мы отпустили своихъ урянховъ, проводниковъ. Переночевали въ послѣдній разъ въ бурятской юртѣ на Мöнѣ. 28-го мы уже пріѣхали къ ночи въ казачій поселокъ, откуда поѣхали въ саняхъ въ Иркутскъ.

Проживъ въ странѣ больше двухъ мѣсяцевъ, мы хотя и мало сталкивались

съ [illegible], всё же [illegible] не могли не внести нѣкоторыхъ представленій [illegible].

Урянхайцы бѣдны и, что еще хуже, они неравномѣрно бѣдны: между ними замѣчается рѣзкая имущественная разница: [illegible], многіе буквально ничего не имѣютъ, живутъ въ [illegible] шалашахъ — *[illegible]*, покрытыхъ древесной корой, и питаются лишь тѣмъ, что добудутъ на охотѣ или въ лѣсу: кореньями, ягодами, [illegible] корой. Многіе проживаютъ всю жизнь, не обзаведясь [illegible]. [illegible] заглядывать въ [illegible]. Часто трудно рѣшить, — жилой онъ или оставленный; иногда вся домашняя утварь состоитъ изъ [illegible] изъ бересты [illegible], употребляемыхъ при [illegible], и [illegible] котелка, который [illegible] иногда носится съ собой, чтобы служить ему во время охоты. Князья же урянхайскіе живутъ богато; ихъ окружаетъ многочисленная челядь, [illegible] изъ нефрита, сердолика, ляпис-лазури и другихъ [illegible] въ нѣсколько сотъ рублей. [illegible] времяпрепровожденіе — игра въ шахматы, причемъ проигрываютъ иногда цѣлые табуны лошадей.

Нравы урянхайцевъ суровы и [illegible]. Воровство считается у нихъ удалью, особенно воровство лошадей, и хотя наказаніе, которому подвергаются пойманные воры, жестоко, они [illegible]. [illegible], что нерѣдко народъ на выборныя должности [illegible] конокрадовъ, [illegible] иногда [illegible]. Человѣкъ [illegible], не [illegible], пользуется почетомъ.

Въ настоящее время [illegible] урянхайцевъ [illegible] уступить мѣсто другимъ порядкамъ. Китайская власть [illegible] на которыхъ по преимуществу [illegible] урянхайцы, [illegible] тяжелыя контрибуціи [illegible] китайскаго правительства; [illegible], конечно, [illegible] разоряетъ [illegible] народъ. Но въ то время, какъ китайцы отгораживаютъ свои владѣнія отъ урянхайцевъ [illegible] строго запрещаютъ урянхайцамъ переходить въ предѣлы Монголіи, [illegible] русскіе купцы и крестьяне [illegible] проникаютъ въ урянхайскій край, заводятъ тамъ торговлю, [illegible] и распахиваютъ [illegible]

или они относились враждебно, обворовывали русскихъ при всякомъ случаѣ, а также сопротивлялись силой, но теперь ихъ отношенія къ русскимъ стали совсѣмъ мирны, и мы замѣчаемъ быстрые успѣхи нашего сближенія, сближенія мирнаго, естественно вырабатываемаго самой жизнью на почвѣ взаимныхъ сношеній и услугъ. Въ прошломъ году урянхайскую землю посѣтилъ одинъ изъ учителей народной школы Минусинскаго округа, съ исключительной цѣлью помочь урянхайскому населенію, страдавшему отъ осенней эпидеміи, прививкой оспы. Онъ былъ принятъ, какъ лучшій гость, его безпрестанно возили изъ одного улуса въ другой. Лишь недостатокъ лимфы и окончаніе каникулъ заставили его возвратиться. Такія мирныя и благодѣтельныя сношенія, можно думать, подымутъ среди [illegible], какъ прежде думали, урянхайцевъ, наше значеніе, какъ народа, стоящаго впереди ихъ на дорогѣ къ благамъ жизни и цивилизаціи.

МОНГОЛІЯ и МОНГОЛЫ.

Монголія находится въ Азіи, между нашимъ Русскимъ государствомъ, Китайскимъ и Тибетскимъ. Живутъ въ ней монголы, народъ на насъ не похожій: цвѣтъ кожи у нихъ желтый, скулы выдаются, глаза узкіе, волосы всегда черные и на бородѣ рѣдкіе, а то и вовсе не растутъ.

Страна Монгольская высокая, со всѣхъ сторонъ окружена горами, и въ самой странѣ много горныхъ хребтовъ, иногда такихъ высокихъ, что на вершинахъ ихъ лежитъ вѣчно нерастаивающій снѣгъ. У насъ такія высокія горы есть только на Кавказѣ да въ Сибири, по границѣ съ Монголіей; а тамъ, въ Монголіи, куда ни поѣдешь, все встрѣтишь горы, если не всѣ высокія, то хотя небольшія.

Рѣкъ въ Монголіи, напротивъ, мало: одна только и есть большая рѣка—Хатунъ-Муренъ или Желтая, какъ мы ее зовемъ. Она своимъ устьемъ впадаетъ въ океанъ, и низовья ея находятся въ Китаѣ. Всѣ другія рѣки не такъ значительны и впадаютъ либо въ озера, либо въ другія рѣки.

Озеръ въ Монголіи много; изъ самыхъ большихъ, Хухъ-норъ и Лобъ-норъ, расположены на границахъ Монголіи и Тибетскаго государства и Туркестана. Вода [illegible] озерахъ [illegible] соленая, и берега ихъ пустынны, а потому для страны эти озера мало полезны.

Дождей въ Монголіи выпадаетъ мало, потому что страна эта отъ морей отгорожена горами, и дождевыя облака осаждаются на горахъ и до нея не доходятъ. Снѣгу тоже мало падаетъ, а когда и выпадаетъ, то онъ недолго лежитъ, а сейчасъ же испаряется, т. е. высыхаетъ, потому что въ воздухѣ очень сухо. Зимы тамъ очень холодныя, а лѣта очень жаркія; но и лѣтомъ солнце сильно печетъ только днемъ, а какъ солнце закатится,

[illegible] тотчасъ же нападутъ волки. Люди тамъ и [illegible] съ [illegible] не разстаются.

Итакъ, въ Монголіи воздухъ сухой, рѣкъ большихъ нѣтъ, дождя и снѣга выпадаетъ мало, и много горъ, на которыхъ бываетъ холодно. Все это неблагопріятно для растительности. Дѣйствительно, лѣсовъ въ Монголіи очень мало; только на горахъ растутъ хвойные лѣса, да по берегамъ рѣкъ въ иныхъ мѣстахъ растутъ лиственныя деревья, а случается, цѣлую недѣлю ѣдешь — и нигдѣ ни одного дерева не увидишь. Монголія — страна по преимуществу степная. Однако и степи ея не особенно богаты травами: есть глинистыя и солонцоватыя мѣста, есть песчаныя и каменистыя. Травы тамошнія на наши луговыя не похожи: по степямъ больше растутъ душистыя полыни кустиками, а по солонцоватымъ мѣстамъ жирныя, соленыя и колючія травы, кустикъ отъ кустика рѣдко.

Черезъ всю Монголію, съ запада на востокъ, проходитъ пустая безтравная полоса. Мѣстами полоса эта верстъ до двухсотъ въ ширину, а мѣстами уже. Эту полосу такъ и зовутъ *пустыней*, а сами монголы зовутъ ее *Гоби*. И дѣйствительно, въ этой безтравной, а главное безводной полосѣ совсѣмъ нельзя жить: никто въ ней и не живетъ — ни звѣрь, ни птица. Чтобы перебраться черезъ эту пустыню, человѣкъ нарылъ по дорогамъ колодцевъ, гдѣ накопилось немного воды; но не вездѣ ее можно найти, а въ иныхъ колодцахъ вода соленая, дурная: пить ее можно только по великой нуждѣ. Случается, что отъ одного колодца до другаго верстъ 70 разстоянія.

Въ такой неблагопріятной для растительности странѣ земледѣліе, конечно, не можетъ идти хорошо. Потому и пашенъ въ Монголіи немного; только по берегамъ большихъ рѣкъ, да тамъ, гдѣ можно горныя рѣчки провести на пашни и въ лѣто нѣсколько разъ устроить поливъ, только въ такихъ мѣстахъ монголы и пашутъ.

Главное богатство этой страны составляютъ животныя. По степямъ ходятъ дикія стада козъ, а въ горахъ водятся дикіе бараны съ большими рогами. [illegible] иногда въ нѣсколько сотъ головъ; эти животныя бродятъ по степямъ, переходя большія пространства, и на водопой ходятъ далеко, на какое-нибудь пустынное озеро или на рѣчку, гдѣ люди не живутъ.

Хотя дикія стада и многочисленны и жители охотятся за ними, но живутъ эти жители, конечно, не одной охотой. Всѣ монголы разводятъ домашній скотъ, и это — ихъ главное богатство. У богатыхъ людей бываетъ не по одной сотнѣ головъ рогатаго скота, но много лошадей и верблюдовъ.

У бѣдныхъ скота бываетъ, конечно, меньше; верблюдовъ чаще всего совсѣмъ не бываетъ, лошадей немного, а у нѣкоторыхъ пасутся только бараны да козы. Баранамъ да козамъ трава немного надо; ихъ можно пасти по самымъ неприступнымъ горамъ, а для водопоя имъ надо совсѣмъ маленькій ключикъ или колодецъ. Лошадямъ и коровамъ, конечно, надо хорошій травяной кормъ и водопой, и потому съ ними нельзя жить тамъ, гдѣ степи бѣдны травой и водой. Верблюды же очень неприхотливы на ѣду; они ѣдятъ самыя жесткія, колючія травы и даже кустарники и приозерные камыши, пьютъ мало, такъ что на водопой ихъ гоняютъ не каждый день; но за-то имъ надо солонецъ, т.-е. соль, выступающую изъ почвы.

Такихъ солонцовъ въ Монголіи много, особенно вокругъ озеръ. Мѣста эти, любимыя верблюдами, самыя непривѣтныя: подъ ногами сѣроватая пыль, пропитанная солью; трава колючая и притомъ растетъ рѣдко, воды прѣсной обыкновенно въ такихъ мѣстахъ не бываетъ,—и потому человѣку жить здѣсь очень непріятно. Богатые люди, у которыхъ много верблюдовъ, иногда не одна сотня, нанимаютъ къ верблюдамъ бѣдниковъ-пастуховъ, а сами живутъ съ другимъ своимъ скотомъ въ мѣстахъ, болѣе богатыхъ травой и водой.

Такъ какъ монголы живутъ только своимъ скотомъ и держатъ его помногу, они и въ жизни своей больше всего отъ скота зависятъ, и потому и жилье свое ставятъ тамъ, гдѣ это для ихъ скота удобно. Лѣтомъ, когда въ долинахъ жарко и оводы и комары одолѣваютъ скотъ, монголы уходятъ въ горы, а къ зимѣ спускаются въ болѣе теплыя долины; такая жизнь называется *кочевою*. Для пастбищъ скота монголамъ надо много мѣста, и потому они живутъ не деревнями и селами, какъ у насъ, а каждая семья отдѣльно или много что семьи двѣ-три вмѣстѣ.

Городовъ въ Монголіи тоже почти нѣтъ; на всю страну, въ нѣсколько милліоновъ жителей, всего можно насчитать городовъ пять. Да и жителей въ этихъ городахъ немного; въ нихъ живутъ китайскіе чиновники (которые поставлены управлять монгольскимъ народомъ отъ китайскаго императора), немного войска и китайскіе купцы, торгующіе съ монголами.

Кромѣ китайскаго императора, которому монголы платятъ дань и которому подчинены, у нихъ есть свои *ханы*, т.-е. свои правители. Вся Монголія раздѣлена на нѣсколько округовъ или *аймаковъ*; каждый аймакъ дѣлится на нѣсколько *хошуновъ* и каждый *хошунъ* на нѣсколько *сумоновъ*.

Устройство и раздѣленіе это очень старинные. Семь вѣковъ тому на-

ли у монголовъ былъ царь Чингисъ; онъ былъ великій завоеватель и при жизни своей завоевалъ Китай и Персію, а дѣти его покорили и нашу Россію, и мы долгое время платили дань монголамъ, пока наконецъ не свергли съ себя монгольское иго, перестали платить имъ дань, и наши князья перестали подчиняться монгольскимъ ханамъ. Такъ вотъ этотъ сильный и могущественный монгольскій Чингисъ раздѣлилъ весь свой народъ на четыре аймака или части и отдалъ эти аймаки своимъ военачальникамъ подъ управленіе. А весь народъ монгольскій дѣлился тогда по-военному: на знамена, знамена на полки, полки на отряды или на тысячи, тысячи на сотни — подъ управленіемъ военныхъ начальниковъ. Каждый взрослый мужчина долженъ былъ воевать и идти на войну, куда ему прикажутъ; потому и полки монгольскіе были многочисленны. Другимъ народамъ трудно было съ ними бороться. Въ мирное время монголы также должны были собираться въ назначенныя для этого мѣста и здѣсь обучаться военному дѣлу, т.-е. стрѣльбѣ изъ луковъ (ружей тогда еще не было), борьбѣ, бѣганью и такъ далѣе.

Каждый хошунъ, каждый сумынъ и теперь знаютъ свое сборное мѣсто, и теперь по временамъ монголы съѣзжаются — старики, чтобы держать совѣтъ объ общественныхъ дѣлахъ, а молодежь, чтобы показать свою ловкость въ верховой ѣздѣ, въ борьбѣ, въ бѣганьи и тому подобныхъ потѣхахъ. Въ настоящее время монголы уже мирный народъ: ни съ кѣмъ не воюютъ, и дани имъ теперь уже не Китаецъ платитъ, а сами подчиняются китайскому императору. Войну сами по себѣ они начинать уже не могутъ, а служатъ въ войскахъ китайскаго *богдыхана* (императора) по его приказу. Теперь мало кто изъ монголовъ и помнитъ о славномъ ханѣ Чингисѣ и объ его войнахъ, хотя военное устройство народа по старой памяти и осталось.

Въ настоящее время монголъ только и знаетъ, что пасетъ свой скотъ и вымѣниваетъ на него все, что ему нужно, у китайцевъ. Ремесла никакого монголы не знаютъ: плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, кожевниковъ между ними почти не встрѣчается. Женщины монгольскія больше мужчинъ работаютъ: онѣ выдѣлываютъ овчины, шьютъ шубы и всю одежду, и шапки и сапоги — и себѣ и мужчинамъ; но ни прясть, ни ткать ни одна монголка не умѣетъ. Изъ шерсти монголы валяютъ войлокъ и вьютъ волосяныя веревки, необходимыя для ихъ хозяйства.

Скотъ доставляетъ монголамъ все необходимое: мясомъ и молокомъ они питаются, въ шкурахъ барановъ, козловъ, телятъ и жеребятъ одѣваются,

на лошадиномъ корму, не болѣе и верблюжьяго и поднимутъ тяжести. Верблюды очень сильны и могутъ нести на своей спинѣ подъ вьюкомъ по десяти, до двѣнадцати пудовъ; кромѣ того, они могутъ не ѣсть корма хорошаго, и дня по три они могутъ вовсе не пить воды и ѣсть. Потому они годны для перехода черезъ пустыни верблюды незамѣнимы.

Продавая излишекъ своего скота и отдавая верблюдовъ въ наемъ китайскимъ купцамъ, монголы добываютъ средства для покупки необходимыхъ имъ вещей. Русскіе купцы, чтобы вывозить изъ Китая чай, также нанимаютъ верблюдовъ у монголовъ. Китайцы все необходимое для монголовъ привозятъ къ нимъ и вымѣниваютъ на скотъ. Это, конечно, монголамъ не такъ выгодно, какъ если бы имъ продавали свой скотъ на деньги. Денегъ въ Монголіи совсѣмъ нѣтъ. Чиновникамъ монгольскимъ, князьямъ, китайское правительство выдаетъ жалованье серебромъ, но это не деньги, а серебро въ кускахъ, которое отпускается по вѣсу; въ торговлѣ же съ монголами серебро употребляется очень рѣдко. Торговля идетъ мѣновая. Чаще всего расчетъ ведется на чай, какъ предметъ, необходимый для всякаго монгола. Иногда цѣна идетъ на бумажную матерію, которая также идетъ для всѣхъ. Въ Монголіи не говорятъ: „быкъ стоитъ столько-то рублей“, а говорятъ: „быкъ стоитъ десять или двѣнадцать кирпичей чая“ или „столько-то кусковъ нанки“, и такъ далѣе. Мѣновая торговля не всегда удобна: не всякому человѣку нужно много чаю или матеріи, особенно если онъ человѣкъ не торговый. Китайцамъ торговля съ монголами выгодна, а монголамъ нѣтъ, потому что монголы нигдѣ, кромѣ какъ у китайцевъ, не могутъ купить ни чаю, ни матеріи, ни посуды, да и хлѣбъ часто приходится покупать у тѣхъ же китайцевъ, а за все платить приходится скотомъ, да развѣ шкурами добытыхъ на охотѣ звѣрей.

Монголы, какъ народъ кочевой, пастушескій, живутъ очень просто; лишняго ничего не имѣютъ уже по тому одному, что имъ приходится *перекочевывать* съ мѣста на мѣсто. Жилище ихъ тоже приспособлено къ переѣздамъ: живутъ они въ юртахъ, [illegible]. *Юрта* устраивается изъ деревянныхъ раздвижныхъ рѣшетокъ, которыя ставятъ кругомъ; къ верхнимъ краямъ рѣшетокъ привязываютъ небольшіе шестики, которые верхними концами сходятся въ деревянный кругъ, укрѣпленный по ободу; кругъ этотъ для прочности перекрещивается двумя перекладинами. На это круглое, рѣшетчатое, похожее на корзину для курицъ жилье натягиваютъ войлоки, вырѣзанные и сшитые такъ, чтобы все приходилось плотно. Верхній кругъ оставляется открытымъ: онъ замѣняетъ

дымовую трубу и закрывается только для тепла на ночь. Въ [illegible] рахъ юрты прикрѣпляются [illegible] деревянныя створчатыя двери. Всю юрту поверхъ войлоковъ опоясываютъ для прочности веревочными [illegible], — и жилье готово. При кочевкахъ его легко разобрать, рѣшетки сложить, шестики связать [illegible] и все это вмѣстѣ съ войлоками привязать на спину верблюду или [illegible], какъ говорятъ [illegible].

Все остальное [illegible] въ монгольскомъ [illegible] также приспособлено къ [illegible] на верблюдахъ: все складывается въ [illegible] сумы, которыя легко перевѣсить черезъ спину лошади или верблюда, или въ легкіе деревянные ящики или корзины, которые также привѣшиваются съ боковъ верблюда. Ни столовъ, ни скамей, ни [illegible] [illegible] не бываетъ; есть у иныхъ деревянныя кровати и легкіе поставцы для посуды, но и эти деревянныя вещи не [illegible] [illegible]. Посуда у монголовъ тоже не ломкая: желѣзные котлы, деревянныя чашки и [illegible] изъ [illegible], [illegible], въ родѣ [illegible] бутылей, [illegible], а то и просто [illegible] шкуры, снятыя [illegible], такъ что [illegible] можно держать вещи [illegible].

Если въ семьѣ много ребятишекъ, ихъ тоже сажаютъ въ корзину и вѣшаютъ на верблюда; если много мелкаго скота — [illegible] и ягнятъ, съ ними поступаютъ также же. Телѣгъ въ Монголіи не бываетъ, или бываютъ онѣ рѣдко — тамъ, гдѣ страна ровная; а въ [illegible], [illegible] гористо, предпочитаютъ ѣздить верхомъ, а кладь возить [illegible] на верблюдахъ, или [illegible] и быкахъ. Въ телѣги всегда запрягаютъ быковъ.

[illegible] [illegible] отъ [illegible] отличается только величиною и [illegible] войлоковъ, которыми юрта покрыта. На [illegible] войлоки кладутъ въ [illegible] ряда. Внутри юрты, посрединѣ ея, раскладываютъ прямо на землѣ огонь; надъ нимъ ставятъ [illegible] и [illegible], въ которомъ варятъ и чай и пищу.

Главную пищу монголовъ составляютъ лѣтомъ молоко — прѣсное и кислое, а зимой — мясо. Небогатые изъ монголовъ круглый годъ питаются [illegible] образомъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] или [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], масло и соль, въ другихъ мѣстахъ чай пьютъ съ поджареннымъ просомъ, которое каждый [illegible] себѣ въ чашку, а [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] и [illegible]. Изъ молока коровьяго и овечьяго монголы дѣлаютъ масло и сыръ разныхъ сортовъ, который высушиваютъ и заготовляютъ на зиму. [illegible] монголы почти никакой не [illegible]. Мяса [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], но [illegible] [illegible] и [illegible]

шекъ приготовляютъ колбасы. Бѣдные люди, у которыхъ мяса и молочныхъ скоповъ бываетъ мало, заготовляютъ осенью съѣдобные коренья и дикія растенія, употребляемыя въ пищу.

Лѣтомъ, когда молока бываетъ много, почти всѣ монголы гонятъ изъ него водку или приготовляютъ *[illegible]* (кумысъ). Для приготовленія чигена монголки доятъ кобылицъ, сливаютъ молоко въ кожаные мѣшки и даютъ забродить, — получается хмѣльный напитокъ, очень сытный и здоровый. Водка изъ молока называется *арки*; ее пьютъ теплою, и она для непривычнаго человѣка очень невкусна.

Топливо у монголовъ, также какъ и жилье, совсѣмъ не похоже на наше: они жгутъ сухой [illegible], лошадиный и бычачій пометъ, который называютъ *аргалъ*. Лѣтомъ, то и дѣло, встрѣчаются старухи и дѣти, собирающія на степи навозъ, складывая его грабельками въ корзины, подвѣшенныя за спиной. Къ зимѣ запасаютъ большія кучи этого *аргала*.

Одѣваются монголы въ длинные и широкіе халаты или шубы изъ овчинъ домашней выдѣлки. Богатые покрываютъ шубы бумажною и шелковою матеріей. Подъ шубой рубахъ часто не носятъ, только одни штаны. Шуба застегивается всегда на правомъ плечѣ, и лѣвая пола запахивается далеко; на бокахъ у шубы дѣлаютъ разрѣзы, чтобы удобно было садиться верхомъ на лошадь. Сапоги дѣлаютъ кожаные или изъ матеріи на очень толстой подошвѣ, сшитой изъ войлока и сыромятной кожи. Шапки носятъ бараньи и непремѣнно на верхъ пришиваютъ красную пуговку или кисть, а сзади двѣ красныя ленты. Шубу подпоясываютъ кушакомъ — ременнымъ съ мѣднымъ наборомъ, или изъ матеріи. За кушакъ всегда затыкаютъ большой ножъ въ ножнахъ и трубку съ кисетомъ и огнивомъ.

Женщины одѣваются почти такъ же, какъ и мужчины: также носятъ шубу, штаны, сапоги и шапки. Только замужнія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носятъ черную безрукавку-кофту поверхъ шубы, а подъ шапкой на волосахъ маленькую шапочку или повязку, [illegible] ками или бисеромъ. Въ женскомъ нарядѣ, впрочемъ, много разныхъ отличій въ мелочахъ по разнымъ мѣстностямъ, также, какъ и у насъ. Дѣти сначала совсѣмъ голыя ходятъ, потомъ имъ шьютъ шубу; лѣтомъ же они лѣтъ до десяти бѣгаютъ безъ рубахъ.

Волосы монголы носятъ, заплетая задніе въ косу, а передніе сбриваютъ. Женщины заплетаютъ въ двѣ косы и распускаютъ ихъ по спинѣ или спереди на груди. Дѣвушки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носятъ [illegible]

расчесывая ее по линіи, а тѣ заплетаютъ много косичекъ; женщины на косахъ носятъ очень много серебряныхъ украшеній.

Во время праздниковъ одѣваются монголы нарядно. Но всегда они грязны: одежду даже и лѣтомъ никогда не моютъ, носятъ до тѣхъ поръ, пока развалится.

Рис. 2

Съ дѣтьми монголы ласковы; матери долго кормятъ ребятъ грудью. При рожденіи обмываютъ ребенка соленою водой или чаемъ; но послѣ совсѣмъ уже не моютъ: ребенка завертываютъ въ овчину и кладутъ въ колыбель, которая такъ устроена, что нечистоты отъ ребенка выливаются изъ нея по желобку. Ребятъ рѣдко чему-нибудь учатъ; выростая, они помогаютъ въ хозяйствѣ отцу и матери, въ чемъ могутъ.

Когда сынъ выростаетъ, отецъ съ матерью высватываютъ ему невѣсту, но при этомъ спрашиваютъ и его согласія. Раньше у монголовъ былъ обычай просватывать дѣтей еще маленькими, при чемъ часто случалось, что женихъ былъ моложе своей невѣсты. Теперь женятся въ тѣ же годы, что и у насъ. Стараго обычая женить малолѣтнихъ придерживаются еще южные монголы; за-то у нихъ часто случается, что выростетъ такой малолѣтокъ и женится на второй женѣ, по своему вкусу. Сѣверные же монголы рѣдко имѣютъ двухъ женъ, хотя многоженство у нихъ и не запрещено. Женихъ платитъ за невѣсту скотомъ, но за-то и невѣста получаетъ въ приданое скотъ. Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются и живутъ въ особой юртѣ, своимъ хозяйствомъ. Жена въ семьѣ распоряжается хозяйствомъ наравнѣ съ мужемъ.

Покойниковъ своихъ монголы въ землю не зарываютъ, а отвозятъ куда-нибудь подальше [illegible] и кладутъ на землѣ; звѣри и птицы съѣдаютъ ихъ. Почетныхъ лицъ иногда сожигаютъ, пепелъ смѣшиваютъ съ глиной, слѣпляютъ [illegible] и ставятъ въ часовнѣ на полку.

Нравы монголовъ мирные: никогда они не бьютъ ни женъ, ни дѣтей и въ трезвомъ видѣ не ссорятся между собой. Воровство у нихъ случается очень рѣдко, а убійство дѣло почти неслыханное, развѣ когда въ дракѣ по нечаянности.

Увеселенія монголовъ бываютъ большею частью общественныя. Когда

[illegible] — сказки. [illegible] игры, скачки на лошадяхъ, борьба, бѣгъ и стрѣльба въ цѣль. Тѣмъ, кто въ чемъ-нибудь отличится, награждаютъ подарками. Пѣсни въ обычаѣ только у южныхъ монголовъ, у сѣверныхъ [illegible] у себя. Музыкальные инструменты у монголовъ струнные, въ родѣ нашихъ балалаекъ и скрипокъ. Пѣвцы поютъ длинныя былины, разсказывая въ нихъ про старинныхъ богатырей, подыгрывая въ тоже время на своей скрипкѣ. Музыкальные инструменты у нихъ китайскіе. Когда собираются [illegible] пѣсни.

Языкъ монгольскій не похожъ ни на русскій, ни на татарскій, ни на китайскій. Есть у монголовъ и грамотные [illegible]. Однако грамотныхъ людей и монгольскихъ книгъ у нихъ немного: [illegible] умѣютъ одни только ламы да [illegible] приближенные; простые же люди рѣже, а женщины и того рѣже, развѣ только въ [illegible] семействахъ.

Вѣра у монголовъ *буддійская*, которая принесена къ нимъ изъ Индіи. Раньше у нихъ была своя вѣра *шаманская*; кое-гдѣ она еще сохранилась у монголовъ и теперь. *Буддисты* вѣрятъ въ *Будду*, который нѣкогда жилъ на землѣ. Про него разсказываютъ, что былъ индійскій царевичъ, по имени Сакіямуни. Отецъ его, желая, чтобы онъ не видѣлъ никакого горя въ жизни, выстроилъ для него прекрасный дворецъ съ высокими стѣнами, окружилъ царевича всякими утѣхами, но дальше дворца никуда его не пускалъ. Однажды царевичъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ люди: вышелъ онъ изъ дворца въ одни ворота — и встрѣтилъ [illegible]; огорчился царевичъ, пошелъ въ другія ворота — тамъ встрѣтилъ дряхлаго старика; онъ опять огорчился и воротился, — въ третьихъ воротахъ встрѣтился ему покойникъ. [illegible] и задумался обо этомъ, ушелъ изъ дворца и сталъ поститься и молиться, жить въ уединеніи; но тамъ его беспокоила мысль, что хоть самъ и спасется, но народъ все [illegible] въ грѣхахъ, въ [illegible] и въ болѣзни.

Въ то время, когда царевичъ Сакіямуни жилъ на землѣ, индійцы вѣрили, что каждый человѣкъ послѣ смерти опять возрождается: если человѣкъ жилъ хорошо, пока на землѣ, его душа, [illegible] послѣ смерти снова [illegible]

въ тѣлѣ какого-нибудь животнаго и снова будетъ жить, такъ все будетъ рождаться и умирать безъ конца. Царевичу Сакіямуни показалось это очень мучительно. Въ Бога онъ не вѣрилъ и потому подумалъ, что человѣкъ самъ собой можетъ достигнуть того, чтобы совсѣмъ не жить и не рождаться уже послѣ того, какъ разъ умретъ. Для этого, по мнѣнію Сакіямуни, надо было только отречься отъ жизни, не любить ея, вести жизнь такъ, чтобы зла никому не дѣлать да и привязанностей никакихъ не имѣть.

Тѣ, кто въ него увѣровалъ, и стали жить, какъ монахи: отъ женъ, отъ семьи отказались, отъ имущества также; ходили они по странѣ, не имѣя никакого пристанища, питались милостыней и одѣвались въ рубище, которое уже никому не нужно. Но все это они дѣлали не ради Бога и не ради любви къ ближнему, а чтобы послѣ смерти имъ больше не рождаться и не жить.

Когда царевичъ умеръ, его ученики назвали его *Буддой*, что на ихъ языкѣ значило: *достигшій вѣчнаго блаженства*, а потому и вѣру въ царевича Сакіямуни мы называемъ вѣрой въ *Будду*, а вѣрующихъ въ него — *буддистами*.

Со временемъ тѣ изъ буддистовъ, которые не могли отказаться отъ міра, отъ богатствъ, отъ жены и дѣтей, стали строить монастыри для монаховъ и давать имъ милостыню, чтобы хоть этимъ послужить своей вѣрѣ. Кромѣ того, послѣ смерти Будды, стали дѣлать его изображенія изъ золота, серебра, мѣди или изъ раскрашенной глины, а также стали рисовать эти изображенія на полотнѣ или на бумагѣ. Послѣ у буддистовъ стали дѣлать изображенія и другихъ монаховъ, прославившихся святостью жизни, и вотъ у нихъ появилось множество статуй — *бурхановъ*, какъ называютъ ихъ монголы. Для бурхановъ стали строить храмы, стали сочинять молитвы въ честь ихъ и пѣть эти молитвы; во время пѣнія стали трубить въ трубы, звонить въ колокола, бить въ мѣдныя тарелки; передъ бурханами стали курить благовоніями, — однимъ словомъ, появилась цѣлая служба съ музыкой, съ обрядами въ честь Будды и святыхъ.

Монголы приняли буддійскую вѣру не прямо отъ индійцевъ, а отъ сосѣдняго народа — тибетцевъ, а потому молитвы и священныя книги, въ которыхъ разсказывается жизнь Будды-Сакіямуни и ученіе его, у монголовъ — на тибетскомъ языкѣ; отъ этого монахи или *ламы*, какъ монголы ихъ называютъ, учатся тибетской грамотѣ.

Буддисты, кромѣ вѣры въ учителя своего Будду-Сакіямуни, вѣрятъ

еще въ другія божества, которыя, по ихъ мнѣнію, желая научить людей хорошей жизни, рождаются на землѣ и живутъ между ними, поддерживая въ людяхъ вѣру, добрыя чувства и добродѣтельную жизнь. Между этими божествами, воплощающимися въ людяхъ, въ Тибетѣ и Монголіи почитаютъ больше всего Арья-Бало. Изображаютъ его они съ одиннадцатью головами, со множествомъ глазъ и рукъ. Этимъ буддисты какъ будто хотятъ сказать, что Арья-Бало безпрестанно возрождается, безпрестанно надзираетъ и всегда готовъ помочь. Они считаютъ его самымъ милосерднымъ. Кромѣ этихъ статуй Арья-Бало, тибетцы и монголы почитаютъ также воплощеннаго Арья-Бало — въ видѣ человѣка, который живетъ постоянно въ Тибетѣ, въ городѣ Лассѣ, въ монастырѣ. Называютъ его Далай-Ламой; его всѣ сѣверные буддисты почитаютъ какъ бога, кланяются ему въ землю и во время службы сажаютъ на высокомъ креслѣ, рядомъ съ бурханами, лицомъ къ народу.

Кромѣ Далай-Ламы есть еще много такихъ же перерожденцевъ или *хубилгановъ*, какъ называютъ ихъ монголы. Главный изъ монгольскихъ хубилгановъ живетъ въ Ургѣ, въ Монголіи, въ большомъ богатомъ монастырѣ. Ламъ въ Ургѣ живетъ больше десяти тысячъ, а возлѣ монастыря купцы китайскіе и русскіе настроили лавокъ, и Урга сдѣлалась точно городъ. Кромѣ ургинскаго *хубилгана* есть еще другіе, которые живутъ въ своихъ монастыряхъ.

Когда хубилганъ умираетъ, ламы начинаютъ искать между новорожденными мальчиками, не возродилась ли въ которомъ-нибудь изъ нихъ душа умершаго хубилгана. Если имъ покажется, что нашли такого ребенка, они берутъ его отъ родителей лѣтъ пяти отъ роду и воспитываютъ въ монастырѣ; они считаютъ его Далай-Ламой, или ургинскимъ *хутухтой*, или другимъ какимъ-нибудь *гэгэномъ*. *Хубилганъ*, *хутухта*, *гэгэнъ* — это все названія разныхъ перерожденцевъ.

Кромѣ мужчинъ-хубилгановъ есть, по мнѣнію буддистовъ, божества, воплощающіяся въ женщинахъ [illegible] въ Монголіи, всего двѣ — Цаганъ-Дара-Эке и Ногонъ-Дара-Эке. Женщины у монголовъ тоже дѣлаются монахинями, но рѣдко и притомъ не раньше сорока лѣтъ.

Въ каждой монгольской семьѣ отецъ и мать назначаютъ одного или двухъ сыновей въ ламы.

Мальчикъ съ дѣтства уже носитъ желтое ламское платье и бреетъ волосы на головѣ. Когда такой маленькій лама подростетъ, онъ поступаетъ въ монастырь и тамъ учится грамотѣ. Лучшіе изъ обучающихся въ мона-

старѣ принимаютъ высшее посвященіе и начинаютъ служить въ храмахъ или *сумахъ*, какъ говорятъ монголы; а мало поучившіеся или неспособные занимаются въ монастыряхъ разными работами и ремеслами. Изъ числа почетныхъ ламъ избираются настоятели монастыря и другіе завѣдующіе монастырскимъ управленіемъ. Многіе ламы во всю жизнь остаются дома и занимаются домашнимъ хозяйствомъ. Есть даже и такіе, что женятся; но такіе ламы уже не могутъ совершать службу въ хуралахъ и почетомъ не пользуются.

Ламы всегда носятъ желтую одежду, обыкновенно монгольскій халатъ. Но есть монастыри, гдѣ ламы, подражая китайцамъ, у которыхъ они переняли вѣру, носятъ юбки и безрукавныя рубахи, а штановъ не носятъ; сверхъ всего завертываются въ кусокъ матеріи краснаго цвѣта, называемый *орхимджи*. Другіе ламы надѣваютъ орхимджи только во время службы. Необходимая принадлежность ламы — четки; перебирая ихъ, они произносятъ главную молитву будистовъ: „*Омъ мани падме хумъ*“.

Эту молитву повторяютъ беспрестанно не одни ламы, а также и набожные простолюдины или, какъ говорятъ монголы, *черные люди* въ отличіе отъ желтыхъ ламъ. Вѣру свою монголы называютъ *желтой вѣрой*. Молитву „Омъ мани падме хумъ“ монголы пишутъ на камняхъ при дорогахъ, чтобы прохожіе могли ее читать. Кромѣ того устраиваютъ они еще особые снаряды, называемые *хурдэ*: молитву „Омъ мани падме хумъ“ пишутъ много разъ на длинной бумагѣ, свертываютъ ее въ трубку и вкладываютъ въ круглую коробку, которая вертится вокругъ себя; будисты думаютъ, что вертѣть такія мельницы съ молитвами такъ же полезно, какъ и молиться. Хурдэ они ставятъ такъ, чтобы его вертѣло вѣтромъ или водой. На мѣстахъ почитаемыхъ, на перевалахъ черезъ горы, напримѣръ, монголы устраиваютъ *обо*, т.-е. закладываютъ молитву кучей камней, а сверху ставятъ древко, на которомъ привязанъ флагъ, т.-е. кусокъ коленкора, исписанный молитвами или со священными изображеніями. Кромѣ [illegible] и обо, монголы строятъ еще памятники въ честь Будды или знаменитыхъ ламъ; памятники эти называются *субурганы*.

Будизмъ монгольскій во многомъ отличается отъ того будизма, которому училъ Сакіямуни, и потому его въ отличіе называютъ *ламаизмомъ*. По-видимому, въ будійскую вѣру монголы многое взяли изъ своей прежней вѣры.

Шаманская вѣра монголовъ, въ отличіе отъ будійской называемая ими *черной вѣрой*, состоитъ въ томъ, что люди вѣрятъ въ злыхъ и добрыхъ

[illegible], которые людямъ покровительствуютъ или вредятъ, и не людей, которые имѣютъ власть надъ [illegible] духами, т. е. шамановъ. Шаманы для умилостивленія духовъ приносятъ имъ жертвы, бросаютъ въ [illegible] [illegible] или [illegible] [illegible] [illegible]. Въ время [illegible] [illegible] шаманы [illegible], [illegible] и [illegible] [illegible]. [illegible] они въ особое платье; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Въ Монголіи [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] праздникъ, [illegible] [illegible]. Во время этого праздника [illegible] [illegible] на себя [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] передъ [illegible] или монастыремъ [illegible] [illegible]. Они думаютъ [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] изображаютъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] или [illegible] [illegible] какимъ-либо [illegible].

ВСТРѢЧА СЪ ДВУМЯ МОНГОЛЬСКИМИ ЛАМАМИ.

[illegible]

[illegible]

принадлежавшими къ его миссіи. Китайскія [illegible] и [illegible] очень низко, но ѣздить съ ними [illegible] отлично.

Мы занимали въ миссіи отдѣльный домъ, съ обширнымъ дворомъ. Это было очень удобно для нашихъ сборовъ въ дорогу. Рано утромъ, [illegible], г. Кейла окропилъ святой водой нашихъ животныхъ, послѣ чего началась вьючка. Это — самая скучная и хлопотливая вещь на свѣтѣ, особенно, когда наши рабочіе не привыкли къ нашимъ европейскимъ вещамъ и нашимъ европейскимъ требованіямъ. Китайцы во время путешествія сами на-половину превращаются въ [illegible], и потому съ ними хлопотъ [illegible]; другое дѣло — европейскіе путешественники: [illegible] фотографическая камера, и треножникъ для нея, и [illegible] бумаги, и прессы для растеній, все это совсѣмъ неприспособлено къ укладкѣ на спинѣ живого существа, и все кромѣ того должно быть отвязано и готово по первому требованію. Нашимъ рабочимъ было надъ чѣмъ поломать голову, уравновѣшивая всю нашу кладь на бокахъ у верблюдовъ. Кромѣ того надо было завьючить двѣ [illegible] не привыкли. Сборы, казалось мнѣ, тянулись необыкновенно медленно и безтолково. Наконецъ, когда все было кончено, мы собрались всѣ [illegible], и г. Кейла помолился за отъѣзжающихъ; затѣмъ мы [illegible] на прощанье бутылку виноградного вина изъ его [illegible] и простились [illegible], хозяинъ, привыкнувшій къ намъ за мѣсяцъ нашего пребыванія у него, хотѣлъ проводить насъ до города, [illegible] повозку, [illegible]. Грустно было разставаться съ г. Кейла, [illegible] европейцемъ, встрѣченнымъ нами на [illegible] пути.

Городъ на этотъ разъ мы не видали, проѣхали предмѣстьями. Архитектура домовъ здѣсь была нѣсколько иная, чѣмъ въ другихъ китайскихъ городахъ, постройки были изъ обожженнаго кирпича, имѣли болѣе солидный видъ, и въ домахъ были окна съ круглыми сводами вверху, а не просто длинныя вырѣзки во всю стѣну съ мелкой рѣшеткой, какъ [illegible] скихъ и вообще въ китайскихъ домахъ. Старыя зданія въ Куку-хото, его храмы тоже отличались оригинальностью, и нѣкоторые изъ нихъ не походили ни на китайскія кумирни, ни на тибетскіе буддійскіе храмы, — это типъ священныхъ построекъ, который мы встрѣчали [illegible] монгольскихъ монастыряхъ и городахъ.

Первая наша остановка была [illegible], которыхъ [illegible] монголы [illegible]; они занимались [illegible], также и [illegible]

[illegible] и [illegible] полностью, только женщины ихъ, счастливо отли-чаясь отъ китаянокъ здоровыми ногами и любовью [illegible] рослой фи-гурой. Туземцы относились къ намъ радушно и не надоѣдали любопыт-ствомъ.

На другой и на третій день мы [illegible] и останавли-вались въ китайскихъ постоялыхъ дворахъ, въ *[illegible]*, какъ мы привыкли

Рис. [illegible]

[illegible]. Чѣмъ ближе мы подходили къ Желтой рѣкѣ, тѣмъ ожив-ленѣе становилась дорога: опять, какъ и въ Китаѣ, по ней, то-и-дѣло, встрѣчались разнощики торговцы съ товарами, подвѣшенными на коромыслахъ. Проѣхали мы развалины стариннаго монгольскаго города Тохто-хото; его разрушенныя стѣны и башни были на высокомъ обрывистомъ берегу; внизу, между рѣкой и горой, расположился новый китайскій городъ. На видъ послѣдній ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ, но прави-телей тамъ были другіе: [illegible] встрѣчные уступали дорогу, не [illegible] было [illegible] даже без-

церемоннаго хлопотъ. Все время, пока мы жили тутъ въ данѣ, зрители собирались на кровляхъ, окружавшихъ нашъ дворъ, но вели себя такъ скромно и тихо, что только, взглянувши вверхъ, мы замѣчали, что окружены любопытной толпой. Оказалось, что, по случаю сильнаго разлива рѣки, переправа черезъ Хуан-хэ была не въ этомъ городѣ, какъ обыкновенно, а еще верстъ десять ниже. Рѣка тутъ очень широка и вмѣсто желтой должна бы называться красной: вода, зачерпнутая въ стаканъ, казалась свареннымъ на водѣ какао. Черезъ рѣку мы переправлялись на лодкѣ, а животныхъ и вещи перевозили на небольшой баркѣ. Въ Китаѣ почти вездѣ устроены мосты, а потому животныя, лошади и верблюды не привыкли къ переправѣ вплавь, и съ ними было очень много возни. Во время переправы подошелъ къ намъ странствующій лама и хотѣлъ разсказать намъ мѣстную легенду о Тохто-хото, но, къ сожалѣнію, мы не понимали его языка. Такіе полупонятые разсказы всегда очень интригуютъ и заставляютъ очень сожалѣть о плохомъ знаніи языка. На этотъ разъ мы скоро забыли эту неудачу, потому что, какъ только переправились на правый берегъ рѣки, такъ и очутились среди роскошнаго луга, покрытаго цвѣтами и представлявшаго богатый сборъ новыхъ растеній, жуковъ, ящерицъ, осъ и проч. благодати, радующей сердце коллектора-натуралиста. Лугъ, впрочемъ, былъ не широкъ, за нимъ сейчасъ же возвышались песчаные бугры съ очень крутыми осыпающимися скатами. Такой же характеръ контрастовъ, гдѣ сочная луговая растительность сейчасъ же смѣняется голымъ пескомъ, носитъ и весь Ордосъ, въ той, по крайней мѣрѣ, его части, гдѣ мы его проходили. Видъ такихъ мѣстъ очень оригиналенъ: когда взберешься на вершину самаго высокаго песчанаго бугра, то увидишь цѣлыя сотни подобныхъ же холмовъ, тянущихся отъ васъ во всѣхъ направленіяхъ; это—какъ-будто огромныя застывшія волны песчанаго моря. Сначала вамъ кажется, что холмы высятся въ совершенномъ безпорядкѣ; потомъ, когда вы нѣсколько приглядитесь къ этой картинѣ, вы замѣтите, что холмы имѣютъ опредѣленную форму: что одинъ бокъ у каждаго нѣсколько болѣе пологъ, а другой обрывистъ, но высота холмовъ и величина очень различны, и притомъ они, какъ настоящія волны, иногда набѣгаютъ одинъ на другой и тѣмъ нарушаютъ правильность. Осмотрѣвшись, вы начинаете замѣчать на нѣкоторыхъ склонахъ этихъ баркановъ слабую растительность: это—или низкій, голубоватый злакъ, изрѣдка раскинутый по песку отдѣльными травинками, или тонкій, высокій тростникъ, пробирающійся узкой дорожкой въ одинъ рядъ по склону холма, причемъ

это корневище ползетъ по поверхности, какъ гигантскій червякъ, или, наконецъ, цѣлыя группы бобоваго кустарника (Hedysarum), пѣвшимъ узоромъ развѣсившаго свои розовые мотыльковые цвѣты на тонкихъ, совершенно безлиственныхъ вѣткахъ. Такая растительность не нарушаетъ общаго впечатлѣнія крайней пустынности. Жизнь между тѣмъ есть вездѣ, и здѣсь, при болѣе тщательномъ осмотрѣ ближайшаго къ вамъ пространства, вы замѣчаете на пескѣ, во-первыхъ, красивую струйчатость, сдѣланную, очевидно, вѣтромъ, и кромѣ того узорныя дорожки, сдѣланныя лапками ящерицъ, и еще болѣе тонкіе, какъ строчка, слѣды большихъ черныхъ жуковъ, снующихъ около васъ по всѣмъ направленіямъ; рѣже встрѣчаются тропинки зайцевъ и лисицъ.

Заблудиться среди такихъ песчаныхъ холмовъ ничего нѣтъ легче: дорога, глубоко протоптанная въ пескѣ, скоро засыпается, притомъ она безпрестанно извивается, огибая болѣе высокіе холмы, и изъ одной песочной ямы вы вступаете въ другую, совершенно такую же; кругозоръ вездѣ загороженъ ближайшими холмами. Къ счастію, въ Ордосѣ такія барханныя пространства часто прерываются небольшими рѣчками или озерами, берега которыхъ или густо заросли кустарниками, или покрыты луговой растительностью. И нигдѣ, можетъ быть, эти зеленые оазисы не радуютъ такъ глазъ, какъ среди однообразія бархановъ. Такой видъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ Ордосъ въ лѣто 1884 г., когда мы по нему проходили. Дальше отъ Хуанъ-хэ самые барханы начинаютъ несколько измѣняться; часто бока ихъ заростаютъ кустами .... полыни, пріятно нарушающей однообразіе желтаго цвѣта и нѣсколько скрѣпляющей эту песчаную почву; иногда даже на вершинахъ холмовъ стелется низкій можжевельникъ съ своей душистой хвоей (Juniperus).

Здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ сказать, что называютъ Ордосомъ. Если смотрѣть на карту Китая и слѣдить по ней за теченіемъ Желтой рѣки, то мы увидимъ, что почти въ центрѣ карты рѣка эта описываетъ букву П; вотъ это пространство внутри этой буквы и носитъ названіе Ордоса; съ юга, юго-востока и юго-запада его отдѣляетъ отъ Китая великая стѣна, скорѣе, впрочемъ, развалины этой стѣны. Ордосъ въ настоящее время населенъ монголами, ранѣе тутъ находилось государство тангутовъ, называемое въ китайскихъ книгахъ государствомъ Ся. Ордосскіе монголы раздѣляются на семь хошуновъ, или княжествъ, и каждое изъ нихъ управляется наслѣдственнымъ княземъ изъ потомковъ Чингисхана. Стар-

шинство чадъ бѣдны, семьи которыхъ принадлежали къ старшимъ въ родѣ. Ему даютъ титулъ *гэ*, что въ старинныхъ сочиненіяхъ переводилось словомъ *лу*. Въ настоящее время значеніе таковыхъ сильно пало, и китайцы признали правителемъ Ордоса не старшаго въ родѣ вана, а болѣе приноравливающагося къ обстоятельствамъ, слѣдующаго китайской политикѣ князя Джунгарскаго хошуна.

Разсказывая объ этомъ, г. Кемпа обыкновенно говорилъ намъ: „вы непремѣнно должны заѣхать къ le roi des Ortous, — онъ любитъ европейцевъ". Такъ мы и думали сдѣлать, но пока не торопились оставить берега Хуанъ-хэ. Намъ такъ надоѣла жизнь въ китайскихъ городкахъ и дянахъ, что мы съ величайшимъ удовольствіемъ поставили здѣсь свои палатки и наслаждались уединеніемъ и тѣмъ, что мы сами себѣ господа и хозяева. Въ первое время съ постановкой юртъ у насъ не мало было хлопотъ. Наши слуги-китайцы совсѣмъ не умѣли взяться за эту работу, и мы должны были ставить ихъ сами, отклоняя ихъ услуги, потому что съ ихъ помощью у насъ выходило нѣчто, похожее на постройку вавилонской башни, — мы такъ плохо понимали другъ друга, что въ то время, какъ приказывали подавать веревку, слуга подавалъ войлокъ, вмѣсто направо, тянулъ влѣво и т. д.; притомъ, сколько мнѣ извѣстно, и французы совсѣмъ не знаютъ юртъ, а мы, не зная китайскаго языка, со слугами своими объяснялись по-французски, хотя французскаго языка также хорошо не знали — лишь потому, что наши китайцы раньше служили у французскихъ миссіонеровъ. Благодаря ли нашему неумѣнью ставить, или, можетъ, дурному устройству юртъ, только онѣ всякій разъ показывали стремленіе свернуться спиралью и погребсти насъ подъ войлоками и довольно-таки тяжелымъ *[illegible]*, т. е. деревяннымъ кругомъ, составляющимъ въ юртѣ кровлю или потолокъ. Всякій разъ мы должны были укрѣплять свою постройку веревками, протянутыми отъ шангарака во всѣхъ направленіяхъ къ кольямъ, вбитымъ въ землю, чего въ правильно поставленныхъ юртахъ не бываетъ. Стояли [illegible] юрты — одна для насъ, другая для Скасси, палатка для Березовскаго и большая синяя палатка для китайцевъ, извѣстная у насъ подъ названіемъ [illegible]. Такимъ образомъ на пустынномъ берегу Хуанъ-хэ, въ первыхъ числахъ августа 1884 года, выросъ цѣлый лагерь. Несмотря на неудобства время и на то, что погода испортилась, пошли дожди, мы съ наслажденіемъ жили здѣсь, любуясь природой; дожди не мѣшали намъ ходить по песчанымъ буграмъ, окружаю-

...ли наше нашатр. Между тѣмъ китайцы наши сильно трусили: они совсѣмъ не умѣли жить въ этой обстановкѣ. Нашъ поваръ не умѣлъ разводить огня на открытомъ воздухѣ, затрудняясь неимѣніемъ многихъ привычныхъ для него вещей, а главнымъ образомъ, всѣ эти дни ему въ его занятіи ужасно мѣшалъ огромный дождевой зонтъ, съ которымъ онъ не разставался ни на минуту во время приготовленія обѣда. Сильно также это время безпокоила его мысль: гдѣ онъ будетъ брать дрова тамъ, гдѣ не будетъ базаровъ, на которыхъ ихъ продаютъ. Пока изъ этого затрудненія его выручалъ монголъ-перевозчикъ, жившій неподалеку отъ насъ.

Рис. 4.

Въ Куку-хото наши китайцы были противъ того, чтобы мы наняли монголовъ-работниковъ: они увѣряли, что монголы непремѣнно насъ оберутъ, даже перерѣжутъ насъ всѣхъ, что это народъ никуда негодный, которому нельзя поручить никакого дѣла, и что лучше всего, если около насъ будутъ одни китайцы. Здѣсь, въ Ордосѣ, мысли перемѣнились; поваръ Цуйсанъ настаивалъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ монголъ намъ необходимъ, а конюхъ на другой же день отыскалъ намъ монгола, на котораго возложенъ былъ караулъ лошадей, хотя онъ и прикомандировался къ намъ въ качествѣ проводника.

Хуангэ-хо мы оставили 8 августа и послѣ двухъ небольшихъ переходовъ на третьемъ увидали городокъ, принадлежащій Джунгарскому князю. Стѣны изъ необожженнаго кирпича почти не выдавались на фонѣ почвы такого же сѣровато-желтаго цвѣта; только нѣсколько деревьевъ, видныхъ изъ-за-стѣнъ, оживляли картину и указывали, гдѣ находится домъ самого князя. Не доходя версты до города, мы нашли колодецъ и остановились на берегу возлѣ него. Во время постановки юртъ, изъ города вышли монголы и китайцы; первые смотрѣли солидно, вторые, какъ оказалось, были слуги князя. Монголы были пріятно удивлены, когда мы обмѣнялись съ ними привѣтствіями на ихъ родномъ языкѣ; впрочемъ, дальше стереотипныхъ фразъ при встрѣчѣ наши разговоры не пошли: мы отчасти забыли

монгольской [illegible]
Халхѣ. [illegible]
сать по-китайски [illegible]
коротнаго визита [illegible]
момъ князя. Онъ [illegible]
обычаю, все что [illegible]
жить среди степи, не [illegible]
листа. [illegible]
насъ людей, [illegible]

На другой [illegible]
этотъ визитъ [illegible]
халатъ [illegible]
даринскую [illegible]
тажи. [illegible]
окружала [illegible]
его сыновьи [illegible]
сыну [illegible]
только въ самомъ центрѣ; [illegible]
остаться на открытомъ воздухѣ, [illegible]

Лицо князя было [illegible]
леть; послѣ мы узнали, [illegible]
но расстроившій свое [illegible]
глаза [illegible]
рѣлъ инструменты, [illegible]
ему, и [illegible]
что съ нами [illegible]
были сняты портреты; [illegible]
комнату въ своемъ домѣ.

Молодые [illegible]
[illegible]
европейскія вещи. Они [illegible]
было много простоты, [illegible]
къ иностранцамъ, [illegible]
[illegible]
брѣтеніями, [illegible]
карями. [illegible]
[illegible]

[illegible] только было [illegible], что держали они себя большими [illegible] [illegible] людей ходило нѣсколько слугъ: одинъ [illegible], другой — кисетъ съ табакомъ [illegible] и т. д.

Кромѣ [illegible] иногда [illegible], какъ [illegible] нашъ переводчикъ, китаецъ Ли. [illegible] лѣтъ [illegible], въ другой — тридцать; [illegible] черты лица, очень нѣжнаго цвѣта [illegible] черные глаза [illegible] ее очень хорошенькой. [illegible] естественный блескъ глазъ и [illegible] румянецъ [illegible]. Она носила [illegible] прическу, т. е. распускала [illegible] косу по спинѣ, [illegible], какъ [illegible], такъ и [illegible], которая окружала ее [illegible]. [illegible] переводчика, который [illegible] по-русски, да и [illegible] не могла не [illegible], что у нея есть наклонность [illegible] цивилизацію съ нашей.

[illegible] въ Китаѣ меня страшно тяготили; [illegible], что русскія женщины не [illegible] особенности [illegible] интересъ къ нашей [illegible] другое: кромѣ [illegible] человѣ[illegible]. Видно было, что общество [illegible] и сдѣлало [illegible] и разрѣ[illegible] и полной вредъ: [illegible], и здоровье [illegible], что молодая женщина сама понимаетъ, что [illegible] мальчика прогля[illegible]. Мальчикъ бойкій [illegible].

Послѣ завтрака [illegible] пригласили [illegible]. Домъ у него былъ выстроенъ за городомъ [illegible] китайскому вкусу, былъ окруженъ дворами и садами; у главныхъ воротъ [illegible] съ фасадомъ оригинальныхъ симметрическихъ украшеній, [illegible] на [illegible] Пo дворамъ, по которымъ мы проходили, [illegible] цвѣтники, а [illegible] даже яблонныя и персиковыя деревья и [illegible], [illegible] виноградныя лозы. Домъ былъ сложенъ изъ [illegible] большія [illegible] стеклянныя окна, что въ Китаѣ встрѣчается очень рѣдко. Комната, въ которой насъ принимали [illegible] наго [illegible] дерева, украшена большими фарфоровыми [illegible], китайскими фонарями, спускающимися съ потолка, и множествомъ разныхъ другихъ вещей, при чемъ только [illegible] часы и [illegible] были [illegible] происхожденія. Какіе-то свертки, лежавшіе на [illegible], раскрытыя книги, маленькіе столики въ разныхъ углахъ, поставленные [illegible] удобства, придавали этой богато убранной комнатѣ [illegible] видъ, чѣмъ [illegible] въ пріемныхъ комнатахъ у богатыхъ китайцевъ. Въ [illegible] комнатѣ я видѣла слесарный станокъ, на которомъ, говорятъ, [illegible] работаетъ; въ другой помѣщается библіотека изъ китайскихъ и [illegible] книгъ; третья наполнена часами, [illegible] говорятъ, онъ проводитъ цѣлые часы въ разборкѣ ихъ [illegible]; [illegible] живетъ особый часовой мастеръ-китаецъ. [illegible] доказывала, что роскошь, окружавшая [illegible], не была только [illegible] его богатства, но выражала также и личные его [illegible]. [illegible] насъ вмѣстѣ съ нимъ, а когда подали чай, пришла и его молоденькая жена. Меня очень [illegible] въ этомъ [illegible] то обстоятельство, что ни сыновья [illegible], ни его жена не [illegible] въ его присутствіи все время. Скоро меня пригласили въ комнаты женщинъ. [illegible] была еще не старая женщина, [illegible], волосы были причесаны [illegible] очень [illegible] шиньонъ съ искусственными цвѣтами, а ноги обуты въ расшитыя золотомъ туфли, [illegible]. Лицо у нея было не красиво, [illegible], манеры [illegible] очень [illegible]ны. Смотря на нее, я не удивилась, что [illegible] желаніе завести себѣ другую, [illegible] жену. Въ комнатѣ [illegible] [illegible]

и [illegible]; она, несмотря на [illegible] сохранила непринужденность монгольской дѣвушки и нѣсколько [illegible] это чинное общество.

Въ домикѣ было тоже много предметовъ китайской роскоши, но они больше свидѣтельствовали о трудолюбіи [illegible], чѣмъ о вкусѣ ихъ; была, напримѣръ, тутъ одна картина, составленная изъ перламутра и кусковъ разноцвѣтнаго [illegible]: послѣдній матеріалъ настолько неподатливъ при обработкѣ, что время, на его сдѣланія, очень надо [illegible] на настоящія.

Княгиня была въ этомъ домѣ временно, по случаю пріема гостей; [illegible] она въ другомъ домѣ [illegible]. Разговаривать намъ черезъ Цу[illegible] было не очень удобно, — мы проводили время въ разсматриваніи фотографическихъ видовъ Пекина и другихъ мѣстностей, [illegible] изъ рукъ въ руки. Скоро [illegible] перестали обращаться съ вопросами ко мнѣ и предпочитали вести бесѣду прямо съ Цу[illegible], разспрашивая его о насъ и нашей жизни.

На другой день княгиня пригласила меня къ себѣ обѣдать. Домъ, въ которомъ она жила, былъ [illegible], можетъ быть, [illegible]. Особенной роскоши [illegible] не было замѣтно; [illegible] давно бывшихъ въ употребленіи; но для меня, у которой [illegible] — уже давно не было, этотъ [illegible] очень [illegible]. Княгиня и княжна опять были очень нарядны и [illegible], но теперь онѣ держались [illegible]. [illegible] не могли [illegible] наблюдателя, [illegible] смотрѣли [illegible] другъ на друга. [illegible]

[illegible] вдругъ [illegible].

[illegible]

на верблюдахъ. Ихъ бракъ она, конечно, понимала: это была лишь политическая комбинація, и ей, можетъ быть, съ первыхъ же шаговъ въ новой семьѣ пришлось встрѣтиться съ женщиной, занимавшей въ сердцѣ мужа принадлежащее ей по праву мѣсто. Вотъ, можетъ быть, почему лицо княгини и носитъ такой замороженный характеръ, думалось мнѣ.

Въ домѣ князя, въ его жизни сохранилось еще много монгольскаго; хозяйствомъ завѣдывала въ качествѣ экономки старая монголка, бывшая няня старшихъ князей. Безъ гостей здѣсь всѣ, кромѣ княгини, пили монгольскій кирпичный чай съ жаренымъ просомъ, вмѣсто хлѣба, какъ это дѣлается во всѣхъ домахъ Ордоса, а лѣтомъ пили *тарыкъ*, т.-е. особый напитокъ изъ кислаго молока, какой приготовляется во всѣхъ окрестныхъ юртахъ. При мнѣ въ комнату княгини приходили князь и его сыновья; съ ними я могла нѣсколько говорить, припоминая монгольскія слова, сохранившіяся въ памяти отъ прежнихъ путешествій. Старый князь, узнавъ, что я люблю тарыкъ, велѣлъ принести мнѣ, и мы съ нимъ угощались этимъ національнымъ блюдомъ. Передъ обѣдомъ мужчины ушли. Княгиня, какъ мнѣ сказали, тоже курила опіумъ, и потому меня пригласили идти въ комнаты второй жены князя. Здѣсь было до крайности неуютно и видно было, что хозяйка комнаты мало живетъ въ новомъ домѣ князя, гдѣ мы были наканунѣ. Здѣсь, въ этомъ заброшенномъ углу, на первомъ планѣ также встрѣтился приборъ для куренья опіума, и это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе; я рада была, когда опять получила приглашеніе воротиться въ комнату княгини. Тамъ слѣдовъ куренья опіума уже не было видно, напротивъ, была жизнь, — болтала и смѣялась дѣвочка-воспитанница, няня хлопотала съ приготовленіями къ обѣду, на канѣ спала маленькая собаченка княгини, на столикахъ лежали женскія рукодѣлья.

Обѣдали мы съ княгиней только вдвоемъ. Обѣдъ былъ китайскій и по-китайски сервированъ; княгиня, видя мое затрудненіе съ круглыми палочками, велѣла подать мнѣ четырехгранныя, которыми было нѣсколько удобнѣе ловить рисъ и прочія мелочи съ китайскихъ блюдецъ.

Жизнь этого дома, насколько мнѣ удалось наблюдать ее, дала бы прекрасный матеріалъ писателю историческихъ романовъ изъ эпохи нашей петровской реформы: съ одной стороны — монгольская обстановка жизни съ простотой и безцеремонностью нравовъ, продолжаемая всѣми домочадцами; съ другой — новая, болѣе утонченная культура, насильно навязанная по волѣ главы семейства. У насъ это была культура европейская, тамъ, въ домѣ Джунгарскаго князя, китайская, но такая же чуждая и многимъ ненавистная.

Говорятъ, что всѣ сосѣдніе князья въ Ордосѣ не любятъ Джунгарскаго князя, какъ приверженца западныхъ порядковъ и новатора. Видать, какъ живутъ приверженцы старыхъ порядковъ, намъ не удалось. Настоящій ванъ Ордосскій не захотѣлъ насъ принять, когда мы были у него въ кошунѣ. Онъ большой старовѣръ, говорятъ. Только впослѣдствіи, уже на возвратномъ пути въ Россію, когда мы отъ озера Куку-норъ шли прямо на сѣверъ, по самой срединѣ Гобійской пустыни, раздѣляющей Монголію на южную и сѣверную, мы встрѣтили другого монгольскаго владѣтельнаго князя, изъ племени торгоутъ.

Здѣсь все было иначе, чѣмъ въ Джунгарѣ. Ванъ жилъ такъ же, какъ всѣ его подданные, чисто кочевнической жизнью, въ юртахъ, перекочевывая нѣсколько разъ въ годъ. На границѣ торгоутской земли были китайскіе города и деревни, были пашни: китайцы, кромѣ пшеницы и гороха, сѣяли въ иныхъ мѣстахъ рисъ и кукурузу, хотя и тотъ и другой родились тутъ плохо; въ деревняхъ и городахъ и срѣдались фруктовыя деревья,—все это исчезло вмѣстѣ съ последними поселками. Въ торгоутской землѣ кругомъ которой ничего не было, ни лѣсовъ, ни пашенъ, почти повсюду была галька и кустики колючей травы, да по берегамъ большой рѣки Эдзинъ-Гола, вдоль которой мы шли, тянулись неширокой полосой лѣса, съ жесткими злаками и иногда камышомъ; изрѣдка встрѣчались рощи старыхъ корявыхъ тополей, и повсюду обыкновенно были видны двѣ-три бѣлыя торгоутскія юрты. Несмотря на такой видъ страны, мы рады были оставить культурный Китай и съ удовольствіемъ встрѣчали монгольскихъ всадниковъ, неизмѣнно всегда обмѣнивавшихся съ нами обычными привѣтствіями: „Менду! Амурлангъ!" Значенія этого для насъ понятно, но было не менѣе имъ пріятно было слышать.

У торгоутскаго вана мы разсчитывали отпустить китайскихъ возчиковъ съ телѣгами и нанять верблюдовъ для перехода черезъ Гоби. Переговоры по обыкновенію затянулись, и мы жили на берегу Эдзинъ-гола. Между нашимъ лагеремъ и ставкой вана, которую можно было видѣть отсюда въ бинокль, постоянно ѣздили посланные черезъ прислугу. Когда переговоры приближались уже къ благополучному концу, торговля черезъ посредниковъ кончилась и ванъ пожелалъ у насъ въ лагерѣ, получила и я приглашеніе пріѣхать въ ставку вана. Зная, что меня ждетъ уже знакомая мнѣ монгольская обстановка, я не очень волновалась, гораздо меньше, чѣмъ тогда, когда приглашеніе получалось отъ какой-нибудь китаянки, гдѣ я совсѣмъ не могла предвидѣть своего положенія и церемоній. Ста-

[illegible] ... пришел[illegible].

Торгоуты [illegible] державъ [illegible] положительно [illegible].

[illegible]

[illegible] расговорахъ [illegible] и красноречіемъ [illegible].

[illegible]

СРЕДИ ШИРОНГОЛОВЪ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] время [illegible].

[illegible] очень [illegible]. Они [illegible] утонченными [illegible] и [illegible] привели [illegible] к тому, что [illegible] ствіи на второй жизни [illegible] в [illegible]. Когда [illegible] мать. Часто случается, что [illegible] особенным [illegible] бываетъ [illegible] не [illegible] жени не всегда [illegible] чаѣ устраивается [illegible] не [illegible] женитьбой [illegible] не приходилось [illegible] монголовъ [illegible].

Сговоры [illegible] до свадьбы, которая [illegible] лахъ сдѣлать [illegible] очень [illegible] этомъ входить иногда [illegible] на разсвѣтѣ, [illegible]. Если дома [illegible] невѣста [illegible] покрытая [illegible] чимон), и все время [illegible]. За ней идутъ родные [illegible] монотонный; [illegible] Немного [illegible] стра, [illegible] въ [illegible].

Свадебный пиръ [illegible] за столами, [illegible]

[illegible]

Молодые [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]).

Когда в семейной [illegible] ребенка [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]: вероятно, что [illegible] от [illegible]. Однако, [illegible] [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible] при [illegible] [illegible] ребенка. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] образ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], а не [illegible] только, что [illegible] родные [illegible] [illegible] и ребенка, — [illegible] [illegible] [illegible] рыбину.

Хоронят [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] в гробах, и на семейных кладбищах; по большей части среди [illegible] полей оставляют уголок для могил. Через [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] простым [illegible] [illegible], и на нем [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и вино.

При похоронах также стараются [illegible] друг перед другом расходами. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] при [illegible] [illegible] [illegible] для своей [illegible] [illegible], не [illegible] [illegible] расточительности говорил: „нельзя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а [illegible] нужно [illegible] [illegible] платье!“[1].

[illegible] [illegible] [illegible] платье [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible] старики и [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] на улицу, [illegible] в [illegible] [illegible]. Часто, [illegible] в [illegible] [illegible], приходилось [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], в крайности [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] нарядное платье [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] только то, что [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], часто [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] горы [illegible] только к вечеру. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]

[1]) [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] монастырскимъ [illegible] какую-нибудь [illegible] работниковъ, или [illegible] заработкомъ [illegible]

[illegible] Женщины [illegible]

[illegible]

[illegible] Представляющій [illegible] Сенатъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

будетъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Затѣмъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Каждый [illegible] и [illegible], отправляющійся съ [illegible] [illegible] въ руки [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] уваженіе. Въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. При этомъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Для [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] въ Санцуанѣ устраиваются [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] у насъ въ [illegible] въ нѣкоторыхъ [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ Санцуанѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], въ ноябрѣ 18[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible].

[illegible] [illegible].

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

дна. Отдавши намъ одинъ домъ, братія разсчитывали поселиться въ другомъ домѣ вмѣстѣ.

Поселясь въ домѣ безъ оконъ, мы поневолѣ участвовали въ жизни, происходившей на нашемъ дворѣ. Постоянное его населеніе составляли: наша лошадь, безрогая, жалкаго вида корова съ теленкомъ и такой же маленькій, съ вытертой спиной, осликъ. Всѣ эти животныя стояли у яслей, сбитыхъ изъ глины, вдоль всей лѣвой стороны двора; въ углу между домами жили двѣ черныя свиньи, а передъ домомъ лежала старая рыжая собака. На верандѣ, куда выходили наши окна и дверь, постоянно сидѣла бабушка съ какой-нибудь работой и играли дѣти; тутъ же сидѣли и матери, когда не были заняты хозяйствомъ. Среди двора въ первые дни нашей жизни въ Нинджѣ постоянно толпился народъ около плотника, работавшаго тутъ рамы къ окнамъ въ нашу комнату; собирались, чтобы посмотрѣть на работу и подать совѣтъ, но главнымъ образомъ, конечно, чтобы посмотрѣть на насъ и на нашу жизнь.

Къ сожалѣнію, наши сношенія съ окружающими насъ людьми были очень затруднительны. Мы не понимали ни слова по-широнгольски, а они не понимали нашего монголо-халхаскаго нарѣчія. Нашъ слуга Очиръ, монголъ изъ Ордоса, также не понималъ широнголовъ и объяснялся съ ними, насколько умѣлъ, по-китайски. Старый Сандандчимба могъ бы вести переговоры, но онъ въ это время былъ очень занятъ нашимъ хозяйствомъ, дѣлалъ закупки припасовъ и велъ дипломатическіе переговоры съ деревенскимъ начальствомъ, чтобы водворить насъ въ Нинджѣ на законномъ основаніи.

Старанія его увѣнчались успѣхомъ: вскорѣ послѣ нашего пріѣзда явилось къ намъ четверо старшинъ деревни принять насъ въ свое завѣдываніе и поздравить съ пріѣздомъ; явились они, по мѣстному обычаю, съ подносомъ, на которомъ лежали груши, грецкіе орѣхи и нѣсколько пачекъ китайской вермишели. Нѣсколько аршинъ бумажной матеріи на курму въ отвѣтный подарокъ, кажется, достаточно поддержали наши добрыя отношенія.

Несмотря на незнаніе языка, несложная жизнь нашихъ хозяевъ недолго оставалась для меня тайной. Вскорѣ я разглядѣла отличительныя черты каждаго члена семьи и ихъ взаимныя отношенія. Братія имѣли лавочку на базарѣ, гдѣ торговали мелочами. Мужчины уходили въ лавку каждое утро, жены ходили туда помогать въ торговлѣ только въ базарные дни. Младшій братъ былъ юркій торговецъ; очень часто онъ бралъ

за разчи небольшую сумму съ нѣсколькими товарищами, и, постукивая въ маленькій бубенъ, уходилъ по деревнямъ сбывать свой товаръ. Бубенъ служитъ оріентальнымъ коробейникамъ мѣсто вывѣски: заслышавши знакомую дробь бубна, всякій знаетъ, что пришелъ торговецъ съ тесемками, пуговицами, голландскимъ полотномъ и тому подобнымъ. Другіе торговцы имѣютъ другіе способы заявлять о себѣ: странствующій кирпичникъ бьетъ въ мѣдный тазикъ, починщикъ битой посуды или старой обуви каждый имѣетъ свои особые инструменты и звуки, заявляющіе объ ихъ приходѣ.

Старшій братъ былъ угрюмъ, смотрѣлъ строго и говорилъ мало; большую часть своего времени онъ проводилъ, грѣясь у очага. Жена его казалась забитой, говорила шепотомъ и притомъ всегда заговаривала со мной въ такое время, когда около никого не было, и, слѣдовательно, никто не могъ мнѣ перевести ея рѣчи. Это меня сердило, а ея манера шептаться заставила меня подозрѣвать, что она говоритъ что-нибудь дурное, чего не должны были слышать ея родные. Очень скоро, впрочемъ, я открыла, что мрачный хозяинъ дома былъ просто глухъ, а бѣдная Тупяжи шептала потому, что была глуха: въ дѣтствѣ на нее напали волки, ободрали ей кожу съ головы и повредили слухъ. Жена младшаго брата Тупноръ была подъ стать своему мужу: такая же бойкая, умѣлая, разговорчивая и веселая, большая мастерица шить и вышивать; она брала чужую работу, имѣла свой заработокъ и потому пользовалась нѣкоторымъ почетомъ въ семьѣ и любовью свекрови. Мнѣ она не особенно нравилась, такъ какъ, пользуясь своимъ превосходствомъ, она немного капризничала, точно также, какъ и ея маленькая дочка, баловень всей семьи. Пятилѣтняя дѣвочка Тупяжи, напротивъ, была нетребовательный, вѣчно смѣющійся ребенокъ, большая шалунья; она въ то же время уже помогала матери нянчиться съ своей сестрой, годовалой Чилжи. Бабушка бинтовала ей ноги, но она часто снимала бинты и предпочитала ходить босикомъ.

Оказалось, что наше поселеніе въ домѣ было рѣшено въ семьѣ. Почему такъ сдѣлали, я не могла узнать; но вышло то, что Тупноръ съ родственниками не пустили жить въ домъ младшаго брата, и они, не смотря на зимнее время и холодъ, доходившій иногда до 20°, должны были спать въ конюшнѣ, на холодномъ кангѣ; день проводили на верандѣ и стряпали въ нашей печкѣ.

Тупяжи вставала рано, еще до свѣту, отецъ — позднѣе; но когда и онъ встанетъ и надѣнетъ на себя шубу, которою семья была укрыта на ночь, Чилжи, а за ней и Большуха начинали плакать въ конюшнѣ. Тог-

ла, если мать бывала дома, брала младшую дочь на руки и согрѣвала своимъ тепломъ, а старшую посылала поскорѣе на солнышко, т. е. на веранду, и рекомендовала одѣваться въ ея дневной костюмъ также. Въ тѣ дни, когда матери и отца не было дома, Бальжима утромъ не умѣла утѣшить озябшую Чейджу; она и сама принималась плакать. Кусочекъ хлѣба съ саломъ или медомъ всегда, впрочемъ, былъ въ состояніи ее утѣшить.

Хозяйство нашего хозяина разрушалось съ каждымъ днемъ. Торговля шла у него неуспѣшно. Лавочку онъ долженъ былъ закрыть, а за долги у него увели корову съ теленкомъ и осла; оставались однѣ свиньи, и потому вся хозяйственная нѣжность Тунджи сосредоточилась на нихъ. Она уже мечтала о будущихъ поросятахъ, а свинья начала таскать всякое плохо положенное тряпье въ печку подъ нашимъ каномъ, приготовляя тамъ гнѣздо своимъ будущимъ дѣтямъ. Но всѣ эти мечты разлетѣлись. Разъ въ одно несчастное утро, у насъ на дворѣ появился китаецъ, началъ что-то шумѣть съ хозяиномъ, напослѣдокъ забралъ свиней и, кромѣ того, снялъ съ мужа Тунджи шубу и оставилъ его въ одномъ холодномъ халатѣ. Нашъ Очиръ принималъ горячее участіе въ спорѣ съ китайцемъ и даже пришелъ къ намъ съ негодованіемъ сообщить о томъ, что китаецъ снимаетъ послѣднее съ человѣка, что эта шуба—единственная теплая одежда на всю семью. Но Очиръ былъ дикарь-монголъ и потому, естественно, могъ возмущаться такимъ поступкомъ, а мы оказались на высотѣ своей европейской цивилизаціи и рѣшили, что нельзя помѣшать ограбить человѣка на законномъ основаніи за долги.

Сочувствіе нашихъ сосѣдей тоже, повидимому, было не на сторонѣ нашего хозяина, который, какъ оказалось, всѣмъ въ околоткѣ былъ долженъ. Меня въ этомъ случаѣ удивляла та покорность судьбѣ, которую выказывала Тунджи. Русская баба въ подобныхъ обстоятельствахъ отводила бы душу, ругаясь, а Тунджи все молчала. Тутъ я вспомнила, какъ [illegible], расхваливая своихъ [illegible], говорилъ: «у насъ уступчивые обычаи!» Съ увеличивающейся бѣдностью Тунджи становилась еще болѣе кроткой и смиренной въ своихъ отношеніяхъ съ окружающими, а ея энергія въ работѣ какъ будто возрастала. Дома у нея было мало дѣла, и она часто стала уходить на работу въ люди или въ свою родную деревню къ отцу, чтобы заработать тамъ хлѣба для семьи. Время наступало горячее для всѣхъ хозяекъ: приближался праздникъ новаго года. Всѣ въ [illegible] усердно шили новыя ватныя платья для всѣхъ членовъ семьи и новую обувь, чтобы обновить наряды въ день Новаго года. Кто не успѣ-

[illegible] въ мѣстѣхъ, шили новое платье, стригли дѣтей, вообще ста-
рались покончить со всѣмъ шитьемъ въ домѣ, потому что весною на цагань-
сарѣ [illegible] начинаются полевыя работы. Жена Тундыи тоже
немного [illegible], чтобы не отставать отъ другихъ, и она [illegible]
плисовые лоскутки, которые, по ея мнѣнiю, должны были украсить баш-
маки ея мужа, но самихъ башмаковъ ей такъ и не удалось сдѣлать. Вмѣ-
стѣ [illegible] Тундыи дѣятельно принялась за кучу земли, лежавшую
у насъ передъ воротами, и усерднѣйшимъ образомъ разбивала эту землю
колотушкой и разрыхляла лопатой.

Такiя кучи земли виднѣлись и передъ всѣми другими домами въ нашемъ околоткѣ и, кажется, хозяйки одна передъ другой гордились величиной этихъ кучъ, выросшихъ главнымъ образомъ благодаря ихъ усердiю. Съ вечера въ сумерки обыкновенно всѣ [illegible] отправляются на пашню, если она близко, или куда-нибудь на дорогу, въ поле, и, наложивши тамъ корзину земли, приносили ее домой; землю эту посыпали подъ ноги скоту и также въ тотъ уголъ двора, который [illegible] для [illegible] нечистотъ, а рано поутру женщины опять сгребали эту землю, перемѣшанную уже съ навозомъ, и сваливали въ кучу передъ воротами. Къ веснѣ, когда [illegible] земля уже оттаивала, хозяйки по вечерамъ принимались разрыхлять ее. Тундыя предавалась этой работѣ съ увлеченiемъ [illegible] ту; часто даже, несмотря на свою [illegible], она [illegible] рукой подавала свою [illegible] мужу, если только онъ попадался ей на глаза, и сказавши: „досугъ ли теперь мнѣ съ ребенкомъ сидѣть!" убѣгала за ворота перебивать свою кучу. Она нисколько не подозрѣвала, что я смотрѣла на такой порядокъ вещей съ удивленiемъ, что мнѣ казалось гораздо приличнѣе матери сидѣть съ ребенкомъ, а мужу заниматься удобренiемъ.

Въ послѣднiе дни передъ праздникомъ дѣятельность Тундыи [illegible] еще въ другомъ направленiи. Она, кажется, рѣшилась перепечь всю бывшую у насъ въ запасѣ муку: [illegible] пшеницей, но [illegible] и [illegible] для [illegible]. Въ своей заботѣ о будущемъ она совершенно не принимала во вниманiе, что эти лепешки сохнутъ и даже покрываются плесенью; она тщательно берегла ихъ, даже принесла [illegible] мнѣ, увѣряя, что въ ея [illegible], но я подозрѣваю, что она просто боялась того, что [illegible] и съѣдятъ ихъ раньше положеннаго срока. Стремленiе [illegible] на цѣлый мѣсяцъ скоро объяснилось: тотчасъ послѣ цагань-сара, какъ наступили

полевыя работы. Тунджи ушла къ отцу и работала у него, съ тѣмъ, чтобы послѣ взять осла и вспахать свою маленькую пашню. Работали въ это время всѣ крестьяне очень усердно; но на нашемъ дворѣ особой оживленности не было замѣтно. Мужъ Тунджи, повидимому, считалъ себя въ правѣ совсѣмъ отказаться отъ полевыхъ работъ, потому что онъ въ это время считался нашимъ поваромъ вмѣсто умершаго Омара. Братъ-торговецъ не торопился съ своей пашней, разсчитывая нанять осла, когда другіе управятся съ пахотой. Одна Тунджи работала усердно, безъ отдыха, повидимому, съ увлеченіемъ. По временамъ Тунджи [illegible] выходили за ворота помогать Тунджи насыпать землю изъ ямы въ корзины: но какъ только Тунджи угоняла осла съ корзинами на пашню, онѣ возвращались въ домъ къ прерваннымъ занятіямъ, и слѣдующія корзины Тунджи уже опять насыпала одна. Когда я выходила въ это время къ ней за ворота, она, не отрываясь отъ работы, пробовала пріобщить и меня къ своимъ интересамъ: она съ восторгомъ указывала на величину кучи и, какъ кажется, выставляла на видъ ея достоинства; знаками, за недостаткомъ понятнаго языка, она показывала мнѣ, какую она надѣется выростить пшеницу на полѣ, получившемъ такое удобреніе, и какъ хорошо будетъ, когда [illegible] сорномъ дворикѣ она посадитъ капусту, а на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ теперь удобреніе, посадитъ макъ. Я плохо понимала Тунджи, тѣмъ не менѣе передо мной вставалъ такой симпатичный образъ труженицы, заботившейся о себѣ и о своемъ трудѣ въ мечтахъ объ урожаѣ, что и теперь мнѣ очень жаль, что нѣтъ у меня таланта описать вамъ Тунджи такою, какою я стала знать ее послѣ этой весенней работы.

Въ мартѣ, когда только еще самые ранніе листья стали зеленѣть, мы уѣхали изъ Нидхи. Съ Тунджей мы встрѣтились еще разъ позднею осенью того же года. Каковъ былъ у нея урожай, я не знаю; можетъ быть, и хорошъ, но не на пользу пошелъ онъ ей. Мужъ ея окончательно бросилъ хозяйство и ушелъ въ сосѣдній городъ работать въ кузницу; младшій братъ, [illegible] части деревни и завелъ тамъ торговлю. Тунджи жила въ опустѣвшемъ домѣ, гдѣ когда-то жили мы; въ его стѣнахъ буквально ничего не было. Она была беременна, но, несмотря на это, по цѣлымъ днямъ уходила изъ дома, собирая по горамъ какіе-нибудь кусты и сорныя травы на топливо къ приближающейся зимѣ. Кольдюшка и Чичка сидѣли теперь одни въ опустѣвшемъ дворикѣ. Кольдюшка, такая веселая раньше, теперь, повидимому, начинала стыдиться своей бѣдности и уже не любила играть съ другими ребятами.

кави. Тульня [illegible] по одиночеству и видала [illegible] родомъ въ опустѣлость домѣ; старуха свекровь не хотѣла жить съ ней и терпѣла нужду, жалуясь на сына, который умѣлъ только все проживать. Кто правъ, кто виноватъ, не мнѣ было судить; но у каждаго было видѣть, что полное разрушеніе благосостоянія семьи.

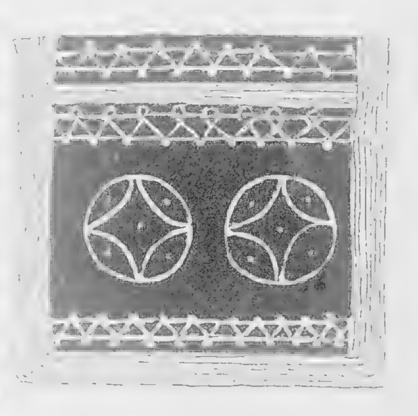
РЕЛИГІОЗНАЯ ПЛЯСКА ВЪ МОНАСТЫРѢ КАДИГАВА.

Съ наступленіемъ лѣтняго года, называемаго по-монгольски, во всѣхъ окружающихъ нашу Ичжу монастыряхъ стали устраивать чамы, т. е. религіозныя пляски и представленія. На одинъ изъ такихъ чамовъ ѣздилъ мой мужъ; на другой, въ послѣдній день праздника, т.-е. 15 числа перваго мѣсяца, поѣхала я. Старикъ Сэнданджимба нанялъ мнѣ и себѣ ословъ и въ обществѣ другихъ ширэнголыцевъ, нашихъ сосѣдей, мы отправились изъ Ичжи вверхъ по рѣчкѣ, вытекающей изъ ближайшаго къ нашему тому ущелья. Дѣло не обошлось безъ маленькаго приключенія: мой оселъ вздумалъ перескочить черезъ арыкъ, и я, совершенно для себя неожиданно, перескочила при этомъ съ сѣдла ему на шею, и оттуда уже головой внизъ на землю; оселъ, впрочемъ, былъ настолько благовоспитанъ, что не сдѣлалъ ни шагу дальше и смирно дожидался, пока я встану, и на него снова набросятъ узду, которую я сняла при паденіи. Дорога шла по карнизу, часто огибая овраги, размытые дождями; въ такихъ мѣстахъ едва оставалась тропинка такой ширины, чтобы ослу поставить ногу; я немного трусила, но, видя, какъ всѣ вокругъ меня беззаботно проходятъ и проѣзжаютъ такими мѣстами, я должна была скрывать свою трусость.

Скоро пришлось взбираться на крутизну, гдѣ всѣ уже слѣзали, даже женщины ширэнголыцевъ съ испорченными, какъ у китаянокъ, ногами и тѣ оставляли своихъ муловъ и взбирались на гору пѣшкомъ. Мнѣ было очень трудно идти, потому что я отвыкла отъ ходьбы, сидя во всю зиму дома, и я задыхалась. Взобравшись на вершину, мы увидѣли по обѣ стороны себя два ущелья: одно — влѣво съ рѣчкой, изъ которой мы, ширэнголыцы, пьемъ воду; направо — другая рѣчка, которая вытекаетъ къ западу отъ Ичжи. Вдали, поднимаясь изъ ряда другихъ вершинъ горъ,

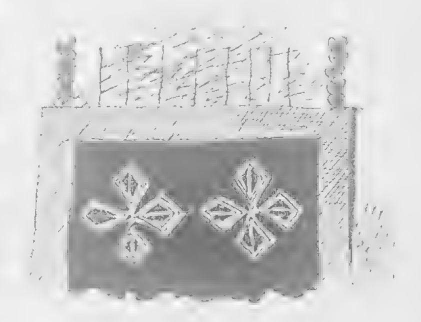
люди съ хорошими глазами видѣли монастырь Кадита, куда мы ѣхали. Кругомъ было голо: прошлогодняя трава куда-то исчезла, можетъ быть, съѣдена скотомъ; деревья виднѣлись лишь по ущельямъ; кругомъ были красноватыя горы, съ лёссовыми распаханными террасами; снѣгъ виднѣлся пятнами на вершинахъ горъ и то лишь на сѣверныхъ бокахъ ущелій. Дорога шла по вершинамъ хребта и была полога, только разъ еще пришлось всѣмъ спѣшиться, чтобы снова залѣзть на болѣе выдающуюся вершину. Подъѣзжая къ перевалу, мы чаще стали встрѣчать спутниковъ; молодые люди весело съ шутками сбѣгали съ пригорковъ за своими мулами, степные же (бары, никольщики) ѣхали на мулахъ, подавали давая о себѣ знать неистовымъ звономъ бубенчиковъ; за переваломъ стали встрѣчаться отдѣльные дома, и скоро открылся видъ на монастырь съ такого близкаго разстоянія, что и я могла его видѣть. Къ удивленію своему, я увидѣла высокія зубчатыя стѣны, башни по угламъ и входныя ворота. Оказалось, что стѣны эти принадлежатъ старому городу, который давно уже стоитъ пустой. Въ этомъ-то пустомъ городѣ и пріютились монахи. Съ перевала намъ было видно зданіе кумирни, прислоненной къ западной стѣнѣ города, и пеструю толпу, волнующуюся у городскихъ воротъ внѣ города. Городъ старинный, но почему-то стѣны и башни очень хорошо сохранились; кругомъ былъ, повидимому, ровъ, наполнявшійся водой изъ рѣчки; теперь это было сухое русло, осѣненное деревьями; кругомъ было разбросано нѣсколько домовъ; подъ деревьями все пространство около воротъ было занято привязанными къ нимъ мулами, ослами и лошадьми; болѣе открытое мѣсто занято торговцами; тутъ были и походныя кухни; надъ кострами поднимался дымъ и паръ отъ котловъ съ горячей ѣдой; вокругъ на землѣ располагались закусывающіе; рядомъ виднѣлись груды насыпанныхъ на кошмы кугуо (мѣстные фрукты въ родѣ финикъ), кучки грушъ, невдалекѣ продавецъ соли, или хлѣбникъ, разложилъ свой товаръ на столикѣ; у стѣны, нѣсколько въ сторонѣ отъ дѣйствія, на полянѣ расположились продавцы краснаго товара; все это было окружено сплошной толпой волнующагося народа: тутъ виднѣлись и тангуты въ нагольныхъ шубахъ и остроконеч-

Рис. 11.



чахъ колпакахъ, они походили на нашихъ киргизъ; за ними вереницей часто придерживаясь одна за другую, толкались тангутскія женщины, сверкая на солнцѣ своими мѣдными и сердоликовыми украшеніями въ волосахъ и подвѣсками къ поясу; въ костюмѣ ихъ преобладали яркіе цвѣта; тутъ же встрѣчались широнголы-мусульмане, отличить которыхъ можно по шапкамъ и также по какому-то особому способу держать себя. Мнѣ кажется, что высокое мнѣніе о своемъ правовѣріи невольно отражается въ манерахъ мусульманъ, и они держатся вездѣ съ большимъ достоинствомъ. Встрѣтился даже лама въ традиціонной мантіи, но цвѣтъ ея трудно было разобрать подъ густымъ слоемъ сала и грязи, ее покрывающимъ. Спѣшившись, мы прошли въ городскія ворота; здѣсь толпа была меньше: всякій только проходилъ этотъ пустой четырехъ-угольникъ затѣмъ, чтобы войти въ самый городъ. Внутри стѣнъ было нѣсколько зданій, въ которыхъ живутъ монахи; дома разбросаны безъ всякаго порядка; объ улицахъ не было и помину, да и весь городъ представлялъ пространство не больше иного сибирскаго двора или городской площади. Мы вошли въ ближайшій къ воротамъ дворъ, гдѣ уже стояло до десятка муловъ; внутренній дворъ, въ который выходили двери фанзъ, былъ не больше сажени; въ комнатѣ, куда насъ ввели, сидѣло нѣсколько человѣкъ ламъ и мірянъ за обѣдомъ или чаемъ; большая часть помѣщенія была занята корзинами, въ которыхъ держатъ зерно и съѣстные припасы; старый лама, высовывая свои голыя по плечи руки изъ-подъ курмы (пунцовая матерія, накинутая на плечи), рылся въ корзинахъ, доставая печеныя на маслѣ булки для вновь прибывшихъ посѣтителей и нашихъ транспортовъ [illegible], пришедшаго изъ сосѣдней фанзы. Народъ, узнавъ, что я [illegible] въ этотъ домъ, пожелавъ поближе разсмотрѣть оросскую женщину*) и началъ набиваться во дворъ и въ самую комнату, гдѣ мы сидѣли. Чтобы не безпокоить жильцовъ дома этой толпой, которую привлекала я, мы рѣшили уйти изъ города подальше. Къ тому же, что до [illegible] еще оставалось больше часу, а у старшаго [illegible] были родственники неподалеку.

Рис. 12



*) [illegible]

Напившись чаю и всё посмотрѣвши, и отдохнувъ въ домѣ гос-мящинцы старика, который живетъ въ полуверстѣ отъ города, мы снова вер-нулись сюда. Теперь толпа, занятая зрѣлищемъ, не обращала на насъ осо-беннаго вниманія. Сторожъ, шедшій навстрѣчу, приглашенію какого-то жителя Кадинон, привелъ меня на верхъ городской стѣны. Забрались мы туда по тропинкѣ, проложенной въ самой стѣнѣ, которая внизу была изъ глины и лишь верхняя ея часть была сложена изъ кирпичей; ширина стѣны была настолько велика, что мы не разрушая ... разставленный нами коверъ, а сами ... остановились прочесть. Изъ храма, который пришелся намъ ... въ это время уже выходили первые знаменосцы съ черными знаменами и за ними попарно — ламы-музыканты въ высокихъ желтыхъ шапкахъ и ... мантіяхъ.

Процессія, обогнувъ домъ ... по дорогѣ, остановилась на приготов-ленной для нея арени, противъ городскихъ воротъ; знаменосцы окружили столъ, на который поставили ... т. е. фигуру мертвой головы, возвы-шающуюся надъ пирамидально сложенными палочками. Это, какъ качеств... нелѣпѣ непремѣнная и главная фигура ..., ... такъ бы передъ этимъ изображеніемъ смерти. Музыканты сѣли на землю напротивъ монастырскаго *ширэгэ*, или настоятеля, для котораго было устроено воз-вышенное сидѣнье; по обѣ стороны его, собравшись съ своими духовными чинами, ... и ... уже ... переплетенные съ ширмами, ...

За музыкантами шли фигуры въ маскахъ. Тутъ были и бычачьи го-ловы, и барсъ, и слонъ, и фигуры съ птичьей головой; фигуры въ мас-кахъ были одѣты въ разнообразные отдѣланные ... костюмы, которые больше всего напоминали длинные стихари, ... переднее напоминала фелонь; ... обильно опускавшійся съ головы и скрывавшій прикрѣпленіе маски, и небольшая чаша, изображенная изъ человѣческаго черепа, ... или какое-либо другое оружіе въ рукахъ, а больше всего, конечно, ... костюма. При звукахъ трубъ, ... тарелокъ и ... бубновъ эти маскированные начали свои пляски. Движенія ... были стройны и мѣста-ми могли напоминать ... балетныхъ танцевъ. Но эти мѣрныя и красивыя движенія были часто прерываемы неистовыми прыжками и кривляньемъ, которое больше напоминало движенія разъяренныхъ животныхъ, которыхъ изображали эти маски, чѣмъ человѣческіе танцы. Проходя передъ настоя-телемъ, маски дѣлали ему поклонъ. Особенно заняли меня маски съ голо-

[illegible] людямъ. [illegible], люди въ нихъ изображали не боговъ, какъ другіе, а простыхъ смертныхъ; одна изъ нихъ представляла старика, другая—старуху. Мимика этихъ лицъ [illegible], повидимому, должна была [illegible] времени, какими были нравы на землѣ до просвѣщенія людей буддизмомъ. Одна изъ этихъ фигуръ (алара, какъ называютъ эти фигуры [illegible], или [illegible], какъ зовутъ ихъ широнголы) постоянно вызывала [illegible] присутствующихъ своими выходками; она съ каррикатурной радостью показывала [illegible] бараньи куски, которые приготовлялись ѣсть; тутъ же [illegible] горшка, когда предпо-[illegible] разбрасывала [illegible] въ разныя стороны; табакъ курила [illegible] изъ [illegible]. У [illegible] алара, повидимому, были роли съ рѣчами, но [illegible] плясками; въ пляскахъ ихъ было тоже [illegible]. Въ [illegible] принимали [illegible] участіе мальчики, одѣтые въ маски [illegible] головъ; эти маленькіе плясуны показались мнѣ [illegible] искусными [illegible] всѣмъ представленіемъ, [illegible], и въ то время, какъ они выпля-[illegible] публикой, онъ [illegible] не-[illegible] для того, чтобы во время пляски плясуны не [illegible] препятствія. Все здѣсь происходитъ не такъ [illegible], какъ мы привыкли видѣть въ [illegible] религіозныхъ процессіяхъ и театральныхъ представленіяхъ. Черезъ [illegible] между [illegible] которому [illegible] поглазѣть та-[illegible]; или у [illegible] изъ-за пазухи вдругъ [illegible] полученные отъ какого-нибудь тронутаго [illegible] орѣхи и [illegible].

[illegible] представленія [illegible] кувшина [illegible] съ [illegible] размахивалъ руками [illegible]: [illegible] рта его торчали [illegible] что [illegible], я не [illegible] рас-смотрѣть; [illegible] на лицѣ, но [illegible], повидимому, онъ [illegible]; въ рукахъ у него была [illegible] алебарда,—это, говорятъ, то [illegible] орудіе [illegible], но его онъ не употреблялъ, ограничивался только [illegible]. Во время его пляски вокругъ [illegible] началось [illegible],—я не видала, впрочемъ, чтобы [illegible], но старые [illegible] усердно разстилались передъ нимъ [illegible] и затѣмъ, кажется, получали или возложеніе

рукъ или только прико[illegible] къ его одеждамъ. Наконецъ, всё бы-ло кончено: [illegible] со своихъ мѣстъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] построились въ [illegible] [illegible] [illegible] на пути, наложились одна на другой на землѣ, и [illegible] [illegible] черезъ ихъ спины. Это [illegible] [illegible] [illegible], когда ламы [illegible] [illegible] [illegible]. Послѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Тогда [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Мы посмотрѣли [illegible] [illegible] [illegible], не дожидаясь возвращенія [illegible] въ хуралъ, [illegible] по дорогѣ въ [illegible], предоставляя нашему проводнику [illegible] [illegible] насъ.

Монастырь [illegible] или [illegible] очень бѣдный; въ немъ живетъ не больше десяти ламъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] изъ ближайшаго монастыря, который [illegible] [illegible] [illegible]. Ламы, живущіе въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Преданіе говоритъ, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], которая привлекала поклонниковъ. Разсказываютъ, что [illegible] [illegible] реформатора буддизма *), [illegible], онъ, [illegible] въ Тибетѣ, написалъ письмо своей матери, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] которымъ онъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] оставилъ въ своемъ монастырѣ, а матери [illegible] [illegible]. Другой варіантъ разсказываетъ, что это [illegible] [illegible], а портретъ [illegible], сдѣланный его рукой: разсказъ прибавляетъ, что, когда лама, [illegible] портретъ, принесъ его матери, то портретъ, хотя и неполный, проговорилъ [illegible] матерѣ и [illegible] [illegible]; [illegible] разсказчики [illegible] при этомъ, что [illegible] портретъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] его [illegible] это, онъ засмѣялся и сказалъ: „[illegible] [illegible] теперь [illegible] ламы и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ монастырѣ; одинъ лама [illegible] это письмо, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и больше [illegible] не возвращался!“

*) [illegible]

ТИБЕТЪ.

Тибетъ расположенъ на высокомъ плоскогорьѣ, между высочайшими горами стараго свѣта — Гималайскими — на югѣ и горными хребтами, отдѣляющими его на сѣверѣ отъ восточнаго Туркестана и Монголіи. Съ западной стороны его также ограничиваютъ горы, соединяющія эти два хребта. Такое положеніе среди высокихъ хребтовъ [illegible] дѣлаетъ Тибетъ малодоступнымъ для сосѣднихъ народовъ; нѣсколько болѣе доступны его восточныя области, гдѣ страна понижается уступами и переходитъ въ китайскую низменность. Самый Тибетъ не представляетъ также равнины, онъ весь перерѣзанъ горными хребтами въ различныхъ направленіяхъ, [illegible] нѣсколько [illegible], чѣмъ окрестные хребты, но [illegible] не менѣе [illegible] [illegible], чтобы [illegible] характеръ [illegible] горной [illegible] вершинами и глубокими долинами, въ которыхъ получаютъ свое начало безчисленныя рѣки. Самыя низкія долины Тибета находятся настолько высоко надъ уровнемъ воды въ океанѣ, что у насъ въ Россіи, такія мѣста казались бы высокими горами. Отъ высокаго положенія страны зависитъ то, что, несмотря на южное положеніе Тибета, климатъ въ немъ очень суровый. Жители Тибета [illegible] очень мало [illegible], что [illegible] [illegible] европейцами и потому [illegible] [illegible], [illegible]. Въ послѣднее время путешественники стали чаще проникать въ эту страну. Англичане, проходившіе въ Тибетъ съ юга [illegible] изъ Индіи, очень [illegible] описываютъ трудности перехода черезъ Гималайскія горы. Вершины Гималаевъ достигаютъ до 25,000 футовъ. Горные проходы, которыми [illegible], лежатъ нѣсколько ниже; но и они достигаютъ до 18—20 тысячъ футовъ. Ни органическая жизнь, [illegible] распространена на этихъ высотахъ, уже [illegible], [illegible]

лучи солнца не вездѣ успѣваютъ растапливать ледъ и снѣгъ, лежащій на горахъ, и приходится иногда идти по цѣлымъ недѣлямъ по снѣговымъ полямъ или взбираться и спускаться по ледниковымъ скатамъ, трескающимъ подъ ногами путниковъ своими трещинами. Вьючныхъ животныхъ при такихъ переходахъ черезъ ледники часто приходится оставлять, такъ какъ трудно для нихъ заготовить корму, и весь багажъ переносится обыкновенно людьми. Путешественники въ Гималаяхъ, находясь въ южныхъ широтахъ, подъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ, тѣмъ не менѣе испытываютъ сильный холодъ и, ночуя безъ огня и горячей пищи, нерѣдко рискуютъ замерзнуть. Но несмотря на всѣ невзгоды, люди, побывавшіе на этихъ неприступныхъ Гималайскихъ вершинахъ, не могутъ безъ восторга говорить о красотахъ этихъ снѣжныхъ великановъ, стоящихъ въ полномъ безмолвіи, при необыкновенной прозрачности воздуха и синевѣ неба, блистающихъ своимъ ослѣпительно-снѣжнымъ покровомъ.

Путешественникъ Пржевальскій, проникавшій въ Тибетъ съ сѣвера черезъ Туркестанъ и Монголію, описываетъ посѣщенный имъ край очень непривлекательными красками. Горы и здѣсь протянулись нѣсколькими параллельными хребтами съ востока на западъ и также преграждаютъ путь, хотя онѣ и значительно ниже Гималайскихъ. Зимою на нихъ очень холодно, а лѣтомъ свирѣпствуютъ туманы и бури; кромѣ того бесчисленныя горныя рѣки, разливаясь лѣтомъ, затрудняютъ путешествіе. Вслѣдствіе постоянно неблагопріятныхъ условій, здѣсь тянутся огромныя пустыни, почти совершенно лишенныя растительности или покрытыя безконечными болотами.

Въ общемъ весь Тибетъ можетъ быть раздѣленъ на три, рѣзко между собой различающіяся, части: 1) южную, къ которой относятся высокія долины верховьевъ Инда и Брамапутры; 2) сѣверную, представляющую столовидное плато съ рядомъ тянущихся по нему хребтовъ, и 3) восточную, альпійскую горную страну. Здѣсь, на сѣверныхъ и восточныхъ горахъ Тибета, получаютъ начало величайшія рѣки Китая — Желтая, Голубая и Камбоджа.

Благодаря южному положенію страны и богатому орошенію, Тибетъ, несмотря на суровость климата горныхъ вершинъ, обладаетъ богатыми пастбищами въ своихъ сѣверныхъ долинахъ, а въ средней и южной своихъ частяхъ богатъ и древесной растительностью; при благопріятныхъ условіяхъ тамъ ростутъ даже фруктовыя деревья — яблони, персики, орѣхи. Сѣверный Тибетъ по хлѣбопашеству [illegible]. Тамъ сѣютъ

пшеницу, овесъ, гречиху и ячмень, который замѣняетъ нашу рожь. Онъ сѣется тамъ, гдѣ уже не могутъ вызрѣвать другія хлѣбныя растенія; въ странахъ нижнихъ хлѣбопашество болѣе походитъ на китайское: посѣвы тамъ разнообразнѣе, болѣе [illegible] бобовыхъ растеній и овощей, а поля даютъ по двѣ жатвы.

У сосѣдей-монголовъ сѣверная часть Тибета носитъ названіе *[illegible]*; и дѣйствительно, здѣсь, въ странахъ, почти недоступныхъ для жизни человѣка, пасутся огромныя стада антилопъ, козъ, яковъ, кулановъ или дикихъ ословъ. Въ горахъ много также *[illegible]*, особыхъ барановъ съ огромными, круто завитыми рогами. Кромѣ этихъ травоядныхъ водится здѣсь также особый тибетскій медвѣдь и *[illegible]* — [illegible], похожій на лису. Медвѣдь питается главнымъ образомъ пищухами, небольшими звѣрьками, всегда во множествѣ водящимися въ каменистыхъ горныхъ розсыпяхъ, а также молодыми козлами и антилопами. Самое большое изъ тибетскихъ животныхъ — *дикій якъ*, быкъ, больше нашего домашняго, съ длинной пушистой шерстью на бокахъ и хвостѣ. Цвѣтъ шерсти у яка почти всегда черный, рога и копыта сравнительно небольшіе; несмотря на свою массивность, якъ легко прыгаетъ и умѣетъ ходить по самымъ неприступнымъ горнымъ тропинкамъ; любитъ онъ болѣе всего открытыя болотистыя равнины, поросшія въ изобиліи жесткой осокой. Яки держатся большими стадами и отличаются отъ обыкновеннаго быка тѣмъ, что не мычатъ, а скорѣе хрюкаютъ, какъ кабаны.

Жители Тибета приручили яка, и въ домашнемъ состояніи онъ имъ очень полезенъ. На немъ ѣздятъ, ѣдятъ его мясо, питаются его молокомъ и стригутъ шерсть.

Кромѣ яковъ, тибетцы держатъ также обыкновенныхъ коровъ и большія стада барановъ и лошадей.

Тибетскій баранъ очень крупенъ и имѣетъ густую, мягкую шерсть. Лошадь тибетская на сѣверѣ также мелка и очень выносива, на югѣ водятся [illegible] странахъ.

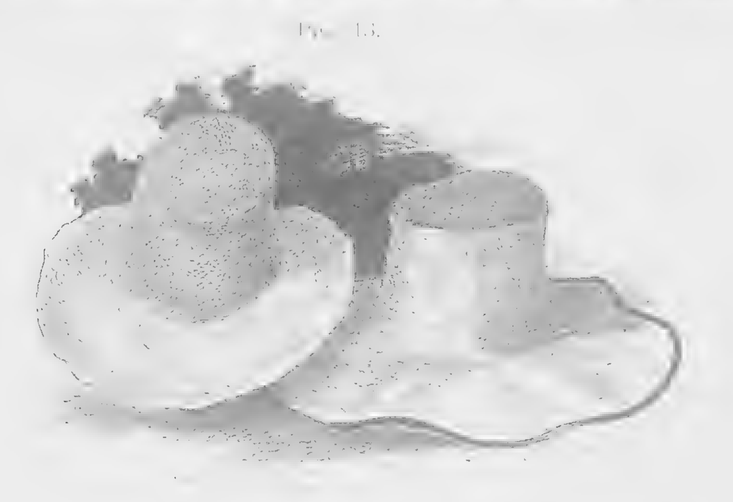
Птицъ въ Тибетѣ мало; богатъ онъ только крупными хищниками и журавлями.

Населяютъ Тибетское нагорье тангуты. Они дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, но не различающихся между собой по наружности и языку. Тангуты почти всѣ средняго роста, крѣпкаго сложенія, имѣютъ красновато-коричневый оттѣнокъ кожи, черные прямые волосы и глаза

черные, живые, иногда очень большие. Наружностью и сильной впечатлительностью тангуты напоминаютъ цыганъ или итальянцевъ.

Тибетъ раздѣляется на шесть большихъ провинцій. Часть этихъ провинцій подчиняется китайскому правительству, жители другихъ подчинены своимъ наслѣдственнымъ князьямъ и, кромѣ того, всѣ тангуты признаютъ надъ собой власть духовнаго владыки, такъ называемаго, далай-ламы, живущаго близъ столичнаго ихъ города Лассы, на горѣ Потала. Китайскій императоръ также считаетъ Тибетъ подвластной себѣ страной и держитъ въ немъ постоянно двухъ своихъ сановниковъ и небольшое количество войска. Въ Лассѣ, при далай-ламѣ, находится еще постоянно свѣтскій правитель, котораго называютъ *[illegible]*, по-монгольски — *[illegible]*,

Рис. 15.



а по-тибетски — *[illegible]*. Онъ правитъ народомъ вмѣстѣ съ четырмя выборными изъ народа правителями; всѣ они, а также и китайскіе уполномоченные составляютъ верховный совѣтъ; кромѣ этого высшаго правительственнаго учрежденія, есть еще государственное казначейство и судъ.

Тибетъ, впрочемъ, еще такая первобытная страна, что административное устройство ея несложно. Подати собираютъ натурой, — извѣстную долю съ имѣющагося у хозяина стада, извѣстную долю урожая или товара. Сборы эти облегчаются тѣмъ, что отдѣльные владѣльцы собираютъ сами съ своихъ подданныхъ и потомъ уже отъ себя вносятъ въ центральное управленіе.

Войска у тибетскаго народа очень мало, но за-то, въ случаѣ надобности, весь народъ несетъ военную службу.

Многія тангутскія племена такъ дики или такъ воинственны, что постоянно живутъ разбоями: они или грабятъ сосѣднихъ китайцевъ и монголовъ, или нападаютъ на караваны купцовъ и богомольцевъ, идущихъ на поклоненіе къ далай-ламѣ и другимъ религіознымъ святынямъ. Особенно прославилось своимъ разбойничествомъ племя голыковъ. Они кочуютъ въ сѣверо-восточномъ углу Тибетскаго нагорья. Мы были въ Тибетѣ только въ самой сѣверной его провинціи, въ Амдо, и лично намъ нападенія разбойниковъ не приходилось испытать; но, проходя отъ китайскаго пограничнаго города Синина къ богатому тангутскому монастырю Лабрану, намъ пришлось переходить горныя степи, на которыя выѣзжаютъ обыкновенно голыки пограбить путешественниковъ. Китайскія власти пограничнаго мѣстечка очень боялись, что разбойники нападутъ на насъ, и распорядились, чтобы двадцать китайскихъ солдатъ сопровождали насъ, а кромѣ того было приказано, чтобы двадцать тангутовъ, живущихъ въ ближайшей деревнѣ, также ѣхали съ нами черезъ опасныя мѣста. Мы знали, что такой конвой изъ 40 человѣкъ уже слишкомъ великъ, притомъ китайскіе солдаты такъ [illegible], становясь на ночлегъ, [illegible]. [illegible] смерти, что мы [illegible] проводниковъ и отпустили ихъ, а то тангуты оказались настоящими [illegible]. Изъ деревни съ нами выѣхалъ отрядъ человѣкъ въ двадцать подъ предводительствомъ [illegible] старшины. Всѣ они были вооружены отъ ногъ до головы: въ рукахъ были пики, за спинами — ружья [illegible], за поясомъ — огромныя сабли. Въ отрядѣ [illegible] всѣ держались [illegible] порядка [illegible] въ дорогѣ, [illegible] на ночлегахъ всю ночь [illegible] караулъ, и мы спали спокойно, [illegible] отъ [illegible] сопровождавшихъ [illegible].

Разсказывали намъ также, что во время дунганскаго возстанія въ Китаѣ, бывшаго въ 60-хъ годахъ, многія тангутскія деревни [illegible] оборонялись отъ непріятеля. На горахъ, гдѣ было [illegible] деревни, были построены укрѣпленныя [illegible] [illegible] при видѣ непріятеля, [illegible] на шестахъ. Эти сигнальные огни извѣщали всѣ окрестности о нашествіи непріятеля. Въ это время женщины, дѣти и старики собирались въ укрѣпленныя мѣста, а мужчины брались за оружіе и отбивали непріятеля. Монастыри тангутскіе также защищали себя стѣной. Всѣ молодые монахи должны были нести военную службу и содержать караулы. Разсказывали

сиръ — чура, похожій на высушенный творогъ. Богатые, конечно, ѣдятъ мясо, вареное и жареное, и въ пирогахъ; въ прокъ мясо заготовляютъ, провяливая его на вѣтру. Во время дороги или послѣ зимняго голоданья ѣдятъ мясо сырьемъ, причемъ его рубятъ, какъ для котлетъ. Тангуты любятъ также вареный рисъ, овощи и зелень. Бѣдняки собираютъ для ѣды дикія травы и корни (нѣкоторые виды папоротника, корни травки Potentilla anserina и корни одного вида Polygonum.).

Одѣваются тангуты главнымъ образомъ въ овчинныя шубы, имѣютъ также халаты изъ домашняго сукна; лѣтомъ носятъ одежду изъ бумажныхъ матерій, покупая послѣднія у китайцевъ. Шапки и воротники у шубъ предпочитаютъ дѣлать изъ бѣлой мерлушки; верхъ шапки обшиваютъ всегда чѣмъ-либо чернымъ или краснымъ; подкладку подъ воротниками тоже дѣлаютъ красную. Богатые кроютъ свои шубы и халаты яркими шелковыми матеріями или сукномъ и любятъ опушать ихъ рысьими и тигровыми мѣхами. Халатъ принято спускать съ праваго плеча, и часто при этомъ правая рука, правое плечо и часть груди остаются голыми; также поступаютъ и женщины. Шубу и халатъ подпоясываютъ кушакомъ, причемъ халатъ всегда мѣшкомъ виситъ сверхъ кушака и подбирается такъ, что ноги выше колѣнъ остаются не покрыты шубой. На ногахъ носятъ или сапоги бокчанье, или цвѣтные чулки изъ матеріи, или-же лапти изъ пеньки.

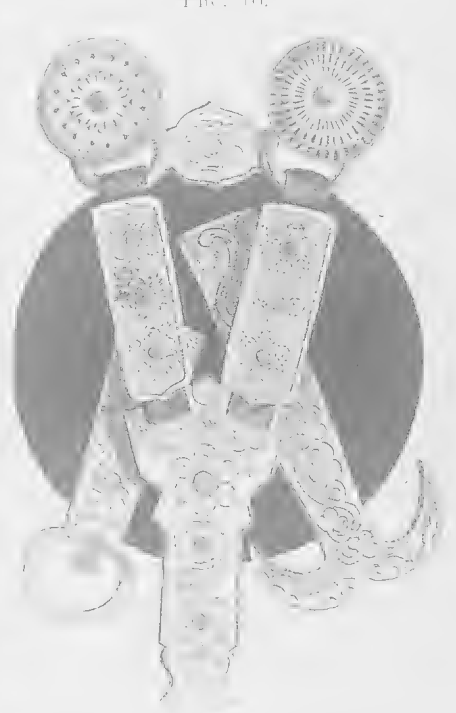
Волосы амдоскіе тибетцы заплетаютъ въ косы, а жители провинціи Камъ распускаютъ по плечамъ, какъ наши священники. Молодыя женщины заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ, или же носятъ двѣ косы, распущенныя по спинѣ, и у всѣхъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, бываетъ на косахъ множество всякихъ украшеній. Украшенія эти разнообразны до безконечности; иногда такой уборъ на косахъ виситъ до самыхъ пятъ и вѣситъ нѣсколько фунтовъ: тутъ найдутся и мѣдныя бляхи, и морскія раковины, и камни, и бисеръ, и вышивки шелкомъ и шерстью по матеріи.

Всѣ тангуты вообще очень любятъ украшенія; мужчины носятъ иногда серьги въ ухѣ, а женщины бываютъ увѣшаны массою различныхъ украшеній; серьги ихъ иногда достигаютъ величины браслета, а браслеты и всякія подвѣски необходимы даже въ костюмѣ бѣдныхъ тангутокъ; на поясѣ у нихъ висятъ всегда три крючка: одинъ — для ключей, другой — для игольника и всякой мелочи и третій — для поддерживанія подойника. Головные уборы зажиточныхъ тангутокъ бываютъ сплошь унизаны жемчугомъ, кораллами, изумрудами. Костюмы, особенно женскіе, очень разнообразны

у различныхъ племенъ или даже у одного племени, но въ различныхъ деревняхъ.

Въ окрестностяхъ Ласси есть одинъ очень странный обычай или странная мода. Тамошнія женщины покрываютъ свои лица черной краской, которую онѣ приготовляютъ изъ сала и сока какого-то растенія. Это, впрочемъ, по увѣренію путешественниковъ, не мѣшаетъ тамошнимъ женщинамъ нравиться и быть хорошенькими. Женщины тибетскія держатся свободно, онѣ полноправныя хозяйки въ домѣ и отличаются большою веселостью.

Рис. 16.



Другой обычай, соблюдаемый тибетцами въ южномъ Тибетѣ, еще удивительнѣе для насъ. Тамъ всѣ братья въ домѣ имѣютъ одну жену; считается она женой старшаго брата.

Дѣлается это, говорятъ они, для того, чтобы имущество братьевъ не раздѣлялось. Въ Амдо тангуты имѣютъ по одной женѣ. Женятся тангуты не рано, въ томъ-же возрастѣ, какъ у насъ; по вспыльчивости нрава, между супругами нерѣдко бываютъ ссоры; случается, что супруги разводятся.

На свадебныхъ пирахъ мужчины и женщины участвуютъ вмѣстѣ; они хоромъ поютъ старинную эпопею о царѣ Гэсэрѣ, причемъ однѣ части поэмы поютъ мужскіе голоса, другія — женскіе. Есть, кромѣ поэмы о Гэсэрѣ, и другія пѣсни. Есть у тангутовъ танцы и пляски, которыя показались намъ неграціозными.

Кромѣ свадебныхъ пировъ, молодежь сходится также на посидѣлкахъ; иногда въ лѣтнія ночи собираются гдѣ-нибудь на лужайкѣ съ веретенами *); тутъ и работаютъ, и болтаютъ, и пѣсни поютъ.

Дѣтей тангуты очень любятъ, но берегутъ ихъ больше отъ злаго

*) Шерсть прядутъ и мужчины и женщины.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

О характерѣ тангутовъ говорятъ путешественники очень различно: одни считаютъ ихъ [illegible], другіе, напротивъ, считаютъ [illegible] [illegible].

[illegible] тангутовъ съ другими [illegible] кочевниками, находили ихъ очень негостепріимными. Киргизы или монголы всегда готовы принять путника въ свою палатку и раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ и предложить чаю или молока, даже если это [illegible] — не то съ тангутами. [illegible] [illegible] Часто

міръ. Отецъ окружилъ царевича роскошью, выстроилъ ему великолѣпный дворецъ, окруженный садами и рощами, и особенно заботился о томъ, чтобы сына его не коснулась никакая печаль и забота. Окруженный красавицей-женой, сыномъ, товарищами и преданными слугами, царевичъ Сиддарта жилъ очень весело, но никогда не оставлялъ своего дворца. Однажды царевичъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ люди въ томъ городѣ, который находился вокругъ его дворца. Вышедши изъ южныхъ воротъ дворца, онъ встрѣтилъ больнаго калѣку; видъ его былъ жалокъ и непріятенъ. Царевичъ возвратился и пошелъ въ другія ворота: тамъ встрѣтилъ онъ дряхлаго старика, и эта встрѣча была ему непріятна. онъ пошелъ въ третьи ворота, но здѣсь ему встрѣтились похороны. Видъ мертваго человѣка поразилъ царевича еще болѣе. Тутъ только онъ въ первый разъ задумался о томъ, что земныя радости непрочны, что всѣхъ людей постигаетъ старость и смерть, а многихъ, кромѣ того, — болѣзни и нищета. Это такъ опечалило царевича, что онъ оставилъ дворецъ и сталъ вести жизнь пустынника, стараясь придумать средство помочь людямъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Въ Индіи въ то время религія была браминская: это было язычество съ обширнымъ пантеономъ боговъ, съ очень разработаннымъ религіознымъ ученіемъ, съ богатой литературой и сильнымъ жреческимъ сословіемъ. Люди раздѣлялись на касты, и высшая изъ нихъ была каста браминовъ; простой народъ находился въ презрѣніи, угнетеніи и бѣдности.

Браминисты вѣрили въ переселеніе душъ. т. е., что по смерти душа человѣческая должна продолжать жизнь, переселяясь въ другое существо, въ человѣка или въ животное въ томъ случаѣ, если она, во время своей земной жизни, не возвысилась, а, напротивъ, упала въ нравственномъ отношеніи. Чтобы достигнуть жизни блаженной, по мнѣнію браминовъ, надо было вести суровую, аскетическую жизнь, и они проповѣдывали умерщвленіе плоти, постъ, истязанія тѣла. Царевичъ Сиддарта также изучалъ сначала браминскую религію и предавался самому строгому аскетизму, но въ этомъ онъ не нашелъ утѣшенія. Однажды ему пришла мысль, что человѣкъ для того, чтобы не испытывать никакихъ горестей, не долженъ быть привязанъ къ радостямъ жизни и даже къ самой жизни, что, если онъ будетъ равнодушенъ къ жизни и къ ея радостямъ, то ему и утрата этихъ радостей и жизни не будетъ мучительна. Послѣ этого онъ сталъ учить, что для спасенія людей нужна только чистая мирная жизнь, незлобіе, нестяжательность, любовь ко всему живущему и полное отреченіе отъ всѣхъ человѣческихъ страстей. Человѣкъ, отказавшись отъ страстей и отъ любви къ

жизни, достигнетъ тѣмъ самымъ вѣчнаго покоя, т. е. не будетъ больше рождаться въ этомъ мірѣ, а погрузится въ *нирвану*, т. е. въ состояніе полнаго безчувствія, небытія. Ученикамъ своимъ онъ заповѣдалъ не жениться, чтобы не имѣть привязанностей и, кромѣ самой необходимой пищи и одежды, не имѣть никакого имущества. Такъ и было: его послѣдователи образовали монашескія общины и жили, переходя изъ селенія въ селеніе, питаясь подаяніемъ. Однако, вскорѣ послѣ смерти будды Сакіямуни, его ученіе, такое простое и ясное, затемнилось,—многое вошло въ него изъ ученія браминскаго: у первыхъ же буддистовъ появилось ученіе, что будда Сакіямуни былъ собственно не первый будда, т. е. не первый святой, посланный въ міръ для спасенія людей, что онъ былъ пятый, и послѣ него будутъ еще новые будды, что есть одинъ верховный или первоначальный будда, такъ называемый, Ади-Будда, который всегда былъ, есть и будетъ.

Буддисты вѣруютъ, что Сакіямуни, будучи человѣкомъ, достигъ божественной славы и по смерти погрузился въ нирвану, а, слѣдовательно, и сочувствовать людямъ не можетъ, но что онъ, какъ и другіе четыре будды, бывшіе до него, чтобы не оставить человѣчество безъ божественной помощи, при отходѣ въ нирвану, оставили послѣ себя какія-то божественныя существа: это—*бодисатвы*. По мнѣнію буддистовъ, бодисатвы, пребывая постоянно въ мірѣ духовъ, иногда воплощаются на землѣ, входя въ тѣло какого-нибудь новорожденнаго ребенка. Такимъ образомъ у буддистовъ появилось нѣсколько божествъ и множество перерожденцевъ, т. е. людей, въ которыхъ воплощаются боги. Такихъ лицъ буддисты-тибетцы называютъ *тсорпаолламы*, а монголы—*хубилганами*, *кутухтами* и *гегенами*.

Особенно почитаемое буддистами божество называется *Амитава*. Буддисты думаютъ, что онъ правитъ міромъ душъ умершихъ блаженныхъ, но еще не достигшихъ святости; міръ этотъ—нѣчто въ родѣ нашего рая, но чисто матеріальный: земля, вода и деревья тамъ необыкновенно красивы, а люди или души умершихъ, не нуждаясь ни въ чемъ матеріальномъ, живутъ, совершенствуясь духовно и готовясь вступить въ нирвану. Міръ этотъ буддисты называютъ *Сукавади*.

Бодисатва *Манджушри* даетъ земную мудрость и покровительствуетъ знанію. Третій—*Авалокитешвара*, *Хоншимъ*, или *Арья-Бало*, какъ зовутъ его монголы,—представитель милосердія. Про него разсказываютъ, что, находясь въ царствѣ Сукавади, видя бѣдствія людей на землѣ и что адъ наполняется каждую минуту грѣшниками, онъ пришелъ въ отчаяніе и пожелалъ, что лучше бы ему было не существовать, и вслѣдствіе этого жела-

[illegible] рукою.

[illegible]

[illegible]

У тибетцевъ [illegible] религія, [illegible] -буддійская, [illegible] время религія буддійская въ Тибетѣ [illegible] ученіе, [illegible] Сакьямуни. Тибетскіе [illegible] состояло въ томъ, что они [illegible] къ монастырямъ, храмамъ и статуямъ [illegible] не имѣли.

Въ 14 столѣтіи въ сѣверномъ Тибетѣ, въ провинціи Амдо, появился ученый монахъ или лама Тсонкава, который проповѣдывалъ, что [illegible] не семейною жизнью, что слѣдуетъ учиться, изучать священное писаніе, изучать науки, чтобы духовнымъ лицамъ возможно было помогать мірянамъ, обремененнымъ житейскими заботами. Весь Тибетъ тогда раздѣлился: одни признавали Тсонкаву за святого и послѣдовали его ученію, другіе остались приверженцами старой вѣры. Тсонкависты стали носить желтую одежду, какъ это было принято индійскими буддистами, а староверы остались въ красныхъ одеждахъ, и духовенству своему дозволяютъ семейную жизнь. Эта

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Кромѣ [illegible] хубилгановъ, у буддистовъ существуетъ [illegible] Ташилхумо, [illegible]. Есть также хубилганы-женщины. Въ Тибетѣ [illegible] живетъ въ настоящее время въ монастырѣ [illegible] озера [illegible]. Она считается [illegible] всей окрестной страны [illegible] строго [illegible], также какъ и ловить рыбу въ озерѣ, на которомъ она живетъ. Есть даже благочестивый обычай покупать рыбу, пойманную въ окрестностяхъ, и пускать ее въ священное озеро, гдѣ она уже [illegible] монастыря, [illegible].

Есть еще двѣ женщины хубилганы; онѣ называются: одна—*Цаган-Дара-эке*, другая—*Ногонъ-Дара-эке*, что значитъ: Бѣлая и Зеленая Дара-Эке. Въ настоящее время Дара-Эке родилось въ Монголіи, но нѣкогда,

[1] [illegible] лама монастыря.

въ одно изъ своихъ раннихъ перерожденій, онѣ были женами тибетскаго царя Сронъ-Тзанъ-Гамбо, и онѣ-то и просвѣтили царя, а за нимъ и весь народъ свѣтомъ буддійской вѣры.

Чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ находятъ хубилгановъ, мы разскажемъ, какъ это дѣлается съ далай-ламой, — со всѣми другими хубилганами поступаютъ точно также, только, сообразно ихъ важности, обстановка ихъ бываетъ различна: одни воспитываются болѣе тщательно, другіе - проще.

Послѣ смерти далай-ламы, тибетское духовенство, ламы, занимающія главныя должности въ государствѣ, удаляются въ одинъ изъ храмовъ и, послѣ многихъ молитвъ, поста и чтенія священныхъ книгъ, они получаютъ откровеніе, что духъ божественнаго Ченрези долженъ возродиться въ младенцѣ съ такими-то и такими примѣтами. Принеся благодарственныя молитвы за божественное откровеніе, ламы расходятся и оповѣщаютъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ о примѣтахъ будущаго далай-ламы. Когда въ народѣ разнесется вѣсть объ этомъ, многіе родители, имѣющіе у себя дѣтей подходящаго возраста, представляютъ ихъ на осмотръ ламъ, или извѣщаютъ объ этомъ ламъ, и они ѣдутъ въ домъ родителей ребенка убѣдиться, точно-ли примѣты ребенка совпадаютъ съ указанными свыше. Наконецъ, въ одномъ мальчикѣ всѣ примѣты найдены, его берутъ во дворецъ вмѣстѣ съ его родителями, или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ его матерью, которая кормитъ грудью новорожденнаго. Часто выборъ падаетъ на ребенка незнатныхъ и даже бѣдныхъ родителей.

Отецъ и мать обрадованы: ихъ сынъ — святой мальчикъ и будетъ въ то-же время земнымъ владыкой Тибета.

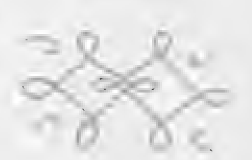
Мать новорожденнаго окружаютъ ламы; они безпрестанно останавливаютъ ее, слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ, особенно строго наблюдаютъ они за тѣмъ, что касается кормленія и ухода за ребенкомъ. Ламы ни на минуту не выпускаютъ съ глазъ ребенка, — имъ хочется убѣдиться, дѣйствительно-ли въ него переселился духъ покойнаго далай-ламы; съ этой цѣлью ребенку часто показываютъ вещи покойнаго ламы: если ребенокъ тянется къ нимъ, если называетъ ихъ своими, когда ему показываютъ ихъ, тогда убѣждаются, что это, дѣйствительно, тотъ ребенокъ, котораго они ищутъ.

Когда ребенокъ начинаетъ понимать и говорить, его прежде всего учатъ произносить молитвы, и приставленные къ нему ламы начинаютъ его знакомить съ тѣмъ славнымъ прошлымъ, въ которомъ душа этого ребенка принимала участіе, живя въ своихъ прежнихъ воплощеніяхъ.

Лѣтъ 3—5 ребенка уже берутъ отъ матери,—его пора серьезно учить; мать же удаляютъ изъ дворца, дарятъ ей домъ, гдѣ она и продолжаетъ вести свой прежній образъ жизни.

Изрѣдка ей позволяютъ посѣщать сына, но это уже не ея ребенокъ, а монахъ, готовящійся принять посвященіе. Семи лѣтъ, если ребенокъ здоровъ и понятливъ, успѣвъ изучить нѣсколько молитвъ и изучивъ священную грамоту, на которой написано священное писаніе, и тибетскую,—его посвящаютъ въ монахи, [illegible] и дѣлаютъ тогда же настоятелемъ главнаго монастыря въ Тибетѣ. Мальчикъ ведетъ строгую жизнь: онъ обязанъ поститься [illegible] монаха, долженъ участвовать въ богослуженіи и въ извѣстные дни принимать поклонниковъ и давать имъ свое благословеніе. Во время пріемовъ и во время богослуженія этого семилѣтняго настоятеля, въ богатыхъ желтыхъ ризахъ, съ огромной украшенной драгоцѣнностями шапкой на головѣ, сажаютъ на престолъ, поддерживаемый золотыми львами; [illegible] его, обращенный лицомъ къ народу, [illegible] изъ золотой [illegible]. [illegible] рядъ его служителей, [illegible], становится по обѣ стороны его кресла. Послѣ молитвы, обращенной къ [illegible], одинъ изъ священнослужителей подаетъ ему чашку, наливая [illegible] чайника, другой подноситъ ему на блюдѣ рису; послѣ того, какъ святѣйшій ребенокъ [illegible] немного рису и выпьетъ чай, все оставшееся въ чашкѣ и на блюдѣ раздѣляется между присутствующими. Чай выпивается тутъ же съ величайшимъ благоговѣніемъ, а рисъ многіе благочестивые люди завязываютъ въ платокъ, чтобы отнести своимъ домашнимъ эту священную пищу. Послѣ раздачи рису поклонники одинъ по одному подходятъ [illegible], [illegible] передъ далай-ламой, и онъ притрогивается къ головѣ подходящаго особымъ жезломъ или [illegible], [illegible] шелковой матеріи, затѣмъ поклонникъ удаляется. [illegible] среди поклонниковъ, далай-лама жалуетъ иногда шелковый платокъ (такіе бываютъ различной длины, [illegible]).

Дворецъ далай-ламы представляетъ замѣчательное зданіе. Построенъ онъ на холмѣ; [illegible] окруженной съ обѣихъ сторонъ деревьями. Въ первомъ этажѣ большая неразгороженная зала; въ ней, кромѣ [illegible] по бокамъ, ничего нѣтъ; изъ нея выходъ на дворъ и со двора входъ во второй этажъ; здѣсь стоитъ огромная статуя бѣлаго слона, такая большая, что занимаетъ всѣ три этажа зданія: въ первой залѣ молящіеся поклоняются этому изображенію бога Майдари



[illegible] тибетскихъ монастыряхъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible].

[illegible] на [illegible] [illegible] единицы, третьи—[illegible] и [illegible] цѣлей [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Монастыри [illegible] [illegible] пропадаютъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] и грозы.

[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] случаѣ [illegible] [illegible]. У нѣкоторыхъ монаховъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на землѣ.

Мы [illegible] [illegible] [illegible] тибетскихъ монастыря: [illegible] [illegible] Тибета [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] высоко, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] видно [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] нашли мы монастырь, точно городокъ [illegible], чистый, красивый, съ двухъ[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] которыхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] надъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] золотыхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Самые [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] цвѣтъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] кладбище.

Жили мы въ этомъ монастырѣ недолго. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Зала, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]—и [illegible] и [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] на [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]-

ющаяся сильно кверху. Послѣ земнаго поклона, который дѣлали передъ нимъ, онъ благословлялъ пришедшихъ, прикасаясь къ головѣ молитвенникомъ, а нѣкоторымъ повязалъ на шею маленькіе кусочки бѣлой матеріи.

Кругомъ монастыря ограды никакой не было, только во всю длину его тянулся навѣсъ, и подъ этой кровлей стоялъ длинный рядъ молитвенныхъ мельницъ. Это были огромные, чуть не саженной вышины, барабаны, вертящіеся на своей оси; снаружи они раскрашены и на нихъ написаны молитвы; внутри барабановъ тоже были свитки съ молитвами. Богомольцы, идущіе въ монастырь, идутъ вдоль всего навѣса и руками толкаютъ каждый барабанъ; онъ вертится, и буддистъ думаетъ, что это замѣняетъ чтеніе молитвъ, что въ воздухѣ какъ будто проносятся тѣ сотни молитвъ, которыя заключены въ барабанахъ. Во всемъ Тибетѣ вездѣ устраиваются такіе молитвенные столбы, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Часто мельницы эти ставятся надъ ручьями, чтобы ихъ водой вертѣло, или надъ воротами домовъ, гдѣ вѣтеръ ихъ вертитъ; наконецъ, маленькія мельницы устраиваютъ надъ очагомъ, гдѣ сильная тяга воздуха.

Въ рукахъ тибетскихъ стариковъ и старухъ также часто видишь маленькія ручныя мельницы, которыя они стараются вертѣть безостановочно, даже и тогда, когда заняты чѣмъ-нибудь по хозяйству. Если мельницы нѣтъ въ рукахъ, тогда набожный тибетецъ старается читать молитву, но послѣднее, конечно, нѣсколько труднѣе, чѣмъ вертѣть ручную мелницу, и потому всѣ подъ старость обзаводятся ими.

Другой тибетскій монастырь, который мы видѣли, былъ Гумбумъ. Онъ находится въ провинціи Амдо, въ той ея части, которая подчинена китайцамъ. Монастырь лежитъ на сѣверъ отъ большаго озера Куку-нора и въ 25 верстахъ отъ китайскаго города Синина, гдѣ сосредоточено управленіе тангутами. Мѣстность, гдѣ расположенъ монастырь, высокая, холмистая; вокругъ монастыря ни деревьевъ, ни камней нѣтъ, но въ ложбинахъ по рѣкамъ тангуты сѣютъ скороспѣлый ячмень. Когда подъѣзжаешь къ монастырю, издали онъ похожъ на нашъ [illegible] городокъ: ни ограды вокругъ, ни колоколенъ, какъ въ нашихъ монастыряхъ, здѣсь нѣтъ; по склонамъ холмовъ разсыпана сотня-другая мазанокъ, сложенныхъ изъ кирпича и выбѣленныхъ; кругомъ домовъ такія же глиняныя выбѣленныя ограды. Постройки раздѣляются оврагомъ съ крутыми красными обрывами; въ глубинѣ оврага течетъ рѣчка: черезъ нее перекинуты плохенькіе мостики.

Когда же мы въѣхали въ самый монастырь, то увидали, что въ Гумбумѣ есть не однѣ только мазанки. Прежде всего, при въѣздѣ стоитъ го-

сен дуганъ, т. е. восемь небольшихъ, особой постройки, башенокъ, которыя буддисты ставятъ въ память своихъ святыхъ или надъ какой-нибудь своей святыней; онѣ бываютъ весьма различны: однѣ небольшія, какъ наши надгробные памятники, другія — какъ наши церкви; въ большихъ субурганахъ внутри устраиваются помѣщенія для статуй боговъ, а маленькія стоятъ пустыя. Дальше по сторонамъ дороги мы увидали нѣсколько большихъ храмовъ; одни изъ нихъ были тибетской архитектуры: расширенные книзу, окрашенные въ бѣлую, красную и черную краску (низъ зданія — черный, затѣмъ — красная полоса и, наконецъ, главная часть постройки — бѣлая), съ плоской крышей, обнесенной кругомъ рѣшеткой. Спереди, надъ входомъ въ храмы, выставлены золоченыя изображенія колеса и двухъ ланей, а по угламъ — золоченыя вазы, наполненныя молитвами. Другіе храмы, напротивъ, были съ изогнутыми китайскими кровельками, поднимающимися одна надъ другой кверху и блестящими сплошной позолотой. Вокругъ храмовъ тянулись длинныя галлереи и зданія въ два этажа; оконъ въ нѣкоторыхъ было до двадцати. Остальные дома ламъ были въ одинъ этажъ и построены отдѣльными двориками. Съ улицы во дворъ ведетъ обыкновенно калитка, внутри — небольшой дворъ, со всѣхъ сторонъ обставленный жильемъ, кругомъ — галлерея на деревянныхъ столбахъ, на галлерею выходятъ двери и окна комнатъ. На такомъ дворикѣ помѣщаются обыкновенно нѣсколько ламъ, занимая отдѣльныя кельи, но богатые занимаютъ иногда весь домъ, имѣя около себя только прислугу.

Внутри нѣкоторыя кельи обиты по глинянымъ стѣнкамъ досками и по дереву разрисованы. Окна раздѣланы рѣшетками и заклеены, по китайскому обычаю, бумагой. Печей, какъ у насъ въ домахъ, нѣтъ, а лишь съ задняго двора задѣланы печурки подъ поломъ, — или подтапливаютъ конскимъ навозомъ, который огнемъ не горитъ, а лишь тлѣетъ и нагрѣваетъ глиняную лежанку, на которой въ такихъ домахъ сидятъ обыкновенно съ ногами и которая занимаетъ большую половину комнаты; но тепла въ комнатѣ отъ такого отопленія мало, и потому ламы предпочитаютъ сидѣть на галлереяхъ и на кровляхъ своихъ домовъ, гдѣ ихъ пригрѣваетъ солнышко. Для стряпни въ одной изъ келій устраивается очагъ.

Въ Гумбумѣ ламъ насчитывается до четырехъ тысячъ. Они также раздѣляются на четыре разряда, какъ и въ другихъ тибетскихъ монастыряхъ. Одни занимаются церковными службами и, по просьбѣ приходящихъ мірянъ, гадаютъ о счастливыхъ или несчастныхъ дняхъ, изъ нихъ же набираются различные монастырскіе работники; другой разрядъ составляютъ

[illegible] третій разрядъ—[illegible]

[illegible] въ Грузіи [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] не порознь, а также вмѣстѣ, сообразно съ чиномъ. Когда въ монастырѣ [illegible] то всѣ монахи [illegible] изъ богослуженія. Въ такіе дни и равно въ дни большихъ праздниковъ площади вокругъ главнаго [illegible] храма бываютъ [illegible] что [illegible] по [illegible]. Въ [illegible] ряды [illegible] не особенно [illegible], и они [illegible] на [illegible].

Самъ монахъ [illegible], не [illegible] монастырскаго [illegible].

Монахи въ Гумбумѣ не [illegible]. Паломники, [illegible] Гумбумъ, [illegible] Монголіи, [illegible] Тибета; [illegible] Хлассъ.

[illegible] въ Гумбумѣ [illegible]. На дворѣ [illegible] рожденія [illegible] на другой [illegible]. Въ Гумбумѣ [illegible]. Одинъ изъ [illegible], который [illegible].

[illegible] въ Гумбумѣ [illegible]. Самый [illegible] число [illegible] обычай [illegible]. Въ Гумбумѣ [illegible]. Паломники [illegible]. [illegible] и [illegible] его. При [illegible]. Вокругъ [illegible]. [illegible] фигуры [illegible]. Картины [illegible]. Въ [illegible] въ Гумбумѣ [illegible] 15 [illegible]. [illegible]

———

[illegible] [illegible].

свою работу; заранѣе неизвѣстно, кто что выставитъ, — въ мастерскихъ, гдѣ работаютъ художники, никого не пускаютъ. Монастыри одинъ передъ другимъ стараются отличиться. На самомъ главномъ мѣстѣ былъ выставленъ *[illegible]*; вокругъ были представлены сцены изъ его жизни, прогулки на лошади, охоты, поѣздки на слонахъ и т. д. Надъ [illegible] находилось вверху восемнадцать круглыхъ портретовъ, тоже [illegible] конечно, на которыхъ были изображены восемнадцать бодисатвъ. Кругомъ этой картины были повѣшены ряды флаговъ, съ нарисованными на нихъ всадниками, — это должно было изображать войско царя. Передъ картиной стояла лѣстница, уставленная разными лампочками, а вверху повѣшены разноцвѣтные фонари. Другія картины были меньше; нѣкоторыя были сдѣланы [illegible], которыя двигались какъ-то механически; напр., люди выходили изъ одной кумирни и входили въ другую. Богомольцы толпами ходили всю ночь, любуясь этими картинами. А къ утру все уже было убрано, картины уничтожены, масло съ досокъ [illegible] и свалено въ одно мѣсто, а доски — въ другое, — и работа нѣсколькихъ мѣсяцевъ уничтожена. Пришедшіе на праздникъ получаютъ это масло, насквозь пропитанное гипсомъ и красками, и употребляютъ въ случаѣ болѣзни, считая его цѣлительнымъ.

Рис. 20.

Кругомъ Гумбума въ этотъ день устраивается ярмарка: торговцы [illegible] раскидываютъ палатки на долинѣ передъ монастыремъ. Торгуютъ, главнымъ образомъ, китайцы; при насъ пріѣзжалъ посланецъ отъ миссіи продавать книжки священнаго писанія, напечатанныя по-тибетски и по-монгольски. Ламы охотно покупаютъ ихъ, предпочитая красивыя изданія. Евангельская исторія имъ очень нравится, но это не значитъ, что они [illegible].

Передъ новымъ годомъ [illegible] въ Гумбумѣ [illegible] тоже привлекаетъ [illegible] и обставляется торжественно. Всѣ четыре разряда [illegible], каждый [illegible] особый пирогъ *), [illegible] его насколько возможно лучше: раскра-

*) [illegible]

липаютъ, золотятъ, утыкаютъ искусственными цвѣтами и т. д. Пирогъ [illegible] пирамиду изъ тоненькихъ пало-чекъ, также изукрашенныхъ, по мѣрѣ возможности; на верху этихъ четы-рехъ шестиковъ укрѣпляютъ изображеніе мертвой головы; фигуры эти, благодаря своимъ украшеніямъ, бываютъ очень различны: однѣ — мален-кія, а другія достигаютъ саженной высоты, но въ каждой изъ нихъ [illegible] — все это вмѣстѣ называется [illegible]. Въ день же самаго праздника [illegible] въ четырехъ храмахъ было празд-ничное богослуженіе, послѣ чего ламы въ торжественной процессіи, съ [illegible] [illegible], съ [illegible], [illegible] [illegible] были [illegible] [illegible] [illegible]. Въ процессіи [illegible] [illegible] [illegible] Тутъ [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] себя [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]. Когда [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] были [illegible] [illegible] [illegible].

Въ другой разъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] до неба. [illegible] [illegible] [illegible] на дворѣ главнаго храма: [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] на [illegible]. При [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] другой [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] по [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] по двору и [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] головами, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ребрами; по [illegible] [illegible], [illegible] черепъ, были [illegible] подобія бабочкиныхъ крыль-евъ, и самыя маски [illegible] [illegible], т.-е. бабочки. Были еще маски съ [illegible], но сильно безобразными лицами. — [illegible] [illegible] были [illegible]: онѣ разстилали, когда нужно, ковры, [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] публику, повидимому, онѣ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

... Какъ видите, [illegible] ... [illegible] ... Сѣнси помѣщаются кухня и комната для прислуги. Я забыла упомянуть о размѣрахъ помѣщенія: каждая сторона дома занимаетъ въ длину не болѣе [illegible] саженъ и столько же аршинъ въ ширину. Главный недостатокъ дома, на нашъ русскій взглядъ, — это неимѣніе печей: отапливаются комнаты снизу, со двора, и это очень мало нагрѣваетъ ихъ. Сади[illegible]

[illegible]

[illegible] ... по происхожденію, родина его недалеко отъ Гумбума, ... [illegible]. Онъ бывалъ въ Россіи, [illegible] ... знаетъ русскіе порядки, и, [illegible] ... нѣсколько русскихъ [illegible] и, приходя къ намъ, всегда здоровается по-русски. Онъ

никогда не отказываетъ дать какое-нибудь нужное имъ разъясненіе, достать нужную книгу или найти знающаго человѣка для какихъ-нибудь разспросовъ. Какія его обязанности въ монастырѣ — [illegible]; но онъ принадлежитъ къ рѣдкимъ монахамъ „изучающимъ писанія“. Ближе видимъ мы иногда лама, поселившихся въ нашемъ дворѣ. Это, большею частью, молодые еще люди и бѣдняки. Самый старшій изъ нихъ, съ лицомъ желтымъ, какъ [illegible], и [illegible] голосомъ [illegible] ринаетъ, онъ вѣчно занятъ чтеніемъ молитвъ [illegible], но правду сказать, иногда начинаетъ порядочную [illegible], читая ихъ на распѣвъ своимъ [illegible] голосомъ, но цѣлыхъ часовъ не [illegible]; остальное время онъ занятъ перепиской священныхъ тибетскихъ книгъ. Другой лама, [illegible] [illegible], молодой [illegible] на [illegible] въ мастерской живописной и лѣпной работъ, а [illegible], когда уже стемнѣетъ. Родомъ онъ изъ восточной Монголіи, пріѣхалъ сюда почти ребенкомъ. Большіе сѣрые глаза, пухлыя губы и [illegible] лицо [illegible] [illegible] его среди [illegible] и [illegible]. На галлереѣ нашего двора постоянно можно видѣть [illegible] — монгола родомъ изъ-подъ Долонъ-нора, [illegible] восточной Монголіи, человѣка лѣтъ 25, высокаго, съ тонкими чертами лица, [illegible]; другаго молодого [illegible]. Первый, [illegible], съ утра до ночи [illegible] платья, [illegible] къ [illegible] не ходитъ [illegible] [illegible] какъ онъ больной [illegible]. После [illegible] этотъ труженикъ, присаживается на галлерею [illegible] холодно), [illegible] только успѣваетъ [illegible] [illegible] и [illegible] чашку, затягивая свою [illegible] пѣсню. [illegible] сейчасъ же встаетъ, оставивъ работу и отправляется [illegible] [illegible] работѣ, [illegible] и [illegible], и наша лама снова отправляется [illegible]. [illegible]. Эти батирчи, [illegible] молодые люди, [illegible]

[illegible]

странницу, [illegible] ли это? И каждый изъ ламъ, живущихъ на чужомъ дворѣ, можетъ быть, бывалъ въ подобномъ положеніи или, можетъ быть, не [illegible] считается, какъ скоро его пройдетъ охота къ наемничеству. Какъ ни мало зарабатывалъ нашъ лама, онъ никогда не отказывалъ нищему въ подаяніи; точно также онъ не отказывалъ помочь всякому въ его работѣ. Трудолюбивый, строгій и дѣятельный, онъ, повидимому, [illegible] всѣми окрестными. Другой [illegible] любимецъ, болѣе всего оживляющій нашъ дворъ — это — ордосецъ Ратна-Бадза; онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Гумбумъ, когда ему было 12 лѣтъ (теперь ему 17); но когда вы смотрите на его круглую, какъ мячъ, голову, на красное, какъ будто подбитое ватой, лицо, на круглые брови и глаза, на расплывшійся дѣтскій носъ и дѣтскіе же губы и подбородокъ, вамъ трудно относиться къ нему, какъ къ взрослому. И на дворѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ [illegible] ламы, т. е. маленькаго ламы [illegible]; въ самомъ [illegible] ламы надѣваютъ большія маски).

Рис. 22

Другой [illegible] сохраняетъ и ребяческую живость, говоритъ, сильно жестикулируетъ и безпрестанно переходитъ отъ одного выраженія къ другому. [illegible] его разсмѣется безпрестанно по всякому малѣйшему поводу. Иногда онъ [illegible] ученикъ, т. е. [illegible] въ [illegible] книгу, и чаще прочихъ [illegible] въ [illegible]. Иногда на нашъ дворъ является еще одинъ тангутскій мальчикъ, товарищъ маленькаго ламы; тогда они, начинаютъ [illegible] вмѣстѣ. Тангутъ становится въ ораторскую позу, вытягиваетъ въ воздухъ простертую десную руку и начинаетъ предлагать ордосцу какіе-то вопросы; тотъ, [illegible] отвѣчаетъ и съ торжествомъ [illegible], когда вопросъ и отвѣтъ идутъ гладко или когда онъ окончательно беретъ верхъ надъ противникомъ. Такимъ способомъ они приготовляются къ торжественному состязанію, которое устраивается въ Гумбумѣ между ламами. Это что-то въ родѣ нашихъ ученыхъ диспутовъ или публичныхъ экзаменовъ: присутствующіе могутъ предлагать вопросы и выражать свое одобреніе или неодобреніе аплодисментами и криками. Въ чемъ заключаются эти диспуты, я не могу сказать, но, повидимому, на нихъ обсуждаютъ не одни богословскіе вопросы.

Грибушскіе [illegible] четыре [illegible] ордена: Тенкура, Мамба, Чорена и [illegible]. [illegible] Первый орденъ — Тенкура, [illegible] Второй орденъ — Мамба, [illegible] третій орденъ — Чорена — [illegible] орденъ. [illegible]

[illegible]

[illegible] Чорена [illegible] у Грибушъ, [illegible] Притомъ [illegible] ордена Чорена [illegible]

[illegible]

[illegible] грубой желтой матеріи. Сверху этого накидывается [illegible] матеріи аршина въ пять длиною и въ два шириною. Какъ бы сильно холодно ни было, ламы осуждены кутаться въ одно это одѣяло,—ни шубы, ни [illegible] монастырскій уставъ имъ не разрѣшаетъ. Богатые шьютъ себѣ [illegible] изъ грубаго сукна, а бѣдняки осуждены мерзнуть въ одномъ [illegible]. Часто бѣдные ламы страдаютъ отъ болѣзней и [illegible]. Сшить новую одежду нужно много денегъ, а онѣ не всегда бываютъ у ламъ.

Нагота рукъ и [illegible] ламы не бросается въ глаза, такъ какъ [illegible] вліянія воздуха и [illegible] кожа рукъ, [illegible], совершенно [illegible].

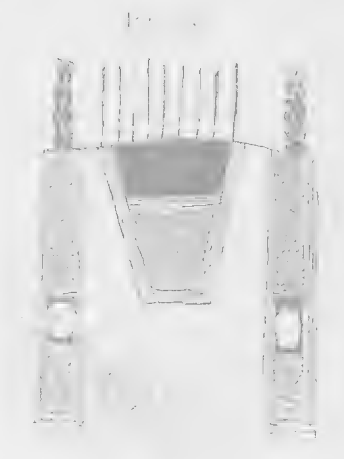
[illegible] ламы [illegible] и [illegible] въ [illegible] изъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] при [illegible].

Изъ [illegible], что ламы — [illegible] на счетъ работающаго [illegible]. [illegible] въ Тибетѣ. Сколько бы ни [illegible] ламъ въ [illegible] монастыряхъ, [illegible]—работающій и [illegible]. [illegible], [illegible] и [illegible] работы, [illegible]. [illegible] ламы особенно [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible] и [illegible]. Большая часть, [illegible]. [illegible], правда, [illegible], [illegible], [illegible]. Въ [illegible] монастыря выдается [illegible] 12 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Между тѣмъ, [illegible], который приготовляется [illegible], [illegible] другую [illegible], [illegible].

[illegible] монастырь, въ большинствѣ случаевъ, [illegible] на [illegible] построекъ и на пополненіе [illegible] статуямъ и [illegible]. [illegible] раздаютъ деньги ламамъ въ томъ случаѣ, когда жертвователь прямо даетъ свое пожертвованіе въ пользу ламъ. Да и тогда [illegible] неравно: старшіе получаютъ [illegible], [illegible] [illegible], а младшіе—одну.

А между тѣмъ, какъ кажется, сословіе ламъ не лишено культурнаго значенія. Грамотность сохраняется въ монастыряхъ, [illegible], списываются и переписываются ламами; ими же передаются изустныя легенды и разсказы [illegible] свойства.

Паломничество, знакомя ламъ съ разными странами и обычаями разныхъ народовъ, расширяетъ ихъ кругозоръ. Лама-паломникъ вмѣстѣ съ разсказами о разныхъ чудесахъ и святыняхъ, видѣнныхъ имъ, сообщаетъ своимъ соотечественникамъ [illegible] о географіи и этнографіи тѣхъ странъ, которыя довелось ему посѣтить. Въ Халхѣ воспитаніе молодого поколѣнія главнымъ образомъ въ рукахъ ламъ. Зажиточные монголы берутъ въ домъ ламъ, чтобы обучить своихъ дѣтей грамотѣ, иногда отдаютъ мальчиковъ въ монастыри. Конечно, ламы, что [illegible] мало изучаютъ [illegible] литературу: книги, [illegible] на [illegible] тибетскомъ языкѣ, но [illegible] въ тангутскихъ монастыряхъ [illegible] ученія [illegible]. Религіозныя [illegible] въ монастыряхъ на языкѣ разговорномъ — монгольскомъ или тангутскомъ; [illegible] или религіозныя пляски, [illegible] часто мистическими представленіями, [illegible] сопровождаются обыкновенно изустными комментаріями присутствующихъ и потому не пропадаютъ безслѣдно для поученія зрителей.



Въ половинѣ февраля новаго стиля мы праздновали новый годъ, но въ Гумбумѣ болѣе празднуется послѣдній день этого праздника — 15-е число перваго мѣсяца. За день до Новаго года [illegible] была [illegible], т.е. религіозныя пляски и сожженіе [illegible]. Изъ каждаго отдѣла, или ордена, изъ которыхъ состоитъ Гумбумское монашество, ламы выносили особымъ образомъ испеченный хлѣбъ, положенный на доску, убранный разными украшеніями, между которыми непремѣнно должно было быть изображеніе мертвой головы; иногда эти украшенія составляли пирамиду въ сажень высотой, — ламы сопровождали его съ музыкой, [illegible] съ [illegible]: всѣ [illegible] собрались на площади, гдѣ былъ при-

приготовленъ соломенный костеръ. Здѣсь, среди огромной толпы народа, кончались пляски ламъ въ маскахъ; затѣмъ маски разрубили [illegible] и бросили въ огонь. Мы смотрѣли на это съ кровли дома одного изъ ламъ, такъ что толпа не безпокоила насъ. Къ 15 числу Гумбумъ наполнился богомольцами: въ каждомъ дворѣ были пріѣзжіе родственники и знакомые ламъ; 15 числа былъ опять большой чамъ, внутри двора самаго большаго храма. Зрители сидѣли на лѣстницахъ, ведущихъ въ зданія, окружающія дворъ со всѣхъ сторонъ, и на дворѣ по краямъ, а также на кровляхъ, гдѣ можно; шиіру-лама, т.-е. настоятель Гумбума, сидѣлъ противъ храма на галлереѣ противоположнаго зданія, на высокомъ креслѣ, въ парчевыхъ облаченіяхъ; это былъ гегенъ (по имени Джая-гегенъ), еще молодой человѣкъ, лѣтъ 26; все время, казалось, онъ былъ неподвиженъ, какъ статуя. Маски, выходя парами изъ храма, медленно съ пляской подвигались къ нему и дѣлали поклоны; затѣмъ двигались далѣе, также медленно описывая кругъ. Пляшущіе ламы всѣ были въ громадныхъ маскахъ, два были съ головами быковъ, два съ оленьими и еще четыре мальчика съ оленьими головами и четыре мальчика съ мертвыми головами; у послѣднихъ съ обѣихъ сторонъ головы привѣшаны были лопасти, должно быть, изображавшія крылья бабочки; [illegible] по-монгольски; [illegible] удлинены, на груди раздѣланы ребра, не говоря уже про мертвую голову. Главная маска представлена была съ страшными фигурными рогами. Это былъ Чойчжалъ. Были также и двѣ комическія маски съ человѣческими, но карикатурными лицами; онѣ дѣлали глупости, въ то же время разгоняя толпу, стѣснявшую [illegible]; ихъ роль была служебная: онѣ выносили ковры, кресла или [illegible]. Между прочимъ, онѣ подъ руки вывели изъ храма ламу, представлявшаго дряхлаго старика съ огромной лысой головой, а полы его халата держались четверо маленькихъ дѣтей съ пучками волосъ на вискахъ бритой головы, какъ это мы обыкновенно видимъ на китайскихъ рисункахъ. Старика усадили въ кресло, около него расположились дѣти, семья эта изображала сидѣнье въ окружающей природѣ; [illegible] этого старика. Его называли *Хашинъ-Ханъ* по-монгольски и *Хашинъ-Джаль* или *Гиау* по-тангутски. *Гиау* — то же, что ханъ. *Гиау* равнозначно монгольскому *хану*, или князь. *Хашинъ* иногда въ монгольскомъ языкѣ значитъ китаецъ, такъ что въ переводѣ это будетъ *китайскій ханъ*; но названіе это, встрѣчающееся только въ книгахъ, мало извѣстно въ народѣ. Эта же фигура въ чамѣ встрѣчается въ Ордосѣ;

въ Хэмн [illegible] благодаря тому, что [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

конечно, доставляло большое удовольствіе невзыскательной публикѣ. Всѣхъ щитовъ было пятнадцать; они со всѣхъ сторонъ окружали храмъ; между ними былъ еще одинъ большой, принадлежавшій тангутской партіи монховъ; впрочемъ, главнымъ художникомъ въ этой работѣ былъ сѣверный монголъ, живущій на нашемъ дворѣ; щитъ, съ котораго мы начали описаніе Чоба, принадлежалъ монгольской партіи, и художники въ немъ были исключительно широнгол-монголы. Благодаря мягкому матеріалу и нѣкоторой свободѣ относительно замысла, фигуры эти обладаютъ большею живостью, чѣмъ другія буддійскія скульптурныя работы. Каждый годъ въ Гумбумѣ бываетъ такая выставка мѣстнаго искусства, картины каждый годъ мѣняются, на нихъ обыкновенно изображаются сцены изъ религіозныхъ легендъ, содержаніе нѣкоторыхъ, повидимому, нигдѣ не записано, а живутъ онѣ въ памяти художниковъ и передаются въ народѣ изустно. До полночи толпа ходила по Гумбуму; потомъ огни были погашены, щиты сняли, масло съ досокъ соскоблили и сложили въ одно мѣсто, [illegible] другое и [illegible] сложная работа нѣсколькихъ мѣсяцевъ, работа нѣсколькихъ десятковъ художниковъ. Вѣрующіе буддисты покупаютъ это масло, считая его цѣлебнымъ.

Всѣхъ праздниковъ въ Гумбумѣ пять: 1) въ первой лунѣ 14-го числа—чамъ, 15-го—ночь щитовъ описанная Чоба; 2) въ четвертой лунѣ 15-го числа—чамъ, 15-го выносятъ изъ „Золотаго храма" огромную икону съ изображеніемъ божества [illegible] по земной поверхности; 3) въ шестой лунѣ 6-го числа—чамъ; 4) въ девятой лунѣ 22-го числа [illegible] и пр.; 24 числа той же луны—чамъ; 5) въ двѣнадцатой лунѣ 2-го числа—чамъ, описанный нами выше.

УТАЙ.

[illegible]

[illegible]

дорогѣ, по которой и мы ѣхали, страннымъ манеромъ передвигался чело-вѣкъ: онъ дѣлалъ три шага, становился на колѣни, потомъ ложился на землю ничкомъ, вытягивался во весь длинникъ, затѣмъ [illegible] [illegible] [illegible] и т. д. [illegible] Шуй-[illegible], который обратился къ [illegible] [illegible] съ поясненіемъ, что это пилигримъ, идущій въ Утай; [illegible] [illegible] [illegible] совершаетъ пилигримъ свой путь. [illegible] [illegible] [illegible] такимъ обра-зомъ, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Впрочемъ, это, можетъ быть, [illegible] [illegible] Шуй-[illegible], что [illegible] [illegible] по Утаю. [illegible] [illegible] [illegible], который [illegible] уже на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] тракта, [illegible] позволяетъ сомнѣваться, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] чѣмъ [illegible]. Благо-даря Утаю [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ближе къ Утаю [illegible] становится [illegible]. Въ [illegible] стали попадаться монгольскіе или ти-бетскія [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по дорогѣ [illegible] по-падались [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] или [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] „[illegible]-байнутъ“. За день до Утая стали попадаться монастыри, обнесенные стѣнами, изъ-за которыхъ выглядывали [illegible] [illegible] [illegible] коньки крышъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] большихъ деревень. [illegible] [illegible] [illegible], на которой [illegible] монастыри, были [illegible] лѣсомъ. Впрочемъ, [illegible] [illegible] [illegible] ня; остальныя же горы [illegible] [illegible] [illegible] лѣса; деревья встрѣча-ются только около деревень. [illegible] [illegible] долинѣ [illegible] начинаетъ пока-зываться [illegible] горы, покрытой лѣсомъ; верхняя часть его [illegible], половина еще загорожена; [illegible] [illegible] можно сказать, что когда [illegible] раскроется, тутъ увидишь какую-нибудь обитель съ красной стѣной и свер-кающими маковками. Деревни чередуются съ монастырями до самаго глав-наго святилища; горы были почти сплошь распаханы до самыхъ верхушекъ, а равно и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] пространства; кам-ни, которые когда-то покрывали сплошь долину, собраны, почва расчищена, унавожена и распахана, а изъ камней [illegible] [illegible] [illegible] стѣнки, ограждающія пашни отъ скота. Скучный видъ безлѣсныхъ горъ еще скуч-нѣе становился оттого, что пашни [illegible] [illegible] [illegible] покрыты зеленью, и представляли оголенную взрытую почву.

За полверсты до группы главныхъ монастырей долина съуживается: двѣ высокія горы образуютъ при входѣ въ верхнюю часть долины узкія

воротъ; на дальней горѣ. [illegible] высокіе и крутые, [illegible] они стоятъ на самой вершинѣ горы, только [illegible] [illegible] шихтовый [illegible], загораживавшій видъ на верхнюю часть долины, [illegible] воротъ. [illegible] фигурныя городскія ворота съ двумя [illegible], одна надъ другой, служатъ [illegible] [illegible] построекъ [illegible] [illegible] горы, одна выше другой, и самой высшей горы, на которой [illegible] — [illegible], самая высокая гора во всемъ Уральскомъ краѣ. Въ [illegible] нашего [illegible] въ Утки было пасмурно, и вершины самыхъ [illegible] горъ были покрыты облаками; [illegible] монастырями, который [illegible] [illegible] погруженныя въ тѣнь отъ облаковъ; особенно яркое пятно [illegible] на [illegible] сторонѣ [illegible]. Наблюдателю [illegible] эта картина могла бы показаться [illegible] въ которыхъ [illegible] волшебство.

Ворота ввели насъ въ узкую улицу селенія, которая состоитъ изъ [illegible] домовъ. Селеніе это называется Утка. Любопытные [illegible] мѣстные жители смотрѣли на насъ, т. е. на „[illegible] заморцевъ", съ [illegible]: нѣкоторые выбѣгали на улицу, торопились забѣжать впередъ, [illegible] и [illegible], [illegible] прицѣнивались къ намъ; иные, увидѣвъ насъ, пускались бѣжать [illegible] своихъ домашнихъ о событіи и, [illegible] нѣсколько человѣкъ [illegible] воротами какого-нибудь дома, выходили изъ нихъ снова на тротуаръ съ цѣлою толпой зрителей. Другіе, напротивъ, [illegible], спокойно смотрѣли на насъ, [illegible]. Какой-то [illegible], пока мы ѣхали мимо, такъ былъ занятъ пересчитываніемъ [illegible] на [illegible], что все время простоялъ на тротуарѣ, не отрываясь отъ своего дѣла и не поднимая глазъ, и упустилъ единственный случай въ жизни видѣть „[illegible] заморскихъ чертей".

Остановились мы по обыкновенію въ [illegible], т. е. гостинницѣ, или, лучше сказать, на постояломъ дворѣ, гдѣ, несмотря на три двора, заня-

[illegible] постройками и стенами, была такая тѣснота, что мнѣ, ѣхавшему сзади каравана, пришлось, по крайней мѣрѣ, пять минутъ стоять на улицѣ, дожидаясь, пока во дворъ помѣстились всѣ наши мулы и [illegible], ѣхавшіе позади, [illegible] въ ворота. Пока мы стояли на улицѣ, около насъ собралось человѣкъ до пятидесяти зрителей. Густо стояли они на обоихъ тротуарахъ и созерцали насъ, стоявшихъ на мостовой; мостовая эта была шириною — только одному экипажу проѣхать и ниже тротуаровъ болѣе чѣмъ на полфута, что напомнило мнѣ помпейскія улицы. На улицѣ были люди различныхъ возрастовъ: старики, молодые люди и дѣти, даже очень маленькіе. [illegible] стоялъ на мостовой; замѣтивъ, что всѣ стоятъ на тротуарѣ, а на мостовой остался онъ одинъ, онъ почувствовалъ одиночество и [illegible] и до тѣхъ поръ плакалъ, пока кто-то изъ [illegible] на тротуаръ. [illegible] человѣкъ наблюдалъ насъ [illegible] широко раскрытыми глазами, [illegible] смерти, [illegible] [illegible]

[illegible] М. Л. [illegible] [illegible]

Тутъ же мы лазили иногда съ биноклемъ полюбоваться на видъ утайскихъ монастырей. Вообще мы устроились здѣсь съ такимъ удобствомъ, какого только не ожидали. Зрители приходили на дворъ, но не стояли по цѣлымъ днямъ и, главное, не облизывали оконъ, не сдирали съ нихъ бумагу и, съ нѣкоторыми исключеніями, не лѣзли въ двери. По крайней мѣрѣ, изо всей дороги, сдѣланной нами до сихъ поръ, Утай не оставилъ по себѣ [illegible] [illegible] мѣсто.

На другой день по пріѣздѣ въ Утай, мой мужъ, взявъ слугу [illegible] и проводника изъ мѣстныхъ китайцевъ, поѣхалъ осматривать монастыри, расположенные на холмѣ или на горѣ. Тутъ помѣщается пять монастырей, изъ которыхъ два принадлежатъ монголамъ, остальные три — китайцамъ. Это, впрочемъ, не всѣ утайскіе монастыри; гораздо большее число монастырей разбросано [illegible] [illegible] [illegible] по [illegible] горъ, въ [illegible] [illegible] [illegible] въ ущельяхъ, на подгорьѣ и на самыхъ вершинахъ [illegible] горъ. Каждый монастырь [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Утай [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вершинъ: [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вершинъ, изъ которыхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible]-тай, т. е. сѣверную священную гору.

[illegible] [illegible] [illegible] Утай [illegible] [illegible] главные монастыри. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] „[illegible]", [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] Утай [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] фотографіи [illegible]

[illegible], которые [illegible] на память [illegible]. Отсюда г. Сосновскій [illegible] монастыри и [illegible] большія ступы, которыя стоятъ прямо [illegible]; верхушка ступы была окружена [illegible] колокольчиками, мелодическій звонъ которыхъ [illegible] при каждомъ порывѣ вѣтра. Какъ только мы подошли, насъ тотчасъ окру[illegible] на ту же сторону, гдѣ мы стояли, [illegible]. [illegible] всѣ были [illegible], преимущественно [illegible] и [illegible]. [illegible] на рукахъ у большихъ [illegible] собирающихъ удобреніе, [illegible] которую они [illegible]. Большинство маленькихъ было [illegible]. Не[illegible] будущіе ламы. Нѣкоторые изъ нихъ были [illegible] куда [illegible] монахи. Одни изъ дѣтей были [illegible], другіе были отвратительно грязны и оборваны. Вся эта толпа [illegible] группа г. Сосновск[illegible] мальчики перебѣгали и заглядывали [illegible] со всѣхъ сторонъ. Въ это время [illegible] ступу [illegible] мнѣ видъ. Я попросила одного [illegible] чтобы сейчасъ [illegible] обступили меня, разсматривая мой рисунокъ. Чтобы отвлечь [illegible] г. Сосновск[illegible] чугаловъ маленькіе [illegible] и т. п. Это привлекло болѣе маленькихъ, но къ этому времени уже собралась и взрослая публика. Этимъ, конечно, было интересно видѣть странную процедуру фотографированія и разсматривать сложный аппаратъ, чѣмъ наблюдать то, какъ я чиню карандашъ, какъ перочинный ножикъ [illegible] (штанги) [illegible] смотря въ отверстія [illegible] на землю. Пріятно было наблюдать [illegible], какъ любопытство смѣнялось на лицахъ ожиданіемъ или удивленіемъ и радостью, какъ мальчуганы постарше покровительственно держали свои руки на головахъ маленькихъ оборванцевъ; [illegible], которыя обдаетъ постоянно отъ [illegible] китайской [illegible] и такимъ образомъ освобождались на нѣсколько минутъ отъ [illegible].

Отъ ступы мы пошли въ главное собраніе монастырей, окруженное, какъ оказалось, цѣлымъ городомъ, состоящимъ изъ домовъ частныхъ обивателей. Сначала мы вошли въ ворота, за ними было пустое пространство, за которымъ другія, повидимому, болѣе важныя, по нашему [illegible], святыя ворота, потому что верхняя башенка этихъ воротъ содержала въ себѣ золоченое изображеніе какого-то божества. За этими воротами открылась

вторая площадь, украшенная, какъ мнѣ показалось, монастырскими зданіями. Между ними особенно выдается одно треугольное, какъ будто старой европейской архитектуры, безъ всякихъ украшеній, съ синей крышей, съ [illegible] по-китайски выступами и загнутыми углами крыши. Направо отъ этой площадки тянется вдоль и кругомъ монастыря торговая [illegible] рядами [illegible]: [illegible] и пр. [illegible] Купцы [illegible] они [illegible] Обычной торговой [illegible] группа старухъ, [illegible] забора [illegible] прохожихъ, не подадутъ ли милостыни. Улица эта [illegible] другъ [illegible] превращается въ настоящую лѣстницу. За этой улицей — ворота, ведущія на монастырскій дворъ съ кумирнею; [illegible] но торговая [illegible] и сюда; на одной изъ галлерей [illegible] торговцевъ и [illegible]. Этотъ монастырь называется Юн-хэ-го-сы; главная кумирня въ немъ только что отдѣлывалась: вся она блестѣла свѣжими яркими красками; преобладающій цвѣта были синій и зеленый; рисунокъ [illegible] золотой краской; въ общемъ это составляло пріятное сочетаніе. Большая сосна, [illegible] монастырей, и два другихъ дерева у входа въ кумирню очень скрашивали [illegible] видъ. На террасѣ передъ дверями кумирни были кучи глины и извести; внутри кумирни также производилась перестройка и перекраска статуй; противъ дверей стояла еще неоконченная группа боговъ изъ глины; только статуи, стоявшія у задней стѣны, однѣ оставались на своемъ старомъ мѣстѣ; другія всѣ были сдвинуты [illegible] и посѣтителю [illegible] цѣлое собраніе отломанныхъ рукъ и ногъ боговъ, точно вы очутились въ анатомическомъ театрѣ.

Къ моему сожалѣнію, живописецъ передъ нашимъ приходомъ окончилъ работу и мылъ руки, и я не видала, какъ онъ производитъ свою работу; впрочемъ, нѣсколько полуоконченныхъ и едва начатыхъ фигуръ давало мнѣ объ этомъ нѣкоторое понятіе. Сначала дѣлается очень грубое дере-

вянное изображеніе, составленное изъ плохо сдѣланныхъ обрубковъ, такъ что фигура представляетъ ломанныя линіи; на сгибѣ [illegible] эти обрубки соединены толстой проволокой, такъ что художникъ до начала дѣла [illegible] нѣсколько положеніе членовъ. Затѣмъ эта фигура обматывается соломой для приданія ей надлежащей округлости, и только уже на эту шероховатую поверхность налѣпляется глина, сначала смѣшанная съ рубленой соломой, а потомъ чистая и болѣе [illegible]. Высохшая фигура имѣетъ видъ, какъ будто сдѣлана изъ терракоты. Почти [illegible] доделанныя фигуры представляли воиновъ и [illegible], поставленныхъ по бокамъ главнаго божества, сидящаго на спинѣ льва.

Фигура воина со сложенными руками выражаетъ какъ бы его стремительную [illegible]; станъ наклоненъ; [illegible] упирается [illegible]; лицо улыбающееся, [illegible] стеклянные глаза, [illegible] какъ будто смѣются въ [illegible] прорѣзахъ. Лицо, руки и ноги у этой фигуры [illegible] сдѣланы такими округлыми, какъ будто художникъ имѣлъ натурщикомъ ребенка; [illegible]

[illegible]

За этими фигурами былъ второй рядъ фигуръ, статуй, покрытыхъ позолотой и украшенныхъ разными подвѣсками и одѣяніями. Только въ правомъ придѣлѣ стояли двѣ фигуры, покрытыя не позолотой, а красками, и представляютъ онѣ, кажется, не божества, а лица человѣческія или, можетъ быть, аллегорическія: это фигуры старика и человѣка средняго возраста. Очень понравилась мнѣ фигура старика; его худоба, анатомически вѣрная, его морщины, хотя и очень правильныя, какъ будто съ помощью циркуля размѣщенныя на лицѣ, въ то же время представляли большую натуральность; [illegible], что въ натурѣ такихъ правильныхъ морщинъ не встрѣчается; ротъ, лишенный зубовъ, лысый черепъ, глаза, глубоко ввалившіеся, грудь съ высоко выдающимися ключицами,—все это были вѣрно переданные атрибуты старости; мертвенный цвѣтъ кожи и нѣкоторая безучастность въ выраженіи лица довершали правдоподобность. Между статуями, видѣнными мною въ Китаѣ и Монголіи, сказанныя, по моему, представляютъ значительныя произведенія китайскаго искусства. У нихъ нѣтъ вовсе реальности, т. е. художникъ не заимствуетъ образцы изъ природы, а воспроизводитъ данную работу по традиціямъ, усвоеннымъ отъ учителя, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, между китайскими мастерами встрѣчаются иногда люди съ художественнымъ чутьемъ, которые время отъ времени видоизмѣняютъ традиціонную фигуру на лучшую.

При снятіи фотографіи ламы не препятствовали, но одинъ изъ ламъ, по лицу старикъ, [illegible] (покрывалѣ), видно было, что появленіе это имъ не нравится; они сходились по два, по три, смотрѣли хмуро, но не мѣшали; какой-то лама въ новомъ желтомъ халатѣ съ очень умнымъ лицомъ, очевидно, порѣшилъ не вмѣшиваться въ наше дѣло и не помогать; онъ вышелъ изъ кумирни, затворилъ въ нее двери и сѣлъ въ сторонѣ, въ галлереѣ. Толпа вокругъ г. Скасси возрастала; [illegible] была занята тѣмъ [illegible], кажется, не интересовались тѣмъ, будутъ ли ея боги сняты, или нѣтъ. Что говорили китайцы, бывшіе около насъ, [illegible] Горъ [illegible] смѣло подошелъ къ кумирнѣ, распахнулъ ея затворенныя двери и сталъ запрещать ламамъ приближаться къ ней, чтобъ они не мѣшали работать. Снявши наружный видъ, г. Скасси перенесъ камеру въ храмъ и снялъ статуи [illegible] при стеченіи такой же многочисленной и мѣшавшей публики; молодые монахи никакъ не могли утерпѣть, чтобы не пройти впереди объектива и не заглянуть въ него лишній разъ. По окончаніи работы г. Скасси поблагодарилъ ламу въ желтомъ халатѣ и пригласилъ его

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ни на Востокѣ, ни на рисункахъ; весь костюмъ его представлялъ массу труда и аккуратности и въ то же время крайнюю бѣдность. [illegible] у [illegible] былъ веселый, а когда онъ замѣтилъ, что я срисовала себѣ его сандаліи, то разразился самымъ веселымъ хохотомъ и, [illegible] любезность, предложилъ мнѣ взять [illegible], который вынимаетъ откуда-то изъ рукава.

Мѣдная кумирня, безспорно, самая интересная достопримѣчательность ургинскихъ монастырей; къ сожалѣнію, г-ну Спасси удалось только снять общій видъ ея съ середины двора. [illegible] камеру, онъ пожелалъ было ее [illegible] къ самой мѣдной кумирнѣ, чтобы получить болѣе подробный снимокъ ея деталей, но въ это время явился какой-то старый [illegible] и попросилъ насъ прекратить наши занятія. Если-бъ онъ замѣтилъ наше присутствіе на дворѣ раньше, г-ну Спасси, можетъ быть, не удалось бы снять и общаго вида. Такимъ образомъ мы должны были удалиться изъ монастыря.

Отсюда мы поѣхали къ [illegible] горъ, которыя [illegible] сѣверный край долины, чтобы снять общій видъ ургинскихъ монастырей съ сѣвера. [illegible] при этомъ, [illegible] ургинскихъ главныхъ монастырей, мы думали, что зрители тамъ не будутъ насъ безпокоить; и дѣйствительно, [illegible] мы оставались одни, но [illegible] подошли сначала двое, а потомъ и [illegible] человѣкъ. Пока г. Спасси устанавливалъ свой аппаратъ, я сѣла на [illegible] обрывъ возлѣ какого-то камня; присмотрѣвшись, я замѣтила, что онъ обдѣланъ человѣческой рукой. Это была или капитель колонны, или пьедесталъ подъ статую; частями на немъ была замѣтна скульптура. [illegible] развалины стѣнъ, [illegible] [illegible] къ [illegible] [illegible] нѣкоторые памятники съ разрушенными временемъ [illegible], можетъ быть, относятся къ очень давнимъ временамъ, и очень вѣроятно, что [illegible] найдетъ себѣ здѣсь пищу. [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible]; отсюда мы вернулись въ [illegible].

[illegible] монастырей, которые мы посѣтили въ [illegible], было много больныхъ, особенно въ Юнг-чжао-сы. Были больные со страшными язвами на лицѣ. Дѣти, страдающія глазами и накожными сыпями, такие частыя [illegible] — самыя грязныя во всей толпѣ; [illegible], несомнѣнно, [illegible] съ санитарной цѣлью.

Въ ургинскихъ монастыряхъ, какъ и у насъ въ церквахъ, продаютъ изображенія находящихся тутъ божествъ, мѣдныя статуэтки, глиняные слѣпки со стѣны мѣдной кумирни, иконы, рисованные на ткани. Прода-

[illegible] также обык[illegible] [illegible] монастырей, отпечатанные типографски [illegible] на большихъ лоскутахъ европейскаго коленкора, пропитаннаго [illegible]. Это видъ съ птичьяго полета [illegible] вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, мастера, исполнившіе этотъ планъ, изобразили на улицахъ, проходящихъ между монастырями, процессіи, съ которыми носятъ по Утаю ламу или другое духовное лицо, что крайне затрудняетъ разбирать планъ. Такіе планы Утая можно встрѣчать развѣшанными въ кумирняхъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ Монголіи, гдѣ-нибудь на берегу озера Косогола. Продаютъ все это сравнительно дешево; но словамъ самихъ монаховъ, изъ боговъ грѣхъ дѣлать торговлю. [illegible] и [illegible] утайскихъ произведеній очень [illegible], сравнительно съ пекинскими, но не хуже, напримѣръ, снимка съ мозаичной Богородицы въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ, который продается богомольцамъ при входѣ въ соборъ.

Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ.

Во время пребыванія нашей экспедиціи въ Хобдо, въ первыхъ числахъ ноября у китайцевъ былъ какой-то праздникъ, по случаю котораго втеченіе нѣсколькихъ дней въ восточной кумирнѣ давались театральныя представленія. На одномъ изъ нихъ намъ удалось быть. Отправились въ театръ въ 9 часовъ утра, по приглашенію нашего знакомаго купца г. Б. Когда мы пришли въ театръ, представленіе еще не начиналось, хотя актеры и музыканты были уже на сценѣ. Пришлось дожидаться стоя. Въ китайскомъ хобдинскомъ театрѣ креселъ для публики нѣтъ: зрители стоятъ среди открытаго двора между кумирней и зданіемъ со сценой. Только нѣкоторые побогаче находятъ возможность занять ложу въ боковомъ флигелѣ съ сидѣньемъ или, по знакомству съ актерами, протереться въ среду музыкантовъ и поставить для себя скамейку на самой сценѣ. Кумирня была открыта, т. е. большое окно ея, обращенное къ сценѣ, было отворено и черезъ него мы увидали статую Чон-гуэ, божества загробной жизни. Монголы называютъ его Эрли ханъ. Лицо бурхана сдѣлано красивымъ и молодымъ; черная борода изъ настоящихъ волосъ спускается до половины груди; одѣтъ бурханъ въ пунцовый халатъ съ крупными узорами; на головѣ старинный китайскій уборъ изъ чернаго крепа съ серебряными, филигранной работы пластинками, торчащими изъ-за ушей, на подобіе крыльевъ мельницы. На столѣ передъ статуей были разложены приношенія жертвенника: цѣлая туша барана съ головой, прикрытой такъ называемымъ „полотенцемъ", т. е. сальной плевой изъ внутренностей (omentum), множество [illegible], или, правильнѣе, *ман-ту*, *[illegible]*, т. е. лепешекъ, хлѣбцевъ и сладкихъ пирожковъ; горѣли свѣчи и курились тонкія курительныя палочки. Стѣны кумирни были рас-

[illegible] картинами [illegible] казней: тутъ вѣшали, рубили головы, [illegible] на [illegible] и т. п. Передъ [illegible] въ свѣтильникѣ стояла [illegible], въ которое богомольцы [illegible] какое-то [illegible] съ [illegible]. Съ утра уже богомольцы стали приходить въ кумирню, чтобы [illegible] передъ бурханомъ и положить [illegible] шнурки [illegible].

Кромѣ бумажныхъ листовъ для сжиганія, нѣкоторые поклонники приносили пачку ракетокъ и въ то время, какъ жертвователь падалъ ницъ передъ бурханомъ, какой-нибудь [illegible] монголъ или китаецъ на дворѣ кумирни устраивалъ ракетную [illegible].

Понемногу пространство между кумирней и сценой наполнилось [illegible] зрителей. Тутъ рядомъ стояли китайцы всякихъ состояній и возрастовъ: старики, [illegible] широкіе [illegible], въ шелковыхъ шапочкахъ съ [illegible] на лобъ и виски, не приподнятыми, какъ у молодыхъ франтовъ, вверхъ, [illegible] и плотно прилегающими къ [illegible] лицу, [illegible] покрытыхъ морщинами, какъ лицо какой-нибудь [illegible]; [illegible] приказчики изъ богатыхъ торговыхъ домовъ съ гладкими лоснящимися лицами, съ косами, удлиненными до пятъ съ помощью [illegible] шелка, съ серебряными брелоками при концахъ, выпущенными изъ-подъ шелковой куртки; грязные, сиплые пропойцы, курители опіума, опрятные [illegible] сарты въ своихъ ярко пестрыхъ шубахъ и вышитыхъ тюбетейкахъ; [illegible] Сіербай въ [illegible] участокъ малахаѣ, монголы въ нагольныхъ шубахъ, прокопченныхъ дымомъ аргала (кизяка); наконецъ, нѣсколько русскихъ полушубковъ. Этнографическая пестрота театральной публики указывала, что городъ стоитъ на границѣ великихъ народностей. И все это смѣшивалось самымъ демократическимъ образомъ: старый управляющій [illegible] компаніей стоялъ рядомъ съ монголомъ скотоприго-[illegible], [illegible] монгольскаго [illegible] — рядомъ съ [illegible] сартомъ.

Въ этой толпѣ было видно также много монголокъ; онѣ отличались своими богатыми нарядами; халаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, красные, синіе, [illegible], были обложены по подолу широкими цвѣтными лентами; голова и грудь каждой красавицы были обильно увѣшаны серебряными украшеніями. Особенно оригинальны украшенія въ видѣ образа въ серебряной рамѣ [illegible], который виситъ на груди на массивной серебряной цѣпи; самый образъ бурхана невеликъ, въ вершокъ, рѣдко въ два, но рама очень массивна. Десятокъ монголокъ, стоявшихъ фронтомъ около стѣнки, были точь

въ точь иконостасъ буддійскаго монастыря. Ниша, на которой виситъ образъ, идетъ по синей [illegible] поясу [illegible] стью изъ разныхъ колѣсокъ. [illegible] путевой халата; на ней также висятъ цѣлые арсеналы серебряныхъ и даже золотыхъ орудій: тутъ уховертка, щипчики для волосъ, кромѣ того и чистка курительной трубки. Эти монгольскія красавицы очень много болтали, покуривая свои трубочки; [illegible] что дѣлаютъ мужчины, и засовывали трубки за голенища.

Въ боковыхъ ложахъ, или, лучше, комнатахъ боковыхъ флигелей, изъ оконъ которыхъ рамы на время представленія были вынуты, [illegible] группы состоятельныхъ или чиновныхъ зрителей, которые, кажется, были заняты больше ѣдой и разговорами, чѣмъ представленіемъ на сценѣ. Въ одной изъ ложъ я видѣла богатую монголку съ ребенкомъ на рукахъ и въ глубинѣ ложи китайца, должно быть изъ чиновниковъ. Здѣсь такой обычай: китайцы не имѣютъ права по закону привозить съ собою изъ [illegible] Китая своихъ женъ, обзаводятся временными женами или содержанками изъ монголокъ, и приживаютъ съ ними дѣтей. Оставляя край и возвращаясь на родину, китаецъ покидаетъ свою жену и прижитыхъ дѣтей, по большей части, навсегда. Говорятъ, впрочемъ, что китайцы всегда стараются обезпечить свою жену и дѣтей, выдѣляя ей изъ нажитаго достатка порядочную долю. Въ Хобдо въ наше время было много такихъ оставленныхъ женъ, которыя, однако, такимъ образомъ, все-таки, имѣли настолько достатка, что жили въ китайскихъ фанзахъ и держали прислугу, словомъ, жили, не нуждаясь.

На этотъ разъ на сценѣ играли какую-то героическую піесу. Среди сцены на креслѣ сидѣлъ актеръ въ желтомъ шелковомъ халатѣ, порядочно-таки поистрепанномъ; на головѣ, вмѣсто короны, былъ надѣтъ шлемъ изъ лакированныхъ дощечекъ съ рисунками, расположенныхъ вѣеромъ, какъ карты въ рукѣ игрока. Другое дѣйствующее лицо, также изображавшее старика, было одѣто [illegible] жалъ уличнаго разносчика, — онъ носилъ на плечѣ коромысло съ повѣшенными на обоихъ концахъ [illegible]. Очевидно, это былъ комическій актеръ; лицо его было измазано бѣлой краской; публика хохотала почти при каждомъ его словѣ. Затѣмъ на сценѣ появилась дѣвица, одѣтая и причесанная очень кокетливо; въ волосахъ ея [illegible] и дрожали при каждомъ движеніи. Смотря на бѣлое румяное лицо, а главное на граціозныя, женственныя позы, мы едва могли узнать въ этой

[illegible] особѣ одного изъ китайскихъ солдатъ, котораго не иначе, какъ [illegible], за [illegible] въ его [illegible], пришедшимъ въ русскую [illegible] [illegible] подл[illegible]. Впрочемъ, [illegible] онъ понравился въ публикѣ [illegible], преимущественно [illegible] Дальней [illegible]. На сценѣ появились, конечно, отецъ и мать [illegible], а также младшіе братъ и сестра. Костюмы, по возможности, сообразовались съ ролями, только мать оказалась съ большими [illegible]. Часто разговоры [illegible] прерывались длинными аріями и дуэтами; для насъ, не понимавшихъ ни слова, эти аріи казались [illegible]. Вообще, сцены смѣнялись чѣмъ-то въ родѣ балета, гдѣ всѣ участвующіе были въ маскахъ и фантастическихъ костюмахъ. Гримировка китайцевъ довольно груба, но въ то же время не лишена характерности; очевидно, что она выработана продолжительнымъ изученіемъ эффектовъ красокъ и линій. Нѣсколько мазковъ кисти по лицу черной или бѣлой краской, искусно расположенныхъ, значительно усиливаютъ типичность лица. [illegible] красная краска каррикатурно увеличитъ ротъ, [illegible] вертикальная черта [illegible] лица [illegible] его [illegible] болѣе [illegible], и этимъ достигается какой-нибудь особый эффектъ. Декораціи въ китайскомъ театрѣ вовсе нѣтъ. Только однажды, когда нужно было [illegible] лицу [illegible] съ городской стѣны, на сцену [illegible] и растянули его ребромъ къ публикѣ: [illegible] оказалась нарисованная городская стѣна, позади [illegible] поставили столъ, а на него табуретъ; актеръ залѣзъ на табуретъ, и такимъ образомъ одна половина зрителей [illegible] удовольствіе видѣть человѣка, [illegible] на городской стѣнѣ, другая же часть зрителей видѣла просто стоявшаго на табуретѣ актера.

Музыканты въ китайскомъ театрѣ помѣщаются на той же сценѣ, гдѣ играютъ актеры, только они сидятъ сзади.

Музыка и театръ [illegible] китайцевъ, если судить по тѣмъ образцамъ, [illegible] передъ нами. [illegible], нельзя сравнить ни [illegible] между актерами [illegible], солдатъ и чиновниковъ. Музыка [illegible]-нибудь пріятный на нашъ слухъ. Преобладающій инструментъ — скрипка, до самаго грубаго устройства; есть трубы, флейты, тарелки, барабаны и просто палочки и [illegible], которыми ударяютъ въ тактъ. Китайская скрипка имѣетъ такой [illegible], что [illegible] большой [illegible] [illegible]. [illegible] другая по-

ловина оркестра, которая по своей немузыкальности можетъ быть поставлена рядомъ только съ тѣми трещотками, съ какими въ нашихъ уѣздныхъ городахъ ходятъ ночные сторожа. Точно также не нравилось намъ и китайское пѣніе. Въ немъ много реальныхъ звуковъ — плачъ матери надъ убитымъ ея ребенкомъ, крики отчаянія или боли и т. п., но полнѣйшее отсутствіе мелодіи, изъ которой одной состоятъ пѣсни нашихъ дикихъ кочевыхъ племенъ. Говорятъ, что театральное пѣніе въ Китаѣ есть пѣніе ученое и считается высшимъ родомъ музыки, но что, кромѣ того, есть народные мотивы, распѣваемые въ деревенскихъ захолустьяхъ и пріятные для европейскаго уха, но не уважаемые китайскими просвѣщенными классами. Намъ этихъ деревенскихъ пѣсенъ, къ сожалѣнію, нигдѣ не удалось слышать; въ Хобдо всѣ солдаты не напѣвали другихъ мотивовъ, кромѣ [illegible], т. е. кромѣ сценическихъ.

На другой день статуя Чон-гуя была перенесена въ [illegible] кумирню; это совершилось съ должной торжественностью для такого маленькаго городка, какъ Хобдо. Утромъ, на разсвѣтѣ, мы были разбужены ударами большихъ мѣдныхъ тарелокъ, возвѣщавшихъ городскимъ жителямъ о началѣ торжественнаго дня. Но до десяти часовъ утра особеннаго ничего не происходило. Въ десять часовъ отъ восточной кумирни показалась процессія. Впереди бѣжали мальчуганы, одѣтые въ пурпуровые, длинные не по возрасту кафтаны. Мальчуганы несли знамена, на которыхъ были нарисованы драконы. Эта веселая компанія, забѣгая съ знаменами впередъ, садилась среди улицы на корточки и поджидала отставшую процессію. За знаменами шли китайцы и монголы съ большими деревянными колодками на шеяхъ, какія надѣваются за преступленія; по объясненію нашихъ знакомыхъ, это былъ добровольный подвигъ умерщвленія плоти. Далѣе слѣдовали два китайца, одѣтые въ маскарадныя платья зеленаго цвѣта, съ жидкими металлическими шлемами на головахъ. Они вели двухъ коней подъ красными сѣдлами, обитыми золотомъ. За конями шли музыканты, уже видѣнные нами въ театрѣ. Далѣе, окруженныя толпою народа, двигались большія красныя носилки. Спереди онѣ были открыты, и поэтому было видно сидящаго въ нихъ наряднаго Чон-гуя. Сбоку носилокъ, поддерживая ихъ одной рукой, шелъ дряхлый, хромой старикъ въ [illegible] шапкѣ. Это былъ городской палачъ, какъ кажется, главный служитель кроваваго бога Чон-гуя. Обошедши по улицамъ Хобдо, процессія прибыла въ новую кумирню; передъ входомъ въ часовню, бурхана съ его креслами сняли съ носилокъ и помѣстили въ главную нишу. Какой-то человѣкъ съ

лицомъ, покрытымъ бронзовой краской, въ необыкновенномъ костюмѣ, и за нимъ палачи что-то провозгласили народу, послѣ чего началось поклоненіе. Прежде всего подошелъ чиновникъ въ шапкѣ съ шарикомъ и перомъ,— единственный представитель полицейской власти, всталъ на колѣни передъ жертвеннымъ столомъ, приложилъ обѣ руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ, ко лбу и поклонился до земли. За нимъ продѣлалъ то же самое и остальной народъ, входя въ кумирню по одному. Въ этотъ день опять были театральныя представленія, а вечеромъ повторялись поклоненія богомольцевъ въ кумирняхъ. Съ четырехъ часовъ вечера началось оживленіе на улицахъ: у лавокъ и въ воротахъ домовъ развѣшивались цвѣтные фонари. Народъ шелъ въ кумирню Хэйжаньэ, куда утромъ была отнесена статуя Чонгуо, или Эрлъ-хана. Передъ бурханомъ горѣли или курились свѣчи, приходящіе сожигали душистую бумагу; какой-то старикъ ударялъ время отъ времени въ мѣдную чашу. Звуки эти, вѣроятно, предназначались къ тому, чтобы настроить публику къ набожности, что не мѣшало тому же самому звонарю отпускать какія-то шутки, отъ которыхъ публика разражалась хохотомъ. Почтенія къ священному мѣсту не сказывалось и въ томъ, что всѣ курили трубки и входили раскуривать ихъ въ кумирню къ свѣчамъ, горящимъ въ алтарѣ. Между тѣмъ, повидимому, такое поведеніе и свободное обращеніе съ божествомъ не исключало возможности быстраго перехода къ набожному настроенію китайской толпы, продолжающей жить въ состояніи дѣтской религіозности.

Въ сумерки подняли опять носилки, мальчики снова надѣли свой церемоніальный костюмъ, разобрали знамена, фонари и зонты; палачъ, ставъ у бурхана сбоку, проговорилъ громкимъ голосомъ какую-то рѣчь или молитву, почему-то принятую присутствующими со смѣхомъ; опять явился чиновникъ, совершилъ первый поклонъ, за нимъ поклонились другіе, послѣ чего бурхана вынесли и поставили на носилки. Музыка заиграла и процессія тронулась, освѣщаемая разноцвѣтными фонарями. Въ улицу процессія [illegible]. Въ окнахъ лавокъ и въ воротахъ зажиточныхъ домовъ стояли столики съ различными чашечками съ ѣдой и печеньями, съ горящими свѣчами, съ курительными палочками и фонарями. Особенно набожные во время приближенія процессіи становились на колѣни и бросали по направленію божества зерна и капли воды. Слѣдуя за божествомъ, мы прошли, между прочимъ, мимо дома нашего знакомаго дрогиста Сунь-тинь-си, и я видѣла, какъ онъ съ сосредоточеннымъ видомъ творилъ земные поклоны. У каждаго богатаго дома

былъ приготовленъ зарядъ [illegible] или ракетокъ, и какъ только процессія приближалась, раздавался взрывъ и пальба. толпа [illegible] сторону, а мальчишки спѣшили на мѣста взрыва подбирать ракеты, упавшія на землю неразорванными, чтобы потомъ самимъ [illegible] устроить свой собственный фейерверкъ. Шумъ и веселье [illegible] казней и смерти. Дойдя до нашего дома, мы оставили процессію и вернулись къ себѣ. Долго еще послѣ [illegible] ночи [illegible] ракетная пальба и музыка, потому что [illegible] закончилось парадным ужиномъ у амбаня.

Этимъ кончилось чествованіе [illegible], а [illegible] кончились и театральныя представленія.

Слѣдующее празднество, справленное китайцами при насъ, былъ Новый годъ. Монголы называютъ этотъ праздникъ *Цаганъ-сара*, „бѣлый мѣсяцъ“. Еще за цѣлую недѣлю началась уборка комнатъ и дворовъ. Надъ фанзами нашихъ сосѣдей были выставлены маленькіе бѣлые бумажные флаги; въ фанзахъ оклеивали стѣны или, по крайней мѣрѣ, окна новой бумагой. Домашній скарбъ выносился на дворы и здѣсь выколачивался и перетряхивался. Затѣмъ началась стряпня. Пекли мантху, разные сладкіе пирожки и печенья. Кропили лапшу, очевидно, про запасъ. Нашъ сосѣдъ Шимеу-лю устроилъ на дворѣ очагъ, на которомъ грѣли воду; [illegible] сосѣдей принесли корыто съ желобомъ для стока воды. Сербай, увидавъ эти приготовленія, принесъ намъ сообщеніе, что китайцы собираются „[illegible] мыть!“ Приготовлялись зарѣзать и ошпарить свинью, необходимую принадлежность стряпни на новый годъ. Колоть пригласили мясника; по словамъ знатоковъ, онъ мастерски дѣлалъ свое дѣло. Чтобы обварить тушу, ее положили въ корыто, такъ что вода изъ желоба опять попадала въ кипящій котелъ. Щетину сбривали особымъ, назначеннымъ для этой цѣли, скребкомъ. Вся уборка скотины съ очисткой внутренностей заняла не болѣе двухъ часовъ.

Рис. 24.

Наканунѣ праздника, 29-го января по нашему стилю, на дворахъ богатыхъ людей были выстроены павильоны, убранные цвѣтной матеріей и бумагой, ворота украсились фонарями, а на столбахъ, дверяхъ и ставняхъ, закрывавшихъ лавки, были наклеены листы красной бумажки, вѣроятно, съ мудрыми изреченіями изъ классическихъ книгъ; кромѣ того, появился еще лоскутокъ желтой бумаги, развѣвавшійся надъ верхнимъ косякомъ нашей двери, и зеленая бумага на кровлѣ. Вѣроятно, все это имѣло какое-нибудь значеніе: мы не понимали ничего, но я въ глубинѣ души была очень довольна этими знаками вниманія. Появились эти этикетки совершенно сюрпризомъ, вѣроятно, ночью, такъ что мы не знали, къ кому отнести эту любезность — къ хозяину ли, старику Ки-хао-чы, или къ семейству Шилеу-лю.

Ки-хао-чы подарилъ намъ также картинку, гдѣ въ три этажа изображались похожденія какого-то молодого человѣка, а его братъ Пату принесъ намъ коробку кондитерскаго печенья въ родѣ бисквитныхъ, которыя въ Хобчо привозятъ изъ Хуху-хото, и, кромѣ того, произведенія своего поварского искусства — самые разнообразные и очень вкусные пирожки.

На улицахъ чувствуется праздникъ. Изъ лавокъ идутъ съ закупками; одинъ несетъ рыбу съ наклеенными на спинѣ бумажками, другой — свѣчи, окрашенныя въ розовый цвѣтъ; старики-повара тащутъ кочни капусты и другой зелени. Не достаетъ на улицахъ только женщинъ и слишкомъ мало дѣтей для окончательнаго оживленія города.

Къ вечеру начались на всѣхъ дворахъ дальнѣйшія приготовленія. У Шилеу-лю вынесли на дворъ столъ, поставили его къ стѣнѣ около дверей въ ихъ квартиру и убрали его цвѣтной бумагой, причемъ большую роль играли колодки, сдѣланныя изъ золотой и серебряной бумаги, похожія на золотыя и серебряныя ямбы, слитки золота и серебра, употребляемые въ торговлѣ; эти бумажныя колодки, по словамъ Ляйшиизи, средняго сына Хуа-Хуа, украшавшаго столъ, должны были быть приняты китайскими божествами за пожертвованные имъ настоящіе металлическіе ямбы. На столъ положили жертвеннаго барана, цѣлаго, съ рогами и ногами, только безъ шкуры; ради красы, онъ былъ покрытъ сѣткой изъ пунцовой бумаги; кругомъ него были разложены всевозможныя печенья или сушеные фрукты. Въ Хобчо къ этому празднику привозятъ изъ Хуху-хото или Гуйхуа мороженый виноградъ, ранеты и яблоки. Надъ столомъ было два фонаря, повѣшенные на кровлѣ дома.

На другихъ дворахъ такіе столы съ жертвоприношеніями были по-

ставлены въ особо устроенныхъ посреди двора павильонахъ. Въ глубинѣ павильона ставится доска или скрижаль, покрытая надписями. У Шилеу-лю, вмѣсто доски, былъ просто листъ бумаги, прикленный къ стѣнѣ дома. Лайшинга сказалъ мнѣ по-монгольски, что это бурханъ.

Главная улица къ вечеру была вся увѣшана самыми разнообразными фонарями; у воротъ каждаго дома было ихъ по два и больше; въ другой узкой улицѣ черезъ дорогу были протянуты веревки, сплошь увѣшанныя бумажными разноцвѣтными флагами. На дорогѣ, противъ каждаго дома, былъ сложенъ небольшой костеръ; дрова большею частью раскладывались не просто на землѣ, а въ желѣзныхъ котлахъ. Поверхъ дровъ на кострахъ лежала желтая бумага, приготовленная къ сожженію въ урочный часъ. Нашъ домовладѣлецъ Ки-хао-чи устроилъ свой костеръ не на улицѣ, а въ глубинѣ двора, противъ своей квартиры. Старики не устроивали себѣ жертвеннаго стола; по крайней мѣрѣ, на дворѣ возлѣ дверей ихъ такого стола не было. Вѣроятно, они были не настолько богаты, чтобы допустить себѣ эту роскошь. Когда смерклось, Ки-хао-чи вынесъ на дворъ двѣ зажженныя курительныя палочки и безъ дальнихъ околичностей воткнулъ ихъ въ мусорную кучу среди двора. Можетъ быть, въ этомъ заключалась и вся его дань богамъ.

Дѣти, послонявшись около столовъ и любуясь на вывѣшенные фонари, не могли дождаться вечерняго звона. Въ сумерки всѣ уже были одѣты въ новое платье; работы всѣ были окончены; Кин-и-шо, маленькій сынишка Шилеу-лю, въ новомъ халатѣ и голубой атласной шапочкѣ, былъ такъ нетерпѣливъ, что даже мать спрашивалъ: „идти ли уже звонить?“ Наконецъ, въ крѣпости выпалили изъ пушки, возвѣщая вечерній звонъ; по улицамъ прошелъ сторожъ, ударяя въ огромныя мѣдныя тарелки; вездѣ зажгли фонари. Главная иллюминація и костры должны были, однако, запылать только въ два часа ночи.

Вслѣдъ за ударами гонга семья и домочадцы Шилеу-лю вышли на дворъ и преклонили колѣни передъ бурханомъ, говорю такъ потому, что за украшенными фонарями скромнаго бумажнаго бурхана совсѣмъ не было видно. Послѣ въ ихъ квартирѣ все время слышался смѣхъ и говоръ; мнѣ казалось, что шла какая-то игра въ родѣ нашихъ фантовъ. По временамъ произносились какъ будто тосты. Въ другихъ домахъ слышалась музыка.

10-го февраля у китайцевъ опять начались театральныя представленія, на этотъ разъ въ кумирнѣ Лаодзи, въ сѣверной крѣпости. Теперь, благодаря Шичинго, старшему сыну Шилеу-лю, приходившему къ намъ ча-

его по вечерамъ и иногда сообщившему содержаніе видѣнныхъ нами піесъ, мы могли съ большимъ интересомъ ходить въ театръ.

Въ первый день въ кумирнѣ шли піесы, гдѣ дѣйствующими лицами были древніе цари, герои и божества; игра напыщенная, никто изъ акте-ровъ спроста не скажетъ слова и не сдѣлаетъ шагу, все утрируетъ. Намъ скоро надоѣло смотрѣть на это совершенно непонятное представленіе, въ которомъ музыка въ добавокъ напоминала настройку инструментовъ.

На другой день мы попали на жанровую піесу, благодаря Шичинго, который наканунѣ извѣстилъ насъ, что будетъ интересная вещь; расписа-ніе піесъ, назначенныхъ къ игрѣ, составляемое самимъ хозяиномъ, бываетъ наклеено на всѣхъ углахъ улицъ, но намъ эти афиши, конечно, были не-понятны. Шичинго сказалъ, что *[illegible]* — главный день праздника; въ этотъ день надлежитъ вымыться и идти въ кумирню на поклоненіе (по словамъ г. Васильева, у китайцевъ даже въ календаряхъ указаны дни, въ какіе слѣдуетъ мыться).

По дорогѣ въ кумирню поставлены были шесты съ красными фонари-ками для вечерней иллюминаціи. Не доходя театра, мы встрѣтили эки-пажъ, [illegible] женой амбаня, — двухъ-колесная синяя карета, запряжен-ная муломъ; кучеръ вёлъ мула подъ уздцы, а впереди ѣхалъ верхомъ чи-новникъ. Черезъ полчаса супруга амбаня появилась въ ложѣ съ другой знатной дамой, женой [illegible], въ вѣдѣніи котораго, если не ошибаюсь, находятся войска. Обѣ дамы были съ открытыми головами и искусствен-ными цвѣтами и съ шелковыми помпонами въ волосахъ. На нихъ были на-дѣты длинныя яркихъ цвѣтовъ кофты, но прекрасныя лица могли также считаться принадлежностью туалета: до такой степени отъ бѣлилъ и ру-мянъ онѣ утратили всякую натуральность. Дамы сидѣли рядомъ и, пови-димому, очень дружески бесѣдовали между собой. Въ глубинѣ ложи вид-нѣлось еще нѣсколько женскихъ головъ, а передъ ложей снаружи стояло много хорошо одѣтыхъ дѣтей, [illegible] лѣтъ десяти и [illegible]; у нихъ на [illegible] тоже были [illegible]; [illegible] и [illegible]. Дѣти эти [illegible], сидѣ-вшихъ въ сосѣднихъ ложахъ, когда тѣ закуривали трубки.

На сценѣ шла въ это время драма: „Сань-чанъ-сань“, т. е. „убійца Сань-чана“. Къ драмѣ примѣшивалось много и комическаго элемента. Глав-ныя дѣйствующія лица — мужъ и его молодая капризная жена, выданная за него по неволѣ и любившая другого. На сценѣ любезности мужа отверга-лись съ очевиднымъ презрѣніемъ; наступившая ночь прошла въ томъ, что

жена пѣла жалобную арію въ то время, какъ мужъ спалъ и съ громкими звуками просыпался только при [illegible] удара, которыхъ, кстати сказать, бываетъ предостаточно. Когда просыпался мужъ, жена притворялась спящей. Надо предполагать, что спали они, сидя въ креслахъ. На сценѣ появлялась также теща, роль которой игралъ мужчина очень искусно. Появилась она, напѣвая пѣсенку и [illegible]. Лицо ея было намазано бѣлилами, кажется, съ цѣлью указать на ея хозяйственныя занятія по кухнѣ и на возню съ мукой. Мать упрашивала о чемъ-то дочку, причемъ становилась передъ ней на колѣни. Въ слѣдующій выходъ на сцену теща выплеснула помои изъ полоскательной чашки, которую несла въ рукахъ, и какъ будто нечаянно попала въ лицо какому-то новому персонажу. Этотъ фарсъ былъ сыгранъ мастерски и доставилъ, разумѣется, взрывъ хохота. Новое лицо въ пьесѣ было совершенно непонятно для насъ; вѣроятно, это былъ шутъ; лицо его было перепачкано краской, на головѣ красный колпачекъ, которымъ онъ былъ очень занятъ; въ перебранкѣ за выплеснутые помои онъ, повидимому, смѣшилъ публику, претендуя больше за испорченную шапку, чѣмъ за пострадавшее лицо. Когда его [illegible], а онъ, молодцовато закрученные кверху, а также чрезвычайно живая мимика и жестикуляція, дѣлали его скорѣе похожимъ на паяца или француза, чѣмъ на китайца. Во время сна [illegible] онъ, очевидно, успѣваетъ [illegible] и подбросить какой-то предметъ на столъ жены. Мужъ просыпается, изображаетъ живѣйшее безпокойство, принимая [illegible] фигуру и позу, и, не успѣвъ надѣть верхняго платья, бросается вслѣдъ за убѣгающимъ авантюристомъ. Черезъ минуту онъ снова появляется на сценѣ съ признаками страха и отчаянія, ищетъ что-то по всей комнатѣ, ползая на колѣняхъ и перерывая каждый попавшійся предметъ. Жена, проснувшаяся въ то время, какъ мужъ убѣгалъ за мнимымъ воромъ, подняла съ полу письмо и спрятала его. Затѣмъ она начала [illegible], что для насъ, зрителей, должно было означать, что она [illegible]. Возвратившійся мужъ пристаетъ къ ней съ вопросами, умоляетъ ее. Она не отдаетъ письма. Онъ на нее наступаетъ, угрожаетъ; она защищается. Тогда мужъ начинаетъ упрашивать ее, становится передъ ней на колѣни, но и это не помогаетъ. Мужъ садится за столъ и пишетъ, причемъ содержаніе письма поетъ, что значительно увеличиваетъ [illegible]. Потомъ опять ссора; мужъ бросается на жену, и дѣло кончается убійствомъ. При этомъ лицо убійцы мгновенно покрывается кусочками красной бумаги, [illegible] минуту совершенія преступленія. На крики жертвы прибѣгаетъ мать, но

убійца успѣваетъ убѣжать со сцены. Убитый тоже проворно встаетъ и скрывается за дверью. На опустѣвшей сценѣ тогда появляется старецъ въ красномъ халатѣ и съ нимъ полицейскій, который его допрашиваетъ, надѣваетъ ему веревку на шею и уводитъ.

Публика очень довольна этими сценами и слушаетъ ихъ съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ пьесы съ царями. Всѣ стараются встать такъ, чтобы было виднѣе; дѣти залѣзли на небольшія тополевыя деревья, растущія за оградой кумирни, а записные любители забрались даже на сцену къ музыкантамъ; это были преимущественно подмастерья, рослые, съ маленькими прищуренными глазами, молодые купеческіе сынки.

Содержаніе разсказанной пьесы помогъ мнѣ понять Шишмаревъ, пересказавъ ея содержаніе по-монгольски, когда, по возвращеніи изъ театра, зашелъ въ нашу фанзу. Шишмаревъ, во время этого разсказа, вошелъ къ намъ старый Ин-хао-чи. Шишмаревъ находилъ это полезнымъ и сказалъ послѣ, что разсказывать „пьесы“, т. е. пѣсни, иностранцу считается преступленіемъ: „пьесы“ — это священныя вещи. Въ самомъ ли дѣлѣ это или нѣтъ, — не знаю. Если же допустить, то можно странно совмѣстить — священная вещь и въ то же время предметъ забавы, праздныхъ зрѣлищъ, даже попытки популяризировать, что всегда вызываетъ дружныя сочувственныя смѣхи зрителей. Даже пьесы съ царями и богами не лишены площадныхъ фарсовъ. Нахохотавшись надъ этими фарсами, нарадовавшись смотрѣть комедію, идутъ въ кумирню и преклоняютъ колѣни передъ бронзоволикимъ Лаоцзы. Ради праздника, бурханъ былъ облаченъ въ новый халатъ изъ великолѣпнаго зеленаго атласа; передъ нимъ стоялъ жертвенный баранъ, курилось много курительныхъ свѣчъ и горѣли двѣ красныя восковыя.

Кромѣ того, мы были еще на одномъ спектаклѣ. На этотъ разъ костюмы были еще великолѣпнѣе, но пьеса еще непонятнѣе. Только и осталось въ памяти, что лицо главнаго трагика было сплошь разрисовано черной и красной краской. Съ головы его на спину спускались два пробсовые хвоста, а на шапкѣ были укрѣплены два необыкновенно длинныя пера, или хвосте золотистаго фазана, красиво колыхавшіяся въ воздухѣ. Высокую трагедію опять смѣнилъ водевиль, гдѣ появлялись два оборванныхъ старика и затѣмъ комедіантъ съ совершенно чернымъ лицомъ. Между явленіями одинъ изъ актеровъ разъ или два прокатился колесомъ по сценѣ. Партеръ, т. е. публика, стоявшая на дворѣ, осталась этимъ очень довольна; дамамъ же, сидѣвшимъ въ ложахъ, въ это время подавали завтракъ, и онѣ сидѣли спиной къ сценѣ.

Не довольствуясь постоянными театрами при кумирняхъ, китайцы устроили въ это время еще театральные подмостки среди города, на главномъ перекресткѣ. Матеріаломъ для этого временнаго зданія послужило нѣсколько досокъ, жердей, [illegible] образомъ раскрашенная даба; потолокъ сшитъ изъ [illegible], а сцена окружена сѣткой, сплетенной изъ разноцвѣтныхъ полосокъ, [illegible], съ бантами и драпировками. Это сооруженіе дѣлало большую честь вкусу и искусству хобдинскихъ солдатъ, строившихъ его. Сцена открытой стороной обращена на сѣверъ; противъ нея, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, была устроена небольшая копія кумирни, обращенная дверью къ театральному балагану; это была палатка изъ бумажной матеріи, въ ней столъ съ небольшой доской съ іероглифами и передъ ними курительныя палочки. На сценѣ шли представленія во время монгольскаго праздника въ честь бога Майдари.

Входъ въ хобдинскіе театры безплатный: платится, кажется, только за ложи. Актеры — добровольцы изъ мѣстныхъ жителей; расходы на ремонтъ, костюмы и бутафорскія вещи, которыя сдѣланы прежде и хранятся при кумирняхъ, а также на чай и угощеніе во время представленій, [illegible] на постоянный сборъ съ домовладѣльцевъ, такъ что мы могли себя считать участниками въ этомъ налогѣ черезъ ту плату за квартиру, которую мы отдавали нашему Кэ-лао-чи. Разъ, кажется, актеры ходили по городу толпой и собирали съ жителей особыя пожертвованія [illegible] единовременный сборъ на постройку временнаго театральнаго балагана къ празднику Майдура, или этотъ сборъ дѣлался въ пользу актеровъ и послѣ представленій въ постоянныхъ театрахъ при кумирняхъ. Во время такихъ представленій богатые люди также подаютъ на сцену кирпичи чая, куски матеріи и т. п. Представленія начинаются въ 10 часовъ и продолжаются до сумерекъ, съ перерывами не больше того, сколько нужно, чтобы выпить чашку чаю и закусить. Одна піеса смѣняется другой, и можно идти въ театръ, [illegible].

Хотя мы и не понимали содержанія піесъ, тѣмъ не менѣе бытовыя сцены, особенно комическія, знакомили насъ съ внѣшней стороной китайской жизни. Гдѣ бы мы увидѣли сцену, какъ семейство встрѣчаетъ возвратившагося послѣ продолжительнаго отсутствія китайскаго чина, какъ на-встрѣчу ему бросается его молоденькая дочь? Или китайца, умоляющаго жену, стоя передъ ней на колѣняхъ? Или ревнивую и подозрительную китаянку, то-и-дѣло выскакивающую изъ кухни въ комнату мужа, то

съ кухоннымъ вѣникомъ, то съ кухонной посудой, чтобы поймать невѣрнаго мужа? Жаль только, что внѣшняя обстановка пьесы не совсѣмъ была полна. Костюмы, впрочемъ, соотвѣтствовали содержанію, и несмотря на то, что китайскій театръ собственно не болѣе, чѣмъ нашъ ярмарочный балаганъ, въ историческихъ пьесахъ, повидимому, относительно костюмовъ была соблюдена историческая правда. Но кулисъ не было вовсе. Когда въ одной сценѣ пришлось представить дѣвицу, посаженную въ тюрьму, послѣднюю изображали два табурета, поставленные одинъ на другой; узница выглядывала на зрителей между ножками верхняго табурета, и это означало, что она смотритъ изъ оконъ тюрьмы.

Такова сценическая иллюзія китайскаго театра.

О КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Когда я задумала подѣлиться впечатлѣніями о видѣнномъ мною во время моего путешествія, я увидѣла, что наблюденія мои очень не полны, а видѣннаго много; вотъ почему, чтобы не потеряться въ массѣ этого видѣннаго, я хочу говорить здѣсь лишь о китайской женщинѣ, насколько я могла наблюдать ее. Не понимая китайскаго языка и не имѣя переводчика, говорящаго по-русски, я была вынуждена только смотрѣть на китайскую жизнь; конечно, при этомъ у меня поневолѣ являлись догадки, и не понимая рѣчи, я добавляла видѣнную жизнь своимъ воображеніемъ. Здѣсь, по возможности, я буду говорить лишь о томъ, что видѣла, и иногда сообщать тѣ свѣдѣнія, какія сообщали мнѣ миссіонеры, съ которыми я встрѣчалась въ Китаѣ.

Проѣзжая по китайскимъ городамъ, мы останавливались обыкновенно въ гостинницахъ, или, правильнѣе, на постоялыхъ дворахъ, т. е. тамъ, гдѣ были стойла и кормъ для нашихъ животныхъ. Жизнь, которую мы тутъ видѣли, была жизнь городскаго мѣщанства, если говорить, перекладывая китайскую жизнь на наши нравы. Женщинъ я могла наблюдать также больше всего изъ этого сословія, много также видѣла и крестьянокъ, но въ Китаѣ жизнь деревни и жизнь городовъ очень мало отличаются одна отъ другой. Меньше мнѣ приходилось наблюдать жизнь богатыхъ китайцевъ; раза три, четыре случалось бывать въ домахъ чиновниковъ разныхъ ранговъ.

Для наблюдательницы, мало знающей китайскую жизнь, казалось, что во всѣхъ этихъ классахъ общества женщины были похожи одна на другую. Главнымъ образомъ, это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что въ Китаѣ во всѣхъ классахъ женщина не получаетъ образованія: грамотныхъ

женщины я не встрѣчал. При этомъ и покрой платья у нихъ во всѣхъ сословіяхъ одинаковъ, — различается одежда лишь въ подробностяхъ по мѣстностямъ, да еще, можетъ быть, по обстоятельствамъ, въ которыхъ находится. Матеріи обыкновенно употребляютъ одноцвѣтныя; средній классъ и крестьянство носитъ преимущественно бумажныя темносинія матеріи, высшій классъ — шелковыя, болѣе свѣтлыя. Обыкновенно китаянки носятъ халаты, или курму, какъ принято называть у насъ, до колѣнъ и широкіе вверху и узкіе у ногъ панталоны, завязанные у лодыжекъ лентой; бѣлые чулки и маленькіе, вышитые шелками башмаки. Въ парадныхъ случаяхъ китаянки надѣваютъ юбки: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ — косыя, съ рѣдкими у пояса складками, въ другихъ — широкія, сложенныя въ складки плиссе, и спереди и сзади имѣютъ разрѣзъ. Волосы всѣ китаянки, начиная съ удрученной нищетой и кончая женой градоначальника, носятъ въ шиньонахъ; правда, прическа эта разнообразится нѣсколько и иногда различается у барынь и простолюдинокъ, но и у послѣднихъ она также вычурна, нерѣдко и требуетъ шнурковъ, шпилекъ, различныхъ гребенокъ и фиксатуаровъ. Разницу, конечно, дѣлаетъ то, что барыни сооружаютъ свои шиньоны ежедневно, а бѣдныя женщины гораздо рѣже, богатыя употребляютъ золотыя шпильки и украшенія, а бѣдныя — мѣдь.

То же нужно сказать и относительно другой особенности китайскаго костюма, маленькихъ башмаковъ, или, лучше сказать, относительно обычая уродованія ногъ. Мы привыкли думать, что эта мода принадлежитъ лишь высшимъ классамъ, что это, такъ сказать, выставка аристократичности; между тѣмъ, всѣ китаянки уродуютъ свои ноги, — это обычай священный и ненарушимый. Есть исключенія, но онѣ зависятъ не отъ разницы общественнаго положенія. Не уродуютъ совсѣмъ ногъ манджурки, слѣдовательно, при дворѣ, и жены старшихъ, преимущественно военныхъ сановниковъ, которые назначаются главнымъ образомъ изъ манджуръ. Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ часто можно встрѣтить женщинъ съ большими ногами, но это потому, что тамъ живетъ много манджуръ, которыхъ мы по костюму не отличаемъ отъ китайцевъ, а также и потому, что многіе природные китайцы этой провинціи женятся на манджуркахъ или монголкахъ. Не уродуютъ ногъ также въ провинціи Фокіенъ. Въ остальномъ Китаѣ ноги вездѣ уродуютъ; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ мода эта достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ; нога женщины устанавливается въ чайную чашку, такова, по крайней мѣрѣ, ходячая похвала маленькимъ ногамъ, да и дѣйствительно, разстояніе между каблукомъ и носкомъ башмака иногда меньше дециметра.

Въ этихъ провинціяхъ мѣщанки и крестьянки, занимающіяся своею наружностью, отличаются такими же миніатюрными башмаками, какъ и барыни; въ другихъ провинціяхъ ноги стягиваютъ меньше, особенно въ горныхъ округахъ, гдѣ экипажей не существуетъ, или тамъ, гдѣ женщина участвуетъ въ полевыхъ работахъ. Стягивать ноги начинаютъ дѣвочкамъ лѣтъ трехъ, иногда позднѣе; случается, что откладываютъ это лѣтъ до семи. Процессъ этотъ очень мучителенъ для ребенка: для этого берутъ тесьму или отрѣзокъ коленкора, аршина въ два, три длиной, и забинтовываютъ ножку, оставляя конецъ большаго пальца наружи, остальные пальцы прижимаютъ къ подошвѣ; вся передняя часть ноги также притягивается этимъ бинтомъ къ пяткѣ, такъ что выемка между пяткой и концомъ ступни увеличивается. Въ это углубленіе впослѣдствіи вставляется внутренній каблукъ, замаскированный чулкомъ; на этотъ-то каблукъ и большой палецъ ноги и надѣвается башмакъ съ узкимъ носкомъ и также съ каблукомъ; такая обувь, конечно, очень неудобна при ходьбѣ, и въ тѣхъ округахъ, гдѣ женщина работаетъ, внутренняго каблука не бываетъ.

Въ Китаѣ нерѣдко приходится слышать о гибели женщинъ отъ нападенія волковъ или дикаго кабана на пашняхъ; множество гибло ихъ и попало въ плѣнъ во время дунганскаго возстанія: бѣжать отъ опасности китайская женщина не можетъ.

Дѣти часто болѣютъ во время связыванія ногъ, иногда по цѣлымъ днямъ оглашаютъ домъ своимъ крикомъ, но заботливые родители неутомимы; случается, что нѣжная бабушка или мать не выдержатъ и снимутъ бинтъ, но это только отсрочка; черезъ годъ, черезъ два дѣвочку опять свяжутъ, и, когда она будетъ побольше, она уже не будетъ кричать, — пойметъ, что такъ нужно. Чтобы быть красивою, нужно страдать: это не одни французы выдумали, какъ видно.

Бельгійскіе католическіе миссіонеры, проповѣдуя христіанство, требуютъ, чтобы китаянки отреклись отъ этого обычая; французскіе миссіонеры не рѣшаются идти противъ моды, и въ ихъ миссіяхъ дѣвочки подвергаются уродству. Я не могу иначе назвать эту моду: благодаря ей, всѣ китаянки горбятся при ходьбѣ, помогаютъ себѣ, балансируя руками, а если нужно идти скоро, то, не стѣсняясь, употребляютъ костыли. Страшно бываетъ видѣть, когда беременная китаянка идетъ по улицѣ или по дорогѣ, гдѣ много ѣзды. Останавливаясь, китайскія женщины всегда стараются прислониться къ стѣнѣ спиной, чтобы опираться только на каблуки, а не на носки башмаковъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ женщины

предпочитаютъ вести сидячую жизнь, что отзывается на ихъ здоровьи,— онѣ безпрестанно страдаютъ головными болями.

Обычай уродовать ноги, какъ кажется, отражается также на всемъ китайскомъ хозяйствѣ. При малѣйшемъ достаткѣ, большинство домашнихъ занятій исполняется мужчинами: стряпаютъ почти всегда повара, или наемные, или сами мужья; дѣтей нянчатъ тоже женщины, или мальчики; наблюдать за чистотой, мыть, чистить — у китаянки тоже нѣтъ охоты: посуда, столы, все покрывается грязью, или моется очень рѣдко и кое-какъ. Хозяйственныхъ запасовъ въ домахъ не держатъ, почти все покупается въ лавкѣ и все на одинъ разъ, къ обѣду; чаще все, что нужно, разносчики приносятъ на домъ.

Дѣвочки, лишенныя возможности развиться, рано засаживаются за рукодѣліе. У торговыхъ людей женщина принимаетъ большое участіе въ торговлѣ: она сидитъ въ лавкѣ за выручкой, если это гостинница или съѣстная лавка; часто женщина же сидитъ у плиты, варитъ для посѣтителей чай, раньше заготовленную лапшу, кисель, кукурузу, бобы, картофель и прочую неприхотливую уличную ѣду.

У земледѣльцевъ женщины часто участвуютъ въ полевыхъ работахъ; онѣ полютъ пашни въ продолженіи всего лѣта; жнутъ вмѣстѣ съ мужчинами и молотятъ цѣпами; всѣ полевыя работы, исключая послѣдней, онѣ производятъ, сидя или ползая по пашнѣ на колѣнкахъ. Женщины также ухаживаютъ за огородомъ и за маковыми полями, приготовляя опій, и за хлопчатниками, снимая хлопокъ.

Иногда изготовленіе топлива лежитъ также на попеченіи женщины, она собираетъ навозъ домашнихъ животныхъ и тщательно просушиваетъ его для этой цѣли. Ребятишки китайскіе также постоянно заняты собираньемъ навоза; для этого они цѣлый день бѣгаютъ по проѣзжей дорогѣ, съ корзиной въ одной рукѣ и маленькими граблями въ другой. Тамъ, гдѣ топятъ дровами или каменнымъ углемъ, навозъ собираютъ для удобренія полей. Китайцы собираютъ также на топливо всякій кустарникъ, вырывая его съ корнемъ, и всякую негодную для ѣды траву съ огородовъ и пашенъ. Гдѣ не нуждаются въ топливѣ, тамъ сорныя травы собираютъ на кормъ свиньямъ. Вслѣдствіе этого часто китайскій ландшафтъ лишенъ зелени, исключая той, которая посажена или посѣяна человѣческими руками. Правда, китайскія поля всегда превосходно обработаны и всегда содержатся въ порядкѣ, но для нашего глаза ихъ постоянная правильность, отсутствіе дикой природы производитъ впечатлѣніе скуки.

Въ бѣдныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, гдѣ не держатъ скота, гдѣ нѣтъ даже ословъ, женщина же должна молоть хлѣбъ на ручной мельницѣ: для этого она берется за приводъ, укрѣпленный въ верхнемъ жерновѣ, и ходитъ вокругъ точно такъ же, какъ это дѣлаетъ оселъ или лошадь у болѣе зажиточныхъ.

Есть деревни, гдѣ всѣ женщины занимаются какимъ нибудь ремесломъ; намъ встрѣчались такія, гдѣ всѣ жительницы заняты были пряжей нитокъ изъ хлопчатой бумаги; прядутъ китаянки на прялкѣ. На югѣ, гдѣ разводятъ шелковичнаго червя, прядутъ шелкъ; иногда тутъ же, безъ дальнѣйшей выдѣлки, ткутъ изъ него матеріи. Такія домашняго приготовленія матеріи бываютъ обыкновенно желтаго цвѣта и очень рѣдки; дѣлаютъ изъ нихъ, повидимому, благодаря ихъ прозрачности, одни только кушаки. За ткацкимъ станкомъ рѣдко можно встрѣтить женщину: ткутъ обыкновенно мужчины. Мнѣ не приводилось видѣть, но я слыхала, что есть деревни, гдѣ всѣ жители занимаются однимъ какимъ-нибудь ремесломъ, причемъ существуетъ раздѣленіе труда; такимъ образомъ, говорятъ, приготовляютъ искусственные цвѣты: одинъ человѣкъ или въ одномъ домѣ приготовляютъ только листья, въ другомъ — лепестки, въ третьемъ цвѣты собираютъ и т. д. Искусственные цвѣты въ Китаѣ въ большомъ употребленіи: всѣ молодыя женщины, не исключая и крестьянокъ, желая принарядиться, втыкаютъ въ волосы цвѣтокъ; часто также ставятъ цвѣты передъ домашнею божницей.

Въ городахъ есть еще одинъ женскій промыселъ, — это странствующія музыкантши и пѣвицы. Китайцы этихъ женщинъ называютъ *фин-тю-сеть* (искусная женщина, художница); несмотря на почетное названіе, женщины эти уваженіемъ не пользуются: про нихъ идетъ дурная слава. Мнѣ только разъ пришлось встрѣтить такихъ арфистокъ. Ихъ было пять большихъ и одна маленькая дѣвочка; послѣдняя, пользуясь привилегіей ребенка, была очень развязна: забралась къ намъ въ комнату, ласкалась, какъ котенокъ, ко мнѣ и особенно къ моему мужу. Не[illegible] ранняя, [illegible]ная наивность была непріятна въ ней, но въ то же время дѣвочка возбуждала въ насъ жалость къ себѣ, и мы были съ нею ласковы. Мнѣ казалось, что она была немного тронута нашею лаской, и въ ея напускной, по приказу, ласковости проявлялось немного и истиннаго чувства. Она принесла къ намъ гитару и спѣла съ нею какую-то бравурную пѣсенку, причемъ сѣла въ очень кокетливую позу, очевидно, подражая манерамъ большихъ пѣвицъ. Арфистки пѣли на дворѣ, — мы отказались пригласить

ихъ въ свою комнату, и только послѣ предложили имъ какое-то угощеніе въ одной изъ лучшихъ комнатъ гостиницы. Ихъ музыкальные инструменты — что-то въ родѣ скрипки и гитары, на нихъ онѣ аккомпанируютъ себѣ, когда поютъ. Китайское пѣніе намъ не нравилось, хотя изрѣдка встрѣчаются недурные мотивы. Одѣты пѣвицы нарядно. Говорятъ, ихъ обыкновенно содержитъ какой-нибудь антрепренеръ, и выручку онѣ должны отдавать ему; часто антрепренеромъ бываетъ мужъ: въ Китаѣ можно имѣть много женъ (у одного изъ чиновниковъ города Лунъ-онъ-фу ихъ было десять, какъ мнѣ говорили). Иногда такіе антрепренеры покупаютъ маленькихъ дѣвочекъ у бѣдняковъ и съ дѣтства начинаютъ обучать ихъ музыкѣ, пѣнію и вообще дрессировать для своихъ цѣлей. Въ южныхъ провинціяхъ, говорятъ, для той же цѣли покупаютъ и мальчиковъ.

Жилище китайское до крайности неуютно; намъ трудно себѣ и представить, какъ женщина можетъ жить въ такихъ, доступныхъ для всѣхъ комнатахъ, гдѣ нѣтъ ни одного уголка закрытаго, нѣтъ ни перегородокъ, ни занавѣсокъ.

Домъ, сложенный изъ сырцоваго кирпича, всегда дѣлится на отдѣльныя помѣщенія, состоящія изъ двухъ комнатъ; входъ въ каждое помѣщеніе со двора; первое служитъ кухней, имѣетъ очагъ или плиту. Иногда жилище состоитъ изъ одной комнаты, рѣже изъ трехъ. Двери, соединяющія комнаты между собой, очень часто безъ затворокъ и безъ портьеръ. Въ каждой комнатѣ половина занята глинянымъ или деревяннымъ возвышеніемъ, которое называется *канъ*, подтапливается снизу и покрывается цыновкой, кошмой или тюфякомъ. Жизнь женщины по преимуществу проходитъ на этомъ канѣ; тутъ она умывается, причесывается, одѣвается, работаетъ, обѣдаетъ и спитъ. На ночь разстилаютъ для спанья ватныя одѣяла, которыя на день складываются въ порядкѣ на томъ же канѣ. Подушки у китайцевъ до крайности неудобны; это — четырехъ-угольные валики, до жесткости набитые пескомъ, опилками или шелухой какого-нибудь зерна. Тутъ же на канѣ и устраиваютъ постель для малаго ребенка; часто для этого употребляютъ какое-нибудь старое платье; ни отдѣльныхъ тюфяковъ для дѣтей, ни люлекъ я никогда не видала. На томъ же канѣ спитъ и мужъ, а если семья велика, то и остальные члены семьи. Говорятъ, что въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, ради сбереженія мѣста, китайцы спятъ такъ: женщины ложатся головами къ стѣнѣ, а мужчины къ краямъ кана. При такихъ условіяхъ женщины спятъ, не раздѣваясь; этою привилегіей пользуются только мужчины. Впрочемъ, наши понятія о стыд-

ливости въ Китаѣ непримѣнимы; женщина часто, не стѣсняясь, обнажаетъ грудь при мужчинахъ, или даже [illegible] во время умыванія или причесыванія.

Дома богатыхъ людей устроены точно такъ же, [illegible] съ тою разницей, что такихъ отдѣльныхъ [illegible] въ городахъ, въ особенности въ торговыхъ кварталахъ, [illegible] расположены обыкновенно квадратомъ вокругъ двора, причемъ [illegible] на улицу, имѣетъ въ себѣ [illegible], а въ глубинѣ двора — парадныя комнаты; два боковыхъ [illegible] или домашнія комнаты, или [illegible]. Часто [illegible] подъ квартиры. Если мѣсто не дозволяетъ [illegible], то сараи и конюшни занимаютъ одинъ изъ боковыхъ [illegible] не отличаются отъ человѣческаго [illegible] тельствъ, конюшня превращается въ квартиру, а квартира въ конюшню.

У болѣе богатыхъ людей дома помѣщаются [illegible] улицы и располагаются обыкновенно въ такомъ порядкѣ: на улицу [illegible] глухая стѣна съ воротами, или домъ, занятый службами и прислугой, затѣмъ слѣдуетъ второй дворъ, иногда третій; [illegible] отъ улицы помѣщаются домашнія комнаты, гдѣ живетъ семья. Принимать въ домашнихъ комнатахъ при женѣ и дочеряхъ [illegible] только людей близкихъ, родственниковъ [illegible] не проникаютъ. Такимъ образомъ, китайской барынѣ [illegible] нимъ міромъ мало доступно, [illegible] образомъ, черезъ слугъ, [illegible] мелкихъ чиновниковъ, состоящихъ на [illegible] торчать въ домѣ своего патрона и [illegible] гами и чиновниками. Между тѣмъ женщины [illegible] общее съ мужемъ помѣщеніе, поневолѣ [illegible] его жизни. Занятіе хозяйствомъ [illegible] мужской прислугой, или [illegible] вары на домъ, чтобы барыни могли сами [illegible].

Существуетъ мнѣніе, что китайцы [illegible] религіознаго чувства; въ такомъ случаѣ, какъ [illegible], — говоритъ французскій путешественникъ Аббатъ Давидъ, — [illegible] кумиренъ и даже монастырей, [illegible] вующихъ исключительно на [illegible] эти построены обыкновенно въ мѣстахъ [illegible]

дающихъ поэтическое чувство? Религіозны-ли китайскія женщины, — я сказать не могу. Женскихъ монастырей въ Китаѣ я не видала и не слыхала объ ихъ существованіи въ настоящее время, хотя въ древности, говорятъ, ихъ было много. Кумирни женщины посѣщаютъ, повидимому, не часто; [illegible], для этого назначаются въ календаряхъ особые дни; но разъ въ Тянь-цзинѣ мнѣ случилось видѣть молодую женщину или дѣвушку въ кумирнѣ Квань-Инь-Пуса, молящуюся съ самымъ горячимъ чувствомъ.

Квань-Инь-Пуса — женское божество — считается вообще представительницей милосердія, и въ особенности подательницей дѣтей; ей молятся также во время бѣдствій на водахъ. Жизнь Квань-Инь-Пуса представляетъ цѣлый романъ, и сцены изъ этого романа чуть-ли не самый любимый сюжетъ у китайскихъ живописцевъ. Въ день нашего отъѣзда изъ Тянь-цзина, въ храмѣ Квань-Инь-Пусы былъ праздникъ, и въ него стекались женщины со всей окрестности: по рѣкѣ то-и-дѣло плыли лодки, наполненные исключительно нарядно одѣтыми женщинами; исключеніе составляли [illegible], бывшіе на многихъ лодкахъ.

Посѣщеніе кумирень въ Китаѣ почти всегда соединено съ увеселеніями; вокругъ храмовъ часто разводятся сады и устраиваются гостинницы, часто тѣми же монахами, которые служатъ при храмахъ. Вблизи большихъ городовъ загородныя кумирни представляютъ дачныя мѣста, куда жители [illegible] среди зелени, отдохнуть отъ городской духоты. При кумирняхъ обыкновенно устраиваются и театры: въ городахъ — большіе, съ ложами, съ обширнымъ партеромъ, на которомъ устраиваются отдѣльныя мѣста со столами и стульями, какъ въ гостинницахъ; въ деревняхъ же и небольшихъ мѣстечкахъ театръ устроенъ проще, и только, какъ необходимое дополненіе къ кумирнѣ, воздвигается помѣщеніе для сцены, какъ разъ напротивъ зданія со статуями боговъ, какъ будто представленіе дается передъ ихъ взорами. Въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ есть постоянныя [illegible]; въ другихъ мѣстахъ театральныя представленія [illegible] народныхъ героевъ и героинь. Говорятъ, на каждое значительное историческое событіе въ краѣ можно найти драматическое представленіе; сколько я могла судить по разсказамъ, это драмы преимущественно-поучительнаго содержанія. Нашъ переводчикъ, Сандалинсимба, былъ большой любитель театра и говорилъ, что „[illegible]". Представленіе въ театрѣ обыкновенно продолжается нѣсколько дней

и даются съ утра до ночи, и, вѣроятно, чтобы не утомить зрителей трогательными сценами, они чередуются съ грубыми бытовыми фарсами, иногда съ участіемъ клоуновъ, обыкновенно вызывающими громкій хохотъ публики. Актеры набираются иногда изъ мѣстныхъ любителей или, чаще, деревенское общество складывается и приглашаетъ странствующую труппу актеровъ. Въ деревенскихъ театрахъ для публики особыхъ помѣщеній нѣтъ, ей предоставляется размѣщаться, какъ угодно,—на дворѣ кумирни или на улицѣ, если ограды около кумирни нѣтъ; мужчины толпятся или сидятъ на принесенныхъ изъ дому скамейкахъ у авансцены, а сзади нихъ женщины смотрятъ съ телѣгъ, на которыхъ пріѣхали. Театръ въ Китаѣ—народное увеселеніе по преимуществу.

Во время праздниковъ женщины посѣщаютъ своихъ родственниковъ; особенно обязательны эти визиты въ новый годъ. Обыкновенно, молодыя женщины послѣ первыхъ дней новаго года, проведенныхъ съ мужемъ, уходятъ погостить на нѣсколько дней въ родительскій домъ. Женщины посѣщаютъ родныхъ также въ томъ случаѣ, если въ домѣ покойникъ, и участвуютъ въ похоронахъ. Въ такихъ случаяхъ являются въ домъ родственниковъ умершаго непремѣнно съ подарками: въ деревняхъ это по большей части какіе-нибудь припасы для угощенія гостей; иногда присоединяютъ къ этому и деньги. Женщины въ знакъ траура надѣваютъ на себя бѣлый халатъ, бѣлый платокъ на голову и даже бѣлые башмаки, если покойникъ близкая родня; если дальняя, то халатъ остается цвѣтной. На кладбище женщины ѣдутъ обыкновенно на телѣгѣ, и во время поѣздки считаютъ долгомъ помочь вдовѣ или дочерямъ оплакивать умершаго; плачутъ громко, съ причитаніями нараспѣвъ, но показывать плачевный видъ вовсе не обязательно, и вслѣдъ за причитаніемъ съ той же телѣги до васъ доносится веселый смѣхъ и болтовня. По возвращеніи съ кладбища, у воротъ дома, гдѣ былъ покойникъ, всѣ проходятъ между двухъ костровъ, снимаютъ бѣлые халаты, умываются, и затѣмъ уже входятъ въ домъ. На время похоронной процессіи нанимаютъ музыку, часто [illegible] и въ то время, когда еще покойникъ стоитъ въ домѣ, или чаще, у небогатыхъ во дворѣ, потому что изъ жилыхъ комнатъ гробъ выносятъ и ставятъ въ палаткѣ; музыка въ это время играетъ, повидимому, обыкновенныя пьесы: ничего печальнаго въ ней не слышно, по крайней мѣрѣ, для европейскаго слуха. Ближайшія родственницы, а также сыновья умершаго выходятъ оплакивать своихъ покойниковъ на улицу утромъ и вечеромъ, на зарѣ, и это продолжается что-то долго, недѣли двѣ, кажется.

Свадебнаго пира въ Китаѣ мнѣ не удалось видѣть. Разъ только въ Пекинѣ случилось встрѣтить на улицѣ процессію съ музыкой, въ сопровожденіи множества нарядно одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ; говорили, что это несутъ приданое невѣсты въ домъ жениха. Всѣ вещи несутъ на виду, а такъ какъ китайцы очень любятъ все дѣлать на показъ, то образовался обычай носить въ этой процессіи не дѣйствительное приданое, а вещи, взятыя на прокатъ изъ лавокъ. Въ большихъ городахъ есть особыя лавки, дающія вещи на прокатъ — пронести въ процессіи, надѣть на одинъ разъ; попользоваться временно по уговору на какой-нибудь срокъ можно и платьемъ, и домашнею мебелью, и посудой и т. д.

Бываютъ-ли въ Китаѣ праздники, соотвѣтствующіе нашимъ крестинамъ, я не могу сказать, но день рожденія празднуется. У китайцевъ есть обычай, на нашъ взглядъ странный, — это давать числительныя имена вмѣсто собственныхъ. Можно встрѣтить человѣка съ именемъ Семьдесять два, Тридцать пять, Чиу-ля, Саним-у и т. п.; даются они иногда въ честь годовъ дѣдушки, бабушки или въ память какого-нибудь событія. Иногда просятъ назначить имя ребенку человѣка посторонняго; разъ съ подобною просьбой обратились къ моему мужу, когда мы стояли въ палаткахъ, недалеко отъ китайской деревни. Крестника принесли къ намъ; вмѣстѣ съ нимъ принесли курицу и блюдо заброженнаго ячменя, изъ чего китайцы приготовляютъ напитокъ, напоминающій нашъ квасъ. По совѣту нашего переводчика, мужъ мой выбралъ въ словарѣ подходящее, по его мнѣнію, слово [illegible] — сильный, и далъ его мальчику — къ большому, повидимому, удовольствію дѣдушки, приносившаго ребенка. Я слыхала также о другихъ подобныхъ случаяхъ.

Дѣтей китайцы очень любятъ, каждый мечтаетъ о продолженіи своего рода. Католическіе миссіонеры жалуются, что китайцы-католики, получающіе образованіе въ ихъ семинаріяхъ, рѣдко дѣлаются священниками, именно вслѣдствіе требованія монашескаго обѣта отъ католическихъ священниковъ. Если у китайца нѣтъ своихъ дѣтей, онъ усыновляетъ кого-нибудь, иногда покупаетъ для этой цѣли ребенка у бѣдняковъ.

Обыкновенно, китайцы имѣютъ по много дѣтей. По крайней мѣрѣ, въ деревняхъ насъ обыкновенно поражала масса ребятишекъ. Говорятъ, что китайки часто умираютъ отъ послѣродовыхъ болѣзней. Молока у матери обыкновенно много, если только мать не голодаетъ, но въ большихъ городахъ у бѣдныхъ часто, говорятъ, молока не бываетъ; ребенка въ такомъ случаѣ выкармливаютъ жидкою болтушкой.

Рядомъ съ большою любовью къ дѣтямъ, въ Китаѣ существуетъ обычай дѣтоубійства; объясняется это, конечно, трудностью добывать пропитаніе, и особенно сильно развивается этотъ обычай въ мѣстахъ густо населенныхъ. Говорятъ, что это дѣлается обыкновенно повивальною бабкою; она при рожденіи ребенка, котораго родители не желаютъ оставить въ живыхъ, льетъ на него холодную воду до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не захлебнется. Убиваютъ обыкновенно дѣвочекъ. Около города Куку-Хото (или Гуй-хуа-чена по-китайски) по канавамъ часто встрѣчаешь волковъ. Миссіонеръ Кейла говорилъ, что волки приходятъ къ городу подбирать выброшенные трупы дѣтей. Во многихъ городахъ Китая есть пріюты для брошенныхъ дѣтей. Многіе родители прямо отдаютъ въ эти пріюты дѣтей. Въ настоящее время христіанскія миссіи также основываютъ пріюты, но въ нихъ почти никогда не бываетъ мальчиковъ. Миссіонеры раздаютъ дѣтей на прокормленіе по деревнямъ, а когда подростутъ, берутъ ихъ въ пріюты, гдѣ изъ нихъ воспитываютъ китаянокъ-христіанокъ. Содержатся эти пріюты просто: дѣвочекъ пріучаютъ къ работамъ въ огородахъ и на пашняхъ и къ самымъ обыкновеннымъ рукодѣліямъ; въ нѣкоторыхъ пріютахъ учатъ китайской грамотѣ настолько, чтобы дѣти могли читать молитвенникъ въ церкви; иногда ихъ заставляютъ пѣть въ церкви латинскія молитвы. Когда дѣвочки подростутъ, ихъ выдаютъ замужъ, и окрестные крестьяне, говорятъ, охотно женятся на пріютскихъ, считая ихъ болѣе порядочными, чѣмъ обыкновенныя крестьянскія дѣвушки. А можетъ быть потому, что миссія даетъ своимъ воспитанницамъ небольшое приданое, тогда какъ, женясь на дѣвушкѣ изъ родительскаго дома, женихъ еще самъ долженъ сдѣлать подарки родителямъ невѣсты.

Миссіонеры хорошо отзываются о нравственности китайскихъ женщинъ; говорятъ, что нарушеніе вѣрности между супругами большая рѣдкость, между тѣмъ какъ мужчины отличаются большою распущенностью нравовъ. Семейная жизнь китайской женщины часто бываетъ очень тяжела, и потому самоубійства между женщинами очень часты. Самостоятельной жизни для китайской женщины не существуетъ, и потому вдовы часто отравляются послѣ смерти своихъ мужей. Въ послѣднемъ случаѣ отравленія часто, можетъ быть, совершаются не только вслѣдствіе причинъ экономическихъ, но также и потому, что китайское общество признаетъ самоубійство вдовы съ уваженіемъ; по крайней мѣрѣ, я гдѣ-то въ европейской литературѣ о Китаѣ встрѣтилъ такое сообщеніе.

Вѣроятно также, что причина частыхъ самоубійствъ въ Китаѣ нуж-

и приписать привычкѣ къ куренію опіума. По словамъ миссіонеровъ, куреніе его распространяется въ Китаѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Теперь часто курятъ и женщины, и даже дѣти, дѣвочки, и начинаютъ курить все раньше и раньше. Домъ, въ которомъ мать — курильщица, или отецъ, можно узнать сразу: вообще въ Китаѣ грязно, дѣти оборваны, но тамъ, гдѣ мать куритъ, все это еще въ десять разъ хуже. Курильщики, по крайней мѣрѣ, страстные, не принадлежатъ себѣ: они или имѣютъ желаніе курить, дѣлаются при этомъ вялыми, многіе начинаютъ страдать разными болѣзнями, — часто болитъ голова, у кого желудокъ, и каждый такой человѣкъ старается бросить всѣ дѣла, улечься на канъ и устроить трубку; а послѣ выкуриванія, человѣкъ остается съ часъ времени или болѣе въ состояніи дремоты, а нѣкоторые при томъ крѣпко и глубоко засыпаютъ, а уже послѣ этого у нихъ наступаетъ періодъ оживленія. У многихъ этотъ періодъ мало замѣтенъ или бываетъ непродолжителенъ. Со временемъ онъ сокращается, наступаетъ отупѣніе, — человѣкъ дѣлается болѣзненнымъ, весьма склоненъ къ [illegible]. Самое страшное въ этой привычкѣ, кажется, то, что курильщику необходимо постоянно увеличивать свою порцію и курить все чаще и чаще.

Курильщику трудно бываетъ самому поддерживать свою трубку, поправлять огонь въ лампѣ, подкладывать опіуму, равномѣрно подогрѣвать его, — вотъ почему курильщики-мужья часто требуютъ отъ своихъ женъ раскуриванія трубки и, такимъ образомъ, втягиваютъ и ихъ въ привычку курить, а матери для той же цѣли привлекаютъ къ этому своихъ дѣтей. Отъ куренія опіума развивается жестокость: дѣти у матерей — курильщицъ родятся больными, чахлыми, болѣзненными, плаксивыми, раздражительными, а для успокоенія ребенка даютъ ему пилюли изъ опіума, внутрь. Куреніе опіума распространено больше въ тѣхъ округахъ, гдѣ сѣютъ макъ и приготовляютъ изъ него опіумъ, конечно, дешевле. Сѣянье опіума не такъ вредно; особенно разрушительно дѣйствуетъ на здоровье опіумъ, получаемый изъ остатковъ въ трубкѣ отъ куренія, въ особенности [illegible] курятъ городскіе бѣдняки.

Разъ, въ одномъ изъ китайскихъ городковъ, расположенныхъ въ Монголіи, мы зашли осмотрѣть мельницу. Въ обширномъ сараѣ, въ одномъ углу устроенъ жерновъ, вокругъ котораго ходилъ оселъ съ завязанными глазами и [illegible]; въ другомъ углу съ потолка было подвѣшено сито и подъ нимъ стоялъ ларь, въ который падала просѣваемая мука. Китаецъ [illegible] и раскачивалъ сито руками. Осмотрѣвши

это хозяйственное заведеніе, мы вошли въ другую, смежную дверь, также отворенную съ улицы; здѣсь намъ пришлось увидать семейство мельника. На нарахъ, въ этой совершенно пустой, закоптѣлой и безъ признаковъ какого-нибудь хозяйства или имущества комнатѣ, лежала женщина съ новорожденнымъ ребенкомъ. Мать, казалось, спала; ея лицо и лицо ребенка было зеленоватаго землистаго цвѣта, а у послѣдняго, сверхъ того, оно было какое-то сморщенное, точно печеное яблоко. Лохмотья, въ которыя были одѣты и мать, и ребенокъ, тоже были подъ стать: какого-то неопредѣленнаго отъ грязи цвѣта; только и выдавались изъ всего этого маленькіе, нѣкогда пунцовые башмаки на изуродованныхъ ногахъ женщины, повидимому, никогда не снимавшіеся. Это была курильщица опіума. Бѣдность этого семейства происходила, вѣроятно, вслѣдствіе этой несчастной страсти хозяйки; въ Монголіи опіумъ часто продается на вѣсъ серебра, т.-е. золотникъ опіума продаютъ на золотникъ серебра, „и цень, и цень“ „и лянъ, и лянъ“, какъ говорятъ китайцы, одинъ цень, одинъ цень.

Не всѣ китайскія мельничихи и мельницы похожи на только-что описанную; въ моемъ дневникѣ находится описаніе другой мельницы, въ деревнѣ Сантаху, на южной окраинѣ Гоби. Мельничиха была вдова, и хозяина тутъ не было; взрослый сынъ, повидимому, игралъ совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ, за-то Шидзя-танъ (мать) была живая, энергичная старуха. Разъ, когда мы проходили по деревнѣ, она вышла къ намъ на-встрѣчу и усерднѣйшимъ образомъ приглашала насъ къ себѣ, а когда мы отказывались, она, шутя, но, тѣмъ не менѣе, очень настойчиво, взяла за плечи самаго упорнаго члена нашего общества и потащила въ ворота; пришлось уступить. Дворъ былъ большой; крѣпкія массивныя телѣги, колеса которыхъ были въ ростъ человѣка, стояли у амбаровъ; въ одномъ углу двора толстая лошадь съ завязанными глазами вертѣла жерновъ. Домъ былъ безъ роскоши, деревенскій, въ одну комнату, но свѣтлый и просторный; задняя часть комнаты, у очага, была отгорожена глиняною перегородкой и представляла сусѣкъ для пшеничнаго зерна. Кромѣ обычныхъ хозяйственныхъ вещей, въ комнатѣ стояли сновальникъ и станокъ для тканья, по устройству очень похожіе на тѣ, какіе употребляютъ крестьяне въ средней Россіи; на станкѣ ткалась шерстяная матерія для мучныхъ мѣшковъ. Дочери мельничихи сидѣли на канѣ за вышиваніемъ, а сынъ хозяйки, окруженный другими молодыми людьми деревни, зашедшими сюда посмотрѣть на насъ, досталъ съ полки календарь и съ самодовольною улыбкой показалъ намъ, что онъ умѣетъ читать. Грамотныхъ нашлось и еще

нѣсколько человѣкъ. Шидзя, все время весело болтавшая съ собравшейся публикой, предложила намъ горячей похлебки, которая состояла изъ клочковъ тонко раскатаннаго тѣста, сваренныхъ въ кипяткѣ и приправленныхъ лукомъ и уксусомъ, — кушанье очень употребительное у китайскаго простонародья, — и затѣмъ чаю съ сладкими булками, печеными на пару (*[illegible]*) по-китайски. Необыкновенная живость хозяйки, такъ и носившейся изъ одного угла комнаты въ другой, несмотря на ея забинтованныя ноги, сообщалась и остальному обществу,— всѣ присутствовавшіе наперерывъ сообщали мнѣ китайскія названія предметовъ, находившихся подъ руками, и весело смѣялись надъ моими ошибками въ произношеніи. Провожая насъ домой, Шидзя сейчасъ же замѣтила, что мужа моего интересуютъ растенія и стала называть всѣ встрѣчавшіеся деревья и кустарники — *[illegible]* (вязъ), *[illegible]* (тополь), громко выкрикивала она.

На другой день, подъ предводительствомъ мельничихи, въ нашъ лагерь явилось нѣсколько деревенскихъ женщинъ отплатить визитъ и посмотрѣть наши вещи.

Мужчины также не чуждались насъ, но они приходили, большею частью, желая что-нибудь купить у насъ или продать намъ.

Вообще, крестьяне китайскіе были очень добродушны съ нами и произвели пріятное впечатлѣніе. За то городская толпа приводила въ отчаяніе своимъ любопытствомъ и нахальствомъ.

Теперь разскажу вамъ о знакомствѣ моемъ съ китайскими барынями.

Весной 1885 г., мы жили десять дней въ Синини; между прочимъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ снималъ тамъ фотографію съ Сининскаго амбаня, т.-е. съ начальника всего Сининскаго округа и съ трехъ его товарищей по управленію городомъ. Женѣ одного изъ этихъ генераловъ также хотѣлось имѣть съ себя фотографію, и, чтобы успѣшнѣе достичь этой цѣли, она задумала познакомиться со мной. Сначала она прислала къ намъ въ гостинницу свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи. Собственный экипажъ, человѣка [illegible] слугъ или подчиненныхъ, какъ ихъ принято называть, и очень приличная няня, сопровождавшіе дѣвочку, показывали, что она принадлежала къ высшему классу общества. Дѣвочка, несмотря на свои годы, держалась очень сдержанно, не выказывала ни особеннаго любопытства, ни нетерпѣнія увидать что-нибудь изъ европейскихъ вещицъ, что очень свойственно китайцамъ; не показывала она также и дикости или застѣнчивости. Чистенькая, нарядно одѣтая, съ бахромой волосъ, спущенныхъ на лобъ, она очень напоминала мнѣ европейскихъ дѣво-

чекъ. Нянъ передала мнѣ приглашеніе отъ барыни и просила назначить время, когда за мной можно будетъ прислать носилки. На другой день, часу въ третьемъ, я, въ сопровожденіи Сандалъ[illegible] ([illegible] стараго переводчика—монгола) и двухъ полицейскихъ, сопровождавшихъ китайскую повозку, поѣхала къ барынѣ на обѣдъ. Миновавъ шумныя торговыя улицы, мы въѣхали въ [illegible] часть города, гдѣ на улицу выходила кумирня. Во дворѣ этой кумирни помѣщалось ямынь; такъ называли намъ чаще вообще всякое китайское присутственное мѣсто или учрежденіе. Оставивъ экипажъ на переднемъ дворѣ, мы вошли во второй, гдѣ въ глубинѣ двора, на открытой верандѣ, стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ; вокругъ нѣсколько креселъ, а на столѣ лежала мраморная плитка съ натертой тушью и стоялъ стаканъ съ кистями. Мнѣ сказали, что тутъ происходятъ судебныя засѣданія. На этотъ разъ на верандѣ не было никого, кромѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, очевидно, вышедшихъ изъ комнатъ посмотрѣть на меня. Тутъ же въ углу стоялъ пунцовый зонтъ, который носятъ въ Китаѣ впереди генерала, когда онъ показывается на улицѣ; прошедши еще одинъ дворъ, мы пришли, наконецъ, на тотъ, гдѣ находились жилыя комнаты футая *). Домъ этотъ былъ устроенъ также, какъ и всѣ китайскіе дома: прямо противъ входа во дворъ стоялъ главный домъ; направо и налѣво отъ него на этотъ разъ были глухія стѣны съ калитками, и уже за ними виднѣлись другія зданія, но, повидимому, это не были службы или кухни. Передъ главнымъ домомъ была обычная веранда, отъ которой двери вели въ пріемную, освѣщенную лишь этими входными дверями; изъ пріемной, направо и налѣво вели двери въ слѣдующія комнаты. Пріемная эта устраивается вездѣ почти одинаково: стѣна противъ входной двери занята обыкновенно статуями боговъ или у небогатыхъ людей картиной, изображающей что-нибудь священное; едва-ли не чаще всего тутъ висятъ картину, изображающую семейную группу—старика-дѣда, его сына, [illegible] и малыхъ дѣтей; картина эта [illegible] одинаково и называется „долголѣтіе" или что-то въ этомъ родѣ. Иногда изображеніе замѣняется свиткомъ [illegible], на которомъ написаны священные іероглифы. Въ пріемной всегда помѣщается [illegible] крупныхъ размѣровъ, съ сидѣньями [illegible] и расшитыми, какъ всегда въ Китаѣ; передъ нами поставлены были [illegible]

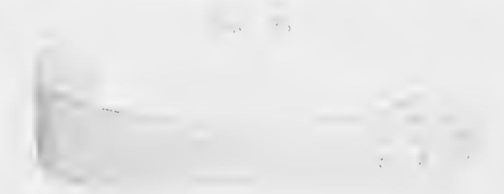
*) Футай — [illegible]

и вазы съ цвѣтами [illegible]. Обыкновенно вмѣстѣ съ цвѣтами ставятъ блюдо съ плодами, а въ купеческихъ домахъ тутъ же обыкновенно ставятъ [illegible] — [illegible]; это — тоже своего рода божество китайскаго народа.

Въ пріемной стоятъ обыкновенный столъ и нѣсколько креселъ.

Въ дверяхъ пріемной встрѣтила меня [illegible]; это — типъ, съ которымъ обращаются въ Китаѣ съ барынями. Мы прошли съ ней въ комнату направо. Тай-тай была женщина лѣтъ 30, не особенно красивая, но довольно пріятной наружности; конечно, бѣлилы и румяна на губахъ [illegible] на рисункѣ; въ обращеніи барыни было много привѣтливости и даже радушія. Мы сѣли у стола въ креслахъ и сюда намъ подали чай и къ нему пирожное и фрукты; пирожное очень напоминало мнѣ европейскія печенья. Фрукты въ Китаѣ подаютъ обыкновенно очищенные отъ кожи и нарѣзанные ломтиками. Барыня брала эти ломтики палочками, которыя замѣняютъ въ Китаѣ наши вилки, и накладывала мнѣ на отдѣльное блюдо. Присутствовала здѣсь [illegible] другая женщина.

Рис. [illegible]



Барыня много разспрашивала меня, но до меня черезъ [illegible] доходила едва десятая часть вопросовъ. Онъ [illegible] плохо приспособлялся къ роли переводчика и предпочиталъ на вопросы отвѣчать самъ, не доводя до свѣдѣнія разговаривающихъ сторонъ вопросы и отвѣты. Къ тому же онъ плохо понималъ мой очень бѣдный монгольскій языкъ. Изъ того, что говорилось, я поняла, между прочимъ, [illegible] [illegible] рѣчь. Узнала я также, что [illegible] не будетъ, что домъ, въ которомъ она теперь проживаетъ, не ея собственный, а наемная квартира, причемъ барыня [illegible]. Дѣйствительно, при ближайшемъ осмотрѣ комнаты оказались давно не ремонтированными, [illegible] отъ старости и [illegible]. Нѣсколько [illegible] смотрѣли уголокъ хозяйки обитыя краснымъ сукномъ нары, замѣняющія китайцамъ диванъ и постель.

былъ задрапированъ сверху матеріей и убранъ подушками, а по стѣнамъ надъ ними были развѣшаны картины.

Дочка тай-тая, все съ такими же серьгами въ ушахъ и косой, какъ была у насъ, сидѣла въ той же комнатѣ у окна и, какъ оказалось, вышивала шелками башмаки для своей куклы. Здѣсь я въ первый разъ видѣла у китайской дѣвочки куклы: онѣ были сшиты изъ тряпокъ и не особенно изящны; по моей просьбѣ, дѣвочка показала мнѣ и другія свои игрушки; ихъ было немного и между ними то, что мы называемъ китайскій casse-tete—угольники изъ слоновой кости и книжка съ фигурами. Всѣ игрушки, конечно, были такія, которыми можно играть сидя: ноги у дѣвочки были уже зашнурованы.

Послѣ чаю барыня предложила показать мнѣ садъ. Ямынь, въ которомъ они жили, находился на краю города, и потому, вѣроятно, постройки въ немъ были не тѣсны. Кромѣ фанзъ или домовъ, занятыхъ футаемъ, были тутъ и другіе дома, цѣлый лабиринтъ изъ нихъ, какъ мнѣ показалось, гдѣ жили другіе чиновники; все это раздѣлялось садиками и двориками хотя небольшихъ размѣровъ, но разгороженныхъ стѣнами, иногда съ калитками въ нихъ, иногда съ открытыми арками, и мы сдѣлали большой кругъ во владѣніяхъ ямыня, нигдѣ не встрѣчая затрудненія. Садъ у футая былъ очень недуренъ, съ дорожками, съ цвѣтниками, съ большими деревьями, въ томъ числѣ и съ фруктовыми—съ яблонями, грушевыми и персиковыми; послѣднія были въ цвѣту, а остальные уже начинали распускать листья. Были также въ этомъ саду искусственныя горки и красивые виды на Сининъ и его окрестности; были также бесѣдки и галлереи, и совсѣмъ закрытыя, и полуоткрытыя; въ одной изъ бесѣдокъ, по словамъ барыни, футай лѣтомъ занимался дѣлами; одна галлерея была украшена рисунками, сдѣланными отъ руки, можетъ быть, работы самого футая; по крайней мѣрѣ, я слыхала, что у чиновныхъ китайцевъ это въ обычаѣ.

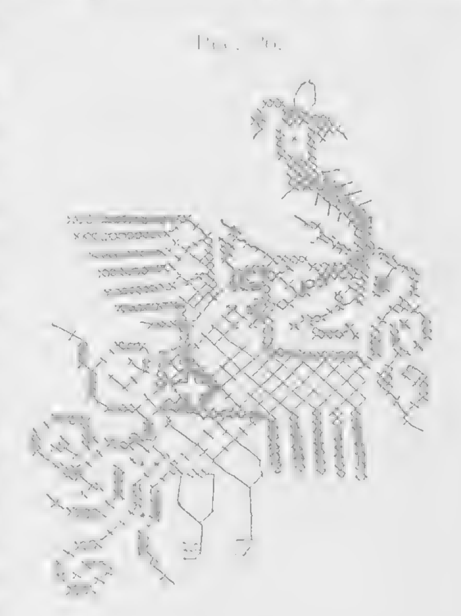
Указывая на эти рисунки, барыня спросила меня, могу-ли я нарисовать также? Въ саду была и теплица, но цвѣтовъ въ ней не было; барыня объяснила мнѣ, что цвѣтоводствомъ занимался преимущественно ея мужъ, старый футай. Въ саду было также лѣтнее помѣщеніе, выстроенное и меблированное нынѣшнимъ футаемъ на свой счетъ и по своему вкусу. Впрочемъ, личному вкусу у китайцевъ предоставляется очень мало, обычай царитъ надъ всею китайскою жизнью; на мой взглядъ, и эта гостиная носила такой же казенный характеръ, какъ и ямынская; она была лишь новѣе и чище. Здѣсь мы посидѣли немного и, я сказала бы, поболтали,

потому что. Дѣйствительно, мы обѣ говорили много и очень желали понимать другъ друга, но это не очень удавалось. Повидимому, и китайской барынѣ такъ же, какъ мнѣ о китаянкахъ, хотѣлось знать о нашихъ нравахъ и обычаяхъ; но переводчикъ мой такъ тяготился своими обязанностями (по китайскому этикету ему не хотѣлось сидѣть въ присутствіи китаянокъ, а стоять для его ... тоже было уже трудно), что мы рѣшили отпустить его и дальше уже обходиться собственными средствами, т.-е. тѣми десятью-двумя китайскихъ словъ, какія я знала, и пантомимами. Особенною живостью, общительностью и бойкостью расспросовъ, а также и способностью понимать, или лучше сказать, угадывать отвѣты, отличалась няня, все время сопровождавшая насъ. Подъ конецъ барыня утомилась ходить по саду, а воспользоваться тачкой, предназначенною для ея услугъ въ этомъ случаѣ, которую мы видѣли на дорожкахъ сада, не захотѣла, и ушла домой, а мы докончивали осмотръ сада съ дѣвочкой и няней. Няня повела меня въ *Ци-танъ*, находившійся тутъ же въ саду.

Ци-танъ значитъ храмъ въ память умершаго героя. Это была обыкновенная китайская кумирня, въ которую вели широкія, въ родѣ крытой галлереи, ворота. Въ кумирнѣ были грубо сдѣланы статуи героя, его жены и дѣтей; няня объяснила мнѣ знаками, что герой этотъ зарѣзался во время послѣдней войны съ дунганами. Стѣны кумирни были покрыты рисунками, изображающими взятіе Синина, приступъ, штурмъ, разрушеніе ..., взятіе города, битвы въ улицахъ ... Судя по одушевленію, съ которымъ няня объясняла мнѣ эти картины, онѣ, должно быть, были правдивы; въ художественномъ отношеніи онѣ тоже были недурны въ своемъ родѣ: рисунокъ былъ тонкій и вѣрный, особенно удачны были фигуры людей и животныхъ, но за то перспективы, какъ и всегда, не существовало. На стѣнахъ галлереи, ведущей въ кумирню, были изображены иностранцы, повидимому, посольство, приносящее подарки; лица были не китайскія, костюмы — тоже. Няня называла эти фигуры: „сѣверные варвары“ и „западные варвары“; въ рукахъ одного изъ варваровъ были нарисованы европейскіе столовые часы. Все это имѣло довольно отдаленное сходство съ дѣйствительностью, но, быть можетъ, изображало и дѣйствительное событіе изъ жизни покойнаго генерала. Напротивъ галлереи была сцена для театральныхъ представленій. Впослѣдствіи я узнала, что, дѣйствительно, во время осады города, когда все было потеряно императорскими войсками, губернаторъ города лишилъ себя жизни, чтобы не пережить позора. Китайцы считаютъ такихъ людей героями.

Возвращаясь изъ сада, мы зашли еще въ одинъ изъ домовъ яменя; это, какъ оказалось, была квартира одной барыни, которую я съ ея дочерью уже видѣла раньше въ гостиной у тай-тай. Здѣсь обстановка была бѣднѣе, но радушія и привѣтливости было также много. Дѣвушка показывала мнѣ свои работы и разные баулечки и корзины; все это было самодѣльное, изъ дешевыхъ матеріаловъ, и показывало только искусство и терпѣніе той, которая ихъ дѣлала. Работа этой дѣвушки удивила меня: она вышивала бѣлымъ шелкомъ по пунцовому ситцу точь въ точь такъ же, какъ это дѣлаемъ мы, когда увѣряемъ, что „шьемъ русскимъ швомъ". Даже узоры казались мнѣ въ томъ же родѣ, только она не употребляла при этомъ канвы. Такъ какъ она вышивала панталоны для дочери судьи, то я подумала, что узоръ этотъ и манера шитья могли быть переняты отъ русскихъ въ Илійскомъ краѣ, но оказалось, что я ошибалась; впослѣдствіи, когда мы были въ провинціи Сычуань, я встрѣтила этотъ quasi русскій шовъ очень распространеннымъ среди населенія самыхъ глухихъ городовъ и деревень; имъ были украшены рубахи дѣтей, панталоны деревенскихъ дѣвушекъ, носовые платки уличныхъ извозчиковъ и т. д.

Рис. 76.



Черезъ нѣсколько минутъ мы съ хозяйкой этой квартиры пошли въ гостиную тай-тай, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ. Къ обѣду явилась еще гостья, очень толстая старая барыня, и, такимъ образомъ, мы обѣдали впятеромъ, считая [illegible]. Столъ былъ выдвинутъ на середину комнаты, кресла придвинуты, но на этомъ и заканчивались всѣ приготовленія къ обѣду: скатерти китайцы не употребляютъ, а салфетки, если онѣ бываютъ, находятся въ рукахъ слугъ и подаются въ концѣ обѣда послѣ того, какъ слуга окунетъ ихъ въ тазикъ съ горячей водой. На этотъ разъ салфетокъ не было, не было также и мужской прислуги; обѣдъ былъ, повидимому, запросто, и двѣ бесѣдовавшія съ нами барыни, какъ мнѣ показалось, были обычными гостями за столомъ тай-тай. Всѣмъ намъ положены были на

палочки изъ слоновой кости, но, кромѣ того, серебряная ложка русская, въ уваженіе моего неумѣнія ѣсть по-китайски. Затѣмъ, на столѣ было поставлено нѣсколько большихъ, нормальныхъ по нашему, тарелокъ съ различными горячими соусами, а намъ поставлены чашки меньшаго размѣра съ вареннымъ рисомъ; на столѣ было также поставлено нѣсколько блюдечекъ съ зеленью и солеными приправами. Матеріалъ обѣда былъ самый незамысловатый; [illegible] можно было считать развѣ различные сорта зелени, еще не попадавшіеся до сихъ поръ на столахъ у бѣдняковъ. Кушанья мнѣ нравились, но когда, по окончаніи этихъ, все-таки довольно [illegible] блюдъ, мнѣ предложили выпить супу, состоящаго изъ одного не очень густо свареннаго проса, къ тому же не соленаго, я не осилилъ порціи. Десертъ и фрукты я бы предпочелъ въ этомъ случаѣ.

Послѣ обѣда, когда мы встали изъ-за стола, въ комнату собралась женская прислуга, — не только та, которую я уже видѣлъ и которая была одѣта прилично, но также и не видѣнная еще мною, въ засаленномъ и оборванномъ одѣяніи. Она, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, разговаривала между собой, пока наши мѣста принимались доканчивать то, что осталось отъ нашего обѣда. Окончанія я не дождался: мулы и повозка были уже готовы, и я уѣхалъ.

Во время того обѣда, баринъ высказалъ мнѣ желаніе снять съ себя фотографію. Обѣщавъ ему это исполнить, я переговорилъ предварительно съ нашимъ секретаремъ, который умѣлъ фотографировать, и старался [illegible], котораго можно заставить сдѣлать портретъ [illegible], и что въ настоящее время онъ очень занятъ. Оказалось, однако, нашъ секретарь былъ настолько любезенъ, что согласился сдѣлать фотографію барина, съ тѣмъ условіемъ, однако, что портретъ не будетъ отпечатанъ въ Саншинѣ, а будетъ ему высланъ впослѣдствіи.

Въ тотъ же день, забравъ фотографическій аппаратъ, въ сопровожденіи монгола, который обыкновенно присутствовалъ при фотографированіи, я снова отправился въ домъ [illegible]. На этотъ разъ я видѣлъ тамъ уже отпечатанный портретъ самого хозяина дома; конечно, это былъ предметъ, интересный для всей семьи, но онъ не долго оставался въ [illegible], его сейчасъ же унесли въ комнату генерала. На этотъ разъ въ гостиной у барина появился какой-то молодой, очень приличный человѣкъ, въ очкахъ по близорукости; онъ принесъ намъ [illegible]

[illegible] фотографіи: это были, повидимому, карточки китайскихъ [illegible] ... [illegible] были [illegible]. Молодой человѣкъ и царица [illegible] ... что они желали бы [illegible] такой [illegible] портретъ [illegible] ... исполнить это желаніе царицы, [illegible] ... портреты, [illegible] на то, что [illegible] ... [illegible] приспособленій.

Снимать портретъ рѣшили [illegible] саду, и я воспользовался для этого [illegible] [illegible] въ Си-таин. [illegible] надѣла [illegible] туалетъ; ея кофта изъ превосходнаго чернаго [illegible] была украшена на груди [illegible] золотымъ дракономъ, на шеѣ [illegible] крупныя четки изъ [illegible] красного дерева, а [illegible] ... европейской работы. [illegible] ... [illegible].

Рис. [illegible]

Усадивъ [illegible] ... [illegible] ... мой, [illegible] ... [illegible] ... [illegible] снимать.

[illegible] ... [illegible], бы- [illegible] ... что, вѣроятно, [illegible] ... [illegible] портретъ [illegible] ... что [illegible] они должны [illegible].

Тутъ я узналъ еще одну интересную [illegible] жизни. Ока- [illegible] ... [illegible] ... [illegible] вести [illegible] ... [illegible], кото- [illegible] ... что чинов- никъ [illegible] ... [illegible] въ другимъ [illegible] ... по [illegible] ... [illegible] приносить [illegible].

Въ [illegible] ... [illegible] улицы, и что черезъ мѣсяцъ портретъ былъ сдѣланъ и [illegible] былъ мной

даже разрешеніе запечатать и отдать начальнику города [illegible] для отсылки по адресу. Но впослѣдствіи мнѣ [illegible], что царица не получила моей посылки, и уже осенью 1886 г. [illegible] фотографіи сдѣлали для царицы вторые отпечатки съ сохранившагося негатива. Въ ту же зиму [illegible] долженъ былъ оставить [illegible], и больше я не видѣлась съ этой барыней.

Въ другой разъ я была приглашена на обѣдъ къ начальнику маленькаго захолустнаго городка [illegible], въ провинціи Ганьсу. Начальникъ города былъ такъ любезенъ, что первый сдѣлалъ визитъ въ нашу гостиницу. Пока мужъ мой его принималъ, въ мою комнату принесли его маленькую внучку, дѣвочку лѣтъ пяти. Угостивши ее и чиновника, принесшаго ее, лакомствами, какія у меня были, я подарила дѣвочкѣ еще нитку [illegible] коралловъ, купленныхъ нарочно на случай подарковъ въ Неаполѣ. Вслѣдъ за визитомъ градоначальника, отъ него получено было приглашеніе на обѣдъ, но мой мужъ чувствовалъ себя въ этотъ день нездоровымъ и отказался, тогда стали настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, я приняла приглашеніе. Я тоже отказывалась; мнѣ было страшно скомпрометировать себя какимъ-нибудь незнаніемъ китайскихъ обычаевъ. Не хотѣлось также появиться среди китайцевъ не нарядно одѣтою, а со мною было только дорожное платье; однако, приглашеніе было такъ настойчиво, что было бы невѣжливо далѣе отказываться, и я согласилась. За мною были присланы носилки, такъ какъ [illegible] Китая дамамъ не принято показываться на улицѣ [illegible]. На этотъ разъ, впрочемъ, я не нашла этотъ способъ передвиженія удобнымъ, носильщики [illegible] неумѣло и несли, сильно раскачивая носилки, [illegible] часто смѣняясь; послѣ я узнала, что это были просто солдаты мѣстнаго гарнизона, а не носильщики по профессіи; притомъ, мнѣ казалось, что носильщики [illegible] все время болтали обо мнѣ, [illegible], что я [illegible]. Миновавъ нѣсколько торговыхъ улицъ, съ густою толпою [illegible], мы перешли [illegible] и вступили въ [illegible] части правительственнаго города; [illegible]. Солдаты, спустивъ носилки, [illegible] перегъ [illegible], которые [illegible], чтобы они внесли меня во внутрь двора, такъ какъ [illegible], что [illegible] совсѣмъ [illegible]. Повидимому, оно такъ и было; мое требованіе было исполнено, и я вышла изъ паланкина передъ верандою того дома, куда была приглашена. Это также былъ [illegible], потому что меня пронесли не въ главныя ворота. Разно-

ложеніе комнатъ было [illegible] то же, что [illegible] Сининѣ: та же пріемная со статуями противъ входныхъ дверей и тѣ же [illegible] комнаты направо и налѣво, но здѣсь все было меньше и [illegible] и старѣе, чѣмъ у сининскаго футая. Встрѣтили меня двѣ барыни, одна — жена начальника города, хозяйка дома, молодая еще барыня, другая — дочь его, ея падчерица, [illegible] за подчиненнаго чиновника, [illegible], повидимому, въ томъ же домѣ. Сначала визитъ имѣлъ оффиціальный характеръ, т.-е. мы съ барынею сидѣли за столомъ въ пріемной и угощались чаемъ и фруктами, а при насъ присутствовалъ какой-то китайскій чиновникъ [illegible] съ шарикомъ и мой переводчикъ; но потомъ [illegible] ушли, а къ намъ присоединились остальные женскіе члены семьи: дочь, внучка, уже знакомая мнѣ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, дочь хозяина дома; послѣдняя была уже набѣлена и имѣла непріятный видъ [illegible] дѣвочки, считающей себя большою. Вскорѣ посмотрѣть на меня [illegible] старухи въ лохмотьяхъ, и полуголыя дѣти. Вообще, китайцы очень заботятся о внѣшности, но дома, [illegible] такъ, гдѣ [illegible], [illegible] самыми пренебрежительными и грязными [illegible]. Скоро мы перешли изъ гостиной въ спальную хозяйки: такое соединеніе комнатъ было достигнуто тѣмъ, что комната имѣла два [illegible] — одно [illegible], другое [illegible] стѣны; послѣдній былъ отдѣланъ [illegible] гравировкой. Гравировка, ковры, столы и все, что принадлежало къ квартирѣ, было старо и загрязнено. Платье на хозяйкахъ дома было новое, хотя и небогатое, и [illegible] ныхъ европейскихъ матерій, а не шелковое. Мужъ этой барыни служилъ нѣкогда въ южныхъ провинціяхъ, куда уже проникаетъ нѣсколько европейская торговля, а вмѣстѣ съ ней и нѣкоторое, хотя слабое, знакомство съ европейскими порядками жизни. Хозяйка дома родомъ была изъ Си-ань-фу, очень большого, извѣстнаго въ китайской исторіи города, бывшаго нѣкогда столицей и теперь еще [illegible] центра; сообщивъ мнѣ [illegible], она не [illegible] упомянуть о [illegible] исторіи своего роднаго города. Такое [illegible] женщины. Ея манеры [illegible] мнѣ, носили также хотя почти неуловимый отпечатокъ какой-то особой [illegible], какой налагаетъ на людей жизнь въ большихъ городахъ; рядомъ съ ней ея падчерица смотрѣла [illegible] и грубоватой провинціалкой.

Узнавши, что я умѣю читать и даже писать, барыни очень заинтересовались: обѣ онѣ не были грамотны. Онѣ заставляли меня написать то или другое китайское слово или фразу, и потомъ прочитать ее; для ника-

ти возможности воспроизводить звуки чужого языка казались чуть не чудомъ*); этимъ процессомъ писанія заинтересовался и чиновникъ, находившійся при насъ: едва-ли это не былъ мужъ младшей изъ дамъ. Онъ служилъ раньше въ Илійскомъ краѣ и зналъ нѣсколько русскихъ и наши обычаи; принимая участіе въ нашихъ бесѣдахъ, онъ нѣсколько облегчилъ ихъ, такъ какъ могъ пояснить наши взаимные вопросы и отвѣты. Человѣку, совсѣмъ незнакомому съ тою разницей, какая существуетъ между двумя цивилизаціями, китайской и европейской, иногда трудно и догадаться, о чемъ спрашиваютъ васъ. Вопросы были въ родѣ того: Какъ [illegible] въ Россіи; Правда-ли, что у насъ всѣ имѣютъ четырехколесные экипажи; въ Китаѣ, говорятъ, это привилегія императора; Правда-ли, что у вашего Государя есть рота тѣлохранителей, составленная изъ [illegible]; Занимаютъ-ли у насъ [illegible] высшія государственныя должности и т. д. Не знаю, насколько поняты были мои отвѣты, передаваемые черезъ монгола, не вполнѣ меня понимавшаго. Можетъ быть, и мои разсказы подадутъ поводъ ко многимъ фантастическимъ представленіямъ о Россіи, несмотря на мое искреннее желаніе сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія.

Обѣдъ былъ подавъ въ пріемной; мужчинъ за нимъ не было. Сервировка обычная: четыре однѣ и тѣ же полоскательныя чашки съ главными блюдами и блюда и блюдечки съ приправами. Мясо подавалось трехъ сортовъ: свинина, курица и утка, все мелко изрѣзанное и совершенно терявшееся въ массѣ зелени и овощей. Ѣсть приходилось палочками, ложекъ здѣсь не подали. Деликатесовъ, кромѣ трепанговъ, сепій, жабръ акулы и тому подобныхъ вещей, къ моему великому удовольствію, не было: вѣроятно, въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ [illegible], они составляютъ предметы слишкомъ большой роскоши. Послѣ обѣда слуга, перемывшій въ этой же комнатѣ посуду, принесъ тазъ съ горячею водою,

Рис. [illegible]

*) [illegible]

смочилъ въ ней салфетки (европейскія) и, отжавши ихъ своими руками, подалъ намъ вытереть ими руки; отъ этого я была не прочь, но отереть лицо, какъ это дѣлаютъ китайцы, не рѣшилась.

Послѣ обѣда ненадолго въ гостиную приходилъ хозяинъ дома, толстый чиновникъ, но разговоръ съ нимъ не оставилъ во мнѣ никакого впечатлѣнія. Скоро поданы были носилки, и я отправилась. Тай-тай, прощаясь со мной, непремѣнно хотѣла, чтобы я взяла отъ нея нѣсколько гранатъ; мнѣ было нѣсколько странно такое желаніе, такъ какъ фруктовъ въ городѣ было множество у разносчиковъ, и казалось, что предлагая ихъ, она придавала этому какое-то значеніе и была нѣсколько сконфужена, когда послѣ нѣсколькихъ отказовъ я рѣшилась взять ихъ. Когда я вернулась домой въ сопровожденіи чиновника, послѣдній объявилъ мнѣ, что тай-тай велѣла передать мнѣ, что я должна и ея дочкѣ подарить коралловъ, какъ подарила раньше внучкѣ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ такое безцеремонное напрашиваніе на подарокъ, и, признаюсь, я подумала, чиновникъ этотъ выпросилъ кораллы въ свою пользу, прикрываясь именемъ тай-тай, но потомъ я вспомнила, что Скачковъ, въ своей статьѣ о китайской кухнѣ, указываетъ на обычай отдариванія за обѣдъ. Онъ говоритъ также, что такой отдарокъ можетъ быть сдѣланъ деньгами, и что обычаемъ этимъ низкое чиновничество нерѣдко злоупотребляетъ, приглашая на свои обѣды лицъ, обязанныхъ благодарить за эту честь свое начальство. Коралловъ я послала; не знаю только, вознаградили-ли они достаточно за убытки всего обѣда. Солдатамъ-носильщикамъ также должна была щедро заплатить за ихъ услуги.

Думаю, что разсказами объ этихъ встрѣчахъ съ китаянками я достаточно познакомила съ тою чисто-внѣшнею стороной китайской домашней жизни, которая одна только и доступна была для меня въ моемъ положеніи путешественницы, безъ близкихъ знакомствъ и безъ знанія языка.

ТЫСЯЧА СТО ВЕРСТЪ ВЪ НОСИЛКАХЪ.

Си-ань-фу — старинный городъ; теперь онъ областной, а нѣкогда, лѣтъ тысячу тому назадъ, это была столица и центръ всего китайскаго міра. Мы подъѣзжали къ нему съ восточной стороны, и хотя за нѣсколько верстъ населеніе стало замѣтно гуще, все-же до самыхъ городскихъ стѣнъ доходятъ пашни. Въѣхали мы въ ворота, но это не былъ еще городъ, а лишь его предмѣстье: улицы были широки, обсажены деревьями; подъ этими послѣдними жители расположились съ своими кустарными производствами, — гдѣ дѣлали курительныя свѣчи, гдѣ кожевники растянули кожи.— Видали величавый субурганъ монгольскаго монастыря. Ближе къ городу пошли кузницы, каретныя и плотничныя мастерскія, улицы стѣснились, пошла мостовая и стало замѣтно грязнѣе. Предмѣстье отъ городскихъ стѣнъ отдѣляется глубокимъ рвомъ, черезъ который перекинуты каменные мосты. Переѣхавши одинъ изъ нихъ, мы въѣхали въ восточныя ворота настоящаго города; надъ воротами высилась огромная пятиэтажная башня съ рядами пустыхъ оконъ или квадратныхъ амбразуръ. Подъ башней и все пространство между башней и вторыми воротами было густо занято торговцами мелочными товарами. Тѣснота и давка тутъ была такая, что трудно себѣ и представить небывалому человѣку, а, между тѣмъ, между этой снующей взадъ и впередъ публикой, какой-то китаецъ поставилъ переносную печь, столы, скамьи и устроилъ уличный ресторанъ въ самыхъ воротахъ. Ѣдущіе телѣги и всадники наѣзжали обѣдающихъ такъ, что они, то-и-дѣло, должны были наклонять головы и беречь спины. Далѣе, черезъ весь городъ протянулась такая-же торговая улица, сначала широкая, съ каменной мостовой, настолько испорченной, что ее предпочитали объѣзжать, тѣснясь

къ домамъ, несмотря на [illegible] грязь. [illegible] наши [illegible] ули[illegible] [illegible] простор[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], один [illegible] ребенкомъ на рукахъ и [illegible] старуха; [illegible] [illegible] [illegible] не видать. Скоро, впрочемъ, намъ опять пришлось [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Если мы приблизите [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

немалая, на перекресткахъ, узкихъ до нельзя, приходилось подолгу пере-[illegible] встрѣчное движеніе. Не задѣть и не попортить весь этотъ товаръ, [illegible] на самую улицу, не было никакой возможности, и наши ботинки не раз[illegible] за какой-нибудь столикъ, уставленный посудой, или даже сшибали съ ногъ человѣка, остановившагося покупать. Чаще всего въ такихъ случаяхъ страдали старухи,—имъ не удавалось увернуться быстро на [illegible] ногахъ отъ наѣзжающаго экипажа, несмотря на несмолкаемые крики возницы съ просьбой посторониться; въ суматохѣ и тѣснотѣ трудно бываетъ сыскать виноватаго, и потому дѣло кончается чаще всего только бранью, пущенною въ догонку. Мы по такимъ шумнымъ улицамъ ѣхали пол-часа, пока наконецъ доѣхали до гостинницы, гдѣ должны были остановиться. Ворота въ нее — такъ по-китайски зовутъ гостинницу — ничѣмъ не отличались отъ сосѣднихъ лавокъ, — вездѣ кругомъ

Рис. [illegible].

[illegible] товаръ и торговля. Подъ воротами [illegible] обыкновенно устраиваютъ нѣчто вродѣ ресторана, гдѣ могутъ обѣдать и пить чай приходящіе. Движеніе на улицахъ въ Си-нин-фу показалось намъ значительно больше, чѣмъ въ Пекинѣ, [illegible] улицы [illegible] и народу [illegible] (баронъ Рихтгофенъ [illegible] [illegible], что ихъ меньше). Поразило насъ какое обиліе нищихъ въ Си-нин-фу и какихъ нищихъ! Это обыкновенно почти голые [illegible], съ [illegible] одни бродятъ, другіе уже лежатъ [illegible], другой прикрывается [illegible]; между этими [illegible] очень много молодыхъ. Много также и [illegible], которые ходятъ [illegible] [illegible].

Въ Си-ань-фу мы прожили четыре дня въ довольно приличномъ дянѣ, гдѣ много было и другихъ жильцовъ. Между ними былъ одинъ очень юный, но важный чиновникъ, пріѣхавшій изъ Пекина. Къ нему все пріѣзжали въ носилкахъ отдавать визиты, и на дворѣ постоянно стояли хорошенькая каретка и верховые полицейскіе, сопровождавшіе его при поѣздкахъ. Съ помощью хозяина нашего дяня мы наняли, съ значительными хлопотами, двое носилокъ, чтобы отправиться до г. Чен-ту-фу, находящагося въ 1200 верстахъ разстоянія отъ Си-ань-фу. На наши деньги это стоило намъ около 300 рублей.

Носилки, повидимому, чисто китайское изобрѣтеніе; онѣ состоятъ изъ ящика, составленнаго изъ тонкихъ бамбуковыхъ палочекъ; въ немъ только полъ изъ досокъ, бока обтянуты [illegible], крыша сдѣлана тоже изъ циновки, внутри проволочная сѣтка для сидѣнія; съ боковъ въ этотъ ящикъ протянуты два бамбуковыхъ шеста, саженъ въ двѣ длиною; лямка, соединяющая концы этихъ шестовъ, кладется на плечи носильщиковъ, если ихъ только два, или надѣвается на небольшой шестъ, который кладутъ на плечи два человѣка, становясь одинъ впереди другаго; при этой послѣдней манерѣ для каждыхъ носилокъ надо четыре человѣка. Китайскіе мандарины сидятъ въ этой клѣткѣ всегда съ опущенной передъ самымъ ихъ носомъ занавѣской и съ закрытыми окнами; мы не могли и четверти часа пробыть, не поднявъ занавѣски, и почти постоянно держали отворенными окна. Ѣзда въ носилкахъ очень покойна, вначалѣ нѣсколько укачиваетъ, но скоро привыкаешь къ этому. Носильщики идутъ скоро, вѣроятно не менѣе шести верстъ въ часъ, часто бѣгомъ, никогда не сбиваясь съ ноги и ни на минуту ни за чѣмъ не останавливаясь. Почти каждую минуту они перекладывали шесты съ одного плеча на другое и дѣлали это по командѣ: всю дорогу мы слышали протяжные возгласы: [illegible], и вслѣдъ затѣмъ перемѣна плеча и [illegible] (вѣроятно песня), или что-нибудь въ этомъ родѣ. Послѣ часа непрерывной ходьбы носильщики останавливались, ставили носилки на землю и давали себѣ отдыхать. Чаще всего эти остановки бываютъ у воротъ дяня, гдѣ можно закусить или выпить.

Возвращаюсь къ своему разсказу. 2-го января послѣ длинныхъ споровъ у подрядчиковъ и носильщиковъ, [illegible] такъ какъ [illegible] и что [illegible] (вьюки, впрочемъ, были уже приготовлены наканунѣ), мы въ два часа дня сѣли въ носилки, а спутники на мулов, и выѣхали изъ воротъ дяня къ западу, по дорогѣ въ Чен-ту-фу. За городскими воротами опять было

разнѣстие съ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] и въ самомъ городѣ, а [illegible] [illegible] [illegible] равнина, словно покрытая пашнями. Близъ города на [illegible] [illegible] [illegible] видны кладбища; иногда же величія ворота, кромѣ нашихъ „[illegible]“, [illegible] характерными китайскими кровлями, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Безъ этихъ неестественныхъ украшеній ландшафтъ былъ бы [illegible] [illegible]. Отъ времени до времени, направо или лѣво отъ дороги, видны были группы деревьевъ и подъ ихъ тѣнью красныя гробницы [illegible]. Иногда группы [illegible] [illegible] показы[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] рядъ тополей — это

Рис. [illegible]

[illegible], [illegible] [illegible], посаженъ [illegible] деревья. Чтобы служить [illegible] [illegible] [illegible] лѣтомъ, когда поля и деревья покрываются зеленью, картина [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] то окрашено однообразно въ [illegible]. Китайцы [illegible] [illegible] [illegible] этотъ недостатокъ, оттого у нихъ [illegible] [illegible] [illegible] яркимъ краскамъ, оттого они любятъ [illegible] [illegible] [illegible]. Деревни [illegible] [illegible] встрѣчались часто; иногда [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] фанзъ изъ сырцоваго кирпича, [illegible] [illegible], со [illegible] [illegible] и кучами удобренія передъ домами, съ дѣтьми, играющими на улицахъ; въ другой разъ это торговая деревня, вытянутая въ линію по дорогѣ, гдѣ въ каждомъ

домѣ постоялый дворъ, лавка или мастерская; гдѣ обыкновенно хороше-
ній видъ [illegible] на четырехъ [illegible] улицѣ. Если въ горо-
дахъ мало думаютъ объ удобствахъ проѣзжающихъ и прохожихъ, то въ деревняхъ объ этомъ заботятся еще менѣе, и [illegible] отъ [illegible] и корзины отъ корзинщика лежатъ прямо на улицу [illegible], или улицу загораживаетъ развѣшанная у красильщика крашенина, и никто не жалуется, не протестуетъ, [illegible], каждый самъ справляется съ затрудненіями, какъ умѣетъ и какъ умѣетъ; повидимому, право перваго захвата пользуется здѣсь полнымъ уваженіемъ. Въ концѣ каждой деревни обыкновенно есть нѣсколько [illegible], гдѣ подъ навѣсомъ предлагаютъ незатѣйливую ѣду: горячую [illegible] или рисъ съ соленой рѣдькой въ приправу, или вареные бататы и гороховый кисель. У такихъ [illegible] наши носилки обыкновенно останавливались, чтобы носильщики могли отдохнуть и закусить. Иногда и мы съѣдали тутъ по чашкѣ рису или пару горячихъ бататовъ, а затѣмъ обыкновенно уходили изъ деревни впередъ, чтобы размять уставшія отъ сидѣнія ноги. Толпа въ деревнѣ относилась къ намъ всегда хорошо, [illegible] на насъ, но держалась почтительно, [illegible] прерывающимъ [illegible] и оставляла насъ въ покоѣ.

Послѣ пяти дней пути по равнинѣ, мы вошли въ горы, стали подниматься вверхъ по ущелью, и дорога почти все время шла по карнизу, часто даже выстроенному въ скалѣ; очень часто она была въ видѣ лѣстницы. Мулы здѣшніе такъ привыкли къ такимъ дорогамъ, что, нисколько не задумываясь, идутъ и вверхъ и внизъ по самымъ крутымъ и неудобнымъ лѣстницамъ, но всадникамъ иногда было страшно ѣхать на такихъ мѣстахъ, и потому почти всю горную дорогу намъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ. Еще счастье наше было, что первые дни горной дороги намъ пришлось дѣлать въ хорошую погоду, и мы только [illegible] по каменистой, мостовую, покрывающую тропинку и тамъ, гдѣ она проложена по [illegible], но когда начались дожди и грязь, мы поняли, что [illegible] наши носильщики и мулы не въ состояніи были бы удержаться на такой въ крутыхъ и узкихъ мѣстахъ тропинокъ. Намъ, сидящимъ въ носилкахъ, не приходилось испытывать трудностей, но часто, очень часто, было такъ страшно смотрѣть внизъ, когда носилки несли почти надъ бездной, и не разъ мнѣ случалось обращаться съ просьбой, чтобы носильщики пустили меня идти пѣшкомъ, но они были неумолимы и продолжали нести, не обращая на меня никакого вниманія, вѣроятно, по опыту зная, что тамъ, гдѣ они

стало, что столько труда замечено потрачено тутъ, тогда какъ половины было бы достаточно, чтобы проложить въ этихъ мѣстахъ путь гораздо болѣе удобный.

Въ горахъ, несмотря на тѣсноту дороги, часто безпрестанно встрѣчаются крестьянскіе дома и пашни. Каждое маленькое, для посѣва мѣстечко, слажено въ двѣ линіи, уже распахано; немногіе кусочки мягкой земли аршина въ два, обнятые обочинами: гдѣ посажены рѣпа, гдѣ нѣсколько кочней капусты, гдѣ грядка луку, гдѣ только возможно, построены фанзы; дворовъ, конечно, нѣтъ; [illegible] на дорогѣ, у которой вы проходите; [illegible] устроена лѣстница, очень [illegible] повисшая надъ обрывомъ; [illegible] домъ [illegible] дѣлается изъ плетня, обмазаннаго глиной, а кровля изъ соломы; на сѣверѣ фанзы кирпичныя и крыли изъ черепицы. Во время нашего перехода черезъ горы у китайцевъ праздновали новый годъ, самый большой изъ праздниковъ, праздникъ наступленія весны. Сначала шли приготовленія къ празднику. За тѣснотой жилищъ и помѣщеній широко всѣ эти приготовленія совершались на улицѣ: гдѣ мыли столы и скамьи, гдѣ стирали платье, гдѣ оклеивали окна и двери новой бумагой, гдѣ разносили пищу, хозяйки стряпали. Дѣти уже обновили новыя платья. Самый праздникъ мы провели въ деревенькѣ, [illegible] чтобы дать праздника носильщикамъ и погонщикамъ. Съ вечера вся деревенька разукрасилась фонарями и почти всю ночь слышались взрывы ракетъ; [illegible] въ честь боговъ. Всю ночь [illegible] не спали, [illegible] стряпали и устраивали ужинъ, утромъ [illegible] ѣли [illegible] и [illegible]. Хозяева [illegible] и наши носильщики приходили и къ намъ съ поздравленіемъ, причемъ приносили намъ праздничные подарки въ видѣ [illegible] печенья, а во время своего обѣда принесли и намъ своихъ блюдъ, приготовленныхъ на этотъ разъ изъ мяса и очень вкусно. Носильщики, впрочемъ, и ради праздника не измѣнили своихъ привычекъ: весь свободный день и даже канунъ праздника они провели, играя въ карты. На второй день праздника мы продолжали нашъ путь. Разница была въ томъ, что торговля на улицахъ почти совсѣмъ прекратилась, — улицы теперь наполнялись гуляющими и расхаживающими по праздничному народомъ; очень часто играли въ карты и еще въ какую-то игру деньгами; игроковъ обыкновенно окружала густая толпа зрителей. Мѣстами были качели, и молодыя женщины, и молодые [illegible], и дѣти качались; взрослыхъ [illegible] не было видно.

У подножія горъ былъ небольшой городокъ; выѣхавъ изъ него, мы

очутились въ широкой долинѣ р. Хань, направо и налѣво были видны горы, и все ровное пространство, покрытое полями, было усѣяно отдѣльными домиками и деревнями; по дорогѣ были и большія деревни. Благодаря теплу и праздничному времени, на дорогѣ и на улицахъ было очень людно; нарядно одѣтая молодежь дѣлала свои праздничные визиты къ родственникамъ, въ рукахъ у нихъ всегда находились корзиночки съ праздничными подарками. Разносчики сновали со сластями вдоль по дорогѣ; между дешевыми лакомствами главное мѣсто здѣсь принадлежало палкамъ сахарнаго тростника,—его строгалъ и сосалъ всякій мальчишка, много также было „мандариновъ“—ихъ на нашу копѣйку можно было купить пару. Много также продавалось дешевыхъ игрушекъ. Эта оживленная картина, почти не прерываясь, продолжалась во весь нашъ дневной переходъ верстъ въ 40. Здѣсь женщины менѣе уродуютъ свои ноги и потому принимаютъ болѣе дѣятельное участіе какъ въ работахъ мужчинъ, такъ и въ ихъ увеселеніяхъ. На другой день мы снова вошли въ горы, но здѣсь онѣ носили совсѣмъ другой характеръ: скалъ не было, вершины были плоски и всѣ долины были какъ-бы превращены въ ряды непрерывныхъ озеръ,—это были рисовыя поля, приготовлявшіяся къ посѣву; къ вершинѣ рисовыя поля смѣнялись обыкновенно полями пшеницы, а на крутизнахъ сѣяли уже только кукурузу. Населеніе въ горахъ живетъ бѣднѣе, но народъ намъ больше нравился, былъ красивѣе и привѣтливѣе.

Послѣ трудной горной дороги наши носильщики захотѣли отдохнуть и, дошедши къ рѣкѣ Джа-линъ-дзянъ, наняли лодку, посадили туда насъ въ носилкахъ, сѣли сами и поплыли по теченію; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько носильщиковъ тяжестей, и лодки наполнились до того, что люди сидѣли уже не только на лавкахъ, но и на полу. Съ лодки намъ было очень удобно любоваться берегами; на нихъ замѣчательно ясно были видны мощныя складки песчаниковыхъ слоевъ, точно будто горы были сложены изъ рядовъ бумаги; мѣстами были дома; здѣсь видны были слѣды балконовъ, нѣкогда тянувшихся надъ рѣкою на разстояніи верстъ двухъ или болѣе; теперь оставались только выдолбленныя дыры въ камнѣ. Незадолго до города Гуань-юаня, гдѣ мы должны были высадиться, намъ открылось очень оригинальное зрѣлище. Вся береговая скала сверху до низу раздѣлена галлереями и нишами, въ которыхъ стояли статуи боговъ; были между ними большіе, въ нѣсколько саженъ, были и маленькіе, одни сидѣли по буддійскому обычаю, другіе изображались стоя; нѣкоторыя пещеры рядами статуи очень напоминали мнѣ наши древнія христіанскія изображенія, какъ

[illegible] пространство [illegible]: [illegible] виднѣлися деревеньки, осѣ-ненныя рощами бамбука, какъ будто гигантскія страусовыя перья опушаютъ берега озеръ, или изъ-за густыхъ рощъ туй сквозятъ красивые дома [illegible]. Ворота нѣкоторыхъ [illegible] ворота, ведущія въ ихъ владѣнія, [illegible] необыкновенно [illegible] украшены рѣзьбой и покрыты красками, какъ будто это [illegible] игрушка. Чѣмъ ближе мы подходили къ Чен-ту-фу, тѣмъ гуще было населеніе. Послѣдній день передъ деревней, почти не прерываясь [illegible] по обѣ стороны дороги; по ней было такъ людно, какъ [illegible] самыхъ бойкихъ [illegible] нашей [illegible] большой улицѣ. Носилки встрѣчались почти на каждомъ шагу, не говоря уже о носильщикахъ тяжестей.

Рис. [illegible]

Носильщики, повидимому, составляютъ особый классъ населенія въ Китаѣ; несмотря на общность профессіи, они рѣзко отличаются отъ извозчиковъ и погонщиковъ [illegible]. [illegible] одѣваются чистенько въ платье крестьянскаго покроя изъ грубой синей ткани, носильщики носятъ город-

свой костюмъ, но онъ почти всегда съ чужого плеча и притомъ иногда представляетъ одни лохмотья. Когда къ намъ въ Си-ань-фу явились посильщики, мы были смущены ихъ видомъ; намъ казалось, что они представляютъ подонки городского общества; мнѣ думалось, что только насъ взялись нести такіе оборванцы, и я конфузилась нашихъ посильщиковъ, но потомъ мы увидали, что наши сравнительно франты; у другихъ, даже чиновныхъ китайцевъ, встрѣчались почти полуголые. Повидимому, что народъ, который владѣетъ только крѣпкими мускулами и здоровыми желудками; зарабатывая сравнительно много, онъ ничего не сберегаетъ: въ дорогѣ ѣдятъ хорошо, и все свободное время проводятъ за карточной игрой, можетъ быть благодаря тому, что другія удовольствія — водка и опіумъ — имъ недоступны, какъ отнимающія силу. Между тѣмъ, какъ извозчикъ имѣетъ нѣкоторую собственность — телѣгу, муловъ, можетъ быть, даже, землю, домъ, крестьянское хозяйство, — посильщикъ не можетъ имѣть даже запаснаго платья и, отправляясь въ дальній путь, онъ одѣвается легко какъ лѣтомъ, хотя бы это было и зимой. За то, находясь постоянно на службѣ у лицъ привилегированнаго класса, они привыкли и на себя смотрѣть, какъ на привилегированныхъ. Имъ, т. е. посильщикамъ, всегда уступаютъ дорогу, въ фанахъ имъ даютъ отдѣльную комнату и теплыя одѣяла на ночь; какъ только они приходятъ, имъ грѣютъ теплую воду, и они моютъ лицо, руки и ноги; ямщики не пользуются и половиной этихъ удобствъ, они даже всегда останавливаются въ разныхъ фанахъ: наши мулянщики, привезшіе нашъ багажъ, всегда отправлялись ночевать въ другой фанѣ, можетъ быть болѣе дешевый, а можетъ быть просто болѣе приспособленный для ихъ потребностей. Быть посильщикомъ — далеко нелегкая работа. У многихъ плечи или шеи стерты, ноги иногда пухнутъ, но, повидимому, за эту работу берутся уже только здоровые люди; слабые и старые оставляютъ эту профессію или переносятъ маленькія тяжести на коромыслѣ и въ корзинахъ.

20 марта 1893 г. Чингтуфу.

Дòрджи, бурятскій мальчикъ.

Далеко, очень далеко отсюда, больше чѣмъ за пять тысячъ верстъ отъ Петербурга, а именно въ Восточной Сибири, есть, какъ моимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно, большое озеро Байкалъ. Озеро это такъ велико, что окрестные жители зовутъ его моремъ. Въ длину оно около восьмисотъ верстъ, а ширина его въ самомъ узкомъ мѣстѣ доходитъ до двадцати верстъ. Въ это озеро впадаетъ р. Селенга, которая начинается въ Монголіи, а вытекаетъ изъ него Ангара, впадающая въ Енисей. Вамъ уже, вѣроятно, извѣстно, что Восточная Сибирь на югѣ граничитъ съ Монголіей и Манджуріей. Озеро Байкалъ, хотя и находится въ предѣлахъ русскаго государства, но около него, а также и по Селенгѣ, живетъ не русскій народъ, а народъ монгольскаго племени — буряты. Отъ русскихъ буряты отличаются и наружностью, и образомъ жизни, религіей, и языкомъ. Впрочемъ, въ настоящее время они уже начинаютъ заниматься земледѣліемъ, а лѣтъ сто или даже пятьдесятъ тому назадъ, они были еще *кочевники, скотоводы.*

Это *предисловіе* написала я потому, что мнѣ хочется разсказать вамъ исторію одного бурятскаго мальчика, отданнаго въ русскую школу.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, неподалеку отъ пограничнаго города Троицкосавска, примыкающаго къ столь извѣстной слободѣ Кяхтѣ, на берегу Селенги можно было видѣть группу деревянныхъ построекъ. Издали ее можно было принять за деревню, но, всматриваясь внимательнѣе, нельзя было не замѣтить, что зданія, которыя мы приняли-было за деревенскіе дома, скорѣе походятъ на сараи: въ нихъ нѣтъ оконъ, и въ кровлѣ каждаго виднѣется большая четыреугольная дыра; однакожъ дымокъ, кото-

рый вился надъ каждою кровлею, играющія дѣти у нѣкоторыхъ дверей и кое-гдѣ разбросанныя телѣги показывали, что хоть это была и не деревня, а все-же тамъ и не пустынное, а жилое мѣсто. Дѣйствительно, это былъ бурятскій улусъ, извѣстный подъ названіемъ [illegible] улуса. Каждый день утромъ и вечеромъ картина оживлялась: [illegible], съ окружающей ихъ степи, тянулись вереницы коровъ; женщины выходили имъ на встрѣчу и впускали скотъ въ загородки, окружавшія каждый домъ; въ то же время дѣти — мальчики и дѣвочки пригоняли туда же телятъ, а подростки, верхомъ на лошадяхъ, загоняли къ домамъ табуны лошадей. Въ загородкахъ, подъ открытымъ небомъ, начиналось доеніе скота, слышался говоръ, смѣхъ, иногда пѣсни [illegible]; мѣстами зажигали костры. Но [illegible], а на утро опять начиналась жизнь, пока опять скотъ не выпускали изъ загородокъ. Онъ разбѣгался снова по окружающей степи, безъ всякихъ пастуховъ и охраны; только телятъ не пускали бродить на свободѣ, а отводили на особый огороженный заборомъ лужокъ; за ними присматривала [illegible] старуха съ веретеномъ въ рукахъ или маленькіе [illegible].

Однажды въ іюльское утро 18[illegible] года, изъ одной изъ крайнихъ построекъ описываемаго нами улуса вышла бурятская женщина съ большимъ ведромъ только-что надоеннаго молока. За ней [illegible] мальчикъ тащилъ другое ведерко поменьше, которое [illegible]. Мать была въ черной плисовой шапкѣ, [illegible] спускался цѣлый наборъ серебряныхъ украшеній. [illegible] по плечамъ. Одѣта она была въ синій [illegible] плисовую безрукавку. Мальчикъ [illegible] были гладко острижены, а [illegible] также длинный халатъ и самодѣльные сапоги. [illegible] будто постоянно смѣющіеся, [illegible]. [illegible] его Юрдики. И вотъ о немъ-то я и хочу разсказать вамъ.

Жилось ему, какъ и всѣмъ бурятскимъ дѣтямъ, очень счастливо; родители его очень любили, и хотя у него не было ни игрушекъ, ни [illegible] кровати, ни стола, ни стула, ни умывальника, и даже никогда не было больше одной рубашки и одного [illegible], которые [illegible] только, когда старые совсѣмъ разваливались, тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя очень счастливымъ. Спалъ онъ въ общей комнатѣ на разостланномъ на полу войлокѣ, умывался по утрамъ [illegible], пилъ сколько ему хотѣлось молока, закусывалъ домашнимъ сыромъ, а когда больше [illegible] сар-

пищу, онъ получилъ возможность съ весны, которую онъ могъ обгладывать, сколько ему хотѣлось, не заботясь о томъ, что завтра может ему нечего [illegible] по плакать. Іорданъ, если у него была на то охота, помогалъ отцу или матери по хозяйству: сгонялъ коровъ или разыскивалъ [illegible], носилъ воду [illegible] или [illegible] матери [illegible] своего маленькаго брата. Но все это онъ дѣлалъ безъ всякаго принужденія, и иногда [illegible] съ товарищами въ полѣ или въ лѣсахъ на окрестныхъ горахъ, и онъ не видалъ [illegible] дому съ утра.

Я уже сказала, что у Іордана не было многаго изъ того, къ чему привыкли вы, русскія дѣти, но что отъ этого онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ: происходило это оттого, что всѣ братья, и сестры, и взрослые, не знали иначе: всѣ они жили такъ же, какъ Іорданъ.

Въ домѣ, куда вошелъ Іорданъ съ матерью, [illegible] не было; не было также и пола: полъ замѣняла сырая земля. Стѣны были бревенчатыя, а потолокъ замѣняли доски кровли. Въ комнатѣ было [illegible] немного свѣту, падающаго черезъ большое отверстіе въ кровлѣ. Подъ этимъ отверстіемъ, въ серединѣ комнаты, стоялъ желѣзный таганъ, и какъ разъ въ то время, когда Іорданъ съ матерью вошли въ домъ, его отецъ [illegible] разводилъ огонь. Вправо отъ очага [illegible] полки, заставленныя деревянной посудой; налѣво отъ входа тоже грубая очень низкая кровать, а прямо противъ входа — помостъ, [illegible] на которомъ стояло нѣсколько [illegible] съ образами. [illegible] это была неубранная постель самого Іордана и его младшаго брата. [illegible] дверь въ другое помѣщеніе. [illegible] Въ этой комнатѣ, совершенно такой же по устройству, какъ и первая, [illegible] и было [illegible] противъ [illegible] одинъ [illegible] почти до потолка [illegible] раскрашенныя [illegible] украшеніе комнаты. Главное украшеніе [illegible] По серединѣ стоялъ [illegible] Въ [illegible] образовало [illegible] лѣстницу, [illegible] образами

и статуэтками. Послѣднія были сдѣланы изъ мѣди и представляли сидящія человѣческія фигуры. Кромѣ статуэтокъ и рисованныхъ изображеній, тутъ было множество всякихъ украшеній: нѣсколько букетовъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣсколько пучковъ павлиньихъ перьевъ въ красивыхъ вазочкахъ и букеты китайскихъ искусственныхъ цвѣтовъ. Тутъ же стояли мѣдныя и серебряныя чашечки съ рисомъ и курительныя свѣчи. Сначала, по первому взгляду на образа въ кіотахъ, ихъ можно было принять за русскіе образа, но присмотрѣвшись внимательно, легко было замѣтить, что все это было иное: тутъ виднѣлись такія фантастическія фигуры, многоголовыя, многорукія, какія никакъ нельзя было признать за русскіе образа святыхъ. Бурятскіе образа, покрытые яркими красками и золотомъ, вазочки возлѣ нихъ, статуэтки и всѣ украшенія вокругъ нихъ чрезвычайно нравились Дорджи, и онъ очень любилъ, когда ему позволяли поближе разсмотрѣть все, что было поставлено въ кіотахъ.

Я употребляю выраженія: [illegible] и нѣкоторыя другихъ словъ; но прошу читателей помнить, что буряты исповѣдуютъ не христіанскую, а *буддійскую* вѣру. Буддійская вѣра или буддизмъ ничего общаго съ христіанской вѣрой не имѣетъ, но буддисты такъ же вѣрятъ въ своего спасителя — Будду Сакьямуни, жившаго нѣкогда среди людей и учившаго народъ милосердію и правдѣ, какъ христіане вѣруютъ въ Христа. Буддисты рисуютъ Будду и другихъ своихъ святыхъ людей и дѣлаютъ ихъ статуэтки. Простой русскій народъ, видя статуи, передъ которыми молятся буряты, не задумывается надъ ихъ значеніемъ и считаетъ буддистовъ идолопоклонниками.

Въ то утро, съ котораго мы начали свой разсказъ, Дорджи, принесши подойникъ за матерью, долженъ былъ еще нѣсколько поработать. Въ комнатѣ кромѣ отца, человѣка среднихъ лѣтъ, также съ косой и въ такомъ же халатѣ, какъ на Дорджи, былъ еще ребенокъ, сильно кричавшій въ своей деревянной люлькѣ. Мать, не обращая вниманія на его плачъ, принялась разливать молоко въ деревянныя чашечки, чтобы поставить его на сметану; отецъ продолжалъ разводить огонь, такъ какъ пора было варить завтракъ, и Дорджи велѣно было качать братишку. Онъ присѣлъ на корточки къ колыбели и сталъ наклонять ее то въ одну, то въ другую сторону: низъ люльки состоялъ изъ круглыхъ обручей, и потому качаніе выходило плавное. Дорджи съ удовольствіемъ бы убѣжалъ отъ этой [illegible], но ему хотѣлось ѣсть, и онъ ждалъ завтрака. Наконецъ мать, разливши молоко, часть его вылила въ желѣзный котелъ, подвѣшенный на ре-

ганѣ завернутый [illegible] на лавкѣ кусокъ творога и положила его въ молоко, которое вмѣстѣ съ творогомъ вскипѣло. Она всыпала туда же большую чашку ржаной муки: кашица была готова, и родители Дорджи принялись за ѣду.

Когда кашица начала приближаться къ котлу, стоявшему на огнѣ, и, наливши оттуда молочнаго пѣнья въ деревянныя чашки, прежде для Дорджи, а потомъ для себя, сталъ его пить. Ребенка мать взяла къ груди, а теперь Дорджи могъ тоже придвинуться къ огню и котлу. Какъ видите, бурятамъ для завтрака не нужно ни столовъ, ни стульевъ, ни тарелокъ, ни ложекъ. Отецъ ласково пригласилъ Дорджи сѣсть на войлочекъ, который былъ подостланъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, и, погладивъ его по головѣ, промолвилъ: „Не долго ужъ тебѣ баловаться—присадимъ тебя. Хочешь грамотѣ учиться?“ Дорджи посмотрѣлъ на отца. У нихъ во всемъ улусѣ, т.-е. во всѣхъ этихъ избушкахъ, построенныхъ неподалеку отъ дома Дорджи, не было грамотныхъ людей, и Дорджи еще никогда не думалъ о томъ, что такое грамота, хорошо ли ее знать или дурно, хочетъ онъ чего или не хочетъ? Больше всего его смутилъ тонъ отца, не то онъ надъ нимъ смѣется, не то сожалѣетъ о немъ.

Дорджи рѣшительно не зналъ, что сказать, и промолчалъ. Скоро ѣда была съѣдена, и Дорджи убѣжалъ изъ дому на берегъ Селенги, гдѣ уже были другіе мальчики его улуса; всѣ вмѣстѣ они стали играть въ разноцвѣтные камешки, валявшіеся у воды. Дорджи также игралъ съ мальчиками, но его не покидало тревожное чувство по поводу замѣчанія отца. Ему хорошо жилось и безъ грамоты; къ тому же отецъ сказалъ: „присадимъ тебя“ и какъ будто жалѣлъ. Дорджи хотѣлось бы узнать отъ кого-нибудь, какъ учатъ грамотѣ; но тутъ среди товарищей никто этого не могъ разсказать ему: онъ даже думалъ, что объ этомъ ничего не знаетъ и его старшій братъ, — да и вообще ему не хотѣлось говорить объ этомъ: онъ очень не любилъ чѣмъ-нибудь выдаваться отъ товарищей, боялся, что станутъ смѣяться... Около полудня Дорджи, игравшій теперь съ товарищами на пригоркѣ, взглянувъ въ сторону дороги, увидалъ, что по дорогѣ къ ихъ улусу ѣдутъ два всадника. Ихъ яркіе желтые халаты и такія же желтыя шапки указывали, что это были не простые люди, а ламы. Ламами буряты называютъ людей, отказавшихся отъ міра, вродѣ тѣхъ, которыхъ мы, христіане, называемъ монахами. Ламы такъ же живутъ въ своихъ буддійскихъ монастыряхъ, какъ и наши монахи, но одѣваются не въ черное, а въ желтое платье. Дорджи очень рѣдко видалъ ламъ, такъ какъ рѣдко они пріѣз-

жали рѣдко. Само собою разумѣется поэтому, что вся ватага мальчиковъ бросилась встрѣчать пріѣзжихъ. Встрѣча эта оказалась очень кстати, такъ какъ на ламъ набросились собаки чуть не со всего улуса. Мальчики разогнали собакъ и, замѣтивъ, что путники подъѣзжаютъ къ дому Дорджи, сняли въ одномъ мѣстѣ жерди, изъ которыхъ состояла ограда вокругъ двора, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у русскаго дома были бы ворота. Мальчики смотрѣли, какъ ламы торжественно подъѣзжали къ самому крыльцу; они видѣли, какъ одинъ изъ нихъ, еще очень молодой, соскочилъ съ своей лошади и помогъ сойти съ коня старшему. На крыльцѣ сейчасъ же показались отецъ и мать Дорджи и съ глубокими поклонами приняли пріѣзжихъ и просили ихъ войти въ чистую половину дома. Дорджи чрезвычайно заинтересовало, кто бы это могъ быть: къ нимъ обыкновенно заѣзжали только родные, которыхъ Дорджи зналъ, если не всѣхъ въ лицо, то по крайней мѣрѣ по разсказамъ. Обыкновенно бойкій мальчикъ, Дорджи на этотъ разъ такъ сконфузился, что вмѣсто того, чтобы идти къ гостямъ и дождаться, какъ мать будетъ угощать ихъ [illegible] баранки и сахаръ, убѣжалъ на заднюю сторону дома и [illegible] противъ той большой щели въ стѣнѣ, которую буряты нарочно оставляютъ, чтобы поглядывать на [illegible] вокругъ дома [illegible].

Въ щель мальчикъ нашъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ въ комнатѣ. Рядомъ съ нимъ расположились и его товарищи. Гости въ это время молились передъ божницей: они прикладывали ладони сложенныхъ рукъ ко лбу и кланялись въ землю передъ „бурханами", т. е. вышеописанными выше изображеніями боговъ; затѣмъ они сѣли на разостланные нарочно для нихъ стеганые тюфячки, налѣво отъ входа въ комнату, гдѣ у бурятъ обыкновенно сажаютъ почетныхъ гостей. Дорджи замѣтилъ, что мать для стараго ламы положила особый тюфякъ, обшитый желтой матеріей. Послѣ этого отецъ и мать и всѣ изъ сосѣдей, которые уже пришли къ нимъ завидя гостей, по очереди [illegible] кланялись передъ нимъ въ землю, а онъ каждому клалъ на голову [illegible] ковой матеріи. Нѣкоторыя старушки кромѣ того удостоились прикосновенія кончика пунцоваго шарфа, надѣтаго на ламу. Вся эта церемонія очень интересовала нашихъ мальчиковъ. Въ особенности имъ хотѣлось узнать, что такое завернуто было въ желтую матерію и для чего лама прикладывалъ этотъ сверточекъ къ головамъ. Къ концу дня Дорджи узналъ, что интересовавшая его вещь была [illegible]. Вмѣсто благословенія обыкновенно прикладываются книгой къ головѣ вѣрующихъ,

какъ бы желая этимъ, чтобы будущее ученіе [illegible] благословленіемъ.

Въ то время, какъ въ гостиной происходилъ [illegible] торжественный пріемъ, въ жилой половинѣ дома шли приготовленія къ обѣду и къ [illegible]. Сосѣди приносили хозяйкѣ дома такія угощенія, какихъ не доставало въ ея хозяйствѣ: одна принесла [illegible], другая — свѣжаго хлѣба, только-что привезеннаго отъ русскихъ, и т. д. Въ улусѣ буряты не умѣли печь хлѣба, и покупали его готовымъ у русскихъ. Доржи тоже нашлось дѣло: ему велѣли поймать лошадь, которая паслась неподалеку отъ дома за загородкой вмѣстѣ съ жеребятами. На этой лошади сосѣдній парень поѣхалъ въ горы, гдѣ старшій братъ Доржи пасъ барановъ, за бараномъ для стола почетнымъ гостямъ.

Доржи все это время боялся, что отецъ вспомнитъ о немъ, позоветъ его въ комнату, и ему при всѣхъ сосѣдяхъ и такихъ гостяхъ придется выйти на средину комнаты, класть земные поклоны передъ бурханами и потомъ принимать благословеніе у ламы. Его смущала мысль, что и ему придется продѣлать все это; но онъ зналъ также, что того требовалъ бурятскій этикетъ, зналъ, что если бы онъ не сталъ молиться и кланяться ламѣ, его сочли бы невоспитаннымъ мальчикомъ, а это сильно задѣвало его самолюбіе. Но Доржи былъ не только самолюбивъ, но и любознателенъ, и ему очень хотѣлось узнать, что говорятъ гости, поэтому при всякой возможности онъ садился у двери, сзади дома, и слушалъ разговоръ стариковъ. Многаго онъ не понималъ, но то немногое, что понималъ, казалось ему было совсѣмъ не похоже на разговоры, какіе велись обыкновенно у нихъ въ домѣ. Старикъ разсказывалъ о какой-то своей поѣздкѣ. Очевидно, что и молодой человѣкъ принималъ въ ней участіе, такъ какъ онъ отъ времени до времени добавлялъ отъ себя какую-нибудь подробность или давалъ объясненія; онъ очень понравился Доржи, и показался ему добрымъ. Одинъ разговоръ, возникшій по поводу того, что кого-то изъ присутствующихъ звали Очиръ, очень занялъ мальчика: старикъ сказалъ, что имя это значитъ *громовая стрѣла*, и привелъ еще нѣсколько съ ранняго дѣтства знакомыхъ Доржи именъ, объясняя значеніе каждаго. Онъ сказалъ между прочимъ, что Доржи значитъ *алмазъ*, и что та страна, въ которой жилъ и училъ ихъ божественный учитель, называется также Доржинстанъ, т.-е. страна алмазовъ. Это двойное значеніе словъ чрезвычайно поразило ребенка; до сихъ поръ онъ ни разу еще не задумывался о чемъ-нибудь подобномъ, а теперь ему показалось, что передъ

нимъ раскрылось нѣчто необыкновенно важное и значительное; ему показалось также, что ламы [illegible] обладаютъ необыкновенными познаніями. Тутъ онъ вспомнилъ о грамотѣ и этотъ разъ ему захотѣлось учиться... Наконецъ, пріѣхалъ старшій братъ Дорджи, Цыденъ, мальчикъ лѣтъ 15-ти; онъ привезъ огромнаго барана, держа его впереди себя на сѣдлѣ, и очевидно усталъ. Мать наскоро дала Цыдену поѣсть и потомъ заставила его и Дорджи умыться и вынула имъ обоимъ изъ сундука новые халаты. Когда они пріодѣлись, подпоясались [illegible] и надѣли свои праздничныя шапки съ красными кистями, тогда только мать повела ихъ въ комнату, гдѣ сидѣли гости. Дорджи былъ очень радъ, что ему пришлось не одному продѣлывать церемонію поклоновъ, и когда все было кончено и они съ Цыденомъ приняли легонькій ударъ тибетской книгой по головѣ, отецъ сказалъ: „Вотъ, лама, какъ думаешь, котораго?“ Дорджи, уже и безъ того очень взволнованный, даже похолодѣлъ отъ этихъ словъ отца. Онъ струсилъ не на шутку, особенно когда лама пристально и строго посмотрѣлъ ему прямо въ лицо и сказалъ, слегка хлопнувъ мальчика по плечу: „Да, мой совѣтъ — вотъ этого!“ Дорджи подумалъ, что лама хочетъ взять его къ себѣ; онъ зналъ, что нѣкоторыхъ мальчиковъ отдаютъ жить въ монастыри, и у него показались слезы, но онъ всячески старался не расплакаться. „Какъ зовутъ?“ обратился лама, но оба мальчика не собрались отвѣтить, за нихъ отвѣтилъ отецъ. „Я такъ полагаю“, продолжалъ говорить лама, „что Цыденъ уже старъ, ну да къ тому же онъ старшій, а этотъ маленькій — его можетъ быть и ламой сдѣлаете впослѣдствіи, если ему ученье дастся.“ Тутъ у Дорджи отлегло немного отъ сердца: грамота казалась ему не такъ страшна, какъ монастырь, но его еще не оставила тревога, онъ зналъ, что у нихъ въ улусѣ не было грамотныхъ, и потому онъ все еще боялся, что ламы увезутъ его. Мальчики удалились въ это время къ порогу и сѣли тамъ. Дорджи даже позабылъ теперь, занятый своими мыслями, слушать разговоръ, но вотъ до его слуха доносится фраза ламы: такъ вотъ Аюши будетъ учить его. У Дорджи при этомъ совсѣмъ пропалъ страхъ. Въ продолженіе дня онъ уже встрѣчался съ Аюшей, который отъ времени до времени оставлялъ чинное собраніе гостей и выходилъ въ жилую комнату и во дворъ. Дорджи успѣлъ уже замѣтить, что молодой лама былъ совсѣмъ [illegible], а также веселый и очень разговорчивый. „Сначала пусть мальчикъ монгольской грамотѣ поучится“, продолжалъ старый лама, „а тамъ, если онъ будетъ понятливъ, можно и тибетскую начать; это, впрочемъ, если думаете ламой его сдѣлать, а не

[illegible] довольно, я полагаю, если онъ и одну монгольскую выучитъ.“ Дорджи слушалъ, не проронивъ ни слова, и понималъ, что рѣчь идетъ о немъ; ему какъ будто стало даже обидно, что его назвали *чернымъ человѣкомъ*, что это значитъ? почему ему послышалось при этомъ въ голосѣ ламы нѣкоторое пренебреженіе?.. Все это были вопросы, о которыхъ Дорджи приходилось подумать, какъ ему еще ни разу въ жизни не случалось думать. Этотъ день положилъ начало новой жизни для Дорджи, и потому онъ навсегда запечатлѣлся въ его памяти.

Изъ задумчивости Дорджи былъ выведенъ довольно чувствительнымъ толчкомъ въ бокъ, которымъ угостилъ его Пилдень: „удеремъ, Дорджи, [illegible]“ шепталъ ему Пилдень, подвигаясь незамѣтно къ двери. Старый лама уѣхалъ, а молодой остался жить въ домѣ родителя Дорджи. Оказалось, что отецъ Дорджи пригласилъ учителя на домъ, не желая отдавать мальчика въ монастырь. Это была большая радость для Дорджи. Аюши оказался очень добрымъ: онъ былъ сирота и выросъ въ монастырѣ, переходя отъ одного ламы къ другому; съ однимъ изъ своихъ учителей ламъ онъ ѣздилъ въ Монголію, въ тамошній большой монастырь Ургу на поклоненіе Кутуктѣ, какъ называютъ буряты своего буддійскаго первосвященника. Жизнь у разныхъ лицъ и особенно это путешествіе въ Ургу очень много помогли Аюши; онъ сдѣлался человѣкомъ опытнымъ и много могъ порассказать, несмотря на свои молодые годы. Онъ сталъ пользоваться уваженіемъ, а его умѣнье читать и писать по-монгольски помогли ему занять мѣсто учителя въ домахъ богатыхъ бурятъ; изъ бездомнаго бѣдняка онъ сдѣлался любимымъ и уважаемымъ въ своей средѣ человѣкомъ. Это, впрочемъ, не сдѣлало его спѣсивымъ. Въ семьѣ Дорджи онъ скоро сдѣлался какъ свой, старики полюбили его, а Пилдень, который былъ только на три года моложе его, сдѣлался его товарищемъ; Аюши, несмотря на санъ ламы, былъ не прочь принять участіе во всѣхъ играхъ, какія устраивала молодежь въ улусѣ. Онъ научилъ ихъ новой игрѣ въ чижъ, которую онъ узналъ въ монастырѣ, а они показали ему свои игры: въ лапту, въ оленью палочку и многія другія.

Дорджи, учась у Аюши, очень полюбилъ учителя. На другой же день, какъ уѣхалъ старый лама, какъ только Дорджи всталъ и умылся, Аюши, уже вставшій раньше, позвалъ его къ себѣ и сталъ учить молиться. Онъ далъ ему въ руки свои деревянныя четки и, заставляя держать двумя пальцами каждое зерно ихъ, произносить слова „*Омъ мани падме хумъ*“. Дорджи безпрестанно слышалъ эту молитву, но самъ еще

ни разу не произносилъ ее, пока что ему не [illegible] выговорить вполнѣ правильно эти чуждыя для него слова. Всего зеренъ было сорокъ, — молитву приходилось произнести сорокъ разъ. Дорджи показалось это необыкновенно скучнымъ, но дѣлать было нечего, онъ зналъ: такъ было нужно, всѣ такъ дѣлаютъ, и покорился. Едва успѣлъ Дорджи пропустить послѣднее зернышко, какъ попросилъ Аюши объяснить ему, что значатъ эти незнакомыя слова, но Аюши ничего не хотѣлъ сказать, онъ и самъ не зналъ; сказалъ только, что это — святыя слова, что передъ началомъ ученья надо именно такъ молиться Манжушри, открывающему разумъ, и показалъ его изображеніе, которое носилъ въ маленькомъ ящичкѣ или медальонѣ, подвѣшенномъ на шеѣ. На образкѣ была нарисована фигура въ блестящей коронѣ, съ поджатыми ногами и благословляющими руками. Послѣ завтрака учитель нашелъ деревяшку и принялся обстругивать изъ нея ножемъ гладкую дощечку; Дорджи съ большимъ интересомъ наблюдалъ всякое движеніе Аюши; онъ спрашивалъ, зачѣмъ ему дощечка, но тотъ только говорилъ: „А вотъ увидишь“. Любопытство Дорджи все разгоралось, наконецъ дощечка была выстругана, въ одной ея сторонѣ было провернуто ушко, и въ него продѣтъ ремешокъ. Послѣ этого Аюши досталъ изъ своего мѣшка такой же желтый сверточекъ, какой Дорджи наканунѣ увидалъ у ламы; внутри свертка оказалось нѣсколько толстыхъ карточекъ, на каждой въ красиво разрисованныхъ рамкахъ было написано что-то черной и красной краской. — Оказалось, что это была азбука. Дѣйствительно, Аюши, положивъ передъ Дорджи одну изъ карточекъ, заставилъ его повторить за собой названія трехъ первыхъ буквъ. Потомъ Аюши начертилъ карандашемъ эти три буквы на деревянной вновь выстроганной дощечкѣ и отдалъ ее Дорджи, а саму красивую азбуку опять завязалъ въ тряпочку и спряталъ. Онъ велѣлъ Дорджи выучить эти буквы къ обѣду. Дорджи хотѣлось еще поболтать съ Аюши, но онъ сказалъ: „Иди, учи теперь, а то еще забудешь“. Дорджи отправился въ тотъ уголъ, гдѣ обыкновенно спалъ, разостлалъ свой войлокъ и улегся на немъ съ твердымъ намѣреніемъ выучить сейчасъ же три буквы, но оказалось, что онъ совсѣмъ забылъ, какъ Аюши называлъ ему эти буквы. Ему было крайне стыдно признаться въ этомъ, и идти опять къ Аюши спрашивать, даже было немного страшно. Аюши, какъ нарочно, совсѣмъ не смотрѣлъ въ его сторону: онъ устраивалъ себѣ мѣсто поближе къ двери, гдѣ было больше свѣту, и собирался что-то писать на маленькомъ столикѣ, натиралъ тушь, заострялъ тростниковую палочку, — все это было очень интересно наблю-

[illegible] надо было опять [illegible]. Анни [illegible] буквы, заставила Дорлики повторить и опять отослала его; Дорлики боялся теперь думать о чемъ-нибудь постороннемъ, больше смотрѣлъ по сторонамъ и твердилъ свои буквы не переставая. Но вдругъ ему стало казаться, что онъ перемѣшалъ ихъ, что, повторяя безчисленное множество разъ одно и то же, онъ уже не знаетъ, которая собственно фигура какъ называется; — пришлось опять идти къ Анни. На этотъ разъ, впрочемъ, страхъ его былъ напрасенъ; онъ вѣрно назвалъ буквы, но только онъ такъ усердно тыкалъ въ нихъ пальцемъ, и подъ конецъ руки у него стали такъ потны, что дощечка, вмѣсто чистенькой съ [illegible] буквами, стала грязная, [illegible] вся была покрыта черными пятнами вмѣсто буквъ. Анни замѣтила это и переписала буквы снова. Дорлики теперь замѣчалъ, какъ писала Анни, и, отойдя къ очагу, тутъ же, на золѣ, попробовалъ написать буквы, что ему и удалось. — Онъ съ большимъ удовольствіемъ сталъ учить буквы, выводя каждую пальцемъ. Анни замѣтила это, подозвала его къ себѣ и дала ему карандашъ, но у Дорлики карандашъ не писалъ, онъ не умѣлъ его держать, а и дощечка скоро покрылась [illegible] Дорлики. Тогда Анни снова достала свой мѣшокъ и вынула изъ него дощечку, окрашенную черной краской, натерла ее мѣломъ и показала Дорлики, какъ можно писать на ней обструганной тонко палочкой: [illegible] на [illegible] мѣстѣ выступали черныя буквы; когда Дорлики не удавалась буква, онъ только проводилъ по этому мѣсту пальцемъ, и дощечка снова покрывалась мѣломъ. Дорлики провозился съ этимъ нѣсколько часовъ, но ему было весело; онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что умѣетъ уже читать и писать три буквы. А потомъ, когда его отпустили, съ какимъ удовольствіемъ онъ побѣжалъ разсказать о своемъ [illegible]!

На слѣдующее утро повторилось то же; и такъ потянулось ученье Дорлики надолго. Иногда онъ ужасно скучалъ; какъ только просыпался, ему хотѣлось не учиться, а играть. Однажды онъ даже и убѣжалъ, но Анни скоро нашла его, привела за руку къ себѣ, и здѣсь Дорлики нашелъ отца крайне разсерженнымъ. Отецъ совсѣмъ-было уже собрался его сѣчь, у него даже приготовлена была довольно таки большая березовая хворостина, но Анни попросила не наказывать на первый разъ, и въ самомъ дѣлѣ. Дорлики, когда узналъ, что ему грозятъ побои, совсѣмъ раздумалъ убѣгать отъ ученья. Онъ сталъ думать такъ: „вѣдь не вѣкъ же я буду учиться, выучусь, тогда опять наиграюсь“. Къ тому же у него

случались и свободные дни. Аюши, несмотря на свою молодость, умѣлъ немного и лечить; и вотъ, случалось, что къ нему пріѣзжали откуда-нибудь изъ сосѣдняго аула, и онъ бралъ свои кожаные мѣшочки съ порошками и уѣзжалъ съ посланнымъ. Въ эти дни Дорджи не заставляли учиться, и онъ бѣгалъ уже съ утра до вечера, возвращаясь домой только тогда, когда чувствовалъ себя впроголодь. Были также иногда и праздники другаго рода, которые стали наблюдать его родные съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ жилъ Аюши: это—дни, посвященные воспоминаніямъ о событіяхъ, прославленныхъ въ исторіи буддизма. Въ эти дни къ Аюши обыкновенно обращались съ просьбою прочесть что-либо изъ его книгъ, или просто собирались вокругъ него, и онъ разсказывалъ имъ о своихъ странствованіяхъ по разнымъ монастырямъ, или пересказывалъ вычитанные изъ книгъ разсказы. Дорджи больше всего любилъ разсказы о Бурханъ Бакши, вся жизнь котораго, по преданію, состояла изъ безчисленныхъ подвиговъ. „Однажды, проходя по раскаленной пустынѣ, Бурханъ Бакши увидалъ лежащую тигрицу, умирающую отъ голода", читаетъ бывало Аюши, а вся семья слушаетъ его, затаивъ дыханіе, причемъ Дорджи непремѣнно помѣстится около самого Аюши, чтобы заглядывать въ его книгу. „Около иссохшихъ сосцевъ ея,—продолжаетъ чтецъ,—лежали и пищали отъ голода двое дѣтенышей, тщетно отыскивая молоко, которое уже иссякло. Мать нѣжно лизала тигрятъ и подставляла имъ свои сосцы съ любовью, превосходившею даже ея голодъ. При видѣ этой картины Бурханъ Бакши почувствовалъ невыразимое состраданіе. Помочь этой кровожадной убійцѣ можно только однимъ средствомъ,—подумалъ Бурханъ Бакши,—и онъ снялъ съ себя одежды и сандаліи, отложилъ въ сторону посохъ и вышелъ на поляну. „Смотри, мать, вотъ тебѣ пища!" И изнуренная тигрица бросилась на учителя и пожрала его".

Много такихъ разсказовъ читалъ Аюши, и сердце Дорджи сжималось при этомъ отъ жалости. И даже онъ съ этихъ поръ становился добрѣе и кротче и уже не разорялъ птичьихъ гнѣздъ и не отрывалъ хвостовъ у ящерицъ, чѣмъ прежде очень часто забавлялся. Была и еще одна книга у Аюши, которую всѣ любили слушать: это было описаніе рая, какъ онъ представляется въ писаніи буддистовъ. Тамъ описывались золотыя и коралловыя деревья съ изумрудными листьями, берега рѣкъ изъ драгоцѣнныхъ камней, дворцы необыкновенной, чисто сказочной, красоты и т. под. У Дорджи такъ разыгрывалось при этомъ воображеніе, что онъ почти наяву видѣлъ всѣ эти картины. И послѣ этого ему всегда бывало очень жа-

хочется учиться, учиться какъ можно больше, знать много, очень много, все... Обыкновенно онъ забрасывалъ вопросами Аюши, но Аюши и самъ зналъ немного и не скрывалъ этого; онъ говорилъ, что надо много учиться, учиться до старости, чтобы знать много.

Скоро въ ученьи Дорджи наступилъ перерывъ. Около Ильина дня, т. е. 20 іюля, буряты начинаютъ косить сѣно. Къ этому времени всѣ улусы переселяются на свои зимнія или осеннія стоянки, поближе къ зимнимъ жилищамъ. Дѣтямъ переселеніе на новыя мѣста было истиннымъ праздникомъ. Въ Кудетуевскомъ улусѣ никто изъ хозяевъ не имѣлъ деревянныхъ домовъ на осеннихъ мѣстахъ, а потому каждой семьѣ приходилось ставить для себя войлочную юрту.

Отецъ Дорджи уѣхалъ на новыя мѣста наканунѣ; утромъ, на другой день, всѣ въ домѣ поднялись очень рано: и Дорджи, и Аюши, и двѣ ближайшія родственницы, и мать съ ребенкомъ, и работники, — всѣ двинулись туда же. Было нѣсколько телѣгъ съ имуществомъ, уложеннымъ въ ящики и сумы, а всѣ люди, не исключая Дорджи, а также и женщины, ѣхали верхами. Тутъ же гнали скотъ. Къ половинѣ дня они пріѣхали на ту рѣчку, гдѣ были расположены луга, принадлежавшіе Кудетуевскому улусу; мѣстами здѣсь были разбросаны шалаши, гдѣ въ это время жили нанятые отцомъ Дорджи косцы. Часть сѣна уже была скошена и стояла въ копнахъ. Мѣстность здѣсь была очень красивая: степь, разстилавшаяся по берегамъ Селенги, здѣсь оканчивалась; начинались горы; земля, принадлежавшая отцу Дорджи, была какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ ущелья вырывалась небольшая горная рѣчка. Ея берега были покрыты кустарникомъ; здѣсь дикая яблоня и красная боярка перемѣшивались съ ольхой, съ березками, съ ивами; кусты росли такъ густо, что мѣстами совсѣмъ закрывали рѣчку. Далѣе разстилались зеленые луга; трава здѣсь была такъ высока, что Дорджи пропадалъ въ ней съ головой, и огромные бѣлые цвѣты были выше его головы. Возы остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ трава была уже скошена. Всѣ разсѣдлали лошадей и пустили ихъ пастись; „потравъ“ буряты не боятся потому, что всѣ луга и пашни тщательно огорожены у нихъ изгородями. Тутъ начиналось настоящее веселье, тотъ порядокъ жизни, который Дорджи такъ любилъ... Начали выбирать мѣстечко для юрты, всѣ предлагали свое, кому хотѣлось какъ можно поближе къ водѣ, кто говорилъ, что у воды сыро; дѣйствительно, мѣсто для юрты выбрали около конца небольшой гривки, гдѣ трава была уже не луговая, а мелкая пахучая полынка; дѣтямъ сейчасъ

же былъ отданъ приказъ собирать разбросанные тутъ камни, а женщины начали ставить юрту.

Когда юрта была поставлена, на нее накинули войлочныя покрышки; боковыя рѣшотки были тоже затянуты войлоками. Затѣмъ разложили посреди юрты огонь, сварили себѣ чаю и, закусивъ, принялись устраивать внутри юрты божницу. Здѣсь, конечно, не выставлялось всего того, что украшало собой лѣтнее помѣщеніе, но зато Дорджи съ Аюшей предоставлено было все устроить по своему вкусу, и они все сдѣлали очень красиво; такъ какъ цвѣтовъ на лугу было множество, то они особенно позаботились о букетахъ и поставили ихъ предъ каждымъ бурханомъ. Отецъ и Цыденъ пріѣхали тогда, когда все было уже устроено; они похвалили юрту. Начали готовить обѣдъ подъ открытымъ небомъ, въ огромномъ котлѣ, такъ какъ и косцы тоже были приглашены къ обѣду. Вечеромъ на скошенномъ лугу устроились игры; большая часть косцовъ состояла изъ молодыхъ людей и дѣвушекъ. Молодежь веселилась чуть не до полуночи: играли въ разныя игры и пѣли пѣсни. На другой день ученья тоже не было: всѣ были заняты сѣнокосомъ. Дорджи и двоюродная сестра, его ровесница, возили копны. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы править лошадью: они должны были подъѣхать къ сложенному въ копну сѣну и заставить лошадь подойти задомъ къ кучѣ, а затѣмъ работникъ постарше накидывалъ веревочную петлю на копну; веревка эта была прикрѣплена къ сѣдельной лукѣ, и какъ только петля была накинута, лошадь съ маленькимъ всадникомъ должна была тащить копну къ тому мѣсту, гдѣ сметывали стогъ. Дѣти сначала плохо справлялись съ лошадьми, но скоро они этому выучились, а къ копнамъ, съ подобранными въ рукахъ веревками, они даже пускались въ галопъ. Аюши, Цыденъ и нѣсколько женщинъ изъ родственныхъ домовъ гребли сѣно, укладывали высохшее въ стога, а прочіе косили. Тутъ же была устроена временная кузница, и одинъ изъ бурятъ отбивалъ косы или сваривалъ поломанныя. Работа кипѣла, оканчивала рабочій день, и [illegible]
выдавался не очень ясный и поневолѣ приходилось отдыхать, молодежь устраивала вечеромъ игры, да и безъ игръ весело было Дорджи вечеромъ сидѣть около костра и слушать разсказы косцовъ. Особенно одинъ старикъ, пришедшій съ своей семьей издалека, занималъ его разсказами о проказахъ бурятскихъ чертенятъ. Н сколько забавнаго было въ этихъ разсказахъ! Дорджи живо воображалъ себѣ этихъ кругленькихъ, лысыхъ, невидимыхъ чертенятъ и мысленно рисовалъ ихъ смѣшныя приключенія.

Такъ дѣятельно и весело прошелъ августъ и почти весь сентябрь. Начались холода по ночамъ, наемные косцы уже ушли; стали подумывать о переходѣ въ зимники. Дорджи, какъ и всѣ дѣти, опять былъ радъ перемѣнѣ: онъ отдохнулъ и теперь безъ ученья ему какъ будто становилось уже и скучно. Съ Аюши за эти мѣсяцы, когда онъ работалъ со всѣми за одно, а по вечерамъ игралъ или разсказывалъ что нибудь, сидя на свѣжемъ сѣнѣ, вся семья еще больше сдружилась, и Дорджи полюбилъ его больше, чѣмъ родного брата Цидена.

Наконецъ настал день, когда юрту снова разобрали и всѣ вещи сложили въ ящики и мѣшки, поставили на телѣги или навьючили на лошадей. И всѣ потянулись вверхъ по этой же рѣчкѣ и вошли въ ущелье; сначала была только узкая дорожка, между горами и лѣсомъ, а затѣмъ горы немного разступились, и здѣсь стояло нѣсколько избъ, выстроенныхъ такъ, какъ строятъ русскія избы въ Забайкальѣ. У Дорджи домъ былъ большой, въ пять оконъ въ длину, въ три въ ширину, внутри онъ раздѣлялся на двѣ избы. Другія избы были поменьше. Дворовъ не было, а дома были огорожены пряслами, которыя нисколько не мѣшали людямъ ходить гдѣ угодно и не пускали только скотъ. Здѣсь, въ ущельи, было теплѣе, чѣмъ въ открытой долинѣ; особенно было тепло на солнечныхъ скатахъ горъ. Коровы очень любили лежать на такихъ солнопекахъ, да и дѣти тоже предпочитали играть на этихъ горныхъ склонахъ, поросшихъ рѣдкими, но высокими, крѣпкими соснами. Воздухъ здѣсь былъ смолистый, сильно пахло скошеннымъ сѣномъ. Конечно, въ домѣ было скучнѣе, чѣмъ въ юртѣ, но вѣроятно Дорджи это такъ казалось потому, что въ юртѣ ему приходилось жить не больше двухъ мѣсяцевъ, а въ зимникѣ цѣлыхъ пять, шесть мѣсяцевъ.

Съ переходомъ въ зимники Аюши снова принялся за ученье: уроки опять начинались съ утра и тянулись весь день, но все же Дорджи и въ это время удавалось побѣгать по горамъ. На его счастье у Аюши съ зимы [illegible]
дили домой только дѣти; Дорджи могъ уже помогать имъ въ ученьи, такъ какъ самъ онъ уже научился разбирать грамоту, а они долбили азбуку. Сравнивая себя съ другими, Дорджи видѣлъ, что ему сравнительно легко давалось ученье: память у него была хорошая, да и понималъ онъ легче другихъ.

Такъ прошелъ цѣлый годъ. Дорджи казалось, что это было самое счастливое время его жизни.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, т.-е. около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, буряты управлялись своими начальниками, которыхъ называли тайшами; тайша Селенгинскихъ бурятъ, подъ властью котораго находился и Кудетуевскій улусъ, въ это время понялъ, что буряты, живя въ Россіи, подъ русскими законами, должны сближаться съ русскими. Онъ сознавалъ, что лицамъ, управляющимъ бурятскимъ народомъ, необходимо знать по крайней мѣрѣ русскій языкъ, русскую грамоту: поэтому онъ приказалъ, чтобы буряты отобрали изъ своей среды нѣсколькихъ бурятскихъ мальчиковъ и отдали ихъ въ русскую школу. Къ счастью для бурятъ, русское правительство учредило уже тогда въ пограничныхъ городахъ „школы переводчиковъ", гдѣ кромѣ предметовъ русскихъ преподавали и монгольскій языкъ. Такая школа существовала и въ Кяхтѣ,—городѣ, построенномъ на самой границѣ Россіи съ Монголіей.

Отецъ Дорджи видѣлъ, что сынъ его учится легко и охотно, что онъ любознателенъ и способенъ, и задумалъ отдать Дорджи въ эту школу. Матери Дорджи сильно не хотѣлось отпускать его изъ дому, отдавать сына на выучку къ русскимъ, которыхъ она совсѣмъ не знала, да и боялась, что въ чужой школѣ станутъ обижать его. Дорджи также страшно было уѣзжать изъ дому, но въ то же время ему очень хотѣлось учиться и знать какъ можно больше. Хотѣлось ему также знать, какъ живутъ другіе люди, не буряты; по разсказамъ онъ уже зналъ, что русскіе не похожи на бурятъ, что у нихъ есть города, съ большими домами, церквами и лавками. Все это казалось Дорджи очень интереснымъ; къ тому же городъ Кяхта, гдѣ была школа, находился очень близко отъ ихъ улуса.

Передъ отъѣздомъ отецъ подарилъ Дорджи лошадь; такимъ образомъ исполнялось давнишнее желаніе мальчика, не разъ уже размышлявшаго о томъ, что у Цыдена ихъ было нѣсколько. Та, которую подарили Дорджи, была изъ числа хорошихъ рысаковъ: рыжая, большого роста и съ длинною густою гривою и такимъ же хвостомъ. Правда, „Дзерге" („Рыжка") былъ очень старъ, но зато онъ былъ такъ уменъ, такъ уменъ! Дзерге только что не говорилъ, но понималъ отлично Дорджи, и тотъ уже совсѣмъ не боялся на немъ ѣздить: онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его Дзерге никакой не сдѣлаетъ глупости, не вздумаетъ, напримѣръ, сбросить съ сѣдла своего маленькаго сѣдока или уйти отъ крыльца, когда Дорджи его поставитъ, чуть-чуть только связавъ ему ноги. А ужъ какъ же быстро бѣгалъ Дзерге: онъ рѣшительно могъ бы обогнать всѣхъ отцовскихъ лошадей, если бы только Дорджи захотѣлъ этого, но Дорджи былъ добрый

мальчикъ, а у Дзерге болѣла спина: у него была рана на холкѣ, и потому Дорджи не хотѣлъ скакать во всю прыть; напротивъ, онъ ѣздилъ на немъ очень осторожно, никогда не облокачиваяся на переднюю луку и даже сходилъ съ лошади, когда приходилось спускаться съ крутизны. Сѣдло Дорджи тоже сдѣлали новое и обшили его краснымъ сукномъ,—это было нарядно и очень нравилось мальчику. Мать сшила Дорджи новый халатъ, обшитый плисомъ и позументами на воротѣ и на груди, сдѣлала шапку изъ лисьихъ лапокъ и вышила сапоги въ узоръ зеленымъ сафьяномъ. Чтобы сдѣлать всѣ эти вещи дома, были приглашены двѣ молодыя дѣвушки. Родные и знакомые пріѣзжали въ это время, чтобы повидать Дорджи передъ отъѣздомъ его изъ дома, а, главное, чтобы потолковать съ его отцомъ объ этой новости. Дорджи понялъ, что буряты придаютъ большое значеніе тому, что онъ ѣдетъ учиться въ русскую школу.

Аюши въ эти дни былъ очень грустенъ,—онъ очень полюбилъ Дорджи и боялся, что его ученикъ совсѣмъ забудетъ его, а пожалуй забудетъ и все, чему онъ его училъ. Въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ, Аюши все старался передать Дорджи то, что, по его мнѣнію, долженъ былъ знать вѣрующій буддистъ. Дорджи, развлеченный сборами, плохо понималъ Аюши и его наставленія въ вѣрѣ, но чувствовалъ его любовь къ себѣ и искренно обѣщалъ помнить его слова, не измѣнять религіи. Въ день отъѣзда, въ домъ Дорджи, собрались всѣ живущіе неподалеку родные; былъ приготовленъ обѣдъ и Дорджи, одѣтый во все новое, обѣдалъ съ большими. Послѣ обѣда, всѣ присутствующіе торжественно приказывали Дорджи хорошо учиться, а, главное, твердо держаться своей вѣры и не принимать христіанство, если бы въ школѣ и стали его убѣждать сдѣлать это. Объясняли, что они посылаютъ его въ школу за тѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи былъ полезенъ своимъ родичамъ. На Дорджи очень подѣйствовало это торжественное обращеніе къ нему; онъ почувствовалъ, какъ будто изъ маленькаго мальчика онъ вдругъ превратился въ большого. Онъ слушалъ старшихъ молча [illegible] и никогда не перемѣнять своей вѣры.

Настали наконецъ и проводы; лошади; Дзерге, отцова и еще одна вьючная, съ кожаными сумами, набитыми кое-какимъ имуществомъ Дорджи, стояли уже у крыльца. Мать стала громко плакать. Дорджи было очень жаль ее, слезы такъ и стояли у него въ горлѣ, но онъ стыдился плакать, даже стыдился того, что мать ласкаетъ его; ему казалось, что онъ ужъ совсѣмъ большой, будто онъ старше Цыдена. Дѣйствительно, всѣ послѣдніе

дни Цылена какъ будто въ домѣ и не было,— вниманіе всѣхъ было обращено только на Дорджи. Отецъ торопилъ отъѣхать, да и Дорджи было такъ страшно тяжело удерживать слезы, что онъ тоже радъ былъ скорѣе ѣхать. Наконецъ мать помогла сыну сѣсть на Дэерге; всѣ женщины ихъ улуса въ послѣдній разъ пришли взглянуть на Дорджи, онѣ приносили ему разныя бурятскія лакомства: сливки, сырчики, сдобныя лепешки. Мать, вѣроятно, предвидѣла это: она привязала къ новому сѣдлу, сзади, небольшія переметныя сумы и Дорджи могъ сложить туда всѣ эти приношенія. Дѣти со всего улуса, конечно, весь день толпились на дворѣ Дорджи; многіе изъ нихъ уже сидѣли верхами на своихъ лошадяхъ, приготовляясь ѣхать провожать Дорджи, а ему все хотѣлось сказать матери, Аюши, Цылену и прочимъ провожавшимъ, какія-нибудь ласковыя слова, но ничего не шло съ языка, и онъ сидѣлъ на конѣ молча, блѣдный отъ усилій не расплакаться. Когда провожающіе наказывали ему не забывать ихъ, ему просто дѣлалось досадно. Какъ можетъ онъ забыть ихъ, и всю эту жизнь, которую онъ любилъ всей душой. Напротивъ даже, если бы отъ него зависѣло все,—Дорджи съ радостью отказался бы отъ школы, и навсегда остался бы дома и никогда во всю жизнь не покидалъ своего улуса. Но, конечно, нечего было и думать заявлять теперь объ этомъ: дѣло было очевидно слишкомъ серьезно, чтобы отецъ послушался.

Отъ сдержанныхъ слезъ у Дорджи болѣла грудь, и онъ почти перестать понимать, что происходитъ вокругъ. Скоро всѣ двинулись за ворота; за нимъ и его отцомъ ѣхала цѣлая толпа молодежи и дѣтей; всѣ они болтали между собой, смѣялись, но Дорджи не слушалъ; наконецъ, вотъ послѣдній перелѣсокъ и поворотъ на большую дорогу: толпа еще разъ прокричала послѣднее прости и поворотила назадъ. Дорджи былъ даже радъ этому: ему хотѣлось остаться одному. Онъ радъ былъ и тому, что отецъ ничего не говоритъ съ нимъ: на душѣ у него было смутно: онъ смотрѣлъ на знакомыя картины и старался ни о чемъ не думать. Къ вечеру онъ почувствовалъ страшную усталость и ему очень захотѣлось пить; отецъ сказалъ, что они скоро пріѣдутъ на ночлегъ. Для Дорджи, который ѣхалъ, почти не видя ничего вокругъ себя, остальной часъ этого перваго переѣзда показался цѣлымъ вѣкомъ: ноги у него онѣмѣли, сѣдло сдѣлалось такъ жестко, какъ будто онъ сидитъ на острыхъ камняхъ; наконецъ гдѣ-то послышался отдаленный лай собакъ. Какая радость для бѣднаго, утомленнаго мальчика! Ему показалось, что въ этомъ лаѣ звучали самыя нѣжныя, ласковыя слова или самая пріятная музыка, а когда до его носа дошелъ

запахъ дыма, то воображеніе такъ живо представило ему котелъ съ горячимъ чаемъ и ярко освѣщенную юрту съ войлочкомъ, разостланномъ для его усталаго тѣла. —Онъ былъ уже почти счастливъ! Вотъ они подъѣхали въ темнотѣ къ какимъ-то домамъ, на нихъ бросились собаки, но кто-то вышелъ ихъ отгонять. Отецъ говоритъ Дорджи: „пріѣхали, слѣзай", но Дорджи не могъ пошевелить ногами. Отцу пришлось снять его съ сѣдла и помочь войти на крыльцо. Дорджи было очень стыдно, особенно когда отецъ засмѣялся и назвалъ его „батыремъ", что означало богатырь. При всемъ этомъ однакоже Дорджи такъ хотѣлось спать, что онъ почти ничего не видалъ, ни хозяина, ни хозяйки, ни юрты, ни другихъ лицъ, которыя тутъ были. Какія-то женщины участливо восклицали надъ нимъ „притомился родной! Бѣдняжка, на чужую сторону ѣдетъ!" Затѣмъ Дорджи посадили на войлокъ около огня, онъ сейчасъ же свалился на бокъ и дальше уже ничего не помнилъ. Сквозь сонъ мелькала у него мысль, что надо будетъ потомъ самому разсѣдлать Дзерге: онъ дома твердо рѣшилъ, что всегда будетъ его самъ разсѣдлывать и потомъ еще, что какъ бы хорошо выпить чаю, но такъ ни того, ни другого ему въ этотъ вечеръ и не пришлось исполнить. Ему разсказывали послѣ, что его будили, когда чай вскипѣлъ, но добудиться не могли. Онъ ничего не помнилъ и проснулся только тогда, когда на другой день его отецъ, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, разбудилъ его и заставилъ наскоро выпить чаю и съѣсть оставленный съ вечера кусокъ баранины.

Утренній осенній морозъ скоро придалъ Дорджи бодрости, и когда онъ взобрался на своего Дзерге и поѣхалъ вслѣдъ за отцомъ, онъ уже съ любопытствомъ оглядывалъ новыя мѣста, по которымъ они ѣхали, и замѣчалъ дорогу, потому что ему сейчасъ же мелькнула мысль о томъ, что это ему пригодится на то время, когда онъ будетъ возвращаться домой—онъ зналъ уже, что въ русскихъ школахъ отпускаютъ лѣтомъ на отдыхъ. Теперь, когда онъ боялся школы и тосковалъ о домѣ, эта мысль *о возвращеніи домой* была ему особенно пріятна и дорога; съ этимъ вмѣстѣ у него явился настоящій интересъ къ окружающему, что отвлекало его отъ тяжелой тоски, которая наканунѣ такъ его одолѣла. Дорджи ѣхалъ и соображалъ: „солнышко у насъ слѣва, значитъ теперь еще рано, и мы ѣдемъ прямо на югъ"; и онъ различалъ горы, которыя показывались вправо отъ нихъ. Онъ сталъ расспрашивать отца, какъ называются болѣе выдающіяся вершины, что должно быть за этими горами, гдѣ, по его разсчету, протекаетъ Селенга, и хотя Дорджи никогда не учился географіи и ни разу въ своей

жизни не видалъ ни одной географической карты, онъ обнаруживалъ своими вопросами большую сообразительность. Его отецъ очень охотно сообщалъ ему географическія свѣдѣнія, какія у него были. Онъ разсказалъ ему, что къ вечеру этого же дня они пріѣдутъ въ Кяхту, что Кяхта—городъ пограничный, что сейчасъ за Кяхтой начинается уже не русское государство, а Монголія, принадлежащая китайскому императору, и что сама Кяхта состоитъ собственно изъ двухъ городовъ—одного русскаго, въ которомъ живутъ русскіе чиновники, и другого, гдѣ живутъ русскіе и китайскіе купцы. Отецъ обѣщалъ Дорджи сводить его, если будетъ время, въ китайскій городъ и купить ему настоящій монгольскій ножикъ въ ножнахъ. Дорджи, конечно, былъ очень радъ ножу; какъ всякій бурятскій мальчикъ, онъ мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было постоянно имѣть у себя на поясѣ ножъ. Но тутъ мысль о русской школѣ, о томъ, что вся старая знакомая для него жизнь кончилась, а впереди его ждетъ что-то новое, сильно его тревожила. „Еще позволятъ-ли носить ножъ“, спрашивалъ онъ себя. Передъ отъѣздомъ изъ дому, среди домашнихъ, у нихъ часто поднимался вопросъ о томъ, не заставятъ ли Дорджи въ русской школѣ носить русское платье, но всѣмъ казалось это такой несообразностью, такимъ насиліемъ; перемѣна платья представлялась бурятамъ и перемѣною народности, и родные Дорджи пришли къ убѣжденію, что правительство не можетъ требовать отъ нихъ перемѣны костюма. Не заставляли же ихъ мѣнять религію, отчего же не оставить имъ ихъ костюмъ. Эта мысль впрочемъ безпокоила не столько Дорджи, сколько его отца.

Мы не станемъ здѣсь подробно разсказывать, какъ они ѣхали весь этотъ день, какъ имъ было жарко въ полдень, какъ они заѣзжали въ одинъ изъ бурятскихъ улусовъ отдохнуть и напиться чаю,—все это мало чѣмъ отличалось отъ того, что произошло въ первый день путешествія. Мы прямо перейдемъ теперь къ разсказу о первой встрѣчѣ Дорджи съ русскими.

Начало уже вечерѣть, когда въ сторонѣ отъ большой дороги, по которой ѣхали Дорджи и его отецъ, стали появляться красивые деревянные дома, окруженные садами; отецъ сказалъ Дорджи, что это лѣтовки богатыхъ кяхтинскихъ людей, и что теперь недалеко и самый городъ. Мальчикъ еще въ первый разъ видѣлъ такія постройки: балконы, множество оконъ, разные коньки на крышахъ, флаги,—все показалось ему чѣмъ-то сказочнымъ, и онъ очень пожалѣлъ, что не могъ разсмотрѣть эти дома вблизи. Часто стали встрѣчаться и люди верхами или въ телѣгахъ; вотъ ихъ

догналъ какой-то бурятъ; отецъ Дорджи сталъ разспрашивать его о городѣ, о какихъ-то общихъ знакомыхъ, и чтобы быть свободнѣе, отдалъ вьючную лошадь на попеченіе Дорджи. Мальчику пришлось ѣхать впереди; вдругъ онъ увидѣлъ, что на встрѣчу имъ по дорогѣ несется рысью экипажъ, заложенный парой; Дорджи былъ очень занятъ невиданной ранѣе упряжью и экипажемъ; его вьючная лошадь тоже была поражена невиданнымъ зрѣлищемъ. Высокій экипажъ, яркіе зонтики дамъ, сидѣвшихъ въ немъ, вмѣстѣ съ необычнымъ для него шумомъ ужасно напугали степную лошадку,—она шарахнулась въ сторону и напугала благоразумнаго Рыжку; —Дорджи и не взвидѣлъ, какъ перемахнулъ на Рыжкѣ черезъ канаву и помчался по сжатой нивѣ, выпустивъ не только поводъ вьючной лошади, но и уздечку своего коня и потерявъ въ то же время стремена, которыя болтались въ воздухѣ и колотили по бокамъ Рыжку, увеличивая его страхъ. Руки Дорджи въ это время какими-то судьбами оказались крѣпко уцѣпившимися въ гриву Рыжки. Отецъ и знакомый бурятъ погнались за вьючной лошадью, но бѣдный Рыжка скоро опомнился и смиренно потрусилъ вдоль дороги. Дорджи былъ радъ, что никто не замѣтилъ его испуга, и гладилъ своего бѣднаго стараго коня, вспотѣвшаго отъ безумной скачки по рыхлой почвѣ. Долго ловили лошадь, сбросившую съ себя вьюкъ, и только въ сумерки снова выѣхали на дорогу. Вотъ показались первые дома, но они были такіе жалкіе, меньше даже тѣхъ, какіе строили себѣ буряты на зиму. Вдоль этой-то унылой улицы, загороженной съ обѣихъ сторонъ заборами, поплелись наши буряты; напуганныя лошади боялись заборовъ, не менѣе пугали ихъ ворота и столбы, и онѣ похрапывали и косились. Дорджи, и безъ того взволнованный, боялся, что лошади опять понесутъ ихъ при какой-нибудь новой встрѣчѣ съ экипажемъ, и былъ радъ, когда наконецъ отецъ сказалъ ему, что они пріѣхали. И дѣйствительно они сейчасъ же въѣхали въ отворенныя ворота одного двухъ-этажнаго дома; это былъ домъ русскаго казака, у котораго отецъ Дорджи обыкновенно останавливался во время своихъ пріѣздовъ въ городъ. Привязавши коней, Дорджи съ отцомъ вошли въ нижній этажъ дома. Это было большое помѣщеніе съ перегородкой; въ первой половинѣ была большая печь. Дорджи сразу очутился въ новой для него обстановкѣ, среди незнакомыхъ людей. Прежде всего его поразила необыкновенная чистота и бѣлизна всего окружающаго; онъ привыкъ къ земляному или никогда не мытому полу, къ закоптѣлымъ стѣнамъ бревенчатой избы. Здѣсь стѣны были вымазаны известкой и бѣлилами, также какъ и потолокъ; три большихъ окна освѣщали первую

комнату, полъ былъ только-что отструганъ, и притомъ его почти вездѣ закрывали полосатые, свѣтлыхъ оттѣнковъ, половики; выбѣленная печь задергивалась розовою ситцевою занавѣской, а на окнахъ были бѣлыя шторы. Во второй комнатѣ была большая кровать съ пологомъ яркаго ситца, на стѣнѣ висѣло зеркало, а въ переднемъ углу — нѣсколько иконъ въ фольговыхъ ризахъ. Все это казалось Дорджи чуть не роскошью. Сильно поразила его и русская люлька, подвѣшанная веревками къ гибкому шесту, прикрѣпленному къ потолку.

Люди, конечно, были не менѣе интересны: большая рыжая борода у одного изъ мужчинъ, свѣтлые голубые глаза и бѣлокурыя, никогда не виданныя Дорджи, косы, уложенныя на головѣ, яркія рубахи мужчинъ и свѣтлыя платья женщинъ, — все казалось ему необыкновеннымъ, нарядньмъ и въ то же время смѣшнымъ. Отца пригласили садиться; онъ сѣлъ на одинъ изъ стульевъ, но ему очевидно было неловко сидѣть на какомъ-то тычкѣ; Дорджи не рѣшился послѣдовать его примѣру: опустясь на полъ, онъ присѣлъ на корточки; надъ нимъ засмѣялись, но онъ не понималъ надъ чѣмъ смѣются.

Одна изъ женщинъ, повидимому хозяйка, стала ему говорить что-то, она казалось была недовольна имъ, но онъ не понималъ въ чемъ дѣло. Тогда одинъ изъ мужчинъ, говорившій немного по-бурятски, сказалъ ему: „сними шапку то! у насъ не любятъ, чтобы въ шапкахъ сидѣли". Тогда Дорджи, а за нимъ и отецъ, сняли съ себя шапки; это удивило Дорджи: у бурятъ считается болѣе вѣжливымъ сидѣть дома въ шапкахъ. Скоро его вниманіе привлекла молодая женщина, которая стала ставить самоваръ, и еще многое множество другихъ новыхъ для него предметовъ. Дорджи думалъ, что обо всемъ этомъ слѣдуетъ разспросить, надо все хорошенько разсмотрѣть, и тутъ же у него являлась мысль, что отецъ скоро уѣдетъ, и ему некого будетъ разспрашивать. Вообще, какъ ни развлекала его новая обстановка, но совсѣмъ новая для него жизнь, чувство одиночества тяжко томило его, и онъ едва удерживалъ слезы. Главное, что смущало его, это то, что онъ не понимаетъ говора окружающихъ; при дурномъ его настроеніи ему все казалось въ этотъ вечеръ, что всѣ окружающіе говорятъ именно о немъ и его отцѣ, что если они смѣются, то смѣются именно надъ ними.

Усталый отъ ѣзды и отъ новыхъ впечатлѣній, Дорджи былъ радъ, когда отецъ простился съ хозяевами, и они пошли спать. Утромъ они встали раньше другихъ и сводили къ рѣчкѣ на водопой своихъ и хозяй-

скихъ лошадей, затѣмъ задали лошадямъ сѣна, взяли его себѣ по охабкѣ, чтобы положить подъ голову, и улеглись снова на дворѣ подлѣ сарая. Потники изъ-подъ сѣделъ служили имъ постелью, а халаты — одѣялами. Утромъ наши буряты проснулись раньше всѣхъ, опять сводили на рѣчку лошадей и тамъ же умылись. Возвращаясь домой, Дорджи теперь при свѣтѣ дня съ интересомъ разсматривалъ городъ, въ которомъ ему придется жить. Ему очень хотѣлось поскорѣе идти на площадь, гдѣ онъ видѣлъ русскую церковь и нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ; церковь, съ ея высокой колокольней, съ зеленымъ куполомъ, съ ярко блестящими на солнцѣ крестами, показалась ему какимъ-то сказочнымъ зданіемъ. Вчерашнее чувство тоски смѣнилось чувствомъ интереса, когда онъ подумалъ, что онъ будетъ учиться и что, можетъ быть, въ концѣ концовъ и онъ будетъ умѣть строить такія же мудреныя зданія.

Скоро ихъ обоихъ позвали къ хозяевамъ пить чай. Дорджи теперь смѣлѣе разсматривалъ все его окружающее, и хотя обстановка ничѣмъ не выдавалась, но для него она казалась почти роскошной. Прежде всего его вниманіе привлекли картины на стѣнахъ и образа; въ послѣднихъ онъ даже нашелъ нѣкоторое сходство съ своими; ему нравилось, что у русскихъ также есть обычай зажигать масло и украшать иконы искусственными цвѣтами. Картина, изображавшая сцены охотъ, показалась Дорджи необыкновенно реальной—онъ не могъ налюбоваться на то, какъ натурально были представлены собаки, мертвый медвѣдь и лошади...

Чай онъ опять пилъ, сидя на полу.

Послѣ чая отецъ взялъ его съ собой на рынокъ. Здѣсь Дорджи на каждомъ шагу встрѣчалъ новое. Прежде всего его удивило, что всѣ постройки представляли сплошной рядъ; ему все хотѣлось спросить: да какъ же это такъ? Гдѣ же кончаются владѣнія одного хозяина и гдѣ начинаются владѣнія другого? Когда они поровнялись съ каменными домами въ два и три этажа, Дорджи былъ пораженъ ихъ величиной. Стоя возлѣ этихъ домовъ, онъ все загибалъ голову, чтобы посмотрѣть на крышу.— Церковь, которую онъ видѣлъ утромъ, была въ сторонѣ, но Дорджи попросилъ отца подойти къ ней поближе и осмотрѣлъ ея подробно; колонны на паперти храма, чугунныя фигурныя рѣшетки на окнахъ и дверяхъ, лѣстница изъ бѣлаго плитняка,—все поражало его, а позолоченный иконостасъ, люстра и большіе подсвѣчники, видимѣвшіеся черезъ окна, казались ему чѣмъ-то волшебнымъ. Въ то время, какъ онъ со всѣхъ сторонъ обходилъ церковь, раздался благовѣстъ; въ первую минуту Дорджи даже

уши заткнулъ: звуки колоколовъ оглушили его; но потомъ онъ съ удовольствіемъ прислушивался къ ихъ звону и съ любопытствомъ всматривался во все, что происходило въ это время на колокольнѣ.

Отецъ, видя, съ какимъ удовольствіемъ Дорджи разсматриваетъ храмъ чужой религіи, замѣтилъ, что у буддистовъ, въ Ургѣ, тоже есть большіе храмы. То далеко, въ Ургѣ, протянулъ со вздохомъ Дорджи, почему же здѣсь нѣтъ? — „Городовъ у насъ нѣтъ, вотъ почему,“ рѣшилъ Дамба, очень довольный, что подыскалъ объясненіе; но Дорджи не унимался, онъ продолжалъ разспросы, почему же нѣтъ городовъ—почему буряты не строятъ каменныхъ домовъ, почему между бурятами нѣтъ очень богатыхъ и т. д. Его „почему“ долго бы не кончились, если бы, наконецъ, они не вышли на базарную площадь, и Дорджи не поразило новое зрѣлище. Площадь была обстроена со всѣхъ сторонъ одноэтажными деревянными рядами лавокъ съ галлереей передъ ними; товары каждой лавки выходили на галлерею, и даже на улицѣ, передъ галлереей, были навалены въ ящики и въ бочки. Во всемъ этомъ замѣчалось мало заботы о красотѣ: сушеная рыба въ бочкахъ, разное зерно, пробки и куски клея въ ящикахъ и т. п. не имѣли ничего привлекательнаго для привычнаго глаза, но Дорджи былъ пораженъ уже одной массой всего, здѣсь нагроможденнаго. Если у лавки были сложены цѣлыя пирамидки топоровъ или косъ, выставлены цѣлые ряды желѣзныхъ ведерокъ или всѣ стѣны были увѣшаны хомутами, шлеями и возжами, и съ потолка свѣшивались пучки кнутиковъ и уздечекъ, этого было достаточно, чтобы Дорджи видѣлось необыкновенное богатство и великолѣпіе.

Одинъ уголъ площади былъ занятъ огромными вѣсами, другой — весь заставленъ ручными телѣжками, на которыхъ женщины продавали хлѣбъ и разныя закуски, въ родѣ гороховаго киселя, печеныхъ яицъ и пироговъ. Отецъ и Дорджи ничего не покупали, они только ходили по базару и смотрѣли: торговцы часто окликали ихъ, по-бурятски спрашивали, чего имъ нужно, но они не умѣли имъ отвѣчать и отвѣчали „ничего“, продолжая между тѣмъ любоваться выставленными товарами. Наконецъ, они встрѣтили толпу знакомыхъ Дамбѣ бурятъ и, по случаю встрѣчи, задумали выпить. Отецъ не хотѣлъ брать Дорджи въ питейный домъ и велѣлъ ему подождать себя у большихъ вѣсовъ. Дорджи заинтересовался ихъ устройствомъ и все ходилъ вокругъ и наблюдалъ, какъ приказчики взвѣшивали огромные мѣшки и кули съ мукой. Приказчики обратили, наконецъ, вниманіе на Дорджи и заговорили съ нимъ. Онъ былъ очень

радъ этому развлеченію и разсказалъ имъ, что пріѣхалъ сюда учиться, что онъ хочетъ все знать и всему выучиться. Приказчики предложили ему, не хочетъ ли онъ посмотрѣть Москву. Дорджи слыхалъ, что Москва — главный городъ русскаго государства и что ее зовутъ „Москва — золотыя маковки“; онъ отвѣчалъ, что, конечно, очень бы хотѣлось посмотрѣть Москву, и его воображеніе уже рисовало ему великолѣпный городъ, въ тысячу разъ превосходящій все имъ только-что видѣнное. Тогда приказчики, похваливая его за прекрасное намѣреніе всему учиться, предложили стать на одну изъ досокъ большихъ вѣсовъ. Дорджи, занятый всѣмъ новымъ, безпрекословно исполнилъ приказаніе. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ гирю, удерживавшую вѣсы въ равновѣсіи, сбросили и Дорджи подняли кверху. Хохотъ и вопросы, видно-ли ему съ высоты Москву, были чрезвычайно ему обидны, а чувство испуга сейчасъ же смѣнилось чувствомъ безсильнаго и потому еще болѣе остраго гнѣва противъ злыхъ шутниковъ. Дорджи даже не могъ удержаться отъ слезъ, а при видѣ плачущаго бурята приказчики стали еще сильнѣе смѣяться; онъ хотѣлъ бы соскочить съ вѣсовъ, но доска колебалась подъ его ногами и, казалось, совсѣмъ не имѣла устойчивости. Онъ почувствовалъ себя совершенно во власти приказчиковъ... Онъ сознавалъ себя выставленнымъ напоказъ и привлекающимъ вниманіе все большей и большей толпы зѣвакъ, которымъ, по его соображеніямъ, приказчики разсказывали о его желаніи видѣть Москву, и страшно страдалъ. Нѣсколько минутъ этой пытки показались ему часами, и онъ не зналъ чѣмъ бы это кончилось, если бы наконецъ мужикъ не подвезъ муку, которую надо было взваливать на вѣсы. Дорджи при первой же возможности убѣжалъ съ вѣсовъ и далъ себѣ слово впередъ не разговаривать съ русскими. Ему вслѣдъ посыпались восклицанія: „вишь, не понравилось! Бурятская лопатка, тварь, собака некрещеная!“ Дорджи запомнилъ эти возгласы и когда дождался отца, то спросилъ у него, что это значитъ. Отцу не хотѣлось распространяться на эту тему, онъ отвѣчалъ ему [illegible] на его вопросъ: „Не трогай, молчи, [illegible] это кричатъ“. Дорджи не унимался однако же и все приставалъ. Тогда отецъ пояснилъ ему, что тварью и некрещеной собакой обыкновенно называютъ людей другой, не русской вѣры. Дорджи искренно подивился: за что тутъ бранить или сердиться? — „Вѣдь эта вѣра моихъ родителей, всѣхъ насъ... думалъ онъ. Вѣдь не приходитъ же мнѣ въ голову сердиться на русскихъ за то, что они не буддисты!“ и онъ вспомнилъ, что столько разъ слыхалъ отъ Аюши о равенствѣ всѣхъ вѣръ

передъ Богомъ... Новая жизнь, окружавшая Дорджи, смутила его массою своихъ загадокъ...

На другой день Дорджи съ отцомъ пошли въ школу. Большое одноэтажное зданіе на одной изъ боковыхъ улицъ города ничѣмъ особеннымъ не поразило нашего мальчика, да по правдѣ сказать на душѣ у него была такая тревога, что онъ не обращалъ вниманія на окружающее. Большой школьный дворъ былъ пустъ: занятія уже начались. Отецъ и Дорджи вошли сначала по указанію дворника во флигель къ смотрителю. Здѣсь ихъ встрѣтилъ какой-то рослый бѣлокурый человѣкъ и сердито обратился къ нимъ: узнавъ, что Дамба не говоритъ по-русски, онъ велѣлъ позвать переводчика. На этотъ зовъ явился мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Дорджи съ любопытствомъ осмотрѣлъ его: гладко стриженая русая голова, очень зоркіе сѣрые глаза и маленькія веснушки по всему лицу сейчасъ же бросились ему въ глаза; впечатлѣніе было впрочемъ хорошее. Мальчикъ толково и умѣло разспросилъ Дамбу о томъ, что ему нужно, и передалъ его просьбу о принятіи Дорджи въ школу. Смотритель закивалъ головой и сказалъ: знаю, знаю, мнѣ объ этомъ писали, это хорошее дѣло. Потомъ, отобравъ свѣдѣнія объ имени мальчика, его лѣтахъ и о томъ, гдѣ находится ихъ улусъ, поручилъ ихъ обоихъ вниманію маленькаго переводчика. Переводчикъ повелъ ихъ въ большой домъ и показалъ комнату, въ которой долженъ былъ спать вновь принятый ученикъ.

Зданіе школы раздѣлялось длиннымъ корридоромъ на двѣ половины: на улицу выходили классы, на дворъ — спальня и столовая. Въ спальняхъ у двухъ стѣнъ были сдѣланы нары, т.-е. высокіе помосты, и на нихъ въ равномъ разстояніи одна отъ другой помѣщались постели воспитанниковъ, которыя по утрамъ свертывались и прикрывались грубымъ шерстянымъ одѣяломъ. Переводчикъ, который сказалъ имъ, что его зовутъ Николаемъ Сизыхъ, и что всѣ вновь привезенные буряты поручены ему, какъ знающему языкъ, обѣщалъ помѣстить „новенькаго“ вмѣстѣ съ другими бурятами и познакомить съ ними. Дѣйствительно, не успѣлъ онъ передать всѣ необходимыя указанія отцу Дорджи, какъ раздался звонокъ и корридоръ наполнился нѣсколькими десятками мальчиковъ, одѣтыхъ въ сѣрые нанковые казакины и высокіе сапоги. Сизыхъ, войдя въ корридоръ, крикнулъ нѣсколько бурятскихъ фамилій, и сейчасъ же въ спальню явилось пять бурятскихъ мальчиковъ; нѣкоторые изъ нихъ были одѣты такъ же, какъ и Дорджи, въ халаты, другіе уже носили такіе казакины, какіе были на русскихъ, и были острижены. Наши Дамбаевы сейчасъ же освѣдоми-

лись о причинахъ этой разницы, и узнали, что одѣты по-русски крещеные мальчики; Сизыхъ посиѣшилъ успокоить встревоженнаго старика тѣмъ, что начальство не требуетъ отъ бурятъ, чтобы они перемѣняли костюмъ. Отецъ Дорджи очень просилъ Сизыхъ, чтобы онъ былъ добръ къ его сыну и чтобы научилъ его, какъ онъ долженъ вести себя въ школѣ. Въ это время нѣсколько русскихъ мальчиковъ окружили Дорджи и распрашивали его о разныхъ разностяхъ; но не дождавшись отвѣта, махнули рукой и оставили пока въ покоѣ; можетъ быть, они не задумались бы подшутить надъ нимъ, но Сизыхъ остановилъ мальчугановъ и сказалъ отцу, что пока онъ можетъ взять съ собой Дорджи и привести его только къ вечеру. Сизыхъ сказалъ, что отецъ долженъ купить Дорджи сундучекъ съ замкомъ, какіе были у большинства школьниковъ, войлокъ или тюфякъ, а также и подушку, — „казенная хотя и выдается, — прибавилъ онъ — но она будетъ набита соломой, а потому лучше имѣть свою“. Отецъ поблагодарилъ Николая Сизыхъ за совѣты и даже подарилъ ему немного денегъ на лакомства, радуясь, что имъ можно было съ Дорджи еще провести денекъ не разставаясь. Дорджи, конечно, радовался этому не меньше отца. Во время этихъ переговоровъ, Дорджи постарался свести знакомство съ другими бурятскими мальчиками; двое изъ нихъ умѣли немного говорить по-русски и Дорджи рѣшилъ, что будетъ учиться русскому языку у нихъ; къ сожалѣнію, всѣ эти мальчики были дальніе, ни одного не было изъ одних мѣстъ съ Дорджи; не всѣ изъ нихъ даже знали о существованіи Селенги, не то что Кудетуевскаго улуса, откуда былъ привезенъ Дорджи. Какъ бы то ни было, присутствіе земляковъ въ школѣ и покровительство Николая Сизыхъ очень ободрили Дорджи, и онъ сталъ думать о предстоящей жизни въ школѣ не безъ пріятныхъ надеждъ. Отецъ, желая въ послѣдній разъ доставить удовольствіе покидаемому имъ сыну и развлечь его, вздумалъ показать ему китайскую слободу, которая находится верстахъ въ двухъ отъ Троицкосавска вмѣстѣ съ русской слободой — Кяхтой.

Миновавъ пустыри и затѣмъ громадный чайный складъ, обнесенный каменной стѣной, Дорджи съ отцомъ дошли до китайскаго городка — Маймачина. Здѣсь дома были не деревянные, какъ у русскихъ, а глиняные, одноэтажные, съ большими, во всю переднюю стѣну, рѣшетчатыми окнами. Въ этихъ оконныхъ рѣшоткахъ не было стеколъ: ихъ замѣняла бѣлая бумага. Идя вдоль улицы, путники наши замѣтили, что передній фасадъ каждаго дома былъ открытъ, что во всѣхъ этихъ открытыхъ домахъ по-

мѣщались лавки и разные склады товаровъ, отдѣлявшиеся отъ улицы однимъ только прилавкомъ. Внутри лавка была занята съ трехъ сторонъ полками съ разложенными на нихъ китайскими товарами. Тутъ обыкновенно въ одной и той же лавкѣ были и свертки шелковыхъ матерій самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и шелковые, расшитые шелками же халаты и китайскіе сапоги, и шляпы, въ которыхъ любили щеголять буряты. Другія полки были заняты фарфоровой посудой и даже печеньями и сушеными фруктами. Стѣны лавокъ и двери были увѣшаны китайскими картинами, гдѣ драконы и всадники на коняхъ фантастическихъ формъ могли напугать своимъ грознымъ видомъ, громадными усами и выпученными глазами самаго неробкаго изъ китайцевъ. Дорджи очень интересовался всѣмъ этимъ, но еще больше заняли его сами китайцы; ему показалось, что всѣ приказчики въ китайскихъ лавкахъ были женщины. Съ особеннымъ вниманіемъ глядѣлъ онъ на молодыхъ мальчиковъ, съ розовыми лицами и нѣжными руками, украшенными нефритовыми браслетами. Бѣлые чулки и башмаки, длинныя косы и цвѣтныя пелеринки, надѣтыя затѣмъ, чтобы коса не пачкала халатъ, довершали сходство. Старики, желтые и безбородые, тоже больше походили на старухъ. Китайцы очень понравились Дорджи; они были ласковы съ нимъ и помогали ему выбрать себѣ настоящій монгольскій ножикъ, какой всякій щеголь-бурятъ носитъ за кушакомъ. Ножикъ этотъ былъ въ деревянныхъ ножнахъ въ полъ-аршина длиной. Торговцы увѣряли, что ножны сдѣланы изъ настоящей змѣиной кожи. Дорджи хорошо зналъ змѣиную кожу и понималъ, что его обманываютъ, но ему самому хотѣлось, чтобы ножикъ имѣлъ въ себѣ что-нибудь необыкновенное, и потому онъ не противорѣчилъ. Онъ былъ какъ нельзя больше доволенъ, когда приказчикъ прикрѣпилъ ему новую покупку къ кушаку и сказалъ, что онъ теперь смотритъ настоящимъ *батыремъ*. Почти всѣ китайскіе торговцы говорили съ нимъ по-бурятски, что доставляло ему истинное наслажденіе. Отецъ, очень довольный, что его Дорджи приласкали, накупилъ подарковъ и для остальныхъ членовъ своей семьи. На прощанье, старый китаецъ подарилъ Дорджи кусокъ китайскаго сахара-леденца. Лаская Дорджи, онъ вспоминалъ своего оставленнаго въ Китаѣ сына такихъ же лѣтъ. Всѣ эти ласки производили на Дорджи и его отца самое теплое и отрадное впечатлѣніе.

Обѣдать пришлось имъ тоже у китайцевъ. Они зашли для этого въ одинъ изъ открытыхъ домовъ. Здѣсь въ одной и той же комнатѣ помѣщалась и столовая, и кухня. На очагѣ или на плитѣ кипѣло нѣсколько

котлахъ, и на столѣ лежали кучи нарѣзанной лапши и готовыхъ пельменей. Ламба заказалъ послѣднихъ. Китайцы усадили нашихъ бурятъ на низенькое сидѣнье, покрытое войлокомъ, поставили передъ ними столъ, вышиною вершка въ четыре, и разставили на немъ нѣсколько фарфоровыхъ блюдечекъ съ разными приправами. Буряты были очень довольны, что здѣсь они могли ѣсть, сидя по-своему и обходиться за обѣдомъ безъ ножей, вилокъ и ложекъ. Вмѣсто всего этого они должны были употреблять костяныя палочки, которыя замѣняютъ китайцамъ всѣ наши столовые приборы; никого изъ присутствующихъ не удивило однако же, что они больше ѣли руками, чѣмъ китайскими палочками.

Пообѣдавъ, Ламбаевы возвратились въ русскій городъ; здѣсь Дорджи предстояло еще удовольствіе купить себѣ сундучекъ. Онъ выбралъ разрисованный яркими розами и окованный въ клѣтку блестящими металлическими полосами; сверхъ того, отецъ купилъ ему бумаги, карандашей, перочинный ножикъ и пучекъ гусиныхъ перьевъ. Не успѣлъ еще Дорджи по возвращеніи домой уложить въ сундучекъ свои вещи, какъ настали сумерки и надо было идти въ школу. Дорогой Дорджи все думалъ о томъ, что онъ видитъ отца въ послѣдній разъ, что надо бы наказать ему передать всѣмъ домашнимъ его привѣтъ, сказать, что онъ всѣхъ ихъ помнитъ и любитъ; но рѣчь его какъ-то не складывалась, и ему только и удалось попросить отца, чтобы онъ поберегъ его Рыжку, не позволялъ ѣздить на немъ Нимену. Онъ просилъ еще поклониться матери и Аюши, но эти холодныя слова совсѣмъ не соотвѣтствовали его чувствамъ, нисколько не выражали его душевнаго состоянія.

Пришедши въ школу, отецъ разложилъ принесенный имъ свертокъ съ войлочкомъ и его подушкой, и поставивъ тутъ же сундучекъ, сейчасъ же ушелъ, не позволивъ Дорджи проводить его хоть до воротъ. Школьники сейчасъ же окружили новенькаго; на него посыпались вопросы: откуда онъ, какъ его зовутъ, крещеный онъ или нѣтъ? Дорджи, ошеломленный [illegible], отвѣчалъ [illegible], и скоро школьники оставили его въ покоѣ; имъ надо было учить уроки, и для этого они должны были сѣсть на табуретки вокругъ столовъ, на которыхъ горѣли сальныя свѣчи; буряты въ это время забрались на нары и тѣснымъ кружкомъ усѣлись вокругъ Дорджи, сложивъ ноги „калачикомъ“. Въ этой привычной позѣ бесѣда ихъ пошла непринужденнѣе и оживленнѣе. Познакомивъ Дорджи съ внутренними порядками, которые были въ школѣ, они стали обсуждать главный для нихъ вопросъ: какъ они будутъ учиться, не зная по-

русски. Оказалось, что двое изъ нихъ, Дорджи и еще одинъ бурятъ, знали монгольскую грамоту, двое умѣли говорить по-русски; но какъ они будутъ учиться, этого они не знали; одни высказали предположеніе, что учителя знаютъ по-бурятски и будутъ имъ объяснять на родномъ языкѣ, но мальчики, которые уже видѣли учителей, увѣряли, что никто изъ нихъ по-бурятски не говоритъ. Всѣ пришли къ мысли, что имъ прежде всего необходимо учиться русскому языку и согласились помогать другъ другу въ новой для нихъ жизни, среди русскихъ. Въ этихъ интересныхъ для всѣхъ разговорахъ вечеръ прошелъ незамѣтно вплоть до звонка къ ужину. И когда мальчики тѣсной толпой двигались по корридору, Дорджи показалось, что кто-то разъ или два дернулъ его за косу: онъ всякій разъ оборачивался, но всѣ мальчики, окружавшіе его, имѣли такой чинный видъ, что ему казалось ни съ чѣмъ не сообразнымъ обвинить ихъ въ шалости; да и какъ высказать это обвиненіе, ему, не умѣвшему говорить по-русски. Въ столовой Дорджи увидалъ длинный столъ, уставленный оловянными тарелками, такими же мисками, и замѣтилъ, что оловянныя ложки лежали у каждаго прибора. Мальчики при входѣ въ столовую становились, и одинъ изъ старшихъ прочелъ молитву, послѣ которой всѣ заняли свои мѣста на длинныхъ скамьяхъ. Оказалось, что у нѣкоторыхъ бурятъ не было ложекъ, у Дорджи также; а такъ какъ ему не хотѣлось ѣсть, то онъ и не обратилъ на это обстоятельство никакого вниманія. Между тѣмъ другіе стали переговариваться между собой; русскіе сосѣди сейчасъ же приняли въ этомъ участіе, позвали служителя, спрашивали, почему у бурятъ нѣтъ ложекъ. Служитель объявилъ, что ложки были положены всѣмъ. Мальчики начали шумно искать ихъ кругомъ стола и скоро открыли, что ложки были привязаны къ косамъ маленькихъ бурятъ, сохранившихъ еще это украшеніе. Поднялся всеобщій смѣхъ, и русскіе мальчики наперерывъ сыпали остротами. Дорджи не могъ оцѣнить ихъ, онъ ихъ не понималъ; кромѣ того, онъ негодовалъ и удивлялся, какъ это могъ онъ не замѣтить, когда съ нимъ продѣлали эту штуку... Выразить свой гнѣвъ онъ боялся, да и не зналъ, какъ это сдѣлать: не могъ же онъ приколотить въ столовой виноватаго. Да и кто же тутъ виноватый? — кругомъ слышенъ веселый смѣхъ, и только. Старшіе едва уняли развеселившихся школьниковъ. Въ половинѣ ужина въ столовую пришелъ смотритель, при немъ всѣ чинно сидѣли и ѣли пшенную кашу; затѣмъ пропѣли молитву и вышли изъ-за стола. Дорджи думалъ, что начальство явилось разслѣдовать дѣло о ложкахъ; но, повидимому, никто объ этомъ и не

думалъ, а смотритель никогда ничего и не узналъ о такомъ оскорбленіи чувства собственнаго достоинства маленькихъ бурятскихъ мальчугановъ. Такъ окончился для нашего новичка первый день въ школѣ: его давило чувство незаслуженной обиды и смущало непріятное сознаніе безсилія. Когда онъ могъ, наконецъ, забраться подъ одѣяло, онъ былъ не въ силахъ удержаться отъ слезъ и плакалъ, плакалъ, пока не уснулъ. Утромъ, его разбудилъ звонъ; всѣ въ комнатѣ вставали, складывали свои постели и шли умываться. У Дорджи не было полотенца, дома онъ никогда и не думалъ о немъ, а здѣсь, видя, что у всѣхъ они есть, онъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе; къ счастью, его ближайшій сосѣдъ — бурятъ Жуановъ — предложилъ ему пользоваться его полотенцемъ, и они отправились въ умывальную. Огромная мѣдная лохань была окружена умывающимися. Дорджи долго смотрѣлъ на процедуру умыванья и учился, наблюдая, какъ это дѣлаютъ другіе; но несмотря на это, его первыя попытки были неудачны: онъ слишкомъ сильно ударилъ по мѣдному гвоздику и пустилъ слишкомъ большую струю холодной воды, которая облила не только руки, но и грудь его и залилась и за рукава его халата. Эта маленькая непріятность уже была достаточна, чтобы лишить Дорджи того добраго расположенія духа, съ которымъ онъ всталъ послѣ крѣпкаго сна. — Раздумывать было однакоже некогда: надо было спѣшить дѣлать все то, что дѣлаютъ другіе школьники. Мальчики уже становились въ пары въ корридорѣ; старшіе ровняли новенькихъ. Дорджи сталъ въ парѣ съ Жуановымъ, и всѣ пошли на молитву.

Послѣ горячаго чая, въ которомъ, по мнѣнію Дорджи, не доставало молока, масла и соли, мальчики пошли въ классы.

Здѣсь Дорджи познакомился съ новой для него обстановкой ученія — классной доской, классными столами и всѣми установленными порядками. Николай Сизыхъ посадилъ всѣхъ бурятъ вмѣстѣ, онъ роздалъ имъ книги, аспидныя доски и началъ сшивать тетради. Время до звонка прошло незамѣтно: Дорджи написалъ на [illegible] свое имя и фамилію, разсмотрѣлъ выданную ему книгу ,,Краткое руководство къ познаніи русско-монгольской грамотности“: замѣтилъ, что въ ней было два текста — русскій и монгольскій и очень обрадовался: половина книги была ему уже и теперь доступна. Скоро пришелъ учитель — казакъ, изучившій когда-то монгольскій языкъ въ Казани и не знавшій бурятскаго. Поневолѣ онъ передалъ на первое время свои обязанности по обученію бурятъ русской грамотѣ Николаю, а самъ занялся преподаваніемъ монгольскаго языка

русскимъ мальчикамъ. Дорджи внимательно слушалъ его преподаваніе: въ пріемахъ учителя было много новаго, и Дорджи, слѣдя за нимъ по своей книгѣ, очень сожалѣлъ, что не знаетъ по-русски и потому многое не понимаетъ въ урокѣ. Зато дѣло съ Николаемъ Сизыхъ пошло у него быстро; онъ скоро усвоилъ себѣ названіе русскихъ буквъ и выучился писать ихъ; онъ съ перваго же урока увидалъ, что можетъ быть полезенъ своимъ товарищамъ бурятамъ; и дѣйствительно, какъ только звонокъ освободилъ ихъ отъ непривычной обстановки, всѣ они усѣлись въ дальнемъ концѣ корридора на полу и занялись ученіемъ, съ досками и книжками на колѣняхъ; дѣло пошло у нихъ быстро, и скоро всѣ буряти знали русскую азбуку. Не всѣмъ одинаково давалось письмо, но и тутъ было столько усердія, что скоро и самые неумѣлые выучились. Кромѣ того, Дорджи видѣлъ, какъ учитель задавалъ монгольскія слова и писалъ ихъ на классной доскѣ; онъ понялъ, что и ему нужно примѣнить этотъ способъ для изученія русскаго языка, и сейчасъ же сшилъ себѣ толстую тетрадку и началъ въ ней записывать слова, которыя хотѣлъ запомнить. Раньше Дорджи никогда не пробовалъ записывать свою рѣчь, и потому вначалѣ очень затруднялся этимъ, но работа эта имѣла ту хорошую сторону, что занимала все его свободное время и доставляла ему удовольствіе. Записывая слова въ свой словарикъ и заучивая ихъ наизусть, онъ вскорѣ сталъ оказывать большую помощь другимъ бурятскимъ мальчикамъ, и они привыкли потомъ обращаться къ нему за справками, а онъ, самъ того не замѣчая, сдѣлался какъ бы помощникомъ Николая Сизыхъ. Послѣдній понималъ это и смотрѣлъ на Дорджи нѣсколько иначе, чѣмъ на другихъ своихъ учениковъ-бурятъ. Дорджи при томъ же поправлялъ иногда въ чтеніи монгольскаго текста и самого своего маленькаго учителя. Помогая ему въ обученіи бурятъ, Дорджи въ то же время просилъ Николая помогать ему по урокамъ ариѳметики. Буряти, хотя и не знали языка, но должны были присутствовать на всѣхъ урокахъ, кромѣ уроковъ Закона Божія, отъ которыхъ некрещеные были освобождены. Дорджи, благодаря Николаю, скоро понялъ первыя правила ариѳметики и проводилъ поэтому время на этихъ урокахъ не безъ нѣкотораго удовольствія; часто, рѣшивъ у себя несложную задачку, онъ нетерпѣливо желалъ пойти къ доскѣ и показать не понимавшему мальчику, вызванному къ доскѣ. Однако онъ никогда не позволялъ себѣ обнаруживать свои познанія и скорѣе радовался, что буряти, не знающіе по-русски, никогда не были вызываемы. Учителемъ ариѳметики состоялъ смотритель училища; онъ славился по всей школѣ своей

строгостью. Онъ и въ классѣ, и внѣ класса позволялъ себѣ бранить учениковъ, а иногда и давать имъ „тумака“, какъ говорили школьники, т. е. бить по головѣ книгой. Дорджи до смерти боялся попасться ему на глаза. Радуясь своимъ успѣхамъ въ ариѳметикѣ, онъ любилъ воображать, какъ онъ удивитъ своихъ одноулусниковъ, Цыпена, пожалуй и отца, съ помощью карандаша и бумаги свободно считая тысячи и милліоны. Вообще всѣ занятія Дорджи имѣли для него свою прелесть главнымъ образомъ потому, что онъ воображалъ себѣ, какъ онъ будетъ щеголять среди своихъ; чаще всего онъ велъ свои „ученыя бесѣды“ мысленно съ Аюши, а когда его фантазія уносилась уже очень далеко, онъ воображалъ себя чуть не всевѣдующимъ и воображалъ, какъ онъ будетъ строить высокіе, превысокіе субурганы *), красивые каменные дацаны, украшать ихъ статуями и живописью. Мечтая объ этомъ, онъ представлялъ своей слушательницей свою двоюродную сестренку Селенъ. Въ последнее время, работая и играя вмѣстѣ на сѣнокосѣ и живя рядомъ зимой, онъ особенно близко сошелся съ ней. Теперь, живя въ школѣ, онъ часто вспоминалъ о ней, и ему очень бы хотѣлось поговорить съ ней. Ей онъ могъ бы, не стѣсняясь, разсказать о всѣхъ своихъ обидахъ и огорченіяхъ, о всѣхъ шуткахъ и насмѣшкахъ товарищей, жаловаться на которыхъ кому бы то ни было въ школѣ, хотя бы и своимъ, было для него стыдно, и чего онъ никогда и не дѣлалъ, затаивая всѣ обиды глубоко у себя на душѣ.

Мало по малу буряты все болѣе и болѣе привыкали къ русскимъ и втягивались въ общую жизнь школы. Съ утра онъ терпѣливо переносили скуку классныхъ уроковъ, на которыхъ почти ничего не понимали, а послѣ обѣда вознаграждали себя веселыми играми на школьномъ дворѣ. Хорошая осень, товарищество, множество игръ, многія изъ которыхъ одинаково обычны для бурятъ и для русскихъ, помогали имъ весело проводить время.

Въ то же время въ играхъ незамѣтно усваивался русскій языкъ, и [illegible] они общее товарищество [illegible] всегда успѣвали. Дорджи, занятый своими печальными мыслями, сторонился отъ веселыхъ товарищей; они, конечно, платили ему тѣмъ же, звали его „совой“, „пнемъ“, „дѣвчонкой“; безпрестанно устраивали ему маленькія непріятности, и, пользуясь его разсѣянностью, подстраивали ему множество всякаго ро-

*) Буддійскія башни въ память умершихъ святыхъ.

ла штукъ. — Дорджи почти возненавидѣлъ русскихъ мальчиковъ; самый видъ ихъ сдѣлался ему противенъ; ему казалось, что всѣ они безобразны: бѣлокурые волосы, расплывшіеся носы, отсутствіе ярко очерченныхъ бровей, — все казалось ему отталкивающимъ, а главное — ему не нравилась въ нихъ постоянная готовность посмѣяться надъ товарищемъ и [illegible] склонность считать бурята существомъ низшимъ. Эта послѣдняя черта хотя и высказывалась какъ-то непостоянно, неровно: назвавъ бурята тварью, каждый изъ русскихъ черезъ минуту готовъ побрататься съ нимъ, но самая эта неустойчивость не нравилась Дорджи. Онъ думалъ: „ну, презираете вы меня, — такъ ужъ и не дѣлайте. Я и самъ не хочу съ вами послѣ этого знаться!“ Мало-по-малу Дорджи увѣрилъ себя, что у всѣхъ русскихъ жестокость — преобладающая черта характера. — „Развѣ не жестоко надсмѣялись надъ нимъ приказчики у вѣсовъ, а что онъ сдѣлалъ? Развѣ мальчики не устраивали постоянно такихъ шалостей, отъ которыхъ другимъ становилось больно? А чѣмъ все это было вызвано?“ Сначала Дорджи, не понимавшій совсѣмъ по-русски и не привыкшій къ школьной жизни, не примѣчалъ всей отравы, а теперь онъ то и дѣло натыкался на сцены насилія и несправедливости: то большіе школьники отнимали у маленькаго лакомства, то маленькаго бурята научали подъ видомъ какой-нибудь нужной ему русской фразы самому неприличному ругательству, и несчастный, ничего не подозрѣвавшій, обращался къ учителю или товарищу и получалъ брань или насмѣшки. Учиться при такихъ обстоятельствахъ казалось Дорджи немыслимымъ. Онъ не знаетъ языка, а никто изъ учителей ни разу не оказывалъ ему въ этомъ ни малѣйшей помощи. Да и какъ они могутъ, когда сами бурятскаго языка не знаютъ? Если же нельзя учиться, то зачѣмъ же тутъ жить? — И Дорджи укрѣплялся въ той мысли, что надо изъ школы бѣжать... Тутъ самъ собою возникалъ новый вопросъ: какъ онъ доберется до своего улуса? У него нѣтъ ни денегъ, ни [illegible] запасовъ. Затѣмъ неизбѣжно подымался вопросъ о томъ, какъ приметъ его отецъ. „Положимъ, что онъ меня и приколотитъ, — думалъ Дорджи, — но все это легче, чѣмъ жизнь въ ненавистной школѣ“.

И вотъ, приготовя себя такими мыслями, Дорджи въ субботу послѣ обѣда, воспользовавшись отсутствіемъ части учениковъ, обыкновенно отправлявшихся въ это время въ баню, [illegible] мѣшочекъ съ съѣстными припасами, тетрадку съ словаремъ, карандашъ и перочинный ножикъ; монгольскій ножъ онъ заткнулъ за кушакъ и, испробовавши предварительно, дѣйствуетъ ли огниво, [illegible] трутъ, [illegible]

брался за ворота школьнаго дома. Онъ пошелъ по направленію къ полю, волнуемый страхомъ встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ школьниковъ; благополучно добравшись до большой дороги, мальчуганъ пошелъ уже какъ можно скорѣе, разсчитывая уйти подальше въ этотъ день, — онъ полагалъ, что до ночи-то никто его не хватится.

Движеніе, свѣжій воздухъ, мысль, что онъ освободился отъ школы, въ которой томился въ послѣднее время, очень хорошо подѣйствовали на маленькаго бѣглеца; и онъ ободрился и весело посматривалъ по сторонамъ, на поля и лѣса. У него теперь была одна главнымъ образомъ занимающая его мысль: сколько можетъ человѣкъ пройти пѣшкомъ въ одинъ день. Буряты такъ привыкли ѣздить всюду на лошадяхъ, что Доржѣ какъ то не случалось узнать объ этомъ. Радовался Доржики тому, что не забылъ дорогу: всякое деревцо, растущее вблизи дороги, каждую рытвину, каждый перелѣсокъ онъ припоминалъ, какъ уже видѣнные имъ раньше; не было такой мелочи, которую онъ не замѣтилъ бы. По его расчетамъ надо было уже скоро поровняться съ дачами кяхтинскихъ купцовъ, которыми онъ такъ тогда любовался. Доржики думалъ, что, дойдя до нихъ, онъ остановится на ночь; вѣдь надо же ему отдохнуть нѣсколько часовъ, чтобы подкрѣпиться силами на завтра. — „Теперь, — думалъ онъ, — я разгляжу эти постройки въ подробности, спрятавшись гдѣ-нибудь въ кустахъ, около домовъ“. Усталость между тѣмъ стала для него весьма ощутительною; къ тому же, его сапоги оказались велики: они терли ему пятки, и хоть онъ уже нѣсколько разъ садился на дорогѣ и переобувался, а лучше все же такъ и не было. Солнце уже совсѣмъ опустилось, а дачи все еще не показывались.

Доржики рѣшился подкрѣпиться пока ѣдой, сѣлъ и сталъ грызть засохшій кусокъ сыру; но отъ усталости во рту у него пересохло, и онъ не могъ глотать. Вспомнилъ онъ тогда, что хорошо было-бы выпить теперь горячаго чайку или чашку кислаго молока, которое такъ освѣжаетъ и подкрѣпляетъ, [illegible] въ далекій путь. По дорогѣ часто встрѣчались проѣзжіе, всѣ спѣшили на ночь въ городъ; Доржики, завидѣвъ ихъ издали, сходилъ для предосторожности съ дороги и шелъ стороной. Солнце закатилось, а онъ все шагалъ и шагалъ. Впереди виденъ былъ лѣсъ; теперь только Доржики припомнилъ, что лѣсъ этотъ кончался какъ разъ на половинѣ дороги между городомъ и дачами, — неужели онъ ушелъ такъ мало? Да вѣдь тогда онъ сидѣлъ на своемъ Рыжкѣ, и немудрено, что версты казались ему короче! Онъ съ грустью долженъ былъ сознаться, что

оказался плохимъ ходокомъ, и ясно видѣлъ теперь, что придется ночевать въ лѣсу, далеко отъ всякаго жилья. Дошедши до опушки лѣса, онъ повалился на траву: все тѣло у него ныло, точно онъ былъ побитъ; однако лежать еще было нельзя, надо было, пользуясь сумерками, набрать хворосту для костра. Усталость мальчика была такъ велика, что онъ съ удовольствіемъ остался бы на всю ночь безъ огня, но онъ боялся волковъ, а между тѣмъ слыхалъ, что волки не подходятъ близко къ огню. Можетъ быть, здѣсь волковъ и нѣтъ, но кто же знаетъ? Тамъ, въ родныхъ мѣстахъ, ему все извѣстно, а здѣсь онъ не знаетъ ровно ничего: вѣдь вотъ онъ даже не зналъ, гдѣ здѣсь вода, и хоть ему очень хотѣлось пить, но онъ не рѣшился искать воды: усталость одолѣвала, приходилось терпѣть. Натаскавши хворосту, Дорджи все-таки не рѣшался зажечь огонь сейчасъ же: ему казалось, что этимъ онъ привлечетъ вниманіе проѣзжающихъ: осенній лѣсъ уже не былъ густъ и плохо скрывалъ его: по его расчетамъ, слѣдовало подождать, когда настанетъ ночь: а между тѣмъ уже становилось холодно и Дорджи, вспотѣвшій отъ ходьбы, начиналъ мерзнуть. Лечь онъ боялся, чтобы не уснуть; онъ сидѣлъ въ темнотѣ, прислушиваясь къ разнымъ лѣснымъ звукамъ, часто пугаясь шороха, который производилъ самъ, ломая ногой какую-нибудь засохшую вѣтку, но всего больше его безпокоила темнота. Его смущалъ не страхъ какой-нибудь опредѣленной опасности, а тотъ мучительный, неопредѣленный страхъ, который является въ минуты не вполнѣ еще выяснившейся, хоть и несомнѣнной опасности. Къ облегченію этихъ тревожныхъ чувствъ послужила его усталость: ноги его ужасно ныли, во всѣхъ сочлененіяхъ очущалась тупая боль... Онъ снялъ сапоги, но это не помогало. Онъ закрывалъ глаза, стараясь заснуть, но и это ни къ чему не послужило. Чтобы поскорѣе избавиться отъ угнетавшихъ его волненій, онъ развелъ огонь: теплота и пріятный свѣтъ опять подбодрили Дорджи: онъ сталъ вспоминать разныя вещи изъ своей домашней до-школьной жизни, той жизни, которая казалась ему теперь ужасно далекой, чуть не чуждой. Ему грезилось, что когда-то онъ былъ вовсе не тотъ Дорджи, что сидитъ вотъ тутъ у костра, одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ участія, безъ помощи, безъ надежды получить отъ кого-нибудь хоть бы глоточекъ воды... Но дальше мысли Дорджи оборвались,—онъ заснулъ, пригрѣтый огонькомъ.

На другой день, рано утромъ Дорджи проснулся отъ сильной боли: его ноги казалось были изрѣзаны ножами; невольно изъ груди его вырвался крикъ, а изъ глазъ проступили слезы; въ первое время къ боли при-

сосредоточился еще испугъ; потомъ, осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что все около него было покрыто густымъ инеемъ и въ воздухѣ былъ сильный морозъ. Дорджи понялъ, наконецъ, что отморозилъ себѣ ноги. Онъ вспомнилъ, что слыхалъ когда-то о пользѣ оттиранія въ такихъ случаяхъ отмороженныхъ частей тѣла снѣгомъ: но снѣгу еще не было; онъ вырвалъ травы, покрытой инеемъ, и сталъ оттирать ноги.

Жгучая боль скоро прекратилась, но все же ноги еще болѣли, и Дорджи очень испугался, припомнивъ, что ноги въ такомъ случаѣ, какъ слышалъ, совсѣмъ отваливаются послѣ нестерпимыхъ, жестокихъ мученій; сердце бѣдняги замирало отъ страха... На несчастье ему нельзя было даже обогрѣться у огня: костеръ потухъ за ночь, и сколько онъ ни разрывалъ угли, нигдѣ не было ни искры. Все кругомъ было покрыто инеемъ, и какъ онъ ни высѣкалъ огня, искры, попадая на мокрый трутъ, не разгорались. Надо было найти сухой растопки, а ея нигдѣ не было. Дорджи попробовалъ-было надѣть сапоги, но они, отсырѣвъ за ночь, къ утру замерзли и ихъ невозможно было и думать натянуть на больныя и нѣсколько опухшія ноги; пришлось идти босикомъ. Нашедши дерево съ дупломъ, наполненнымъ гнилой трухой внутри, онъ откололъ отъ него щепъ своимъ большимъ ножомъ и набралъ полную полу гнилушекъ; этотъ матеріалъ помогъ ему снова развести огонь. Отогрѣвъ на немъ снова иззябшія ноги, онъ завернулъ ихъ пока въ полы своего халата, а самъ занялся просушкой надъ огнемъ сапоговъ; скоро онъ могъ ихъ надѣть, но ступить на ноги онъ уже не могъ. Онъ видѣлъ, что ему пока придется остаться тутъ и дожидаться, пока опухоль въ ногахъ немного спадетъ. Усталость Дорджи была впрочемъ столь велика, что онъ почти съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ онъ проведетъ день, растянувшись возлѣ костра. Лежа тутъ, онъ хоть и не приближался къ дому, но за то и отъ школы былъ далеко. Рѣшившись жить такъ въ ожиданіи подкрѣпленія своихъ силъ, Дорджи рѣшилъ, что въ школу онъ во всякомъ случаѣ не возвратится. Приходилось устраиваться такъ, чтобы труды и хлопоты не могли пропасть даромъ: во-первыхъ, слѣдовало, по его мнѣнію, убраться подальше въ глубь лѣса и скрыться тамъ отъ ожидаемыхъ поисковъ; затѣмъ слѣдовало найти воду. Ходить все еще было больно; разыскиваніе воды было отложено на будущее время, а пока можно было довольствоваться брусникою, на кусты которой Дорджи нечаянно натолкнулся. Ему думалось, что впослѣдствіи бруснику можно будетъ замѣнить снѣгомъ, который въ скоромъ времени долженъ выпасть... Голодъ не особенно пугалъ его: съѣстныхъ при-

часовъ у него, повидимому, могло хватить на недѣлю и болѣе. Прежде всего слѣдовало, какъ онъ думалъ, обезпечить себѣ тепло, устроить такъ, чтобы костеръ не погасалъ, а тамъ можно будетъ подумать и объ остальномъ. Мучительно переступая съ ноги на ногу, Дорджи сталъ присматриваться къ мѣстности и искать мѣста, удобнаго для его жилья. Ему показалось, наконецъ, что онъ нашелъ превосходное мѣстечко. Это была большая ель, вѣтки которой опускались чуть не до земли, образуя вокругъ дерева почти темный шатеръ. Вся земля вокругъ ствола ели была густо выстлана хвоей, огромное, полуобгорѣлое дерево лежало возлѣ; оно очевидно, уже много разъ служило при устройствѣ костра. Внизу, подъ деревомъ, Дорджи нашелъ даже нѣсколько сдѣланныхъ изъ бересты ложекъ. Все это очень обрадовало его: онъ сейчасъ же съ большими предосторожностями перенесъ свой огонь на новое мѣсто и почувствовалъ, что подъ елью ему будетъ гораздо теплѣе и уютнѣе, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ; такъ какъ воды у него все же еще не было, то онъ хотѣлъ-было сперва побросать найденныя ложки въ огонь, но потомъ подумалъ, что можетъ быть ему удастся собрать въ нихъ хоть немного воды, стекавшей съ оттаивающихъ кустарниковъ, бѣлѣвшихъ еще инеемъ. Онъ оставилъ поэтому ложки про запасъ, а самъ сталъ уже опять подумывать объ отдыхѣ. Усталость его была такъ велика, что какъ только кончилось возбужденіе, произведенное страхомъ отморозить ноги, и какъ только костеръ былъ разведенъ, Дорджи повалился на траву и тотъ же часъ сталъ дремать: ему было тяжело даже открыть глаза, и у него явилась мысль, что онъ скоро умретъ, но мысль эта нисколько не огорчала его; онъ и къ ней относился такъ же равнодушно, какъ и ко всему на свѣтѣ. Лежа неподвижно и открывая глаза лишь за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, не гаснетъ ли огонь, Дорджи радовался, что пока ему хорошо и совсѣмъ не думалъ ни о прошломъ, ни о будущемъ. Къ концу дня эта вялость стала проходить; мысли Дорджи стали проясняться: онъ сталъ размышлять о дорогѣ домой, о домѣ, о встрѣчѣ съ отцомъ и со своими, а ко всему этому стала примѣшиваться совсѣмъ непрошенная, крайне непріятная для него мысль, — мысль, которую онъ всѣми силами старался отогнать. Онъ думалъ: — „не лучше ли вернуться назадъ, въ школу, вѣдь домой все равно не дойти!“ Упорно отстраняя эту мысль, онъ въ то же время какъ-то невольно сталъ подыскивать разныя доказательства въ ея пользу. Полное одиночество въ продолженіе сутокъ стало до крайности тяготить бѣднягу; ему представлялось, что теперь онъ обрадовался бы товариществу несноснѣйшаго изъ всѣхъ

школьниковъ, бѣлобрысаго Иванова, у котораго ротъ былъ постоянно растянутъ до ушей, а прозвища каждому изъ товарищей такъ и летѣли изъ этого рта, поражая всѣхъ своею мѣткостью. Правда, у этого Иванова тоже было свое прозвище — „кочанъ“, мѣтившее на его круглую бѣлую голову, но прозвище это не казалось Иванову обиднымъ, и онъ всегда откликался на него такъ же, какъ и на фамилію. Компанія такого остряка и добряка была-бы, какъ казалось теперь нашему отшельнику, какъ разъ кстати. Припоминая другихъ школьниковъ, Дорджи, къ удивленію своему, замѣчалъ у многихъ добрыя черты: одинъ дарилъ ему картинку, другой — хотѣлъ подѣлиться сладкимъ пирогомъ, полученнымъ изъ дому, третій — терпѣливо обучалъ его трудному искусству владѣть гусинымъ перомъ... Да мало ли кто оказывалъ ему тѣ или иныя услуги! Дорджи былъ склоненъ теперь во всемъ винить самого себя; онъ думалъ, что напрасно слишкомъ ужъ придавалъ значеніе двумъ, тремъ шуткамъ и изъ-за нихъ сталъ сторониться отъ всѣхъ русскихъ и несправедливо осуждалъ ихъ за всякую шалость. Конечно, они шалили и насмѣхались надъ нимъ слишкомъ ужъ часто, но въ то же время относились къ нему по-товарищески, по крайней мѣрѣ сначала, пока онъ не сталъ сторониться отъ всѣхъ нихъ безъ разбора. Вѣдь сумѣли же ужиться съ ними и Очиръ, и Жуановъ, и Салаевъ и другіе буряты, тоже не умѣвшіе говорить по-русски, теперь же, благодаря товариществу, сдѣлавшіе значительные успѣхи, тогда какъ онъ, Дорджи, вначалѣ бывшій впереди своихъ земляковъ, теперь очутился если не позади, то какъ-то въ сторонѣ. А между тѣмъ, вѣдь его знаніе монгольской грамоты несомнѣнно было очень полезно всѣмъ его землякамъ; онъ могъ бы помогать имъ учиться, почему же онъ не продолжалъ дѣлать это, зачѣмъ ушелъ отъ нихъ?..

Мало-по-малу Дорджи дошелъ до того, что сталъ упрекать себя въ малодушіи, въ томъ, что послѣ первыхъ же непріятностей задумалъ бѣжать отъ товарищей, а съ тѣмъ вмѣстѣ убѣжалъ и отъ науки. Тогда какъ [illegible] образованіе было для него возможно только въ русской школѣ. Мысль о сѣченіи, какъ необходимомъ элементѣ ученія, была, правда, очень тяжела для Дорджи, но почему же другіе не возмущались розгами до такой степени? Можетъ быть, думалъ онъ, русская жизнь ему непонятна, непонятна необходимость бить мальчика, уча его? Можетъ быть, рѣшеніе бѣжать было принято слишкомъ поспѣшно?

Раздумывая обо всемъ этомъ, Дорджи все продолжалъ сидѣть у своего костра. Теперь, нѣсколько отдохнувшій и успокоившійся, онъ снова

получилъ способность любоваться окружающей его природой. Ему было пріятно наблюдать пурпурные и золотистые узоры, красиво вырисовывавшіеся березовымъ и осиновымъ кустарникомъ на темномъ фонѣ хвойнаго лѣса, и на чудные оттѣнки и переливы свѣта въ глубинѣ сосновой чащи. Присмотрѣвшись затѣмъ къ ближайшимъ предметамъ, онъ обратилъ вниманіе и на ту ель, подъ которой лежалъ. Онъ увидѣлъ, что на одну изъ ея вѣтокъ вскочила бѣлка: живой звѣрекъ, совершенно не подозрѣвая, что за нимъ слѣдятъ, то лазилъ вверхъ и внизъ по вѣткамъ съ изумительной ловкостью и легкостью, то, важно усѣвшись на вѣткѣ на заднихъ лапкахъ, ловко вертѣлъ въ переднихъ еловую шишку, проворно шелуша изъ нея ея мелкіе орѣшки. Дорджи очень обрадовался этому живому существу; одиночество, никогда не испытанное имъ раньше, начинало сильно томить его.

Но вотъ гдѣ-то вдали задребезжала телѣга; Дорджи сталъ прислушиваться: дребезжанье прекратилось, и послышались голоса... Дорджи показалось, что голоса эти были ему знакомы. — Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это наши школьники, подумалъ онъ; вотъ выкрикнули знакомую фамилію, вотъ хохочетъ Кочанъ-Ивановъ, вотъ стали рубить дерево, хотятъ разводить костеръ; вотъ по лѣсу разносится крикъ, то близко, то совсѣмъ далеко: — Дорджи!... Дамбаевъ!... Д-о-о-рджи!... Да вотъ и Жуановъ кричитъ ему что-то по-бурятски. „Жаль — далеко, нельзя всего разобрать!“

Дорджи пришлось вскорѣ убѣдиться, что неподалеку были мальчики изъ школы и что они его ищутъ. Въ первую минуту онъ хотѣлъ имъ крикнуть, но потомъ мысль, что вотъ, вотъ сейчасъ эта шумная ватага прибѣжитъ къ нему, что всѣ эти сорванцы станутъ хохотать, подтрунивать надъ нимъ и, можетъ быть, бранить его, остановила его. Что онъ имъ скажетъ?... Нѣтъ, Дорджи захотѣлось еще хоть нѣсколько минутъ не разстраивать своего одиночества, тѣмъ болѣе, что теперь это одиночество получило совсѣмъ иной характеръ: въ нѣсколькихъ шагахъ были [illegible] первому удалось открыть убѣжище нашего бѣглеца: Жуановъ уже хотѣлъ крикнуть на весь лѣсъ и оповѣстить всѣхъ о своей находкѣ; но Дорджи знаками попросилъ его молчать; Жуанову хотя это и не понравилось, но онъ покорился. Дорджи былъ искренно радъ товарищу, но ему хотѣлось какъ-нибудь объяснить ему свое бѣгство, растолковать, что онъ не могъ поступить иначе, что онъ въ сущности не виноватъ; и вообще хотѣлось по душѣ поговорить объ этой своей неудавшейся попыткѣ. Но это ему

не удалось: Жуановъ его не слушалъ, желая поскорѣе объявить о своей находкѣ товарищамъ. Онъ только наскоро успѣлъ разсказать, что смотритель за ужиномъ обратилъ уже вниманіе на отсутствіе Дорджи; но что Сизыхъ, который хватился его еще раньше и уже разспрашивалъ школьниковъ, не видалъ-ли кто Дорджи, прямо объявилъ смотрителю, что онъ, Сизыхъ, отпустилъ Дорджи на ночь, такъ какъ за нимъ приходили пріѣзжіе буряты. Самъ же Сизыхъ, послѣ ужина, созвалъ на совѣтъ нѣкоторыхъ школьниковъ и рѣшилъ, что всѣ они должны отпроситься идти въ городъ въ этотъ день съ тѣмъ, чтобы собраться у его дяди, казака, откуда онъ и располагалъ отправиться на поиски бѣглеца. Выпросивъ у дяди лошадь, Николай со всѣми собравшимися школярами поѣхалъ по дорогѣ въ Кудетуевскій улусъ; разспрашивая о Дорджи у всѣхъ встрѣчныхъ, доѣхали до лѣса, гдѣ и хотѣли на всякій случай поискать его. Въ заключеніе Жуановъ торопилъ Дорджи идти съ нимъ къ общему костру, гдѣ уже вѣрно вскипѣлъ котелокъ съ чаемъ и вообще было весело и хорошо. Жуановъ увѣрялъ Дорджи, что никто на него не сердится и что онъ напрасно такъ ото всѣхъ сторонится, что русскіе ничего-себѣ — ребята славные, но что они любятъ подшутить надъ слабымъ, а иногда и обидѣть его; но онъ уже придумалъ средство, какъ отъ этого избавиться, и вотъ, когда будетъ время, онъ сообщитъ о своихъ предположеніяхъ Дорджи, и тогда они поговорятъ объ этомъ не спѣша.

Дорджи понималъ, что дольше медлить было нельзя, и хоть ему очень не хотѣлось подвергать себя насмѣшкамъ товарищей, но не было никакой возможности избѣгнуть всего того, что въ настоящую минуту предстояло. Стыдно ему было тоже показаться на глаза Николаю Сизыхъ; его очень трогала доброта, которую онъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ: вѣдь онъ самъ рисковалъ получить взысканіе изъ-за него, а между тѣмъ онъ не остановился передъ хлопотами и такъ ловко выручилъ его изъ бѣды. Дорджи жестоко страдалъ, размышляя, что во время побѣга онъ ни разу не поду-[illegible] Николая, представляя при этомъ самого себя очень добрымъ и упрекая всѣхъ русскихъ въ жестокосердіи и безжалостности.

Размышляя объ этомъ и имѣя очень сконфуженный видъ, Дорджи, сопровождаемый Жуановымъ, подошелъ къ костру, разложенному въ полѣ, у опушки лѣса. Вокругъ огня сидѣло нѣсколько школьниковъ, а Николай Сизыхъ былъ занятъ варкой чая въ подвѣшенномъ надъ огнемъ котелкѣ. Похудѣвшее и пожелтѣвшее лицо, впалые глаза и прихрамывающая походка

сильно сконфуженнаго мальчика произвели на школьниковъ смягчающее впечатлѣніе. Противъ ожиданія, они хоть и привѣтствовали появленіе Дорджи изъ лѣсу шумно и радостно, но безъ всякихъ насмѣшекъ.

Всѣ занялись приготовленіемъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ и чашекъ, стали скликать остальныхъ участниковъ прогулки. Николай прежде всего сталъ угощать Дорджи, для котораго чай оказался теперь вкуснѣйшимъ лакомствомъ и лучшимъ лекарствомъ; онъ возстановилъ его упавшія силы, придалъ ему бодрость и возобновилъ хорошее настроеніе, такъ что даже русская школа и школьники не казались уже ему такими дурными, какъ наканунѣ; напротивъ, смотря теперь на ихъ оживленныя праздничныя лица, онъ находилъ многихъ очень симпатичными. Скоро изъ лѣсу послышались оклики; на опушкѣ стали показываться новыя группы товарищей: одни тащили кисти и даже цѣлыя вѣтки рябины, другіе несли въ шапкахъ бруснику... Завидя Дорджи у костра, каждый привѣтствовалъ его радостнымъ восклицаніемъ, и всѣ еще болѣе оживились и спѣшили обмѣняться своими впечатлѣніями. Всѣ вновь прибывавшіе предлагали, конечно, вопросы; Дорджи молчалъ; за него отвѣчалъ Жуановъ, съ полнымъ увлеченіемъ передавая всѣ подробности бѣгства: какъ Дорджи усталъ, какъ у него замерзли ночью ноги, какъ онъ не могъ дальше идти и рѣшился жить тутъ, пока не умретъ съ голоду или не замерзнетъ и т. д. Всѣ эти приключенія Дорджи вызывали живѣйшій интересъ въ школьникахъ; многіе въ душѣ завидовали его геройству, другіе спорили и даже готовы были биться объ закладъ по вопросу о томъ, сколько дней могъ бы прожить Дорджи въ лѣсу, и т. п. Были и такіе, которые уже задумывались надъ тѣмъ, какъ встрѣтитъ возвращеннаго Дорджи смотритель, узнаетъ ли онъ о бѣгствѣ или не узнаетъ. Дорджи, не понимая ихъ разговоровъ и не замѣчая никакой враждебности къ себѣ въ товарищахъ, былъ очень доволенъ. Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа и пришли къ тому заключенію, что не убѣги Дорджи, у нихъ не было бы такой прекрасной прогулки. [illegible] надо спѣшить назадъ, въ городъ, чтобы не опоздать явиться въ школу во время.

Николай Сизыхъ, какъ самый старшій, и Жуановъ, какъ самый сильный, принялись закладывать лошадей, и такъ какъ мальчугановъ было слишкомъ много для одной телѣги, пришлось сидѣть какъ попало; однако школьники, точно сговорившись, усадили Дорджи на лучшее мѣсто, подкладывали подъ него сѣно, а „кочанъ“ даже положилъ ему за спину свой

армякъ; они видѣли, что Дорджи морщится при каждомъ толчкѣ: у него дѣйствительно все тѣло болѣло, и ноги нестерпимо ныли.

Все обошлось какъ нельзя лучше: школьники доѣхали вовремя, и бѣгство Дорджи никогда не дошло до свѣдѣнія смотрителя.

Дорджи покорился и рѣшилъ учиться, не обращая вниманія на разныя школьныя невзгоды; онъ старался не сторониться отъ товарищей и всегда искалъ случай сближаться съ ними. Насмѣшки болѣе или менѣе прекратились, отчасти потому, что буряты освоились съ русскими порядками, понемногу привыкли къ языку и рѣже попадали въ просакъ. Кромѣ того, Жуановъ привелъ въ исполненіе задуманное имъ средство избавиться отъ обиды. Наблюдая школьную жизнь, онъ замѣтилъ, что между школьниками грубая физическая сила пользуется наибольшимъ уваженіемъ; самъ онъ обладалъ недюжинной для своего возраста силой и когда разъ отколотилъ русскаго обидчика, сейчасъ же увидѣлъ, что это не только не навлекло на него вражду всѣхъ остальныхъ русскихъ, какъ онъ ожидалъ, а совершенно напротивъ, во многихъ вызвало нѣкоторое къ нему уваженіе. Вотъ онъ и задумалъ устроить такъ, чтобы каждый бурятъ могъ постоять за себя и не даваться въ обиду. Его идея была внушена ему бурятскими обычаями: у бурятскаго народа, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ старая шаманская религія еще не замѣнилась буддизмомъ, существуютъ народные праздники съ военными играми и состязаніемъ для молодежи. Борцы играютъ здѣсь не послѣднюю роль. Жуановъ принадлежалъ къ семьѣ, въ которой не переводились борцы; всѣ правила единоборства зналъ онъ въ совершенствѣ; ему было извѣстно также, что побѣда достается не всегда самому сильному, а очень часто болѣе искусному; онъ и задумалъ передать свое знаніе этого искусства своимъ землякамъ. Сперва буряты старались держать эту затѣю въ секретѣ отъ русскихъ: во время рекреацій буряты по одиночкѣ пробирались въ самый отдаленный закоулокъ двора, за склады дровъ, и тамъ Жуановъ обучалъ ихъ пріемамъ борьбы. По бурятскому [illegible]; для Дорджи, немного изнѣженнаго и во время занятій съ Люшей отвыкшаго отъ игръ на открытомъ воздухѣ, все это было очень не по вкусу, но онъ долженъ былъ уступить, такъ какъ Жуановъ придавалъ очень большое значеніе своей выдумкѣ. Дѣйствительно, Дорджи, сначала слабый и неловкій, неуклонно слѣдуя правиламъ борьбы, сталъ одерживать иногда побѣды и понемногу полюбилъ это удовольствіе. Безпрестанно упражняясь въ борьбѣ, буряты дѣйствительно достигли большой ловкости и сноровки и скоро смѣло вы-

зывали на бой русскихъ мальчиковъ. Сначала русскіе школьники смѣялись надъ бурятскими борцами; смѣхъ главнымъ образомъ вызывался тѣмъ, что буряты, несмотря на холодъ, раздѣвались для борьбы, но скоро они поняли, что кромѣ смѣшной стороны въ этой бурятской затѣѣ была и полезная сторона. Они старались учиться у бурятъ, хотя Жуановъ и держалъ въ секретѣ свои пріемы. Пришлось только наблюдать бурятскія хитрости во время самой борьбы; это соревнованіе очень оживило школьную жизнь, а для Дорджи оказалось полезно главнымъ образомъ тѣмъ, что укрѣпило его нервы: теперь онъ уже не проводилъ цѣлые часы, изнывая въ разныхъ печальныхъ размышленіяхъ объ обидахъ и несчастіяхъ, будто бы съ нимъ происходящихъ. Прилежный, наблюдательный и способный отъ природы, онъ скоро выучился русскому языку, что позволило ему принимать участіе во всѣхъ урокахъ, и скоро онъ сталъ въ классахъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Его честолюбивыя мечты возобновились, но теперь онѣ сдѣлались уже серьезнѣе; онъ сталъ яснѣе понимать вещи. Русская жизнь заинтересовала его; онъ полюбилъ чтеніе. Къ сожалѣнію, книгъ было мало, но это заставляло его больше цѣнить тѣ, какія ему удавалось доставать.

Дальнѣйшая жизнь Дорджи въ школѣ стала походить на жизнь всякаго другого школьника, и разсказывать о ней болѣе нечего

Окончивъ школу, онъ продолжалъ ученіе въ гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ университета. Вкусы влекли Дорджи къ ученой карьерѣ, онъ сталъ печатать въ ученыхъ журналахъ свои труды, товарищи ожидали, что изъ него выйдетъ спеціалистъ; но Дорджи прежде всего захотѣлъ служить своему народу въ области вопросовъ чисто-практическихъ. Состоя на службѣ въ Восточной Сибири, онъ приносилъ громадную пользу своимъ землякамъ — бурятамъ, не знающимъ ни нашего языка, ни обычаевъ, ни законовъ.

Честность и искренность его убѣжденій никогда не составляли вопроса [illegible] нявшихся изъ среды тѣхъ своекорыстныхъ дѣльцовъ, которые такъ хорошо умѣютъ грѣть руки бѣдствіемъ ближняго. Нѣтъ сомнѣнія, что проживи Дорджи долѣе, дѣятельность его не прошла бы безслѣдно для народа, который онъ такъ любилъ.

КИТАЙСКІЙ ЗВѢРЁКЪ.

Въ первой половинѣ іюня 188[illegible] г. я съ мужемъ была въ Китаѣ въ горахъ Утайшань. По скатамъ горъ въ этой мѣстности живетъ маленькій звѣрёкъ изъ породы бурундуковъ. Мальчики окрестныхъ деревень ловятъ его и держатъ въ клѣткахъ, какъ у насъ кроликовъ или морскихъ свинокъ. Если не ошибаюсь, звѣрки эти плодятся въ неволѣ. Когда мы жили въ Утайшанѣ, китайцы принесли къ намъ одного такого звѣрка; мы затруднялись взять его, но окружающіе насъ люди увѣряли, что онъ никакихъ хлопотъ намъ не сдѣлаетъ и что онъ легко переноситъ неволю. Клѣтки не было; мы замѣнили ее ящикомъ съ задвижной крышкой, а чтобы его обитателю не было душно, я прожгла въ крышкѣ съ десятокъ дыръ. Ящикъ наполнили до верху ватой, и въ этой тюрьмѣ кэлинъ (такъ звали звѣрка китайцы) повидимому чувствовалъ себя отлично. Всякій разъ, открывая крышку, мнѣ казалось, что звѣрка уже нѣтъ тутъ, и лишь осторожно разворачивая клочки ваты, я находила обыкновенно прежде всего его пушистый хвостъ, подъ которымъ онъ скрывался. Звѣрёкъ спалъ, сидя на заднихъ лапкахъ, такъ что мордочки не было видно: она была прикрыта передними лапками и хвостомъ. Величиной нашъ кэлинъ, когда его принесли къ намъ, [illegible] потомъ нѣсколько выросъ. Онъ походилъ на бурундука — своей полосатой спинкой и общей окраской, на бѣлку — своимъ пушистымъ хвостомъ, который онъ также часто держалъ надъ головой султаномъ, и на тушканчика — своей манерой сидѣть на широко разставленныхъ заднихъ лапахъ въ то время, какъ въ переднихъ держалъ какую-нибудь [illegible] или умывался. Мордочка больше всего походила на мышиную; у него были защечные мѣшки, которые онъ набивалъ зерномъ, отчего подъ глазами у него дѣлалась очень смѣшная опухоль.

Ѣлъ звѣрёкъ почти все, что ему давали: сало, мясо, хлѣбъ, яица, фрукты; сахаръ очень любилъ. Всему же предпочиталъ просо, повидимому не столько за его вкусъ, сколько потому, что могъ его забивать себѣ за щеки. Изъ травъ, сколько ни пробовали его угощать, онъ ѣлъ только одни одуванчики и головки горькаго мака; другихъ, подобныхъ одуванчику, „сложноцвѣтныхъ“ травъ уже не ѣлъ. Напередъ одуванчикъ въ кучѣ другихъ растеній, онъ прежде всего хватался за головку и отгрызалъ стебель долой, потомъ поворачивалъ въ лапкахъ цвѣтокъ вверхъ и начиналъ объѣдать его обертки*), пока не добирался до сѣмечекъ, и черезъ минуту изъ его мордочки только сыпались пушинки. Въ макѣ кормомъ ему повидимому тоже служили собственно только сѣмена и молодые, еще не распустившіеся лепестки; зеленую же чашечку мака онъ съѣдалъ лишь настолько, чтобы добраться до лепестковъ. Распустившихся цвѣтовъ мака онъ не ѣлъ.

Мы боялись держать Колина на свободѣ, потому что по глупости онъ могъ забѣжать куда-нибудь или попасться кошкѣ, либо собакѣ. Итакъ, ему надѣли ошейникъ и держали на шнуркѣ. Грызть шнурокъ онъ недогадывался, но очень сердился и вырывался всякій разъ, когда его ловили и привязывали; не помню впрочемъ, чтобы онъ кусался при этомъ. Иногда случалось, что онъ снималъ съ себя ошейникъ и убѣгалъ.

Поймать его въ комнатѣ было легко, труднѣе, когда это случалось въ степи: цвѣтъ его шерсти чрезвычайно походилъ на цвѣтъ почвы и онъ еще къ тому же забивался подъ кустъ. Тогда мы начинали звать нашего воспитанника, какъ дѣлаютъ это китайцы, т. е. тихонько выговаривая „сир-сир-сыр“: это какъ будто походило немного къ тѣмъ звукамъ, какіе иногда издавалъ самъ звѣрёкъ; мнѣ однако казалось, что у него слышалось „кыр-кыр-кыр“, хотя звукъ к и не былъ чистъ. Иногда Колинъ подбѣгалъ на зовъ, иногда нѣтъ. Мнѣ казалось, что людей онъ не различалъ и не имѣлъ чего-нибудь въ родѣ привязанности къ тому или другому лицу, а бѣжалъ на зовъ любого человѣка — потому только, что люди ему давали ѣду. Впослѣдствіи мы узнали, что Колинъ очень любитъ яблочныя сѣмечки и всегда сберегали ихъ для него, когда ѣли яблоки. Сѣмечки эти мужики мои обыкновенно завязывали въ свой красный носовой платокъ; такимъ образомъ, появленіе на сцену краснаго платка служило Колину знакомъ предстоящаго наслажденія [illegible], и Колинъ зналъ этотъ платокъ.

*) Обертками называются [illegible] листочки, которые окружаютъ [illegible] [illegible].

Когда звѣрокъ убѣгалъ отъ насъ и не хотѣлъ возвращаться, мужъ мой присаживался на открытомъ мѣстѣ и дѣлалъ видъ, будто вылущиваетъ изъ платка сѣмечки. Колинъ тотчасъ подбѣгалъ. Конечно, его предательски ловили и сажали на веревочку или запирали въ ящикъ.

Въ этомъ ящикѣ мы его и возили; самый же ящикъ привязывали сверху верблюжьяго вьюка. Придя на привалъ, я прежде всего отвязывала его и освѣдомлялась о звѣркѣ. Казалось, онъ никогда не пытался освободиться дорогою. Почти всегда я его находила зарывшимся въ вату; ѣда-же, положенная въ ящикъ, оставалась нетронутой. Ночь проводилъ колинъ въ томъ же ящикѣ. Утромъ, часовъ въ шесть, онъ начиналъ обыкновенно царапаться, и тогда его выпускали изъ заключенія погулять, и затѣмъ онъ опять залѣзалъ въ свою ватную норку спать. Иногда ему въ это же время давали ѣсть и пить. Воды онъ боялся и охотнѣе пилъ, если капнуть нѣсколько капель на руку или на столъ.

Послѣ ѣды и питья колинъ всегда очень усердно мылся, какъ кошка, при чемъ иногда перетиралъ себѣ всѣ пальцы отдѣльно, какъ это дѣлаютъ люди при умываньи; хвостъ онъ также теръ лапками, при чемъ хвостъ иногда сильно распушался, и каждый волосъ стоялъ отдѣльно, образуя нѣчто въ родѣ стрѣлы.

Переѣзжая каждый день, мы не могли замѣтить никакихъ хозяйственныхъ наклонностей у своего колина; но когда прожили на одномъ мѣстѣ цѣлую недѣлю, наклонности эти тотчасъ же обнаружились. Сначала мнѣ невольно кинулось въ глаза, что колинъ сталъ необыкновенно скоро съѣдать просо, которое ему давали; потомъ, каждый вечеръ постилая себѣ постель, я стала замѣчать, что изъ нея сыплется просо; наконецъ, однажды я обратила вниманіе, что колинъ, набивши себѣ до безобразія щеки, пробрался къ моей постели и скрылся въ складкахъ мѣховой дохи, которую я постилала себѣ вмѣсто тюфяка. Развернувши осторожно доху, я увидѣла, что звѣрокъ прогрызъ въ высокой шерсти козлиной дохи цѣлые ходы и въ нихъ, въ различныхъ мѣстахъ, спряталъ свои зерновые запасы. Конечно, мнѣ пришлось ихъ уничтожить: насчетъ дохи интересы колина значительно расходились съ моими. Не знаю, гдѣ послѣ этого устраивалъ свои склады колинъ: полъ въ комнатѣ, хотя и земляной, былъ слишкомъ плотно убитъ, чтобы ему въ немъ можно было дѣлать норы. Впослѣдствіи мы жили еще цѣлый мѣсяцъ въ одномъ домѣ съ деревяннымъ поломъ; прогрызать послѣдній колинъ не пытался, зерно складывалъ, гдѣ попало и, кажется, не очень заботился о его цѣлости.

Въ концѣ іюля я его срисовала; чтобы заставить его смирно сидѣть, я давала ему въ лапки сахаръ, который онъ грызъ охотно и часто.

Безъ особенныхъ приключеній кэлинъ дожилъ у насъ до осени. Въ октябрѣ мы подходили къ Желтой рѣкѣ, чтобы у города Пзинь-Цзину перебраться на правый берегъ и придти на зимовку въ городъ Ланьчжеу. Послѣ Ордоса, страны, населенной симпатичными монголами, послѣ свободныхъ остановокъ на степи въ палаткахъ, путешествіе по китайскимъ деревнямъ и мѣстечкамъ съ ихъ грязными дворами и нахальной толпой, недававшей своимъ назойливымъ любопытствомъ ни минуты вздохнуть свободно во время остановокъ, — довело нервы у всѣхъ насъ до крайней степени раздраженія. При такихъ-то обстоятельствахъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа сидѣла я какъ-то на террасѣ китайскаго дяна *) въ Пин-ян-ся. Передо мной по террасѣ и по столу бѣгалъ кэлинъ, на котораго я на этотъ разъ смотрѣла безъ всякой ласки. Вдругъ къ намъ приблизилась кошка; кэлинъ смертельно испугался ея и съ блестящими расширенными глазами прыгнулъ ко мнѣ на плечо. Меня нисколько не тронула эта просьба о защитѣ, и я совершенно равнодушно отнесла въ комнату звѣрка и посадила въ ящикъ; даже не позаботилась хорошенько запереть крышку.

Оставаясь еще нѣсколько времени на террасѣ, я машинально слѣдила за кошкой, потомъ забыла о ней и пошла помогать мужу перебирать растенія. Вдругъ крикъ рабочаго и видъ выскочившей изъ комнаты кошки показали мнѣ, что случилась бѣда. Монголъ рабочій и я бросились за кошкой, но она вскочила на кровлю конюшни. Пришлось еще обѣжать уголъ зданія; но едва мнѣ удалось по развалившейся стѣнѣ взобраться на крышу съ одного ея конца, какъ кошка, державшая въ зубахъ кэлина, спрыгнула съ другого на сосѣдній дворъ! Китайцы, бывшіе тамъ, отняли звѣрка у кошки, но онъ уже былъ задушенъ.

Я возвратилась въ комнату съ мертвымъ кэлиномъ въ рукахъ, совсѣмъ разстроенная; всѣ жалѣли кэлина, а мнѣ вдобавокъ казалось, что я виновата въ его смерти... При жизни звѣрка мнѣ казалось, что я совсѣмъ его не любила, что онъ только забавлялъ меня, какъ игрушка, и я удивлялась тому, что мнѣ было такъ жаль потерять его.

На другой день я развернула бумагу, въ которой онъ былъ у меня завернутъ, — мнѣ захотѣлось еще разъ посмотрѣть на него. Съ вытянутымъ хвостомъ, тусклыми глазами, шерстью, потерявшей прежній блескъ, мерт-

*) Гань — постоялый дворъ или гостиница.

или звѣрёкъ совсѣмъ не походилъ на того веселаго „Колинку", котораго мы такъ любили, и я рѣшила, что его можно даже бросить въ спиртъ, къ другимъ грызунамъ, коллекцію которыхъ мы собирали. Мужъ мой оказался болѣе чувствительнымъ — онъ закопалъ „Колинку" въ землю, и не на поганомъ загрязненномъ китайскомъ дворѣ, а въ полѣ, за городомъ. Долго потомъ мы еще чувствовали потерю Колина, и я удивлялась этому: правду сказать, звѣрокъ былъ довольно глупый.

АХМЕТЪ.

Зимой 1874 года случай забросилъ меня съ мужемъ въ одинъ изъ маленькихъ глухихъ городовъ нашего сѣвера. Мы нанимали квартиру у одной солдатки, а въ кухнѣ у нея былъ еще жилецъ, извѣстный всему городу подъ именемъ „черкеса“. Помѣщеніе его, можно сказать, состояло изъ одной лавки: имущество заключалось въ слѣдующемъ: на лавкѣ постланъ былъ его войлокъ и лежала подушка; передъ лавкой на полу — небольшой холщевый коврикъ, нашитый на кошму; надъ подушкой висѣло полотенце, а по стѣнѣ, надъ лавкой, навѣшенъ былъ цѣлый рядъ ситцевыхъ, холщевыхъ и кожаныхъ мѣшечковъ. Изъ одного мѣшечка торчали нитки и иголки, изъ другого гребень, далѣе слѣдовалъ кисетъ съ табакомъ и трубкой, которая впрочемъ рѣдко оставляла своего владѣльца, и т. д. Рядомъ съ мѣшками висѣла гладко оструганная палочка съ какими-то мѣтками; послѣ я узнала, что это бирка, на которой владѣлецъ ея отмѣчаетъ число мышей, попавшихъ въ его мышеловку. Бѣднякъ изобрѣталъ себѣ интересы за неимѣніемъ дѣйствительныхъ. На окнѣ, подлѣ постели, стояла сальная свѣча, воткнутая въ четырехугольную кость изъ говядины, въ серединѣ которой для этой цѣли была просверлена дырочка; рядомъ со свѣчей стояли глиняная чашка для ѣды и маленькій берестяной бурачекъ, сшитый нитками, очевидно самодѣльной работы. Все остальное имущество помѣщалось подъ лавкой, въ деревянномъ ящикѣ изъ бакалейной лавки. Владѣлецъ этого угла былъ дѣйствительно черкесъ родомъ, старикъ небольшого роста, красивый, не смотря на сильно посѣдѣвшую бороду, всегда подстриженную; волосы на головѣ его были еще черные и слегка курчавились; глаза блестѣли. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на своей лавкѣ, подобравши ноги „калачикомъ“ и покуривая трубку, или также по цѣлымъ часамъ хо-

дилъ изъ угла въ уголъ, мѣрно шлепая своими до нельзя стоптанными туфлями. Я узнала, что это былъ ссыльный, что вотъ уже 29 лѣтъ, какъ онъ въ ссылкѣ, что имя ему Ахметъ. По-русски онъ говорилъ плохо и не легко сходился съ новыми людьми — да и вообще русскіе люди были ему не по вкусу.

Между тѣмъ этотъ оригинальный житель крайняго юга на крайнемъ сѣверѣ интересовалъ меня; мнѣ хотѣлось съ нимъ разговориться, распросить его о его судьбѣ. Какъ-то разъ вечеромъ я пришла въ кухню къ хозяйкѣ. Ахметъ сидѣлъ [illegible] на своей лавкѣ; на мое приглашеніе поговорить что-нибудь онъ отвѣчалъ: „О чемъ говорить съ женщинами? — Съ ними можно только шутить, а съ вами шутить не годится“... Такъ моя попытка и не удалась на первый разъ; но я продолжала наблюдать старика и замѣтила въ немъ такія черты характера, которыя не особенно часто встрѣчаются: какую-то постоянную заботу сохранить свою независимость, ревнивое обереганіе своихъ правъ; онъ съ трудомъ переносилъ даже добродушную шутку надъ своей особой, онъ умѣлъ отстаивать свой уголъ отъ постоянныхъ вторженій безпорядочности русскихъ хозяекъ, или, по крайней мѣрѣ, ему приходилось вести неустанную борьбу съ этими вторженіями. И ни о чемъ, кажется, онъ такъ не жалѣлъ, какъ о невозможности имѣть свою отдѣльную комору. Ахметъ былъ усердный мусульманинъ, неуклонно совершалъ свои омовенія и намазы. Понятно, какъ мы, женщины, толкаясь цѣлый день въ кухнѣ, мѣшали ему. Чтобы хоть немного облегчить ему это неудобство, хозяйка кухни позволяла ему для молитвы уходить въ ея всегда почти пустую залу. Нерѣдко можно было застать его тамъ въ углу, на какомъ-то брошенномъ на полу халатѣ, погруженнаго въ усердную молитву. Его вздохи, полуслышный шопотъ, колѣнопреклоненная фигура всегда говорили о чемъ-то горькомъ, безотрадномъ и производили самое грустное впечатлѣніе.

Иногда я заставала его за работой: онъ самъ пекъ себѣ хлѣбы и всегда бывалъ очень занятъ въ тѣ дни; приготовленія начинались обыкновенно съ вечера. Стоитъ, бывало, старикъ передъ столомъ и сѣетъ муку, полы худенькаго домашняго кафтана завернуты и подоткнуты за поясъ, рукава засучены, изъ-подъ кафтана видна коротенькая, сильно заношенная рубаха и такіе же панталоны. Долго онъ сѣетъ, и на другой день уже весь поглощенъ заботой о хлѣбахъ. Мука, впрочемъ, у него идетъ не для хлѣбовъ только, она же составляетъ и всѣ другія блюда: каждый день кладетъ онъ въ свой горшокъ немного муки, крошитъ туда луку; иногда, если есть,

прибавляетъ картофелю, наливаетъ воды и кипятитъ; передъ ѣдой въ это горячее онъ кладетъ немного скоромнаго масла и перцу. Раза два въ мѣсяцъ Ахметъ дѣлалъ себѣ маленькій праздникъ — покупалъ мясо. Купитъ баранины, нарѣжетъ ее маленькими кусочками, нанижетъ ихъ на длинную заостренную лучинку и зажаритъ, повертывая надъ горячими угольями. Чѣмъ болѣе я наблюдала Ахмета, тѣмъ болѣе интересовалъ меня этотъ бѣднякъ,— нищій, по нашимъ понятіямъ, живущій одной поденщиной, и въ то же время ревниво оберегающій свое человѣческое достоинство, обижавшійся всякой шуткой, на которыя наши бѣдняки иногда даже сами напрашиваются — изъ желанія-ли угодить, или изъ какой-то приниженности, или Господь ихъ вѣдаетъ изъ-за чего еще!

Ахметъ очень боялся получить что-нибудь даромъ, изъ милости, хотя нужда заставляла и его, конечно, пользоваться подчасъ тѣмъ, что дадутъ; боялся онъ очень, что вслѣдъ за подачкой послѣдуетъ посягательство на его свободу, что на него посмотрятъ, какъ на человѣка, обязаннаго всѣмъ служить и всѣхъ слушать. Пользуясь угломъ въ кухнѣ, онъ старался заработать его, носилъ воду, дрова, выносилъ помои. Безпокоило его даже то обстоятельство, что хозяева кухни приглашали его постоянно пить чай, причемъ хозяйка не всегда удерживалась отъ желанія пошутить съ старикомъ: —„Ну, Ахметъ, [illegible], какъ шишлыкъ дѣлаешь? Чи[illegible]емъ, рѣзаемъ, перцемъ сыпаемъ“...

По поводу этихъ шутокъ Ахметъ мнѣ говорилъ послѣ, когда мы съ нимъ сошлись: „*Я [illegible]!* Мнѣ не нужно чаи, меня только не трогай! Мнѣ развѣ дорогъ чай? Что чай! Сейчасъ три стакана пилъ, а черезъ часъ онъ куда пошелъ? —Чаи даетъ — и за это она хочетъ на голову [illegible] класть; я не хочу такъ, я невозможно жить съ ней!“ [illegible], какъ малый ребенокъ, отъ шутокъ хозяйки, Ахметъ на другой день иногда и самъ скажетъ бывало: „Я шибко вчера сердилъ, какъ маленькій ребята“.

Дѣти на улицѣ тоже дразнили Ахмета: —„Твоя проклята вѣра! твоя проклята вѣра!“ кричали они ему вслѣдъ.

— Злющій старикъ! говорили про него большіе и усвоили ему репутацію „головорѣза“. Не смотря на безупречную жизнь Ахмета въ ссылкѣ, начальникъ города, [illegible], вялый, неподвижный, сырой и сонливый, какъ улитка, аттестовалъ его постоянно разбойникомъ, прожженнымъ [illegible]. Ахметъ современемъ привыкъ къ нашей семьѣ, любилъ приходить къ намъ, поговорить о своей судьбѣ, о возможности получить свободу, о родинѣ. Мало по малу мы узнали всю его исторію.

Ахметъ былъ сосланъ за участіе въ одной разбойничьей шайкѣ, какихъ было въ то время не мало на Кавказѣ: предварительно былъ „наказанъ" и 8 лѣтъ высидѣлъ въ арестантскихъ ротахъ.

„*Не такъ много чего и было*, мальчишка былъ, молоды года попалъ — Богъ попуталъ!" говорилъ Ахметъ. Послѣ 8 лѣтъ тюремнаго заключенія, онъ былъ сосланъ въ Вологду. Здѣсь сначала билъ камень на мостовой, получалъ 20 коп. въ день; его доставало только на пищу, но не хватало на одежду и квартиру.

Жилъ онъ въ Вологдѣ вмѣстѣ съ другими сосланными черкесами въ одной избѣ; двое изъ нихъ были старики и получали пособіе, трое молодыхъ не получали. Къ зимѣ работа прекратилась. „Голодать стали, — стали ходить по-міру по окрестнымъ деревнямъ", разсказывалъ Ахметъ, — хорошо еще, что языка русскаго хорошо не знали; насъ ругаютъ, а мы ничего не понимаемъ. Въ одинъ домъ пришли разъ, какой-то баринъ съ балкона насъ увидалъ, спрашиваетъ: вы что? — „Бѣдные люди, говоримъ, ѣсть нечего, денегъ нѣтъ, милостыню просимъ". Велѣлъ человѣку вести насъ къ себѣ. „Возьми за руки и веди по лѣстницѣ", приказалъ. Разспросилъ, кто мы, откуда. Далъ 40 коп., пасхи, яицъ, сыру, — нашъ праздникъ тогда былъ. Жена его говоритъ: „ты далъ, — я отъ себя дамъ". И та дала; говоритъ: „каждый разъ ходите ко мнѣ". Послѣ того цѣлый мѣсяцъ обходили этотъ домъ. Разъ увидала барыня изъ окна и крикнула: „отчего мимо прошли моего дома?" „*Стыдно!* говоримъ; вы намъ такъ много давали, *и стыдимъ*". „Не стыдитесь", говоритъ... Каждый разъ давала по двугривенному! Въ другомъ мѣстѣ подходимъ, горничная кричитъ: вы черкесы? Вы не подходите сюда! Баринъ не любитъ черкесовъ: его брата черкесы убили, третьяго дня съ почтой письмо пришло съ Кавказа. Не хочетъ, чтобы вы на глаза ему попадались! — „Не мы убили, говоримъ, мы 10 лѣтъ въ Россіи живемъ".

Одежда на мнѣ только была арестантская, мѣченая — куда въ ней пойдешь просить работы... Да и что работать? кромѣ черной работы: дрова колоть, щебень бить, — ничего не знаю. Въ острогѣ былъ кашеваромъ для мусульманъ, былъ прачкой, — кому нужно мое искусство!.." „Дожилъ до весны — въ маѣ убѣжалъ. Вышелъ по ярославской дорогѣ, пошелъ полями больше, дорогой боялся идти. Три раза попадался! Первый разъ пришелъ въ городъ, — рѣка... Нужно перебраться, а на мосту солдаты, часовые, боюсь — паспортъ спросятъ... Я въ лодку, хотѣлъ переѣхать, думалъ въ лодкѣ никого нѣтъ; только ступилъ, а подъ ногой зашевелилось и какъ медвѣдь изъ подъ хворосту вылѣзъ человѣкъ рядомъ со мной, схватилъ

меня за грудь. Я ему рубль: перевези на ту сторону! Не береть; я — два, три, четыре... „Нѣтъ, ты воровать пришелъ!“ — закричалъ; весь берегъ поднялъ, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ. Я вырвался, побѣжалъ!... Онъ ударилъ меня по головѣ, сбилъ шапку... Посмотрѣлъ я, — моя шапка улетѣла прямо въ воду. И вотъ бросилъ я съ шеи мѣшокъ, чтобы не мѣшалъ бѣгу...“

„Убѣжалъ! Впереди, смотрю опять рѣка, съ камышемъ; я въ воду, думалъ — мелко, вошелъ по бороду. Стою въ камышѣ, народъ на берегу бѣгаетъ, ищетъ... *Вся меня совсѣмъ испортила, така холодна!* Слышу, говорятъ: „чортъ съ нимъ! дьяволъ его знаетъ, куда онъ пропалъ!“ стало тише, а я на берегъ боюсь выйти. Пошелъ вдоль берега, такъ что все до бороды въ водѣ иду. Стало мельче, да мельче, и вышелъ я. Дрожу отъ холода, темно. У меня въ карманѣ трута былъ крошечка, съ ноготь величины осталось сухого, — я ударилъ, развелъ огонь, набралъ лѣсу, грѣюсь. За пазухой зеркальце было; посмотрѣлъ — совсѣмъ крови въ лицѣ нѣтъ, бѣлый, какъ полотно. Совсѣмъ испортила вода меня! За поясомъ котелъ былъ привязанъ, онъ остался цѣлъ, а то вся моя провизія и все платье осталось въ мѣшкѣ на берегу. Что дѣлать? Утромъ дорогой нашелъ барановъ, одного схватилъ, зарѣзалъ — изъ шкуры шапку сдѣлалъ — айда дальше!..“

„Много городовъ мой видалъ! Нижегородска губерня, Ярославска, Симбирска, Саратовска, — Казань не видалъ. Шелъ больше, когда темно было, въ города не заходилъ. Въ одномъ большомъ городѣ былъ, — не знаю, что за городъ, — улица узкая камнемъ мощена, съ одной стороны большая рѣка; дома большіе, внизу лавки, купцы съ огнемъ въ лавкахъ сидятъ, играютъ въ шашки, а я иду середи улицы — боюсь спросить о дорогѣ; вышелъ за городъ, на заставѣ начали уже зорю отбивать; встрѣтился тутъ какой-то человѣкъ, спросилъ я: „гдѣ дорога — въ Саратовъ идти?“ Онъ мнѣ показалъ. Хорошая дорога, гладкая, со столбами, — я не пошелъ, по пашнѣ пошелъ, боялся идти дорогой“.

„Много я горя видалъ! Много человѣкъ меня обижали, много тоже добра дѣлали. Три раза меня ловили. Разъ шелъ я, темно было... Городъ Царицынъ есть; я не зналъ, что городъ, думалъ — деревня; вошелъ, тутъ домъ и тутъ домъ; никакой промежутка нѣтъ, все дома. У меня хлѣба не былъ, надо было доставать... Иду, гляжу — передо мной два солдата, позади два! — Это ночной обходъ шелъ... Куда дѣваться? Шибко бѣжать не могу, усталъ. Офицеръ тутъ молодой, очень молодой офицеръ, спрашиваетъ: „Ты что за человѣкъ?“ Говорю: изъ деревни иду; днемъ жарко,

комары кусаютъ, потому ночью и иду. — „Пачпортъ есть?“ — Есть, говорю; показываю ему на грудь, а на груди у меня спрятана была такая книжка — отъ пули спасаетъ, отъ шашки, отъ человѣка злого спасаетъ — Богъ тому помогаетъ, у кого эта книжка есть. Офицеръ говоритъ: „Покажи пачпортъ“. Вынулъ я ему книжку, онъ говоритъ: „Какой это пачпортъ?“ — хотѣлъ изорвать. Я сталъ просить, говорю: я Богу молюсь по этой книжкѣ. Вижу, поймали меня, плакать сталъ: изъ Вологды прошелъ до Царицына, тутъ возьмутъ — опять пошлютъ въ Вологду! — Плакалъ я, очень плакалъ! Ноги цѣловалъ у офицера, разсказалъ ему сколько меня мучили, какъ я на каторгѣ былъ, какъ молодой былъ, бороды не было, когда изъ дому взяли... Плакалъ... Гляжу, и офицеръ плакалъ, когда меня слушалъ! Говоритъ мнѣ: „Не кричи, хуже — услышатъ тебя, здѣсь генералъ есть“. Потомъ говоритъ: „Есть у тебя деньги?“ Я говорю: есть рубль! — „Давай, говоритъ, сюда“. Подалъ я рубль, посмотрѣлъ офицеръ его на свѣтъ, мѣсяцъ тогда взошелъ, видитъ — и въ самомъ дѣлѣ рубль; говоритъ солдатамъ: „обыщите его!“ Обыскали, еще нашли у меня въ карманѣ 6 копѣекъ, и ихъ взяли. Офицеръ отдалъ рубль солдатамъ — водки-бы купили, и 6 копѣекъ мнѣ назадъ отдалъ, — говоритъ: „умретъ человѣкъ безъ хлѣба...“ Показали мнѣ узенькій проулочекъ, говорятъ: бѣги! И тутъ сейчасъ поле и видно, а тамъ не то, что здѣсь — лѣсу нѣтъ, поле чистое, какъ ладонь, все видно...“

„Все вспоминаю этого офицера, и дома все вспоминалъ!“

„Вышелъ я въ поле, а ночь свѣтлая стала, и все мѣсто открытое. Увидалъ бахчи, высокій такой амбаръ на нихъ стоитъ; сталъ подходить; бабы тутъ были съ ребятишками, кричатъ: „Не подходи! не подходи! иди дальше, кто тебя знаетъ, что ты за человѣкъ! Бродягъ тутъ много, не подходи!...“ Хлѣба просилъ, не даютъ, пить попросилъ, и то не дали; нашелъ въ сторонѣ въ ямѣ арбузы зарытые, взялъ одинъ въ свой мѣшокъ и ушелъ. Долго шелъ, а кругомъ все верстъ на 50 видно, и казачій пикетъ тутъ недалеко есть; думаю, поймаютъ меня, нельзя днемъ идти, и нигдѣ ничего нѣтъ, спрятаться негдѣ. Долго шелъ; жарко ужъ стало. Вижу — кучка сноповъ оставлена въ полѣ. Я снопы кругомъ разложилъ, самъ легъ въ середину, а солнце сверху меня палитъ, какъ огонь, жжетъ, рубаха мокрая отъ поту. Усталъ, лежу и сплю, да не крѣпко — жарко очень ужъ... Вдругъ, слышу что-то холодное на груди; я схватилъ рукой — змѣя! Испугался я, очень испугался; ударилъ ее о землю, — сѣрая такая змѣя, съ краснымъ брюхомъ — тотчасъ она въ снопъ уползла: смо-

трѣлъ я, смотрѣлъ кругомъ, нигдѣ не выползаетъ, палкою снопы пошевырялъ — нигдѣ ея нѣтъ. — „Нѣтъ, думаю, видно мнѣ тутъ лежать, пусть лучше меня казакъ поймаетъ, чѣмъ отъ змѣи умирать. Бросилъ снопы...“

„Другой разъ чуть было я не умеръ безъ помощи: лежу въ полѣ, все съ себя снялъ, палку воткнулъ въ землю, на нее халатъ и рубаху повѣсилъ; лежу, голова подъ тѣнью, губы всѣ испортились, говорить ужъ не могу и двигаться не могу, дышалъ только — и точно огонь во мнѣ горитъ, ничего не знаю, не думаю, а не сплю... Вижу — какой-то человѣкъ ко мнѣ наклонился и подаетъ мнѣ воды изъ стакана, къ самымъ губамъ мнѣ подноситъ: открылъ глаза — никого нѣтъ! Долго лежалъ... А лежалъ я на пашнѣ, дорога отъ меня далеко, — вотъ какъ теперь отъ насъ улица, вижу — подводы ѣдутъ, женщины и мужчины; я поднялъ руку и поманилъ ихъ къ себѣ. А они кричатъ: „Что ты за человѣкъ? Иди сюда къ намъ!“ Я опять руку къ небу поднялъ и опять къ себѣ поманилъ, — хотѣлъ, чтобы ради Бога они ко мнѣ подошли; а они ѣдутъ, кричатъ мнѣ, чтобы я шелъ. Я еле на колѣни приподнялся и какъ былъ безъ рубахи, такъ и поползъ къ нимъ. Подползъ, говорю: воды мнѣ дайте! Мужикъ велѣлъ женщинѣ меня напоить, дала мнѣ сперва немного теплой воды, и сейчасъ же отняла чашку, говоритъ: „умрешь ты, не пей сразу!“ Потомъ велѣлъ женщинамъ достать холодной воды, [illegible] была, и этой мнѣ давали понемногу. Видѣли, что я горѣлъ весь, облили меня всего водой — одна женщина за [illegible] сбѣгала, облили меня, а я самъ ужъ не могъ. Спасибо тому мужику! [illegible] его зовутъ... Много онъ мнѣ добра сдѣлалъ! Говоритъ онъ мнѣ: „мнѣ тебя на телѣгу нельзя взять — я на пашню ѣду, а дальше ты идти не можешь; иди назадъ, въ нашу деревню, всего въ верстѣ будетъ, спроси тамъ женщину Марью — это моя сестра; скажи ей, что я тебя встрѣтилъ и велѣлъ ей тебя успокоить; она тебя ночевать пуститъ, а завтра ты дальше пойдешь!“ Съ полверсты не прошелъ, у меня внутри опять [illegible] и загорѣлось. Встрѣтились мужики, ради Бога прошу у нихъ воды, — отказали, говорятъ: сейчасъ въ деревню войдешь, тамъ и напьешься. У самой деревни рѣчку маленькую я завидѣлъ; какъ завидѣлъ воду, такъ во всемъ, въ чемъ былъ, и полѣзъ въ нее, на самое дно припалъ, все искалъ, гдѣ похолоднѣе вода. Напился, иду въ деревню весь мокрый. Встрѣтились мужики, я шапку снялъ; спрашиваютъ: куда идешь? Одинъ мужикъ, большой такой, съ черной бородой, говоритъ: иди въ третій домъ съ краю. Пришелъ, женщина на дворѣ убирается, спрашиваю: гдѣ мнѣ тутъ Марью найти? Она гово-

ритъ: „вотъ я — Марья!“ Я ей говорю: меня твой братъ Василій къ тебѣ прислалъ... и разсказалъ ей, какъ онъ мнѣ добро сдѣлалъ. Марья меня хорошо приняла: постель мнѣ на дворъ вынесла, подушку положила, лежу я тутъ въ тѣни, простокваши чашку принесла холодной. Хорошо мнѣ тутъ было. Скоро пришелъ мужикъ съ черной бородой — это былъ Марьинъ мужъ; спрашиваетъ у меня пачпорта. Я говорю — нѣтъ у меня пачпорта!... Что скрывать? Сказалъ нѣтъ, никуда не уйти! Мужикъ говоритъ: „нельзя мнѣ тебя держать, я старшина здѣсь, да и повыше меня начальство есть: ты, можетъ, разбойникъ какой...“ Осмотрѣлъ онъ меня, а у меня ножъ складной въ карманѣ былъ: хлѣбъ я имъ рѣзалъ и все, что мнѣ нужно было; нельзя мнѣ безъ него въ дорогѣ. Взялъ онъ у меня этотъ ножъ. Марья бранится: не бери, говоритъ, зачѣмъ берешь? — Оставили они меня у себя на ночь, въ избѣ постель постлали; у одной стѣны я на полу сплю, а у другой стѣны Марья съ мужемъ, на постели. Усталъ я, и постель была хорошая, скоро заснулъ и крѣпко. Слышу, ночью меня кто-то толкаетъ... Гляжу — Марья. — „Уходи, говоритъ, а то завтра мужъ то тебя по начальству представитъ“. А я говорю: „не пойду я, ноги меня не несутъ, усталъ, и дороги не знаю, и хлѣба у меня нѣтъ, и боюсь опять безъ воды умереть... И куда я безъ ножа пойду, мнѣ безъ него нельзя...“ Усталъ я ужъ очень... Марья пошла, у мужа изъ штановъ ножъ мой достала, воды мнѣ налила въ баклажку, травой крѣпко заткнула, чтобы не вылилась, и хлѣба въ мѣшокъ мнѣ положила. Говоритъ: „иди, я сама изъ деревни провожу“. Такъ мы и пошли; она идетъ впереди, а я за ней. Показала она мнѣ, куда идти. — „Тутъ, говоритъ, будетъ деревня — Казанская, въ ней вашъ народъ живетъ: изъ Казани татары тутъ переселились; они тебя, можетъ, пріютятъ...“

„Пошелъ я, — вскорѣ и деревня показалась, и солнышко стало всходить. А я, какъ слѣдуетъ, и въ дорогѣ всегда Богу молился; умылся я тутъ, стою и молюсь... Вижу — идетъ ко мнѣ человѣкъ, высокій такой, бритый; вижу — татаринъ. Спрашиваетъ: „что ты тутъ дѣлаешь?“

„Видишь, говорю, что я дѣлаю“.

„Не видалъ ли ты, говоритъ, кнута? Я вчера кнутъ потерялъ“. И сталъ ругаться. Я говорю: „на что мнѣ твой кнутъ? На, гляди! Кабы я его укралъ, при мнѣ бы и былъ. Гдѣ, говорю, вашъ мулла живетъ?“ Думаю, мулла меня, можетъ, поддержитъ. Указалъ онъ мнѣ: „поди, говоритъ, на дворъ, онъ теперь корову доитъ“. Прихожу на дворъ; вижу — мулла стоитъ и держитъ корову за рога, а жена его корову доитъ. Не

знай, что; глупая, знать, у нихъ эта скотина была. Говорю муллѣ: „вотъ я вашей вѣры, — черкесъ, иду изъ Петербурга на родину... (Нельзя ему правды сказать, боюсь!) — „Шамиль воевалъ, меня въ плѣнъ взяли: а теперь размѣнъ вышелъ, меня мѣняютъ на русскаго солдата“. Мулла послалъ меня въ домъ. Хорошій у него домъ былъ и двое ребятишекъ было. Угощали они меня, каши мнѣ дали сейчасъ же; сутки у нихъ прожилъ. Обманулъ муллу, да нельзя — боялся, что поймаютъ!...“

„Черезъ Шамильскую землю шелъ, — тогда Шамиль еще воевалъ съ русскими. У нихъ земля — камень одинъ и горы. Сутки идешь въ гору, а другія — подъ гору, а тамъ опять въ гору. Ноги всѣ въ крови, кровь течетъ, сапоги изорвались, — платками ихъ завязывалъ. Рубаху съ себя снялъ, изорвалъ, ей ноги перевязалъ, иду въ однихъ штанахъ. Тутъ, вижу, въ одномъ мѣстѣ сѣно косятъ. Подошелъ поближе, — все русскіе! Думаю: какъ такъ? Бѣжалъ, бѣжалъ я отъ русскихъ людей, а опять къ русскимъ людямъ пришелъ! — Подхожу, говорю: „здравствуйте, Богъ въ помочь!“ Ну, они мнѣ отвѣчаютъ, спрашиваютъ: кто я такой? откуда? Говорю: вотъ, всю Россію почти исходилъ — называю губерніи, гдѣ проходилъ. Тутъ одинъ кричитъ: а, это моя родина была! Другой спрашиваетъ: а въ Рязани былъ? это моя земля была! Третій, четвертый, всѣ спрашиваютъ, вкругъ меня обступили... Каша у нихъ тутъ варилась — каши мнѣ дали; сижу я съ ними, разсказываю — гдѣ шелъ. Спрашиваю: какъ это они, русскіе люди, да тутъ живутъ? Солдаты это были, — перебѣжали къ Шамилю; Шамиль имъ землю далъ, они тутъ и живутъ; переженились на плѣнныхъ грузинкахъ. Въ той землѣ все воюютъ, много въ плѣнъ берутъ, а грузины то, вѣдь, вашей вѣры... Отдохнулъ я тутъ у нихъ, а все къ себѣ пробираюсь... Наша земля хорошая, въ ней сорочинское пшено растетъ, пшеница, фрукты всякіе!...“

„Я теперь, здѣсь, когда войду въ лавку, — вижу фрукты: изюмъ, чернослив, финики, — и думаю: это все изъ нашей земли фрукты!.. У насъ много!..“

„Ходятъ у насъ хорошо — [illegible] матеріи носятъ. Въ [illegible] домѣ червей такихъ держатъ, которые шелкъ дѣлаютъ“.

„Совсѣмъ почти на край земли пришелъ — дальше ужъ Персія будетъ. Прихожу въ свою деревню, смотрю — нѣтъ моего дома!... Стоитъ на этомъ мѣстѣ другой домъ, на дворѣ у очага старуху вижу, — не мать, чужая... И никого изъ своихъ не вижу. Подошелъ къ своему дому, — старикъ вышелъ, совсѣмъ согнувшись, на палку опирается. Я спрашиваю: „здѣсь Ала-верды живетъ?“

„Здѣсь, говоритъ... (а это отецъ мой и есть, его такъ зовутъ“.

„Развѣ ты меня не узналъ?“ — Нѣтъ, говоритъ, я тебя не знаю, что ты за человѣкъ.

„Я — говорю — твой сынъ, Ахметъ, что съ Абдулкомъ былъ взятъ, что сквозь строй гоняли — это я и есть!“

„Старикъ сдѣлался совсѣмъ какъ сухое дерево; разумъ у него совсѣмъ пропалъ: какъ стоялъ, такъ и стоитъ!“

„Вотъ — говорю — живъ я остался, выздоровѣлъ, у русскихъ 12 лѣтъ жилъ, теперь опять къ своимъ пришелъ...“

„Затрясся старикъ, заплакалъ... Долго тутъ плакали...“

„Сажаютъ меня у огня на дворѣ, а я говорю: нѣтъ, въ домъ пойдемъ, я здѣсь боюсь сидѣть, — какъ бы какой человѣкъ не увидалъ меня здѣсь. Въ домъ вошли, спрашиваю: гдѣ мать?“

„Мать, говоритъ, умерла, а эта старуха — моя другая жена, я на ней женился, когда твоя мать умерла“. — А братъ гдѣ? У меня братъ былъ — совсѣмъ еще мальчишка былъ, какъ я изъ дому ушелъ“.

„Измаилъ — говоритъ — теперь въ караулъ пошелъ, у насъ теперь все караулы содержатъ на границѣ: Шамиль воюетъ съ русскими; скотъ нашъ угоняютъ и деревню разоряютъ“.

„Долго я въ этотъ вечеръ не сидѣлъ, покормили меня, постлали постель, я легъ и крѣпко заснулъ!“

„Слышу — кто то на грудь мнѣ легъ. Испугался, пробудился, смотрю — это Измаилъ!... Пришелъ, плачетъ у меня на груди!... Совсѣмъ ужъ большой сталъ, женатый и двое дѣтей у него; онъ въ своемъ домѣ жилъ“.

„Пятнадцать дней жилъ я дома. Все боялся, что меня найдутъ; днемъ не ходилъ никуда. Съ боку дома пристрой былъ, все въ этомъ пристроѣ сидѣлъ“.

„Говорю отцу: нельзя такъ жить, надо куда уйти, хуже будетъ, какъ меня въ русской землѣ поймаютъ: если меня найдутъ и поведутъ туда, откуда ушелъ... Надо въ Персію уйти... Стали меня собирать. Отецъ матеріи мнѣ купилъ, — одежу шить, какую у нихъ носятъ. Дома и шить боялись, въ другой деревнѣ шили. Шесть лѣтъ я такъ прожилъ на границѣ: то въ Персіи, то въ русскихъ владѣніяхъ, — домой приходилъ. Въ это бродяжное время жилъ разъ у одного нашего *кунака*, — *такой смирной, хорошій человѣкъ онъ*. Онъ держитъ меня, какъ сына: „Ахмедъ, говорилъ онъ мнѣ, у меня четыре сына, ты пятый!“

„Ты русскій обычай знаешь, ты много [illegible]! Признайся, ты былъ въ Россіи?“ — Нѣтъ, я ничего не знаю! [illegible] — „Врешь, каналья!“ Въ другой разъ кричитъ по-русски: „Ахметъ, неси самоваръ!“ Я такъ стою: (Ахметъ опускаетъ глаза, показывая, какъ онъ стоялъ передъ княземъ).

„По Кавказу въ то время великій князь [illegible]. [illegible] провожали его, и я былъ вмѣстѣ. Мнѣ часто [illegible] сказать, кто я... „*[illegible]*!“ — Послѣ я сказалъ объ этомъ [illegible]: „А, мошенникъ! Ну, вотъ видишь!... Это ты плохо сдѣлалъ, что не сказалъ“. — Жалѣлъ я, что [illegible] сдѣлалъ...“

„А то еще у Али жилъ. Онъ на контрабанду поѣхалъ, у купца денегъ занялъ 600 рублей. „Спортишь себя!“ — говорю; не послушалъ, поѣхалъ... Сказалъ: „жди черезъ 30 дней“. Двадцать дней прошло, сижу я у огня, разговариваю съ его мальчиками-[illegible], курю трубку, слышу — кто-то на дворъ въѣхалъ. Вышелъ, смотрю — стоитъ Али: морда вязана, руки вязаны, — весь порубленъ! Ни товару, ни лошади; едва самъ успѣлъ убѣжать... *[illegible]!* — *[illegible]* мой Али! *). Приходилъ я разъ домой, и пошелъ назадъ въ Персію съ татариномъ. Онъ въ нашей деревнѣ жилъ; зналъ, что я тотъ самый Ахметъ, что съ Абдулкою — *[illegible]* — былъ взятъ, и зналъ, какъ моего отца зовутъ, — все зналъ. Шли мы вмѣстѣ, совсѣмъ стали подходить къ персидской границѣ, только [illegible] пройти и тамъ... Татаринъ пошелъ къ начальству и объявилъ!... Я въ кустахъ лежалъ, человѣкъ тридцать меня окружили, стрѣляли, ранили меня въ ногу, пуля съ одной стороны вошла, съ другой — подъ кожей остановилась, я еще ощупалъ и ножемъ самъ вырѣзалъ“.

„Вязали руки назадъ, садили въ телѣгу и повезли. Въ крѣпость привезли, лѣчили, выздоровѣлъ, военнымъ судомъ судили — опять 800 ударовъ дали. Въ госпиталѣ долго послѣ этого лежалъ, вылѣчили, опять въ Вологду [illegible]... [illegible]... [illegible] не сказалъ. Зачѣмъ сказывать? *[illegible]*, — я ли о комъ не сказалъ! *[illegible]* спрашивали: „у кого жилъ?“ — Ни у кого не жилъ, шлялся, [illegible]; кто [illegible] — не спрашивалъ. „Чѣмъ кормился?“ — Милостыней. „Гдѣ одежу взялъ?“ — Подали подаяніе. Все хорошо отвѣчалъ, только [illegible]:

*) [illegible] — [illegible].

„Гдѣ [illegible] [illegible]?“ — Укралъ, говорю. А совсе не укралъ, на деньги купилъ! „[illegible] [illegible]?“ — На Курѣ. „Которое мѣсто? у кого укралъ?“ — Шелъ дорогой: [illegible] спитъ человѣкъ, на немъ былъ струментъ, [illegible] [illegible]. Вотъ самъ на себя насказалъ, ничего этого не было; теперь [illegible], что [illegible] сказку сочинилъ!“

„Привели меня опять въ Вологу, а тамъ въ Яренскъ. Посадили въ камеръ, три дня хлѣба не даютъ, денегъ не даютъ, голоденъ сталъ; говорю солдату: скажи начальски человѣку, — пускай мнѣ хлѣба дастъ, либо денегъ, либо фатеръ давайтъ! — Солдатъ вернулся, говоритъ: „бери мѣшокъ!“ — Куда? „Я тебя на фатеръ поведу“. Онъ впереди идетъ, я назади, думаю: вотъ какъ здѣсь скоро фатеръ даютъ; какой здѣсь начальски человѣкъ добрый! — Гдѣ фатеръ, далеко? „Въ самой серединѣ города, говоритъ солдатъ, на главной площади, каменныя хоромы“. Подходимъ [illegible], солдатъ съ ружьемъ у воротъ... „Вотъ твоя фатера..“ — Здрась! куда попалъ Ахметъ! подумалъ я“.

„На другой день начальски человѣкъ меня увидалъ, говоритъ: „Эхъ, старикъ! какъ тебѣ не стыдно? Въ бородѣ сѣдина, а ты *[illegible] [illegible]* ходишь, кандалы носишь!“ Я сердилъ.. Я ему сказалъ: развѣ я теперь попалъ? Лиса голоса не былъ, мальчишка былъ, молоды года попалъ, Богъ попуталъ!... Разъ себя человѣкъ споргилъ, — счастье всей жизни потерялъ! Бѣгаешь теперь — выходитъ нехорошо; живешь тихо, смирно — проку нѣтъ! Да, въ молоди годи попадилъ, а теперь 29 лѣтъ живу тихо, спокойно, *[illegible] [illegible] [illegible]*... Начальски человѣкъ этого не разбираетъ; онъ только пишетъ: „въ 1845 году попалъ, грабительства, убивства сдѣлалъ!...“

„Подумаю — сердце у меня подымается: 29 лѣтъ! хотя бы одинъ день былъ свѣтлый!“

„Самъ себя возьмемъ, въ воду бросаемъ, грѣхъ будетъ!... Жаль, что я не умѣю писать, я бы сейчасъ написалъ: „Начальски человѣкъ! написалъ бы я, — [illegible] года попалъ, 29 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Я не худой человѣкъ, за что меня держишь? Это срамъ! — сказалъ бы я ему. — Я ничего не боюсь, я храбрый человѣкъ: хочешь повѣсить — повѣсь! Я смерти не боюсь! Я бы ему сказалъ: ты — на землѣ, а на небѣ Богъ! Или надъ тобой Бога нѣтъ?... 29 лѣтъ ничего не сдѣлишь, за что держишь? Лучше надѣнь на мою шею веревку, повѣсь, чѣмъ такъ мучилъ!...“

---

*) Оружіе

Тяжело было слушать разсказы Ахмета, тяжело видѣть, когда на него нападали черные часы, а они находили все чаще и чаще, потому что все чувствительнѣе становилась обида инородцу по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся: все труднѣе переносилъ онъ [illegible]... Но что я могла сдѣлать? чѣмъ могла помочь ему? Я придумала одно: написать ему прошеніе. Старикъ былъ внѣ себя отъ радости; онъ объявилъ мнѣ, что и самъ давно хотѣлъ написать прошеніе, но не имѣлъ денегъ. — „Нужно — говорилъ онъ — за это дать 25 копѣекъ, а гдѣ ихъ взять?“ — Я употребила все мое наличное краснорѣчіе, чтобы прошеніе вышло убѣдительнѣе; написала про Ахмета, что онъ 29 лѣтъ провелъ въ ссылкѣ, въ ссылкѣ состарѣлся и не можетъ быть опасенъ уже по своей физической немощи; что онъ не имѣетъ больше силъ даже зарабатывать себѣ хлѣба, что выдаваемое пособіе крайне недостаточно *) и что онъ проситъ отпустить его къ родственникамъ, на рукахъ которыхъ онъ могъ бы спокойно умереть... Закончила я прошеніе, какъ водится, фразой: „припадаю къ стопамъ Вашимъ и умоляю — воззрите милостивымъ окомъ Вашимъ на бѣднаго старца...“ Когда я отправила прошеніе по почтѣ, Ахметъ въ тотъ же день гдѣ-то досталъ 25 коп. и принесъ мнѣ. — Это зачѣмъ? — „За то, что вы писали прошеніе!“ — Я, разумѣется, отказалась; Ахметъ конфузился, не хотѣлъ взять назадъ денегъ и все повторялъ: „я васъ обожаю...“ — оказалось, онъ хотѣлъ сказать: я васъ обижаю... Едва прошеніе ушло, старикъ началъ ждать отвѣта, разсчитывая дни. Пришла весна, началась капель, началъ снѣгъ сходить съ огородовъ и полей, изъ подъ него вытаивали лопнувшіе горшки, головни, недогорѣвшія въ печахъ и выброшенныя въ снѣгъ, лапти, брошенныя пѣшеходомъ на подорожѣ къ селенію, потому что вконецъ размочалились, — Ахметъ все ждалъ... Разъ онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: „Я этой весной хотѣлъ бѣжать на родину — вы меня остановили. Если бы вы не написали прошеніе, я бѣжалъ бы... Теперь жду, — не будетъ ли милости, а сердце у меня горитъ!...“

Съ этой поры мнѣ стало еще тяжелѣе видѣть страданія старика: я стала думать, что отчасти и я виновница ихъ... Старикъ самъ, можетъ, лучше бы сумѣлъ положить имъ конецъ, а я его остановила...

1876 г.

*) [illegible]

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

[illegible]

Всѣ рисунки, за исключеніемъ №№ [illegible] и [illegible], [illegible] Головачевымъ [illegible] съ рисунковъ, сдѣланныхъ карандашомъ, №№ 2 [illegible], 6—25, [illegible] Д. М. Головачевымъ [illegible] Петербургѣ.

1) [illegible]

2) [illegible] серебра [illegible]

3) [illegible] вверхъ, съ одного конца [illegible] общее круглое отверстіе; [illegible] ременная петля. [illegible] обыкновенно [illegible]

4) [illegible]

[illegible] изъ [illegible] къ обручу ремешкомъ. [illegible] между ними [illegible] или стрѣлы; [illegible] проверчены круглыя отверстія. Черезъ эти отверстія продѣвается шнуръ, который и удерживаетъ [illegible] t. e. [illegible], которая образуетъ [illegible] нижнюю часть [illegible]

прикладаемомъ [illegible] ны. Такіе *толи* [illegible] не знають. Въ К[illegible] [illegible] Мо[illegible], состоящій изъ [illegible] вставленія [illegible] *дуко*. К[illegible] (*шарак*) [illegible] вается [illegible] къ нему [illegible]. Р[illegible] [illegible]

5) Монгольское деревянное [illegible], которымъ [illegible]. Нарисовано въ Х[illegible].

6) *Наудуръ*, [illegible] женщины [illegible] Сань-чуань на Желтой рѣкѣ. Онъ состоитъ [illegible], поверхность котораго убрана серебряными бляхами, красными кораллами и [illegible] бусами.

7) Надѣво[illegible] женщины [illegible] къ сѣверу отъ города Си-нина; сплетена [illegible] дер[illegible] и обшита сверху бѣлой бязью; [illegible] половину изъ краснаго, на-половину изъ [illegible] Напр[illegible] изъ-подъ города Су[illegible].

8 и 9) Серебряныя бляхи, нашиваемыя на *[illegible]* [illegible] (сверху и сбоку).

10) Игла, [illegible] Сань-чуань.

11) Привѣска къ [illegible] золотой битью. Срисована въ деревнѣ Р[illegible], около города [illegible] на Желтой рѣкѣ.

12) Пластинка, привѣшиваемая [illegible]. Кр[illegible] красной, [illegible] черной бязью; на черномъ [illegible] стинки подѣланы къ [illegible] берущимъ [illegible] вискахъ; волосы съ темени и [illegible] верхнему краю пластинки. Др[illegible] города Г[illegible]дуй.

13) Тангутскія шляпы, [illegible] и черной матеріи, [illegible] Сы-[illegible]. [illegible] шляпа — въ діаметрѣ 28 сант., высот. 11 сант.; [illegible] — въ діаметрѣ 45 сант., высота — 11 сант.

14) Шапка [illegible] Т[illegible]. [illegible] изображена сверху, направо — [illegible]. Шапка [illegible] крытаго сверху [illegible] кружкомъ, снизу — бѣлой бязью. С[illegible] стороны [illegible] динѣ 10—12 сант., [illegible] въ 19 сант. Шапка [illegible] роткимъ бокомъ [illegible] косой, обмотанной вокругъ [illegible]. Остальная [illegible] сить съ затылка [illegible].

15) Тибетскій жбанъ для [illegible] до, и къ нему мутовка. Жбанъ по-тибетски въ [illegible] называется *[illegible]*, въ Лхасѣ — *ковзу* [illegible] называется *домбу*). Чай предварительно [illegible] локомъ, масломъ, солью [illegible] ривъ въ котлѣ, сливаютъ въ *[illegible]* [illegible]

16) В[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] направо *-зоучит-*, т. е. [illegible] [illegible] на которыя подвѣши[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Срисованъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Кайналь, [illegible] сѣвер[illegible] [illegible] [illegible].

17) [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Пластинки [illegible], обшиты красной и черной бязью, сверху нашиты [illegible] и костя[illegible] пуговки [illegible]. Срисованъ [illegible] дер. Ч[illegible] [illegible] [illegible] Гр[illegible].

18) Войлочная [illegible] для патроновъ; употребляется у [illegible] [illegible]. Срисовано въ дер. [illegible] [illegible] [illegible].

19) Р[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] черной [illegible]. Срисовано въ городѣ Б[illegible].

20) Узоръ черной [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Срис. въ городѣ Гу[illegible].

21) [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] черной бязи пришиты двѣ [illegible]. Дер. Р[illegible].

22) Также [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] *[illegible]*, также обшитая [illegible] и черной бязью [illegible] [illegible]. Она [illegible] къ [illegible] [illegible] косамъ, [illegible], изображенная на рис. 21,—[illegible] [illegible]. Срав. рис. 23 дер. Р[illegible].

23) Привѣски [illegible] косамъ; срисованы въ дер. Ч[illegible], къ [illegible]-востоку отъ Г[illegible]. С[illegible] [illegible] [illegible], обшиты черной и красной бязью, [illegible] [illegible] [illegible] косамъ, [illegible] вдоль [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] красной и черной [illegible], съ [illegible] [illegible], [illegible] къ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

24) *[illegible]*. Символическая фигура, состоящая изъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible].

25) [illegible] пластинка, придерживающая [illegible] [illegible] [illegible].

26, 27) Узоры крестикомъ черной [illegible] по [illegible] бязи. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Она [illegible] А. В. [illegible] въ 1885 [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] В. В. С[illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] В. В. С[illegible], А. В. [illegible] въ 1892 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] В. В. С[illegible].

28) [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Срисовано [illegible] [illegible].

29) [illegible] *[illegible]*; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ие, по обычаю [illegible] медальоны [illegible] изображеніями божествъ; внутри [illegible] состоящія изъ [illegible]. [illegible] Сдѣлано [illegible] сдѣланной массивнымъ крестомъ.

30) Палашкинъ, [illegible] А. В. Потанина [illegible] Чжао-хуа [illegible].

31) [illegible]. Они [illegible], какъ они кажутся [illegible] Александра Викторовна, сидя на [illegible].

32, 33) *Ту-ди*, [illegible] — *ту-ди* [illegible] теля". Въ Сы-чуани [illegible] деревни находятся подобныя постройки, каменныя или деревянныя, въ 1 арш. высотой, [illegible], помѣщаются двѣ сидящія въ креслахъ [illegible] бородой и китайской [illegible]. Это — покровители деревни. Г. К[illegible] экспедиціи сообщилъ слѣдующее: „Изображенія *ту-ди*, духа мѣстности, [illegible] Пекина. Почти [illegible] деревнѣ находится „храмъ или духовъ", *у-дао-мяо*, въ [illegible] въ серединѣ; по правую руку [illegible] *Го-шэн* [illegible] — *Цзю-хуа-шэнь*, духъ [illegible] показывающаго хлѣбнымъ всходамъ; слѣва [illegible] — *Цай-шэнь*, духъ богатства [illegible]. [illegible] что *Ту-ди* [illegible] *Ту-ди-най-най* [illegible]. [illegible] имѣетъ своего собственнаго [illegible]".

34) „Царевинъ мостъ" [illegible]. [illegible] Въ Тарандю [illegible] которая была [illegible]. [illegible] черезъ Тарандю [illegible] рѣку, выше города, был[illegible] каменный мостъ [illegible] — *[illegible] самба*.

ТАБЛИЦЫ.

Таблица I.

[illegible] Амдо, т. е. Сѣвернаго Тибета, [illegible] по краямъ [illegible] прядь [illegible].

С[illegible][1].

Таблица II.

Дѣвица [illegible] Амдо [illegible] жество [illegible]. На уровнѣ [illegible] двѣ красныя [illegible], на которыя [illegible] изобра-

1) С[illegible].

[illegible] рисунк. № 10, [illegible]. Къ [illegible] при-[illegible] Къ [illegible] Несколько [illegible].

[illegible] монастыря Лабранъ [illegible] старина Амн-[illegible]. [illegible] Къ [illegible] обнаружена [illegible].

Таблица III.

Первый рядъ: 1) Серебряная [illegible] Санъ-[illegible] Желтой рѣкѣ, [illegible] отъ города Лань-чжоу; [illegible] широкой [illegible] проволоки, на [illegible] [illegible] той же проволоки.

2) [illegible] серебряная [illegible] Ми-[illegible] р. [illegible] четыре [illegible].

3) и 4) Серебряныя [illegible] серьги изъ [illegible] Санъ-[illegible] Желтой [illegible].

Второй рядъ. 5) Серебряная серьга [illegible] окрестностей монастыря Лабранъ. Состоитъ изъ [illegible] проволоку. На передней сторонѣ [illegible].

6) Серебряная [illegible] серьга изъ [illegible] Желтой рѣкѣ. Передняя [illegible] широкой пластинки, на которой [illegible] двѣ [illegible].

7) [illegible] серьга; [illegible].

Третій рядъ. 8) [illegible] отъ города [illegible].

9) [illegible] серьги [illegible] города [illegible].

10) [illegible] IV таблицѣ.

Таблица IV.

Первый рядъ. 1) [illegible], которую [illegible] въ горо-[illegible]. Въ

[illegible] [illegible] Вадимъ [illegible]

2) [illegible]

Второй рядъ: 3) [illegible]

4) [illegible]

5) Воротничекъ того же [illegible] *чапкинъ*); уменьшено.

Таблица V.

Первый рядъ. 1) Серебряная серьга, торгоуки съ р. [illegible]. Состоитъ изъ кольца, трехдубой пластинки и трехъ привѣсокъ. В[illegible] вставки изъ коралловъ и зеленаго камня; [illegible] по-тюркски [illegible] *шишка*; средняя пластинчатая часть серьги назыв. *[illegible]*; [illegible] пластинки подвѣшено по кольцу, внутрь каждаго вставлено по четыре [illegible] коралла; [illegible] назыв. *жабикъ [illegible]*, къ кольцамъ подвѣшены серёжки, *[illegible]*.

2) *Неко*, золотая съ бирюзой серьга, которую [illegible] въ Тареладо (въ Сычуани) [illegible].

Второй рядъ: 3) Серебряныя серьги, *[illegible]*, торгоуки [illegible]. Со[illegible] *[illegible]*, [illegible] *[illegible]* [illegible] бирюзовыхъ.

4) Золотой перстень, *ай*, [illegible] городъ [illegible].

5) Серьги [illegible] работы по серебру.

Всѣ рисунки на таблицахъ III, IV и V [illegible] за исключеніемъ [illegible] серегъ, о которыхъ сказано, что они въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Табл. III.

4.

Табл. IV.

Табл. V.

6.